

Есть поразительная съемка, сделанная с космического аппарата, улетающего за пределы Солнечной системы в глубины космоса. Снимается непрерывно Земля по мере ее удаления. Вот она в экран еще не вмещается, рукой, кажется, подать. И так в ней все знакомо, так же почти, как знаком тебе твой город, улица твоя, дом твой... Моря, озера, реки, горы, равнины. И начинает казаться, что ты везде жил-был, настолько все близкое и родное. Но уходит и уходит оно, уменьшается, сливаясь одно с другим, очертания теряя. И все, что было на ней, родной Земле нашей, уходит вместе с ней. И твоя жизнь и жизнь каждого на ней человека, живущего сейчас и жившего когда-то. Все радости и горести, все поражения и победы, вся ненависть и вся любовь... И наскальные изображения уходят, и пирамиды, и "Мадонна Литта", и "Сороковой концерт", и "Война и мир", и "Я вас любил"... А вот Земля становится лишь кружочком голубоватым, а вот просто точкой светящейся, но исчезает и она...

Хорошо бы этот уход, этот "улет" от нас нашей Земли всему человечеству каждый день показывать. В напоминание и назидание. Большая была бы от этого для души и дел человеческих польза. Спасение даже, может быть...

Читайте в следующем номере продолжение книги
Юрия Убогого "Время вокзала"

НАШ СОВРЕМЕННОК

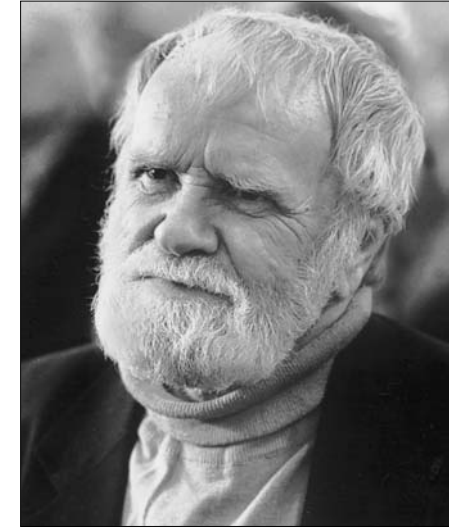
Журнал писателей России

№ 10 2017

К 85-ЛЕТИЮ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА БЕЛОВА

В 2017 году исполнилось 90 лет со дня рождения духовного лидера православно-патриотического движения, всероссийского проповедника, христианского мыслителя и писателя, митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна (И. М. Снычева).

Пять лет прослужил митрополит Иоанн в Петербурге. Срок по земным меркам совсем небольшой. Но какой великий смысл заключился в этом пятилетии, какое огромное дело было совершено. Из уст владыки прозвучало Слово, которого жаждалась православная Россия, весь народ. Слово правды и напутствия, гнева и боли, обличения и взыскующих вопросов, Слово надежды и горячей уверенности в том, что если заблудившиеся люди вернуться к Богу, Россия возродится и народ русский не погибнет.

Ослабевший от страданий, нищеты и разрухи, ослепленный ложью, почти обезумевший от подлого пропагандистского дурмана официальной прессы, от непонимания того, что с ним делают, народ, как никогда, нуждался в духовном наставительстве и моральной поддержке. И они неожиданно, чудным образом явились. Словно из-под спуда вырвался наружу сильный и живительный источник, к которому сразу жадно припали все сохранившие чувство патриотического долга перед Отчиной, потянулись тысячи блуждавших в потемках русских людей.

Высокое чистое слово правды звучало все пять лет его служения как тревожный набат. Красноречивы заголовки выступлений владыки: “Битва за Россию”, “Быть русским!”, “Русский узел”, “Плач по Руси Великой”, “Державное строительство”, “Торжество Православия”... Это не только религиозные и гражданские проповеди, но и репортажи с передовой линии, где кипит ожесточенная, непримиримая схватка с демоническими стихиями — битва за Родину; это раскаленные праведным возмущением и пронизанные скорбью свидетельства духовной брани за нравственное выздоровление, просвещение и политическое освобождение поставленного на колени русского человека, за возвращение ему национального достоинства, пробуждение воли к жизни и к победе над врагами.

“Привычное дело”, сразу по публикации ставшее русской классикой; “Кануны” и “Час шестый” — эпическое повествование о переломе нашего бытия; великий “Лад” — памятник русской деревне и ее укладу; “Всё впереди” — повесть, во многом предсказавшая самые мерзкие перемены в России; “По 206-й”, “Семейные праздники”, “Александр Невский” — пьесы, еще ждущие своего театра — всё это Василий Белов — любимый русским читателем и ненавидимый русофобами всех мастей, прозаик и драматург, чья настоящее прочтение еще впереди, подобно тому, как это сбылось с великими книгами Михаила Шолохова и Леонида Леонова.

“Может быть, и “Война и мир”, и “Тихий Дон” переосмыслятся в русские “Илиады”, “Тарас Бульба” — в былинку о новом Илье Муромце, “Весна” Белова — о Микуле Селяниновиче “древнего” XX века”.

Так писал о Белове Юрий Селезнёв.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Владимир КРУПИН
Лазарева суббота. Рассказ 14
- Александр ГРОМОВ
Под весенним снегом. Рассказ 32
- Виктор БАКИН
Далёкое... Святое... Рассказ 60
- Филипп РЕЗНИКОВ
Пасха 1917. Рассказы 68
- Алексей КАСМЫНИН
Сделка. Рассказ..... 119

Поэзия

- Светлана СЫРНЕВА
Сон течёт по корням до ствола 3
- Владимир БОЛОХОВ
Школярский пятерик 10
- Виктор ВЕРСТАКОВ
Над распахнутым настезь
листом 26
- Юрий ПЕРМИНОВ
Никому не чужой 29
- Александр ПОТАПОВ
Живой зелёный крест 52
- Валерий САМАРИН
Неужто всё кончается
добром... 56
- Валентина КОРОСТЕЛЁВА
Но есть душа, и родина, и Бог 66
- Геннадий МОРОЗОВ
Ручьёв и родников
клокочущие речи 115
- Иван ПЕРЕВЕРЗИН
И длится день, как век,
суров и горек... 131
- Лев ПИЛЯР
Я держусь за Россию 137

Очерк и публицистика

- Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Преступность, терроризм
и технологии будущего 140

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Виктор САУЛКИН
“Вор должен сидеть
в тюрьме” 158

Детство в мире взрослых.
Беседа Станислава КУНЯЕВА
с Альбертом ЛИХАНОВЫМ 164

Андрей ФУРСОВ
Октябрь 1917 — момент истины
русской смутной революции 169

Георгий ЦАГОЛОВ
Лики 17-го года.
Революция в лицах.
Феномен Сталина 185

Игорь ИЛЬИНСКИЙ
Молодёжь и революция 200

Анатолий ШТЫРОВ
Диалектика власти 217

Виктор БРОНШТЕЙН
Валютно-банковские
мытарства 222

Память

Михаил ЛОЩИЦ
Из записок военного
журналиста 241

Марк ЛЮБОМУДРОВ
Архипастырь Всея Руси 248

Критика

Виктор БОЧЕНКОВ
“По голгофским русским
пригоркам...” 258

Мария БУШУЕВА
Вздох бытия 278

В конце номера

Елена ТУЛУШЕВА
“Кто ты будешь такой?” 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Оператор: Н. С. Полякова, корректор: С. А. Артамонова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 05.10.2017. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 4033-2017. Тираж 5000 экз.

Подписаться на журнал по минимальной цене можно в редакции (пн.-чт. с 12 до 17 ч.)

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

СОН ТЕЧЁТ
ПО КОРНЯМ ДО СТВОЛА...

ПРЕДУРАЛЬЕ

*По территории Пермского края
проходил кандалный путь
Достоевского*

Белый, тяжёлый, косо́й снегопад,
снежная мгла вековая.
На перевалах моторы гудят,
гору одолевая.

Бейся, водитель, баранку крути,
странник многострадальный!
Не проложили другого пути —
тот же остался, кандалный.

Избы да церкви в родной стороне,
сосен застывшие лапы...
И, растянувшись, бредут по стране
серую лентой этапы.

СЫРНЕВА Светлана Анатольевна родилась в деревне Русско-Тимкино Кировской области. Окончила педагогический институт. Работала учительницей в сельской школе, корреспондентом и редактором в районной газете. Автор четырёх поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Кирове.

Русь, такова ты в глубинах снегов,
в горестной доле отцовой!
Вьётся река между двух берегов
лентой угрюмой, свинцовой.

Вьётся походный кочующий дым,
в небо уходит спиралью.
И залегла под покровом седым
тяжкая мощь Предуралья.

Будут и здесь златокудрые дни,
ярмарки с пеньем и свистом,
и городов беспокойных огни
выплывут в мареве мгlistом.

Вот воссияли, мелькнули — и нет,
скрылись скоропостижно.
Лишь под ногами лежит континент
сумрачно и неподвижно.

* * *

Перелесок листом облетевшим горчит,
и на всём оскуденья печать.
Крикнет птица вдали — и опять замолчит,
словно не о чем больше кричать.

Под осеннюю прелью земля залегла,
погрузилась в промозглую тьму —
и молчит, и молчит, ибо всё отдала
и уже не нужна никому.

Здесь холодные капли с ветвей моросят,
и столбами проходит туман.
Здесь и шишки рядами на ели висят,
словно души ушедших крестьян.

Обессилела, выдохлась в долгой борьбе
заскорузлая топкая гать
и втянула в себя, утопила в себе
всё, что людям пыталась сказать.

И повалится снег, устилая места,
отдавая в наём площадь,
где навек затонула твоя красота,
от постыдного взора уйдя.

КОЛОКОЛЬЦЫ

На клочке городской неказистой земли
год за годом, не зная привета,
голубые цветы колокольцы цвели,
как зачинщики жаркого лета.

Вот нахлынет тепло — и поднимутся в рост,
и закроют обломки сарая!
Это время коротких стремительных гроз
синим пламенем хлещет, сгорая.

Я любила тогда проходить по дворам,
где работает бомж у помойки,
где на каждом шагу разверзается срам
и разгульный задор перестройки.

И в нелепом наряде, всегда весела,
волоча из подъезда корзинки,
разудалая тётка торжественно шла
торговать на копеечном рынке.

Где вы, буйного лета кошмарные сны?
Где ты, удаль народной стихии?
Колокольцы цвели у разбитой стены —
колокольцы, цветы голубые.

Но всё глуше, всё тише раскаты вдали,
всё стремительней катятся годы.
И дремучим бурьяном уже поросли
побеждённые силы природы.

В ДЕРЕВНЕ

Хорошо в деревне летом
выйти утром на балкон!
Открывается при этом
дивный вид со всех сторон.

Луг росой окропился,
хочет влаги накопить.
Вон, сосед с утра напился.
Отчего ж ему не пить!

Он виднеется на грядке,
где зелёная ботва.
Голова почти в порядке —
ноги движутся едва.

Постоял ещё без шума
и домой пошёл опять.
Видно, выспаться надумал.
Отчего же не поспать!

А другой сосед, тверёзый,
по округе — шась да шась.
Выкрал где-то воз навоза.
Отчего же не украсть!

А кузнечики стрекочут,
птички лезут щебетать.
Две кумы взахлёб хохочут.
Что же им не хохотать!

Голубеют, блещут дали,
зной полуденный не слаб.
Едет плотник на “Урале”,
а в коляске — куча баб.

Отчего же этим бабам
не полазить по кустам,

не промчатся по ухабам
да по ягодным местам!

Время маятник торопит,
солнце шпарит на износ.
Вон, сосед уж баню топит —
тот, который крал навоз.

Солнце жарит и сжигает,
нет ни тени во дворе.
Вот и кум с реки шагает,
щука возится в ведре.

В сеть попалась — что ж такого!
Кум не любит голодать.
Две кумы находят повод,
чтобы вновь поохотать.

Солнца шар земли коснулся,
заплясала мошкара.
Ба, сосед уже проснулся —
тот, который пил с утра!

А другой сосед, из бани,
сам немного во хмелю,
уж его бутылкой манит:
— Приходи, опохмелю!

И спешит сосед к соседу
отдохнуть от лишних дум.
Чуть затеяли беседу —
и туда же с рыбой кум.

Вновь хохочут-помирают
две кумы, и вот секрет:
тоже выпили в сарае.
Кто ж положит им запрет!

И на этот смех зазывный,
на весёлый огонёк
уж бегут оперативно
и сосед, и куманёк.

Тот в штанах, а этот в мыле,
с полотенцем на хребте, —
приодеться позабыли.
Кто ж их видит в темноте!

Кто увидит, кто осудит,
кто в печали их войдёт,
кто допытываться будет:
как живёшь, простой народ?

Их правительство не слышит,
их чиновник гонит вон.
Не для них ли Дума пишет
защитительный закон?

Не для них сияют бары,
и курорты их не ждут;

“Кадиллаки”, “Ягуары”
к их дверям не подадут.

Словно брошенные дети,
посторонние всему,
доживут свой век соседи
на подножном на корму.

Но ласкает их природа,
светят звёзды без конца,
и беспечная свобода
наполняет их сердца.

ПУЧИНА

В этой дальней глухой стороне,
где висит на верёвках бельё,
заклубятся сады по весне
и утянут в болото своё.

Это здесь ты был молод и свеж
и смотрелся в полночную тишь,
и мечтал, что на крыльях надежд
из пучины садов улетишь.

А река всё текла в берегах,
всё клубила дремотный туман.
А трава выростала в лугах,
источая тягучий дурман.

Всё так медленно! Только года
быстро мчатся под куполом звёзд.
Ты не смог улететь никуда
и в суглинок, как дерево, врос.

Так и жизнь незаметно прошла.
Это всё ничего, ничего!..
Сон течёт по корням до ствола,
и не надо тревожить его.

У ЦЫГАН

За тем перелеском багряным,
в овраге, в ночи у костра
привольно живётся цыганам,
и можно гулять до утра.

Своей ли тоски тебе мало,
чтоб слушать их вольный напев?
Уж сколько здесь жизнью пропало,
последним огнём догорев!

Великая истины сила
взойдёт, смертоносно близка...
Тебя у цыган подкосила
твоя же слепая тоска.

Спиралью вращается красной,
стеной подступает к тебе
жестокий рассказ о напрасной,
загубленной русской судьбе.

И бьётся, и вырваться хочет
бурлящего сердца поток.
Цыганка поёт и хохочет,
бросая под ноги платок.

Душа заплутавшая! Годы
ушли на познание твоё.
Но дети бездумной природы
за миг прочитают её.

Как холоден путь до заставы,
как чёрен просёлок во тьме!
И только лишь месяц кровавый
по левой встает стороне.

НОЧЬ В ДОРОГЕ

Невесёлые люди вокзала,
пассажиры больших поездов!
Вас случайно судьба увязала,
предоставила временный кров.

Вас судьба собрала, как пожитки,
как разрозненный мелкий багаж,
и в бессмертном пергаментном свитке
не оставила перечень ваш.

Зябко, холодно вам, полусонным,
бесприютным игрушкам судьбы.
Рассуёт она вас по вагонам,
путевые поставит столбы.

Сном забыться скорее недужным
и качаться под грохот колёс,
чтоб не видеть, как маревом вьюжным
неизвестность летит под откос.

Сыпь, холодная полночь, огнями,
загибайся в крутой поворот!
Только вечность свистит над теньями
одиноким примкнувших сирот.

Словно в Лету навек окунулось
всё, что мимо пронесется прочь.
И на целую жизнь растянулась
путевая безродная ночь.

* * *

Город ночной — постоялый двор
для всех, кто уснул за стенами зданий.
Строго на окнах несут дозор
чуткие фикусы и герани.

Возле дороги и там, и тут,
как на собрание, сойдясь в аллею,
клёны из воздуха влагу пьют,
искры цветов призывно белеют.

Новых просторов себе ища,
высятся травы в дремоте улиц.
Из темноты побег плюща
целый забор обнять протянулись.

Здесь, не боясь ни шин, ни людей,
словно прообраз ожившего слитка,
переползает бетон площадей,
движется к цели своей улитка.

Смотришь и смотришь с обрыва вниз,
вглубь, где незримо ручей лопочет,
и, подойдя вплотную, навис
космос бездонной, дышащей ночи.

Вот оно, жизни живое дно,
мир без центра и без окраин,
мир, где отдыха не дано,
мир — единый всему хозяин.

Здесь виноградная зреет гроздь,
здесь в океан сливаются реки,
здесь человечество спит, как гость,
который завтра уйдёт навеки.

ВЛАДИМИР БОЛОХОВ

ШКОЛЯРСКИЙ ПЯТЕРИК

1

Замордовали детство. Упекли
доверчивую юность за решётку.
Спасибо и на том, что не смогли
законопатить песенную глотку.

Бранить за лопухую вину —
из сивого “сегодня” — день вчерашний.
Не мне: к себе — по жизненному дну —
продравшемуся с прытью черепашьей.

И русской правды коренную суть
постигшему — не на чужом примере:
лишь тот вершить достоин честный суд,
кто в человеке — в человека — верит...

2

И взмыл залиvistый звонок
над грустным школьным праздником:

БОЛОХОВ Владимир Евгеньевич — родился в г. Иркутске. Выпускник Литературного института. Печатался во многих столичных “толстых” журналах и литературных еженедельниках. Автор гулаговской “энциклопедии” “Клетчатая хрестоматия” и нескольких книг, включая том избранного под названием “Исполненное”. Лауреат Всемирной поэтической премии “Надежды Лира Золотая” (Нью-Йорк, 2003 г.). Стипендиат Русского общественного фонда им. А. И. Солженицына. Живёт в г. Новомосковске.

последний кончился урок
вчерашних одноклассников.

Звенел, звенел, звенел звонок —
пронзительный — без роздыха.
И горло запаял комок
расплавленного воздуха.

Застыл, казалось, звон звонка —
настойчиво-напористый.
И обвалились облака
в глаза — лавиной пористой.

Звенел — знобящий мозг — звонок
над школьною державою...
И грохнул в рельсу молоток —
под небом в клетку ржавую.

И снова задан мне урок —
на восемь зим единственный...
Звенел, звенел, звенел звонок
наивности воинственной...

3

Читатель, пусть единственный, но — мой,
созвучный мне по камертону сердца,
ты слышишь элегическое скерцо
в сонате — всеобъёмной и немой?

Ровесник мой (да и не мой хотя б),
ты помнишь-видишь (что одно и то же)
с той — человеку лишь доступной — дрожью
тот — памятный для каждого — сентябрь?

Ты слышишь тот — запаянный звонок?
Ты чуешь запах парты — первой самой?
Букварь? И Машу, моющую рамы?
И кляксу подлюю — меж чистописных строк?..

Пресветло-лопоухие года...
По совести, пресветлые не очень —
в реальности послевоенно-отчей.
Но лучших нам — не видеть навсегда.

Где — знали (не забыли и теперь):
Нехорошо — когда другому плохо,
хотя и “чрезвычайная” эпоха
была отнюдь не травоядный зверь...

Осанну не слагающий судьбе
и дичь её хулой не поминая,
я шлю поклон — под “Школьный вальс” — тебе,
кто был милей порой, чем мать родная.

Прими же забубённый мой поклон.
Школяр, что был когда-то среди первых —
в учёбе и в игре на взрослых нервах,
и нынче первый — среди последних — он...

Сейчас бы — хоть на самый малый срок —
в тот ералаш за партой — первой самой.
В чернильных кляксах Маша моет рамы,
и я за классный выставлен порог.

А за порогом: горе — не беда,
базарная гармошка, нищих пьянка,
фронтоников калечных “жизнь-жистянка”,
жмых — в городе, в деревне — лебеда.

И всласть — попасть (да сдуру не пропасть)
в заманно-беспризорные задворки,
где благовали урочки разборки
и банковала финских “перьев” власть.

Барачно-коммунальная среда.
Заплаты — от зарплаты до зарплаты.
Шинель в обнимку с лагерным бушлатом.
Увод “врагов народа” в никуда.

Где пели мы, что “Сталин дал приказ
поймать училку, выбить правый глаз”,
не чая, что гулаговской эпохой
за лопухость взыщется и с нас.

Но, не пеняя клетчатой судьбе
и дичь её хулой не поминая,
я — безукорно — помню о тебе,
моих начал страница прописная.

Врачуй же от беспамятства меня
из той — для всех неотвратимой — дали.
Ведь мы страну едва не проморгали,
стреляя по своим средь бела дня...

Читатель, мой неведомый судья,
созвучный мне по камертону духа,
очередная русская проруха
да не порушит душу у тебя.

И если под отрадой болевой
сентябрьско-ностальгического вальса
с наставницею первой повстречался
случайно ты — пусть не ровесник мой,

то — будь не в лад он и совсем некстати —
и мой поклон ей передай, читатель...

4

Как жизнь, стихия — полосата.
И в день, что сам — как полоса,
лавинно-пасмурною ватой
с утра душило небеса.

И моросил, как в песне старой,
туманный дождик — вкось и впрямь.
А полдень солнечностью ярой
развеял облачную рвань.

И загулял в багряном гуле
на пограничье сентября
погожий ветер — как в июле,
рубахи скверов пузыря.

И лишь восторженность мордашек
спешащих в школу первоклашек
напоминала — и всерьёз,
что осень жизни — в полный рост...

5

Когда хлестнёт нахраписто и яро
октябрьский свист, не помнящий родства,
и серую линейность тротуара
взгорбатит изнемогшая листва;

когда сквозь туч клубящиеся щели
забрезжит зыбкий и знобящий свет,
в безликость улиц, словно бы без цели,
вновь выхожу искать миражный след.

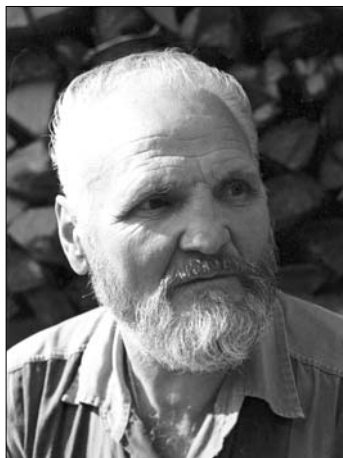
И как бы мысль лукаво ни петляла,
в какой бы ни влобастилась уклон,
я не миную сквозняка вокзала
и выйду на простуженный перрон.

А через час походкою таранной
спикирую — в бездонное “вчера”.
И вот она, страна обетованная —
галактика пришкольного двора.

И снова мне — полуседому — восемь.
Заполучив жирнейший “кол” в дневник,
топорщусь я, взъерошенный, как осень,
один из первых, впрочем, ученик...

Иные память ворошит страницы,
которым я — ответчик и судья.
Где табель мой?.. Поставь мне единицу,
учительница первая моя...

ВЛАДИМИР КРУПИН

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

РАССКАЗ

Рука дрожит, сильно дрожит, даже трясётся. Но, чтоб ни на кого не думали, когда меня обнаружат, надо записать.

Я умираю. Стал выволакивать старое бревно, чтоб сжечь, перенапрягся и упал. В глазах потемнело, голову обволокло. И сколько лежал, не знаю. Когда очнулся, может, от холода, то всего меня колотила дрожь. Я икал и не мог встать. Костёр, на котором сжигал мусор, еле-еле дымился. Пламя могло и ко мне подобраться. Господь пожалел — не доходя меня, оно заглохло.

Приполз, именно приполз в свою избушку. Шарил какие-то лекарства, ничего нет. Попил оттаявшей воды из фляги. И сильно замутило. Стало рвать. Все жилы на шее вытягивало.

Темнеет быстро. Спички не нашёл. Но печь все равно не истопить. Свечек бы побольше зажечь для нагрева воздуха, но спичек нет. Наверное, у костра выронил. Но уже туда не доползти, падаю. Ложусь. Тошнит. Рвать нечем. Лягу одетым. Одежда ледяные. Сердце останавливается, так что могу и не успеть простудой поболеть.

Если не проснусь, простите меня, родные, простите.

Ночью. Замёрз окончательно. Но в темноте увидел, что огонёк в лампаде живой. Ноги не держат, хватался за спинку кровати, за стол. Еле вспомнил, где свечи. Страшно боялся загасить огонёк. Стал читать “Отче наш”, губы

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа “Спасение погибших”, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

сводит, зубы стучат. “Господи, умираю!”. А всегда просил умереть после покаяния, исповеди, причастия, и вот... Господи, умираю. По грехам моим не осуди меня, дай свечку от лампы зажечь. И зажѐг! И согрел ею, попеременно держа в руках, и левую ладонь, и правую. Потом вставил в подсвечник. Дальше легче. По стенке дошёл до кухонного стола, взял тарелок, в них натякал свечей, которые зажигал от первой. В избушке посветлело, вскоре показалось, что потеплело. Воду пить боялся, несвежая. Даст Бог до утра дожить, закипячу.

“В руке Твоей, Господи Боже мой, предаю дух мой...”. Ложусь.

Нет, сразу встал. Что-то с головой. Умираю. Обносит слабостью. Стоять — ноги не держат, лежать — тошнит, голова падает в темное, с искорками, пространство. Сижку. К печке привалился — от неё могильный холод: зиму не топили.

Надо завещание написать. Какое завещание, не смейши людей. Ничего ты не нажил. А что есть, какое наследство, на то есть умная жена и хорошие дети.

Уснуть бы. Но лежать тяжело, мысли рвутся, всё время только дети и внуки в сознании. Какими-то наплывами.

Вот, оказывается, как умирают. А столько читал о смертях. Так читал же о монахах, молитвенниках. А наш брат, серый народ, умирает простенько. Вот остановится сердце, и всё. Господи, спаси и помилуй!

Попробую сидя дремать. Да, уже опять ночь. Что это? Или ещё первая не прошла, или новая наступила? Сколько же я тут? Сутки или больше? Какое-то безсознание.

Свечи освещают иконы. Очков нет. На память читаю молитвы, какие помню. Рвѐтся и память. Тысячи раз читал Покаянный канон, а сбиваюсь. Что, моя хваленая память, захромала?

Очнулся. Утро. А утро ли?... Вроде опять темнеет? Значит, опять вечер? Значит, день проспал? Или пять минут дремал? Нет, не пять: все свечи в тарелках догорели до корешка. Одна, толстая, мерцает. Какое-то тупое безразличие. Перечитал написанное. Смешно: завещание хотел писать. Небо как свиток совѐтся, земля и всё, что на ней, сторит, всякое железо сторит, а ты туда же с ключком бумажки.

А ведь вправду вечер. Хорошо, свечей много. Но вряд ли эту холодину поборют. Термометр есть, но нет очков. Может, градусов восемь-десять.

Свечка эта толстая спасла, лампада-то погасла. Где масло, не помню. Место мне среди десяти уродивых дев.

Свечи зажѐг. Опять всё осветилось. Дров у печки нет, дрова на улице, да и все из-под снега. Не разгорятся. Печка страшно холодная, ещё и от неё леденит.

Деточки милые, ничего я не нажил, только на одно надеюсь, что будете хоть иногда вспоминать. Я вас очень любил, больше жизни любил. Но почему любил? Люблю, с любовью к вам умираю.

Сидел и силился вспомнить число и день недели. Какой год, неважно, да и число тоже, а вот что сегодня? Вторник? Среда? Нельзя мне, если доживу, пропустить Лазареву субботу, Вербное Воскресение и начать жить в Страстной седмице. Но это всё за такими горами, на которые нет сил подняться.

Конечно, надорвался от тяжести. Дурак, он и умирает по-дурацки, нельзя же было после стольких операций хвататься за сырое бревно. Тебе говорили: не больше трёх килограммов. Мало ли что — батюшка благословил сжечь этот огромный холм отходов от строительства часовни, дома, мусор, говорил же: “Ты потихоньку, сколько успеешь, столько и ладно”. Мне же всегда надо больше всех.

Дрожь бѐг. Рука, видно по кривой строке, косым буквам, трясѐтся. Озяб. Ногам в ботинках холодно. Вчера промочил.

Так сколько же я здесь? Ночь, две? День, два? Три?

Какое-то тупое состояние. Надо оживать, молиться надо, ведь пропадаю. Есть надо. Но даже мысль о еде вызывает тошноту.

Господи, помоги затопить печку. Ну, уж это стыдно просить: самому надо. Ну-ка соберись, не будь нюней. А то скажут внукам: ваш дедушка и печку не сумел истопить, умер в холодной избе.

Видимо, сегодня среда всё-таки. Батюшка обещал приехать за мной утром рано в субботу.

Но чего считать дни, может, и часов не осталось. Как подпирает слабость, которая всё сильнее. Наша сила в нашей слабости? Так это о женщинах. А вот если бы тут была жена, и ради неё надо было согреть избу, то как? Ведь истопил бы. Да, ради любимых нашёл бы силы. Ну и для себя найди! Ты же любимый у Господа.

Сидел, голова падала, с трудом поднимал. Увидел вдруг в красном углу, на полу, бутылку с лампадным маслом. Начнём оживание с лампы.

Зажег! Вроде и руки не трясутся. Нет, опять вибрируют. В окне на улице день. Всё-таки день. По солнцу понимаю, что идёт к обеду. Да, солнышко. С ним повеселей.

Ищу телефон. Взмолился, нашёл. Но что толку, здесь прочно вне зоны связи. Лес же. В те приезды ходил далеко, к трассе, там соединяло. Сейчас и до часовни не дойти. На телефоне должны быть год, месяц, день и час, и минуты. Но я же без очков. Шарил их, шарил, обезсилел совсем, опять сидел и только дышал.

А как бы дойти до моей берёзы, поившей меня раньше? Тут на полочке даже сохранился маленький лоточек из нержавейки, который аккуратно вколачивал в ствол. И капало. Днём побыстрее, к вечеру замирало. Да, вот сок земли, выкачанный корнями берёзы, меня бы оживил.

Мысль о берёзе, память вкуса о берёзовом соке меня как-то оживляют. А что? Вставай и иди к природе за лекарством.

Нет, слаб. Ноги не держат. Вот бы костылики.

А ведь и хорошо, что ни часов, ни радио, ни связи нет. Зачем? Светлет окно — скоро утро, просветлело — день. И пошёл день, и идёт, и идёт, не останавливается. Но какие же долгие ночи!

Так хотелось справиться с этой некрасивой грудой мусора, убрать и у домика, и у часовни. Убирать и всё время поглядывать на разливающуюся реку, на этот океан воды. Я на берегу океана. Выброшен умирать.

Тяжело даже ручку в руках держать. Сейчас опять налетало забвение и какое-то бездумие. Выветривается голова, так, что ли?

Не могу понять, лучше мне становится или хуже? Есть совсем не хочу. Да и Великий пост. Но для сил нужно питание.

Пожевал кусочек ржаного хлеба. Сухо, слюны нет, не проглотить. Птицам отдам. Они всегда здесь меня ждут. Зимовали. Да, и зимой сюда приезжал. На лыжах продирался.

Пульс слабый. То изредка частит, то еле-еле напрягается жилка, пульсирует. Да, прижало. Так мне и надо. Даже и сейчас собой занимаюсь, стыдно.

Что, братишечка, страшно помирать? Не страшись: всё равно же придётся.

Но дети, дети мои милые, внуки, как же вы без меня? Дети мои, кровные и крёстные! Внуки! Вот ваш дедушка среди весеннего леса один-одинёшенек. Как хотел дожить до того, чтобы видеть вас взрослыми. Видимо, увижу, но уже из другого мира. Если ещё заслужу такой чести.

Смею просить: молитесь за меня, обо мне. Боюсь даже не смерти, ответа за грешную жизнь. Грешник “биен будет много”. Особенно тот, кто знал, что надо будет ответить не только за дела, даже за каждое слово. Не только бранное, просто праздное. Которое можно было не произносить. А я-то сколько их рассорил! Сколько словесного мусора оставляю. Как бы его сгрести в кучу и сжечь?

Авторучкой пишу, она тоже, как и я, еле живая. Также перемерзла. Над свечкой отогрел. А блокнот ещё совсем толстый, мне его никогда не исписать.

Солнышко рассиялось. Дай мне сил, светило, Богом созданное.

Нет, пока на улицу не осмелюсь. Сижусь, валюсь на правый бок, на левый опасуюсь: сразу тяжелеет сердце.

Всё-таки потеплело от свечей в моём пристанище. Пальцами ног шевелю. Слушаю себя, везде пусто. Вот оно, великое изречение: в чём только душа держится. Цепляться же ей за что-то надо. Надо что-то съесть. И без воды нельзя. И пить воду из фляги боюсь.

О, и тут батюшка спасает! Оказывается, он привёз и поставил у стола пятилитровую бутылку с водой. Не давал мне тащить. А солнышко её высветило. Прямо на колени перед ней встал, накренил, налил в кружку. Боялся пить: затошнит, но всё хорошо. Попил глоточками. Ещё попил. Желудок благодарно отозвался. То есть я почувствовал, как вода оживляет меня.

Да, так. Оживляет. Ну, оживи и дальше, чтобы до берёзы дойти.

Полежу. Плохо, что вода холодная, внутри холодно. Лежи, в могиле ещё холоднее.

Полежал. Думал: как понять, что вот именно моя душа пришла в этот мир? Господи, за что мне такая милость и благодать? Я ли должен был видеть эти облака, этот весенний широкий разлив, эти сухие, умирающие травы и эти стрелки-иглочки новых зелёных травинки, я ли?

Господи, как всегда легко и привольно дышалось под небесами Твоими. И какая краткая оказалась жизнь, как мало успел, успел только понять: какая у нас коротенькая жизнь.

Мгновенная.

И в эти мгновения, составляя опись сотворенного Богом мира, в который Он поместил меня, думал, что надо в неё вставить и залетевшего в домик шмеля, который упрямо таранит воздух в избушке, сердится, значит, на меня. Откуда я вдруг взялся в его привычном мире? Или просит выпустить? Ничего, мы с ним подружимся. А как изобразить в словах полёт умирающего в полёте, догорающего сухого листочка? Вчера же удалось немного разжечь костёр.

Да! Вот где сухие дрова, в костерке. Он загас, но всякие ветки в нём и щепки высохли.

Надо за ними. Не истоплю печь, очочуюсь. Уже и кашель налетает. Тяжелый, сухой. Надрывный. Знаю, под утро будет ещё сильнее мучить.

И вот — первая победа. Сходил, еле-еле дотащился до груды мусора, около которой разжигал костёр, постоял, отдышался. Запах костра, такой родной с детства, тоже воскрешает. Река ещё и ещё размахнулась в размерах, подпирает мой высокий берег, а низкий весь затоплен. Островки деревьев.

Притащил дровишек. Мало. Но начать топку — великое дело. Открыл отдушину, вьюшку. Скомкал сухую газету, поджёт свечкой. Горит, но дым идёт не в трубу, в избу. Это или снегом забило, или ворона гнездо в трубе свила. Плохо дело. Избушка полна дыма, ещё и от него кашляю и плачу. Беда, беда. Пришлось дверь открыть, чтоб дым вытягивало. Снова рвал газетки, уже и лучинки к ним добавлял и сухие веточки. Нашел даже за печкой свиток бересты, это материал зажигательный. Трещит, свивается. Дым ахает из дверцы, сквозит из плиты, прямо дымовая завеса, дышать нечем. Как ты, мой шмель, жив ли?

Выполз на крыльцо, дверь оставил открытой. Отдышался, пошагал опять за дровами. Надеялся, что протянет. От костра оглянулся на избу, на трубу и возликовал — тонюсенькая струйка дыма шла из неё. Победа!

Даже сил прибавилось. Себя урезонивал: набирай дров поменьше. Приковылял с дровишками в избу. В ней, конечно, холодно, но не дымно уже, уже “весёлым треском трещит затопленная печь”. Вроде и сам повеселел. Пушкин пришелся к месту.

Тяга хорошая. Плита вскоре тёплая, теперь горячая уже.

И ещё ходил за дровами, и ещё. И перестарался. Опять прижало, да так, что думал: всё. Стало даже безразлично дальнейшее. Умирать-то, что в тёплой, что в холодной избе, разница невелика, не я тут решаю.

Воду пил из бутылки. Но что вода организму, да ещё холодная. Рвало опять. Крепко меня прополаскивает.

Сознание опять терял. Всё же ненадолго, так как дрова не успели прогореть. Поставил чайник, насовал в печку дровишек, бывших досок, реек, веток.

Стемнело. Ночи страшусь: дрожь опять вернулась. Печь всё ещё холодная. Ещё победа — чайник согрелся, заговорил со мной трясущейся крышкой. Чай у меня хороший. Заварил в кружке. Вначале её ошпарил, прогрел тоже. Вылил из чайника кипяток в умывальник — пар идёт, тоже греет воздух. Снова налил чайник, снова на плиту поставил.

Пока он закипал, читал молитвы. И всё время стараюсь их читать. Прошу ангела-хранителя гнать от меня плохие мысли, только молитвы. Вот, милый ангел, где мы с тобой. Прости, тебе со мной всегда было несладко.

Воздух в избушке всё теплее. Но пол ледяной. Поднял повыше одеяла и подушки. Кашляю до стона.

Понимаю, что меня так за грехи треплет. Хоть бы только не умереть. А и умру. Недавно же, перед поездкой, причащался.

Слава Богу.

Постоянная судорога мыслей, лица, мелькающие в сознании, вина перед всеми, как понять?

А так и понять, что вина перед всеми, то есть перед Богом.

Господи, Твоя воля, пока живу: лампада горит, иконы со мною, в окне часовня, под обрывом растущая мощь прибывающей воды.

Ещё и ещё натолкал в топку дров, уже кончились. Больше не пойду за ними: темно. Да и хватит, уже плита раскалилась. Пойдут после зимы трещины в стенках печи, неудобно перед батюшкой.

В избе всё теплее, а мне всё холоднее.

Молитва перед едой. Чай дымится в кружке, подсластил. Размочил хлебушек, потихоньку съел немного. Больше пока не буду, пусть приживётся.

Не буду и гадать, какой день, какое число на дворе. Батюшка сказал, что приедет в субботу утром. Может, она завтра и есть.

Хотя бы уснуть.

А как уснуть, когда, как последний салага, налопался крепкого чаю. Прямо, как зэк, чифирил. Но хотя бы ощутимо согрелось внутри. А кашель наваливается с новой силой. До помутнения сознания. Передышки редкие. Будто кто у меня внутри поднимает к горлу волны удушья, которые надо выкашлять. Нос заложило. Сморгаюсь сильно, бесполезно.

Так мне и надо. Может, от этих страданий грехи изглаживаются? Чего захотел! Какие это страдания, кожу с тебя, что ли, сдирают?

Вспомнил недавнее прошлое, то есть поход за дровами, в нём сочинилась такая фраза: “И упадает закатный луч на прошлогодние травы”. И ещё: “Спасение России в пространстве и времени”. Вот какой умный гриппозный писака. Кашляй, выкашливай дурь. Да, ещё же была фраза, когда глядел на лес: “И вдруг, в завершение дня, солнце озаряет окрестность, и особенно роскошную берёзу, что любоваться ею можно в любом состоянии”. Немножко искусственно. Но уж больно берёза была хороша. И любому состоянию помогала.

А интересно, почему “моя” берёза не рядом с домиком? Не знаю. Шёл с топориком по берегу, выбирал, и всё их жалел. То есть берёзы. Выбрал. Аккуратно подрубил две канавки уголком книзу, в уголок вколотил лоточек, подставил ведёрко. Но вообще, такое, небольшое изъятие сока для дерева не страшно. Например, сосны, добывание из них ценнейшей живицы. Называется подсочка. Такие сосны иногда растут даже лучше тех, которые росли без изъятия живицы.

Перед дорогой к берёзе полежу.

Боже мой, какой полежу: потолок чёрный. Думал, что это закоптил дымом, нет, это ожили мошки. Потолок прямо весь шевелится. На окнах они же, стадами пасутся на стеклах. Что делать? Когда были с братом, и они так же ожили от тепла, то я стоял внизу, поднимая над собой таз с водой, а брат, вставши на стол, сметал мошек веником. Вода в тазу становилась чёрной. Сейчас я один. Куда денешься, хай живут. Меня уж точно переживут.

Опять что-то плоховато. Давно молитвы не читал.

Нет, пока день, надо идти за соком. Побреду. Святителю отче Николае, помоги!

Да, сходил. Тихохонько брёл, добрёл. Надрезы мои прошлогодние промокли, на них черным-черно муравьёв. Сок берёзовый, их можно понять. Освежил бороздки, заколотил лоточек, подставил банку. Приду часа через два. Нет, так нельзя, надо: “Если даст Бог дожить, приду через два часа”.

Из опыта многолетней жизни знаю, что оживить может только молитва. Но так плохо мне ещё не бывало, и когда-то и молитва не оживит. Читай, брат, читай. За Богом молитва не пропадёт.

Снял даже куртку. Сверху, с проволоки спустил одеяла и подушки, нагрелись. Но и они все в мошках. Кашель.

А вот на улице не кашлял. Даже голова отдохнула. А то такое надрывающее напряжение. Сейчас опять приступ был. Хотя бы отхаркивалось. Нечем.

Спустил ноги с кровати. Еле-еле душа в теле. Как это точно! Но чем хороша русская изба, она залёживаться не даст. Когда лежать? Надо печку топить, дров запасти. И к берёзе сходить.

Ну, крестись на Красный угол, молись, и в путь на долгие минуты.

Молодец я, надо же когда-то и себя похвалить, натаскал и дров и за соком сходил. Там присел у берёзы, прислушался. Всегда любил слушать, как тенькают капли сока в ведро, в кастрюлю. Слушаю, не слышу. А капли одна за другой. Что такое. Прислушался. Не слышу ничего. Знаю, что птицы поют, ветви на ветру вверху шумят, не слышу. Ударила простуда по ушам. Впечатление ошеломляющее. Возвращался в полной тишине. Ветка под ногой хрустнула, чувствую, а не слышу звука. Что же, и это за грехи.

Похвалил себя, и сразу наказан: упал прямо лицом. Запнулся за ровное место, полетел. Руки вытянул, а они не держат. Ткнулся в землю. Оцарапал нос. Ощутил кровь. Хорош подарок солнечного дня.

Умылся, лежу. Зеркала нет на себя полюбоваться.

Собрался с силами, затопил. Опять дымит. Слезы от дыма. Но хоть и от него, а хорошо, что слёзы. Прошу же в молитве дать мне “слёзы, память смертную и умиление”. Память смертную можно и не просить, она рядом, а слёзы — смыть грехи, прошу.

Гасла опять лампадка. Видимо, масло загустело от морозов, фитиль плохо тянет. Зажёг лампаду. Снял со стены крест. Большой, латунный. Расстегнул рубашку, приложил к груди. Так целительно освежил грудь. Остудил и лоб крестом.

Чистил лук, разрезал луковицы и вдыхал носом запах. Это очень надо, ибо явился “к числу других затей” насморк. Дышать ртом не могу, губы пересыхают, язык шершавеет.

Покрошил лук и мелко картошку, поставил на плиту рядом с чайником.

После таких подвигов опять лежу. И как-то спокойно думаю о земной кончине своей. Совсем не страшно умереть, хотя ночью очень испугался, когда куда-то проваливалась голова и сердце сдавливалось. Всё равно я же не чахлик невмерущий, не вечный жид, все равно умирать. Страшно одно: как мои родные, милые, любимые люди без меня тут останутся?

Но им же лучше, что здесь умру, на родине. Не надо будет меня везти в такую даль, сам приехал.

Здесь же и услышал великую вятскую пословицу: “Отдохнем, когда отдохнем”.

Забулькал мой супик. Посолил. Немножко масла растительного добавил. А вдруг пятница?

Двигаюсь как-то заторможенно, но двигаюсь же.

Мошек на окне припекло, перебрались окончательно на потолок. “На кровати я лежу и гляжу на потолок: таракашка таракашку на шабашку поволок”. И лезет же в голову такое. Или вспомнился совсем вроде ни к чему мальчик лет трёх, в Вятке, на улице. Говорит мне: “Папка на шабашке, а мама красавица”.

О, у меня появился заступник и союзник. Это паук. Он питается мошками. Ему за ними бегать не надо, не надо паутину тянуть, сами к нему подползают. Он выедает пространство вокруг себя и перемещается. Только и делов. Ну и пузо у него, ну и аппетит.

Дышал над кастрюлей паром от картофеля и лука. Потом похлебал немного. Немножко греет изнутри.

Главное желание — больше всего хочется услышать голоса детей и внуков. Пусть ни о чём, только голоса. Милые мои! Уже из школы пришли, уже капризничают: то не хочу, другое не хочу. Небось, ухватили конфет, суп не хотят. Мне бы ваши супы. Но и свой хорош. Жёнущка, родная, молось за всех вас, прошу и вас меня вспомнить. А потом и вспоминать.

Солнце сияет во всё небушко. А выйдешь — ветер, холодина, несёт с реки влажной сыростью.

Надо попытаться зажечь костёр для сжигания мусора. Зарядился старыми газетами, спички нашёл, они и не терялись, лежали в печурке, оделся. Надо было переобуться. Обмывать будут да увидят немытые ноги. Стыдно.

Поставил в большой кастрюле греть воду. Вода из фляги. Из бутылки, батюшкину, берегу.

Итак, ходил к костру. И разжёт его, и потихоньку из груды мусора доставал, что помельче, и подкладывал. Разгорелось. Вдруг пламя резко и резко пошло по сухой траве, еле-еле успел захлопать его лопатой. Потом еле отдышался. Потом долго окапывал костёр. Иначе может быть беда. Трава сухая, огонь по ней может уйти к лесу.

Но эти старания стоили полного бессилия, приступов кашля до изнеможения и тошноты. Всё-таки сплюнул, но слюна красная. И как-то спокойно подумал: кровь. Видно, надорвал бронхи. А может, что и посерьёзнее. Как знать. Как Бог даст. В домике ещё поел своего супа. Но чего-то не пошло.

Рассмотрел сумки, привезённые сюда. Да, оказывается, у меня всего полным-полно. Матушкины заботы. Лепёшки, блины, помидоры, мандарины. Морковь и свёкла. Тоже надо варить. Но уже, даст Бог, завтра. Да, надеюсь.

Лежал, вспомнил Акутагаву Рюноске, его “Зубчатые колёса”. Читаешь, и с ним начинаешь сходить с ума. Вспомнил и Мопассана “На водах”. Читаешь, и с ним умираешь. Талант, или в самом деле это переживали? Литература или жизнь? У меня здесь записи начались с написания завещания, а потом пошёл репортаж об умирании. Скорее, желание оставить детям свидетельство о последних днях (да, именно так думал), о том, что именно о них, и почти только о них, думал днями и особенно ночами.

А, собственно, хоть сейчас умру, хоть погода, всё равно последние дни.

Стараюсь даже не дремать, чтобы ночью уснуть.

Ещё кашель схватил у раковины и снова отплюнул, и опять плевков красный. Ладно, что будет, что Бог даст. Если пора отчаливать, так пора. Всё в Его воле.

Надо мне, как монаху, которого мучили боли, говорить им: мучьте, мучьте, а вот я возьму и помру, кого вы будете мучить? У трупа радикулита не бывает.

Паук мой наелся и дремлет среди своей пищи. Потолок весь шевелится. Мошки перемещаются на окна. Будто живые тёмные занавески.

Надо за банкой к берёзе. Наберусь сил и побреду. По пути заверну к костру, подброшу, но помельче, чтобы до ночи прогорело. А уже скоро и вечер.

Да, ещё и этим наказан — глухой. Читал вслух Девяностый псалом, читал, будто ватой обложенный. И глухоту приемлю как милость. Что ещё слышать из звуков мира? Болтовню, враньё политиков? Пошлость артистов? Жаль пения соловьёв, плеска волн, детского смеха, “Херувимской”, но всё это в памяти слуха.

У берёзы новость — не один я сладко жить хочу — муравьи полезли пить сок в банке на дармовщинку, и в нём утонули. Жалко трудяг. Выплескал их щепочкой на траву на пригорке. Отпил глоток, долго держал во рту, согрел. Проглотил. Очень всё внутри откликается. Это же с детства, это же навсегда.

Сок уже не каплет, утром, если доживу, надо принести какую-то ёмкость побольше. К приезду батюшки дары природы.

Вернулся в дом. Перед выходом на улицу в нём согрелся, но потом у костра с одной стороны жарко, с другой холодит. А у берёзы совсем просквозило. Насморк, конечно. Да уж хотя бы сопли текли, сопливый был бы Робинзон, нет, просто носом не могу дышать. И опять кашель.

К ночи кружится голова.

“Господи, на всякий день, на всякий час дня наставь и поддержи меня”.

Слабость повалила. Лежал, и вдруг пригрезилось, что меня пришли убивать. “Дайте помолиться. И за вас тоже буду молиться”. И молился, и они встали рядом на колени. И мы обнялись. Но у них задание. Вот такой у меня юмор, такая хвантазия.

Интересно, что перед отъездом виделся с другом. Он болен, но всё равно шутит: “А если б к утру умереть, то лучше было бы ещё”. Как он там? И другого почему-то спросил по телефону: “Тебе хотелось умереть?” В ответ прозвучало: “Ещё бы! Непрерывно!”. Так что я не одинок.

Нет, одинок. Умирают в одиночку. Даже при расстреле. И на Страшный суд идут не в коллективе.

Ой, надо же печку топить. Надо. Хорошо, уже дрова есть. Выгреб золу, высыпал в ведро. Подумал, надо было золу сохранить, под посаженные осенью дубочки высыпать. Смешно, этой золы от костра будут мешки.

Топится печь. А треска не слышу. А ведь в первый раз, когда затопил, слышал. Глохну, глохну. И принимаю, как будто так и надо. Течёт струйка из рукомойника в тишине. А ведь звонко барабанила по металлу раковины.

Ещё новость — ступня правая немеет. И пальцы левой. Хорошее дело, как же ходить?

Перестрадал ночь. Задыхался. Боялся закрыть печку, угара боялся (в скобках: значит, жить хочу). Тепло высветало в трубу. Встать и среди ночи опять затопить не смог. Да и не мечтал. Какое-то равнодушие, хрипкое дыхание, кашель. Пил много слабого, тёплого чая, вроде помогает.

Утром разбирал свою сумку. Привёз из Москвы лоскутную скатёрочку. Очень искусна. С блёстками в лоскутках. Утром расстелил. Положил на неё Евангелие и Псалтырь. Красиво. Сколько же ещё будут глаза мои отдыхать? Очки мои, за что покинули меня?

Топил печку, разогрел картофельно-луковый суп, дышал опять над ним. Вроде нос оживает. Чувствую, что и сам оживаю. Это молитвы, и сок берёзовый, и картофельная похлёбка.

Может, в Лазареву субботу можно и рыбу? Не помню. В Вербное-то воскресенье можно.

Такое счастье — солнце и сегодня.

Постоянная вина перед теми, кто дорог, кто близок.

Возвёл очи горé. Ого! Мошки, как окаянное жидовство, обсевшее Русь, зачернили потолок.

Встал утром — брюки сползли. Подтянул, а дырок на ремне нет, кончились. “Брюки спали, брюки спали, потихоньку съехали. Все колхозники на тракторе собирать поехали”. Открыто такие частушки пели. И ещё будут нам демократы долдонить о запуганном русском народе. Сами пугались, дело ваше, а русские тут ни при чём. Да, крепко исхудал. Но это очень хорошо, гроб легче нести. Ладно, не искушай судьбу, не шути так. Отец раз так обеднел в командировке, что остались копейки только на короткую телеграмму: “Шлите денег поддержки штанов”.

Долго занимался ремнём, делал две новые дырки. Это называется: живот подтянуть, а чего подтягивать — живота-то нет.

Солнце. Одевался потеплее, вышел, стоял на солнце, очень надеясь на его помощь. Оживил костёр, подвалил в него мусора. Дымило, потом занялось. Пламя костра и солнце.

И вот, продолжаю репортаж об умирании — слепну. Не вижу, что пишу. Думаю, это от того, что нагяделся на солнце и на пламя. Нахватался зайчиков, как говорят о тех, кто глядел на пламя электросварки. Я солнышка нахватался.

Глухой, слепой, больной, как хорошо! Чую, что температуру. А к костру надо. Надо у него дежурить, подкладывать сжигаемый мусор и следить, чтоб огонь не ускользнул. Ещё поокапывал вокруг костра. Но опасность и в торе — подхватит искры, унесёт на сухую траву. О, тогда так полыхнёт!

Хожу, как в мутной воде плаваю. Ноги переставляю. К берёзе пора. Собрать сока побольше, рабчим в церкви радость. И матушке с семейством.

Ходил и заменил одно ведро на другое. Первое принести просто не мог, закрыл его крышкой. Это я заранее сообразил, о крышке. Да, а моих муравышек нет на пригорке, значит, ожили. Обсохли на солнышке, разбежались. И на берёзе их безсчётно.

Капли сока падают на пустое дно ведра. Не слышу. Глухая тетеря. Куда денешься — старик.

Этот день, он же не повторится. Как и жизнь. И зачем в такой день покидать этот мир? Да только кто меня спросит, когда мой срок. Будь готов, и всё.

И вспомнил, что надо обязательно читать 17-ю кафизму. А как? Лежит на столике у икон, сам же привёз, толстенная Псалтырь. Может, разберу буквы, шрифт крупный. Нет, в глазах сумерки.

Но вообще, думаю, хорошо не знать ни дня, ни числа. Солнце в зените, вот и всё. Что ещё? Идёт к западу. Успеть бы ещё что-то поделывать.

В доме воевал с мошками. Сколько же вас! Даже на блокнот падают десантами, пачкают белую страницу.

Лежал. Было состояние какого-то равнодушия. Подумал: разве это плохо — ровная душа?

Повыше сделал подушки, лучше глядеть в окно. Глядел на небо. Облака белые, как стерильная вата. Да, это нормальное сравнение. Медицинская вата, которой собирают кровь с раны. И эти облака, которые кровянятся, будто впитывают на закате кровь с раненой земли. Насыщаются ею и уходят в ночь отстирываться.

Думал: надо встать и эту мысль записать, пусть и простенькая. Ведь пропадёт, если не встать и не записать. И подняла меня профессия с постели и усадила за стол. Вроде получше вижу. А вот уши — похлопал в ладоши — в отпуске.

Думаю, от того оглох, что сильно сморкался, даже в висках отдавалось. Говорила же мама: не надо сильно сморкаться, оглохнешь. Маму надо слушать.

Мошки дрейфуют с потолка на окно. На потолке уже три паука. Ленивые, ясно, что обожрались. Исаак Сирин даже блох жалел.

Честно записываю: если и есть в мире дурак, то он перед вами. Это я. Доказательство? Я вспомнил, что здесь есть канистра бензина. Отлил из неё в глубокую миску, принёс к костру и... выплеснул. Взрыв был такой, что меня сшибло с ног. И как ни был глух, взрыв услышал.

Зеркала нет, а то бы увидел, в чём уверен, что мне брови и ресницы опалило. Конечно, костру стало повеселей от такой моей гуманитарной помощи. В доме умылся, проморгался, помазался освященным маслом. Вижу! Видимо, от потрясения зрение восстанавливается.

Какой-то зверь заскулил за дверью. Услышал! Даже скребётся кто-то. Взял в руки топорик, открываю. Собачка. Милая, да как ты здесь? Заходи, заходи. У тебя поста нет, накормлю.

Рыженькая собачка, такая ласковая. Скулит, у ног трётся.

— Ах ты, красавица!

Всех зверушек моих внуков вспомнил, всяких котов и кошек, Рыжиков и Мусек, и свинок. А ещё раньше хомячков. Черепахи Тортила и Донателла.

— А тебя стану звать Ласка. Консервы у меня есть рыбные, как открыть?

А в руках-то топорик. Разворотил им крышку, поставил банку на пол. Собачка кинулась к ней.

— Ну, Ласка, мне бы твой аппетит. Не бойся, не выгоню, живи тут. Небось, ищут тебя, такую красивую?

Вот что такое живность, сразу стало мне повеселее. Если не убежит, то и ночевать будет спокойнее. А, с другой стороны, чего бояться. Как говорит батюшка: “Чего нам бояться? Перекрестись и живи!”

Ласка ходила со мной. И к берёзе, и к костру, и к часовне. У часовни тоже прибирался, тоже стаскивал мусор к костру. Совсем оживаю.

Нет, убежала Ласка. Отбежала, остановилась, оглянулась, вильнула хвостом и умчалась. И ладно.

Опять, дурачок, наломался, опять хотелось побольше. Опять сердце прижало. Лежал долго. И вспоминал Иерусалим, Вифанию, особенно Лазареву пещеру. Такое мне выпало счастье, и много раз выпадало, что в святых местах бывал один-одинёшенек. И на Голгофе, и у Гроба Господня, и на Фаворе, в Хевроне, Вифлееме, Назарете, на Иордане, везде!

В пещере Лазаря глубоко, тихо. И вот, вроде передо мной прошли две или три группы, тоже, конечно, мечтали что-то с собой унести, а этот камешек был ими не замечен, берётся для меня. Он у меня в Москве. Его хорошо бы со мной в могилу мою положить. Но лучше пусть останется внукам.

Тяжело и прерывисто дышал и, конечно, вспомнил пословицу: перед смертью не надыхаешься. Её употребляли, например, в том смысле, что за пять минут до экзамена не успеешь к нему подготовиться. А тут всерьёз, экзамен экзаменов.

Напишу для исповеди грехи. Но если кто прочтает, кроме батюшки? Тут беда в том, что приходят, летят в меня будто камни из прошлого, грехи. Они уже были мною исповеданы, а помнятся. Значит, плохо каялся. Нет, не буду писать. Их за меня бесы сто раз записали, да ещё и своего всего присочинили. Ангел мой, защиты!

Долго соображал, ел ли что сегодня. Даже по записям пролистал блокнот. Нет, трапезы в нём не значится. Сок пил, хлебушко жевал. Даже сок грел в ковшике на плите и втягивал в нос, и высмаркивался. Внушаю себе, что помогает. И пил весь день только сок. Чего-то ел.

Но видимо, изнурение организма таково, так глубоко погрузился в болезнь, что всплывание или далеко впереди, или... Ладно, не хнычь. Не ты первый дорогу туда открываешь, не ты и закроешь. Погружайся на кровать да вспоминай молитву: “Неужели мне одр сей гроб будет?”

Тень от креста легла на часовню, будто кто её выжег на брёвнах. Тепло, а холодно. Тепло, поглядел — тень ощутимо сдвинулась и увеличилась. Тень смещается как стрелка на компасе. Не верится, что вся часовня утонет во тьме.

Ветер, такой ветер! Откроешь дверь, её прямо вырывает из рук. А с той стороны идёшь, открываешь, дверь тебя прямо отшвыривает. Костёр, слава Богу, загас. А то могло бы раздуть. Река вся посерела, прямо шкура первобытных зверей. Стоял у берёзы, вспомнил вдруг про клещей, их время настаёт. Бывало, впивались они в меня. Весёлого мало.

Тень от домика дотянулась до лиственниц. Указует на восток, откуда, даст Бог дожить, завтра придёт солнце. Интересно, кто ночью движет тенью? Ей же надо столько пройти, чтоб утром начать указывать на запад. Вопрос для внуков.

Радость! Открыл Псалтырь, а там, как раз на 17-й кафизме, как закладка, мои плоскочные очки. Это такое счастье! Читал и Псалтырь, и имена тех, кого тут поминал о здравии и об упокоении. Надо уже несколько имён из живых переместить в усопших.

Ну, с очками чего не жить!

А ещё событие — луна! Весёленькая, чистенькая. Хорошо ей тут, в вятском небе. Оживаю, оживаю! Надеюсь, что оживаю.

Варил свой фирменный суп: картофель и луковицы. Уже и крупы сыпанул. Тут их много, круп: гречка, пшено, овсянка. Морковь вымыл и мелко покрошил. Как у меня всё изысканно. Ладно, не хвались, бойся.

Ведь старик я. Давно бы дотлеть, а живу. И ветер слышу в ветвях берёз.

Прикрыл печку. Осмелюсь пойти искать место, откуда есть связь.

Закат. Красиво.

Красиво, а связи нет. Да и батарея садится. Всего-навсего две малюсенькие палочки.

Да, думаю, не одно и не два сердца замирало при понимании невозможности описать Божий мир. Солнце розоватит лес, особенно берёзы. В даль смотрю: леса и леса. Река широченная, подтопила всё заречье.

Уже ходил не по сухой траве, а по зелёным травинкам. Жалко их, надо бы босиком ступать. Цветочки пошли! Голубенькие лепестки и жёлтенькие, как солнышки. Всегда приносил домой такую первую весеннюю радость. Хотел сорвать, нагнулся — голова закружилась.

Река прёт молча и неостановимо. Такая мощь откуда берётся? От таяния снега, из лесов. Не видят этого мои милые деточки.

Ну, не последний же для меня был этот закат?

Раннее, раннее, дорассветное утро. Помираю. Еле живой. Зря вчера надеялся, что оживаю. Ночь эта могла быть последней. Как же меня после полуночи схватило. Опять же сам дурак, чего ради вчера так много работал, перед кем хвалился? Тем более такой ветер. У костра нагреешься, а ветер продувает.

Ночью было на меня нашествие. Оно началось изнутри. Это волны. Начиналась дрожь внутри, в груди, в сердце, потом всё больше, било всего, руки тряслись, икры ног схватывало, мышцы тянуло. Потом отпускало. Конечно, молился, конечно, говорил: “Так мне и надо”, но страшился следующей волны телесной дрожи. Ещё так будет, вряд ли выживу. Не передать. Колотун. Колотило, сотрясало всего. Тело тряслось, сознание отключалось. Видимо, из сострадания, чтобы переждать боль. И страх был, конечно, был. Что ж ты хорохорился, что легко умирать?

Вроде как кто пытал меня. Издевательски, напуская приступы крупной дрожи. Будто током. Всё сильнее прибавляя трясу. Даже не стеснялся, стонал. Кого стесняться, Господа? Он знает, что я мал и безсилен, и безпомощен.

Трясло, как будто что из меня вытряхивало. Именно так. Душу вытряхивало. Цеплялась, бедная, за сердце, за разум. Хотя и сердце, и голова под давлением боли сдавались. Уже иногда казалось — всё. Силился заглянуть за темноту.

Молился. Просил и мысленно, и вслух родных и знакомых за меня молиться, и уверен, что молились. Тем более батюшка, который очень рано встаёт.

Дожил до утра. Еле сел на кровати. Печь тёплая. О ночи непременно хотел записать. Записал плохо, но главное — где бы сейчас был, если б не дожил до утра? Глядел бы со стороны, как входит в домик батюшка, ахает, едет за подмогой, как вытаскивают меня? Как при известии без чувств падает жена? Нет, надо жить.

Лазарь Четверодневный выйдет из пещеры сегодня? Или завтра? Может, он уже вчера вышел? Просто батюшка не смог за мной приехать, и решил вывезти меня уже к Пасхе?

Опять трясёт. Опять перележал приступ крупной дрожи.

Это всё мне за мои грехи. И слава Богу, что так карает, легче будет потом.

Дожил до утра, даже не верится.

Осмелился встать. Вроде живу. Вроде отпустило. Растирал, массажировал икроножные мышцы. Да какой из меня массажист, пальцы в кулак не сжимаются.

О, она уже тут! Конечно, Ласка. Не она бы, может, и не смог бы дойти до дверей. Но просится, скребётся, надо впустить.

— Что ж ты меня бросала? Была б тут ночью, как бы легче было.

Хвостом крутит, но видно, что не только из-за еды пришла, рада тому, что загрызок трепло. Собрал чего-то, приспособил треснутую тарелку со следами воска от свечки. И воск выгрызла. Соскрёб и с остальных. И вообще пора мне в домике прибраться, не умирать же неряхой.

Ну, ночка была. Ещё одну такую, может, не прожить. Господи, спаси и помилуй!

Спасает меня ангел мой хранитель. Почему вдруг захотелось выйти на крыльцо? Ангел позвал.

Журавли! С юга на север. Где же они, миленькие, отдохнут, где приземлятся? Как же любо-дорого смотреть на них. Летят именно к нам. “Не нужен им берег турецкий и Африка им не нужна”, только Россия.

Милые, родные деточки, жена, братья, сестры, крестники, бабушка! Мысли о вас спасали меня. Мог умереть, и умер бы, если бы не чувствовал, что нужен ещё на земле. “Я умер бы, одна печаль — тебя оставить в этом мире жаль”.

Больше ничего не буду записывать, главное запишу: всё в руках Божиих. Сами мы — “пар проходящий на время и исчезающий”.

Пора утренние молитвы читать. Господи, помоги мне родиться в жизнь вечную! Так страшусь, так боюсь, так надеюсь!

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

НАД РАСПАХНУТЫМ НАСТЕЖЬ ЛИСТОМ

ПОЭТ

Приехал к родителям в гости,
поплакал в безлюдной избе
и на деревенском погосте
палатку поставил себе.

Давно уж душа позабыла
про детские шумные дни,
и тянет её на могилы
покинутой милой родни.

Отец на германской контужен,
а мама — в колхозных трудах.
Ах, Господи, как ты был нужен
им в послевоенных годах!

Единственный поздний сыночек,
уехавший в Литинститут, —
для славы, для нескольких строчек,
которых они не прочтут.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Дзержинского. Полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

* * *

Стук автомата суховат,
стук пулемета влажен,
фугасный короток раскат,
а бомбовой протяжен.

Слух обостряется людской
среди огня и дыма.
Звук пуль — он тоже не такой,
когда в тебя и мимо.

Воспринимал войну на слух,
на вид, на ощупь даже.
Все на войне одно из двух.
Лишь смерть одна и та же.

ЗАБОЛОЦКИЙ

Здесь, на улице Беговой
он сидел со склонённой к листу головой —
никакой уже не заключённый,
а Советскою властью прощённый,
возвращённый в Москву
наяву,
даже в домике поселённый,
где есть маленький садик, ограда, —
а чего еще в старости надо?

Впрочем, садик был скучен и пуст,
лишь сухой можжевеловый куст
под окошком уныло торчал,
на вопросы судьбы отвечал.

Можжевеловый куст,
можжевеловый куст,
робкий лепет изменчивых уст, —
или что-то похожее, но
всё равно суть не в том,
всё равно.

В наших главных стихах смысла нет,
и слова в них похожи на бред.
Нам любая травинка — поля,
нам любая пылинка — Земля,
а тем более после тюрьмы,
после лесоповальной зимы,
перед чахлым колючим кустом,
над распахнутым настезь листом.

БРОДЯГИ

Я пошёл за народ сражаться,
а народ пошёл в магазин,
чтобы водки купить, нажраться,
спеть про ветер, про баргузин.

Эх, бродяга к прилавку подходит,
ух, бродяга бутылку берёт,

ох, унылую песню заводит,
ах, о родине что-то поёт.

Я сражаюсь, назад ни шагу,
потому что за мной страна,
и поющий с утра бродяга,
слов не знающий ни хрена.

Эх, бродяга Байкал переехал,
ох, навстречу родимая мать,
ух, а дальше совсем не до смеха,
аж мотива не может поймать.

Отражался я, отвалился
в опалённых чужих полях.
И бродяга ко мне являлся
в медсанбатах и госпиталях.

Эх, народ наш давно уж в могиле,
ох, засыпанный тарой лежит,
ах, бродяга мне в Нижнем Тагиле
так поёт — даже голос дрожит.

* * *

Дрова бормочут, прогорая,
по окнам морось слёзы льёт,
над ветхой крышею сарая
туман, как облако, плывет.

Сентябрь унылый, деревенский.
Не знаешь: спишь или живёшь —
без недругов, без ласки женской,
на чёрта лысого похож.

А всё-таки покой и воля
тебя в судьбе не обошли,
пусть и ржавеешь на приколе,
как боевые корабли.

Они ещё не омертвели.
И если громыхнёт война,
в ремонтно-доковой купели
их снова окрестит страна,

поставит новые орудья,
отправит в яростный поход, —
и лысый чёрт с седою грудью
в тебе взаправду оживёт.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НИКОМУ НЕ ЧУЖОЙ

* * *

Под городом Псковом такие денёчки стоят,
что в здешние будни влюбился уже не на шутку!
Под городом Псковом кормлю осторожных утят,
их маму кормлю — благодарную, статную утку.
Им, видимо, тоже без нашей заботы — никак...
Восторженно замер — в одно из мгновений —

на вдохе:

я, может быть, первый не кто-нибудь, а сибиряк
на псковской речушке —

на сказочно тихой Черёхе!

На каждый на крик

откликаюсь открытой душой.

Взъерошенный берег пьянящими травами уткан...
Но главное то, что я здесь никому не чужой —
ни травам, ни речке, ни уткам...

Тем более, уткам...

В БОЛЬНИЦЕ

Безгрешно лежим тут. Никто никому не приятель,
диагнозы наши — напротив — один к одному...
Как нежен к супруге сосед по больничной палате —

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Главный редактор альманаха "Тобольск и вся Сибирь". Автор 12 стихотворных сборников, член Высшего творческого совета Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России и др.

к весёлой толстушке, приехавшей нынче к нему
из дальней деревни!

Как солнышко здесь появилась!
Впервые за пару бесцветных больничных недель...
И как хорошо, что корова у них отелилась,
и плохо, что помер намедни их старый кобель.
Свояк Парамонов — по-божески, за две бутылки —
колодец почистил, затратив немало труда...
Приветы горячие шлют мужики с лесопилки,
и выписал денег хозяин её Хабулда...

...В столицах решают проблемы (подчас мировые)
до драк, и решать их, наверное, стоит,

но тут
я понял впервые (ну, буду считать, что впервые),
как по-настоящему

люди, как люди, живут.

* * *

Ночь за полночь. Соседи что-то празднуют,
врубив (прости их, Господи!) шансон.
Мужик орёт надрывно про напрасную
любовь-морковь, “прошедшую, как сон”.
Толпой соседи жгут под сиплый бред его
и не дают расслышать — вот враги! —
в ночи шаги прохожего последнего —
уже неповторимые шаги!

Соседи жгут... Не стану я ни драться, ни
скандалить с ними (кто не без греха...),
а вдруг они... шумят в ответ на санкции,
ну, или на тарифы ЖКХ?

А можно просто нервы испытанию
не подвергать (молчи, мой гнев, молчи!):
догнать того прохожего,

компанию
ему составить —
тихую, в ночи...

КУСТ СИРЕНИ

Сижу на лавочке, глаза
на многолетний
тихий куст
сирени, около музея
изобразительных искусств.

Немалый куст,
цветущий плотно,
влюблённый — тем и жив-здоров —
в земную вечность, как в полотна
разновеликих мастеров.
Но жаль (увы, ничто не ново,
и кисть не всякий день легка),
что живописца никакого
на эту радость
нет пока.

* * *

Под небом в самом утреннем соку
сермяжно думу трезвую гадаю:
куда податься русскому совку
с таким-то “капиталом” и годами?

Да, не зайти ни к другу, ни к врагу,
купив портвейна с “докторской” на трёшку,
не позвонив...

Но, кажется, могу
ещё порвать от радости гармошку!

Где Запад есть, найдётся и Восток.
Решить вопрос — куда пойти? — не в двадцать
одно сыграть...

Но в том и самый сок,
но в том и соль,
что некуда податься...

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ПОД ВЕСЕННИМ СНЕГОМ

РАССКАЗ

Вечером позвонил Славик: опять у него всё горело и надо было спасать. Из сумбурного потока слов Илья уяснил, что завтра надо встречать в аэропорту важного москвича, а у Славика машина в очередном ремонте.

Вставать пришлось затемно: за окном едва просматривались, словно размытые, огни ночного города. “Туман, что ли”, — подумал Илья, но когда выехал из паркинга на улицу, то ошалело остановился и вышел из машины: огромными хлопьями валил снег, покрывая всё вокруг густой пеной. Илья поднял вверх лицо и приятно зажмурился, словно его легко касались нежные пальцы.

Славик появился, как только машина подкатила к подъезду. В элегантном полупальто, в начищенных ботиночках, которые, казалось, окутывала воздушная оболочка, и снег не прикасался к ним. “Отец-то так не пижонил, — подумал Илья, но тут же одёрнул себя: — А так-то похож: те же тёмные кудряшки, тот же порыв и стремительность... — и снова непроизвольно заворчал: — Только тот готов был за друзей башку снести, а эти... Может, просто таких друзей не стало...”

— И что, больше встретить некому? — спросил Илья, когда Славик, потирая руки, сел в машину.

— Да ну, дядь Илья, — словно вопрос был настолько наивен и глуп, что и не стоил внимания, отмахнулся Славик, потом всё же решил, что как-то надо выразить благодарность: — С вами спокойнее. Да и “немец” у вас представительный...

ГРОМОВ Александр Витальевич родился в 1967 г. в г. Подольске Московской обл. Служил в Афганистане, награжден медалью “За боевые заслуги”. Окончил Литературный институт. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Самаре.

— Жена выбирала, — сказал Илья и непроизвольно коснулся пассажирского сидения, и было件ятно, что дорога ему не сама “ауди”, а то, что выбирала машину жена и, в общем-то, место, на которое сейчас уселся Славик, это её место. Да и всё в этой машине её. Илья положил руку на руль, и тоже трепетно, Славик заметил это, но понял по-своему:

— Только, дядя Илья, прошу: не гони. Я тебя знаю, а тут ещё снег этот...

— Зима прощается...

— Не вовремя она прощание затеяла, тут как бы рейс не отменили, а то ещё посадят самолёт где-нибудь на куличках.

Когда выезжали из города, Славик как будто случайно вспомнил, что гость китаец, и его надо будет из аэропорта не в город везти, а на Валерьяновский завод.

— Это, дядь Илья, для меня очень важная сделка. Я этого китайца с осени веду, как только узнал, что он у нас в области землю в аренду берёт и будет какой-то колхоз китайский строить. Вот тут я ему наши блоки и предложил. Поэтому не хочу, чтобы какие-то переговоры проходили без меня. Ну и вроде всё складывается... Ты, всё же, поосторожнее ехал бы...

Илья не отвечал. Трасса была почти пуста, и снег уже не валил так густо, собственно, снега Илья сейчас и не замечал, окружающее вообще перестало существовать, он летел и чувствовал, как и машина радуется, чувствуя, что может выпустить все свои лошадиные силы на волю. Три минуты, но какой кайф! А там уже кольцо, пост ГАИ, посёлок, за посёлком горка, а там — одна дорога в аэропорт, а другая на завод.

— Фух, — Илья выдохнул. — Словно в космосе побывал.

— А тебе штрафы не присылают? — спросил снова устраивающийся в кресле Славик.

— Пришлют, наверно. Да ладно, я уж давно не гонял. Так что там с заводом-то, а то я совсем от дел отстал?

— Завод теперь входит в строительную корпорацию, а её возглавляет сынок Валерьяныча. Ты его, может, помнишь: он на пару лет меня младше, такой тихий мальчик был, никуда не лез, отучился, умотал вроде как на практику в Штаты, а теперь — директор. А что: папаян из думы заказами обеспечивает, Серёга, его одноклассник по вузу, за бумажками следит, Петя — за производством, отлично устроился! Для этого и в Штаты ездить не надо, — в голосе Славика зазвенела обида. — А тут вертишься как сперматозоид, не знаешь, куда ткнуться...

Выехали за посёлок. Снег почти перестал, стало светлее. На горе стал виден большой крест. Илья оторвал руку от руля и перекрестился. Славик покачал головой.

— Да, дядь Илья, здорово ты подсел.

Илья подумал: “Вот хотел поговорить, новости узнать, что в мире творится, а говорить-то и не о чем”.

— Серёге надо напомнить, чтобы приготовили всё для встречи, — Славик достал телефон и стал набирать номер. — Что за ерунда...

— Здесь не берёт, — сказал Илья. — Подожди, сейчас на горку поднимемся.

— Крест, что ли, блокирует?

— Не, гора. Тут ещё лыжная база есть. Занятно: наверху ловит, а спускаешься — нет. Можем захватить на обратном пути.

— Растает, — ответил Славик. — Сейчас солнце поднимется, и всё растает.

Действительно, поднималось яркое весеннее солнце. Ослепительный круг сравнялся с горкой, и крест на почти белом фоне стал чёрным, а потом начал словно растворяться в свете.

— Никакого кина не надо, — восхищённо протянул Славик.

— А Петя, стало быть, ещё работает?

— А куда без него? Он там, по-моему, только один и понимает, как это всё крутится. С утра пройдёт по цехам, а после обеда откупоривает бутыл-

ку портвейна и в три подхода приканчивает. Как раз до конца рабочего дня три стакана и получается. Тоже не хило устроился.

— Ты ж сам говоришь, что без него там никто не разберётся.

— Ну да, ну да... О, связь появилась, — встрепенулся Славик и активно занялся телефоном. Потом сообщил: — Всё по плану. Везём китайца на завод, к двенадцати подъезжает Ярослав Валентинович, валерьяновский сынок, подписываем, обедаем, а в два часа за гостем приедут из района и повезут на место будущего китайского колхоза, и вечером он улетает.

— Напоят они его там.

— Не, он не пьёт. У него потому и бизнес успешный.

— Наши напоят. Вот увидишь: сорвётся ваша китайская деревня.

— Ну, она не моя, а потом: пусть работают, жалко, что ли?

— Не успеете оглянуться, как уже и не наша земля будет.

— Земли жалко, что ли? Сами ничего не делаем и другим не даём, а она пустует и зарастает.

— Может, она не пустует, а отдыхает. А потом чухнемся, а тут уже китайцы кругом расплодился. По мне жили бы и жили себе...

— Ну да, на печке... Взял бы, дядь Илья, и вложил, построил бы какую-нибудь агроферму или, если хочешь, колхоз.

— Я не умею. На земле жить надо, а я городской.

— Ну да, только кулаками махать...

Славик осёкся, перехватив тяжёлый взгляд Ильи, и до аэропорта ехали молча.

В аэропорту Славик сразу убежал в терминал прилёта, а Илья, прикинув, что двадцать минут у него есть, развернулся и отъехал в лес, окружавший аэропорт. Съехав с трассы, свернул в прогал между расступившимися деревьями и встал: к лесу передом, к трассе задом. Открыл дверцу и опустил ноги на землю, устланную белым скрипучим снегом.

Илья вдруг остро ощутил пограничную черту, у которой оказался. За спиной чуть выше осталась трасса, оттуда доносился шум, но далёкий, словно провалившийся во времени, а перед ним лес, хранящий безмолвие. Но вот что удивительно: в этом безмолвии угадывалась жизнь, а в шорохе за спиной — гибель. “И вот человек всегда между двумя этими безднами. Только не всегда ощущает это”.

Илья вышел из машины и, шагнув в сторону леса, оказался перед деревом, он даже не знал, как называется это дерево, из всех деревьев мог отличить разве что берёзу да дуб. “Осина какая-нибудь”, — пронеслось в голове и он прислонился к стволу. “С берёзой было бы символичней, хоть кино снимай”, — снова донеслось из-за спины, словно кто-то попытался отвлечь его и заставить отдёрнуть руку, но неожиданно Илья явственно через серую холодную кору почувствовал ток, движение сокрытого, невидимого обычного зрению, и этот ток передался ему, словно, прилепив руку к дереву, вовлёк в общее течение. Илья глубоко задышал, как человек, жаждавший воздуха и, наконец, глотнувший его. Но через пару минут дыхание успокоилось, он оторвал от дерева руку. “Что это было?” — спросил сам себя, разглядывая мокрую ладонь. “Жизнь”, — послышалось из глубины. Та самая жизнь, которая не прекращается и не прекращалась ни на минуту. “Что бы ни происходило на трассе”, — добавил Илья и пошёл к машине. “Как все просто, — подумал он, садясь за руль. — Сейчас я выйду на трассу, а жизнь так же будет жить. Хорошо”.

В аэропорту его ждал сюрприз. Илья зажмурился, подумал, что этого не может быть, и открыл глаза: рядом с китайцем шла эффектная женщина, в которой изумительно переливались одно в другое азиатское и европейское. Грация и твёрдость, тайна и ведение, смуглая кожа и голубые глаза — всё это Илья знал и любил. Сладостно потянулось тело, словно у котика, пригретого солнцем. “Неужели за этим поехал? — и тут же сладостный миг заслонился строгим голосом: — Наваждение... Это наваждение... И когда Илья с этим согласился, стало даже забавно. Например, как блеснули голубые глаза, увидев его машину. “Точь-в-точь, надо же... Но это не она”. — Илья тряхнул головой и переключился на китайца.

А китаец был как китаец — не высокий, не толстый, с глазами-щёлочками и множеством разбегающихся от них морщинок по озабоченному лицу.

— Господин Ван Зен, — представил Славик. — А это его переводчик и помощник в одном лице. — И когда Илья коснулся протянутой руки, то сладостное чувство снова попыталось пробиться, так нежна и знакома показалась эта ладошка.

По дороге китаец распахнул глаза и стал похож на маленького ребёнка, который пытается быть взрослым, но никак не может скрыть восторга: лес сверкал под поднявшимся солнцем свежим снегом.

— Дядь Илья, едь тише, — шепнул Славик, — пусть побалдеет.

Илья ухмыльнулся и вообще выключил движок, и все почувствовали необычайное движение, словно у тебя убрали надёжную опору, наступает тишина, и ты просто летишь в пространстве, а вокруг сверкающий лес и ослепительное солнце — сказка.

В зеркальце Илья видел лицо женщины, и ему было приятно наблюдать, как она непроизвольно приоткрыла рот и замерла, словно ожидая поцелуя.

На горушке показался крест, и тут китаец не выдержал, ткнул в окно и залепетал на своём мяукающем языке.

— Это крест, — гордо представил Славик, будто и крест принадлежал ему, но потом замялся и обратился к Илье: — Скажи, ты у нас теперь за православного.

Илья светился, словно блеск креста отражался на его лице, он, как бы предваряя речь, качнул рукой в сторону горы, но тут же, будто испугался сболтнуть лишнего, опустил руку на руль и произнёс обыденно:

— Просто поклонный крест. Как напоминание.

— Его у нас недавно поставили, — нашёл что сказать Славик. — Место хорошее, пусть стоит. Его отовсюду видно, — и добавил: — Даже с завода.

Илья несколько удивлённо посмотрел на него.

— В ясную погоду, — уточнил Славик.

А погода было самая что ни на есть ясная.

Машина сделала поворот к заводу, крест остался за спиной, а китаец продолжал неотрывно смотреть в окно. Наконец оторвался и поднял большой палец.

— Осень хороша.

— Красота спасёт мир, — неожиданно для себя брякнул Илья.

Теперь удивлённо посмотрел на него Славик. И голубые глаза в зеркальце.

— Это не я, это Достоевский, — извинился Илья.

— Красота, — без всякого акцента произнёс китаец.

— Подъезжаем, — вернул всех на грешную землю Славик.

А женщина так и не произнесла ни слова.

У двухэтажного здания заводоуправления их встречала целая делегация во главе с круглым, похожим на снеговика, молодым человеком. Улыбка у него была нарисована на весь верхний лысый кругляш. А вместо морковки — пуговка.

Илья заметил, как при появлении его “ауди” улыбка снеговика несколько дрогнула и даже как, чуть отклеившись, съехала. Молодой человек невольно поправил очки, словно убеждаясь, не ошибся ли он. Но он не ошибся, и улыбка заняла прежнее место, вроде бы даже стала чутьточку шире. “Наверное, это Серёга и есть”, — решил Илья и мягко развернулся перед встречающими.

Славик тут же выскочил и распахнул дверцу, помогая выбраться китайцу, а Илья открыл другую и протянул руку женщине. Рука её была мягка и трепетна, как первые весенние листья. Она так и появилась из машины, словно нечто только рождающееся на свет. Илья подвёл её к китайцу, который несколько растерялся от вихрем налетевших речей снеговика. Славик тоже что-то тараторил, усугубляя обстановку. Снеговик сделал шаг в сторону Ильи и поклонился к нему.

— Здравствуйте, Илья Алексеевич, никак не ожидал вас увидеть, да ещё с супругой...

— Это переводчица, — сказал Илья и отпустил руку.

Снеговик, изображая ужас от допущенной нелепости, прикрыл ладошкой рот и закатил глаза.

— Простите-простите, давно не видел и... и как-то показалось, — улыбка заметалась на его лице. — Но мы всегда рады, — и снова смутился, что произнёс не то...

— Да ладно, Серёга, не парься. Я сейчас обратно.

— Да нет, как же, — засуетился Серёга. — Мы сейчас немного с гостями перекусим, потом проведём экскурсию по цехам. Друзья! — обратился он громко ко всем, но глядя исключительно на китайца. — Пойдёмте покажем нашему дорогому гостю наш замечательный завод, — и стал подталкивать собравшихся к заводууправлению. Когда толпа двинулась в нужном направлении, он обернулся: — Что ж вы, Илья Алексеевич, пойдёте.

Илья уже поднял руку, чтобы попрощаться: мол, я своё дело сделал и мне пора, но в это время переводчица обернулась, и жест у Ильи получился неопределённый, скорее даже вопрошающий. Снеговик тоже задумался, что бы этот жест значил, потом на всякий случай крикнул:

— Если что, мы в директорской, — и поспешил догонять уже входящую в заводууправление группу, впереди которой гордо шествовал Славик, словно и завод был его.

Илья подумал-подумал, сел в машину, отогнал её на стоянку управленцев и пошёл следом.

Поприветствовав охрану, поднялся на второй этаж и повернул в приёмную, в которой никого не оказалось, видимо, все силы были брошены на встречу гостей, тогда Илья открыл директорский кабинет и, увидев человека за широким захламлённым столом, обрадовался:

— О! А ты как здесь?! Повысили, что ли?

Человек поднялся из-за стола и шагнул навстречу.

— Выгнали.

Они пожали руки. И было в их пожатии нечто большее, чем приветствие, словно два мира встретились и подтвердили если не дружбу, то единство противоположностей.

Человек, пожавший Илье руку, был и впрямь из другого теста — сухой, всё время, казалось, слегка подрагивающий, то ли от внутреннего напряжения, то ли окружающей действительности, с изнурённым лицом, словно его долго сушили в печи, потом валяли в пыли, потом снова сушили, снова валяли, пока не добились строгости и жёсткости каждой черты, каждого бугорка, каждой бороздки.

— Молодец! — оценил то ли рукопожатие, то ли взгляд Илья и отпустил руку. — Ну расскажи, Пётр Василич, как так тебя угораздило, а то я не в теме.

— Да ну их. — Пётр Василич дёрнул рукой, потом резко выдернул стул из-под длинного стола. — Садись. Тут особо-то и рассказывать нечего. К нам же, года как полтора уже, Валерьяныч своего сынка назначил. Сынок, конечно, малахольный маленько, его у нас все за чудика держат, или говорят, что Америка ему мозги вывернула — он же там какие-то курсы проходил, а потом — к нам. Но я тебе скажу: он совсем не прост. То есть сам завод ему по большому счёту по барабану. Он им не болеет и отнесится как, ну как... как к партийному собранию. Но что-то внутри у него всё-таки есть. Я это чувствую, но объяснить не могу. Они, молодые, сейчас другие. Я по своим сужу. У меня ж старший почти ровесник нашему директору и, ты понимаешь, ему тоже всё по барабану. Закончил институт, я его в городе пристроил, а он не то чтобы работать не хочет, а ему наплевать, что в итоге получится. Сказали — сделал, а что там дальше — не моя забота. И ведь он там хорошим работником считается, я узнавал. А что же тогда остальные? Я с ним пытался поговорить, а он: да ладно, не парься. И вроде нормальный парень... Я помню, жил работой, один этот завод в башке и сидел. Мне эта крошка в кожу въелась, — и он вытянул длинные пальцы, которые

и правда были словно присыпаны крошкой из песчаного карьера. — А у них — нет, у них что-то другое...

— Так ведь они и должны быть другими, — отозвался Илья.

— Да я не об этом, — устало отмахнулся Пётр Васильевич. — Тут думаешь-думаешь, переживаешь, в конце концов, а зачем? Дочка такая же подрастает...

— Так за что выгнали-то? — напомнил Илья.

— Да! — спохватился Пётр Васильевич. — Новый наш начальник Ярослав Валерианович, когда знакомился с заводом, заглянул и в мой скромный кабинет, да так и застыл в дверях. Все сопровождающие лица и я, за столом сидящий, тоже замерли, потому что никто ничего понять не может. Я про себя думаю: это, наверно, мой бардак его в такой ступор ввёл, а он отмер, глазами поморгал и говорит: “Здравствуйте”, — а сам мимо смотрит. “Здравствуйте”, — отвечаю. И тут он обращает на меня внимание: “Вы Пётр Васильевич?” — и улыбается, но не по-американски, а по-нашенски, искренне. Я киваю и всё думаю, что там ему засветило? А он вдруг выдаёт, причём всё так вежливо: “Пётр Васильевич, а не могли бы вы мне уступить ваш кабинет?” Тут вообще немая сцена, потому что мы ещё не знали, насколько он чудик. Он наши открытые рты замечает и поясняет сразу всем: “Мне иногда очень нужно поработать одному, а ваш кабинет как раз такой — небольшой и... живописный”, — а сам то на меня, то на окно поглядывает. И тут до меня дошло. “Конечно, — отвечаю, — мне непринципиально, где бардак разводить, куда скажете, туда и переберусь”. — “А вы, — говорит, — занимайте кабинет в приёмной, — заметь: не сказал “мой кабинет”, а “кабинет в приёмной”. — Там как раз для ваших бумаг места хватит”. Так я и переехал. Ну а раз кабинет в приёмной, то и в должности пришлось повыситься, теперь я заместитель генерального по производству. Вот и вся история.

— Подожди-подожди, так чего ему так твой кабинет глянулся?

— А-а, вот этого у нас до сих пор никто и не понимает, а я никому и не говорю — не поверят, а тебе скажу — обалдеешь, — Пётр Васильевич заговорщицки посмотрел на Илью.

— Да говори уже...

— Тебе скажу, ты поймёшь, ты, говорят, у нас тоже того, — и Пётр Васильевич мотнул головой в сторону и в вверх.

— Чего ещё того? — напрягся Илья.

— Ну, вроде как в религию ударился.

— Удариться можно башкой об косяк, — ответил Илья и возмутился: — Вот народ!

— Да не кипятись ты. — Пётр Васильевич схватил за руку Илью. — Я ж тебя не осуждаю.

— Чего? — ещё больше изумился Илья.

— Даже приветствую. Погоди, а то не скажу.

— Ерунду какую-то несёшь, — Илья всё же поднялся.

— Вот чего ты закипел, а? Тебя что задело? Что я религию помянул? Так тебе ж завидуют все. Сами хотели бы, так ведь это жизнь менять надо. Вот и завидуют тому, кто смог. А ты стыдишься, будто это проказа какая. Это ж здорово, что тебя туда развернуло. Ну? Чего стесняться-то?

Илья, сделав несколько шагов по кабинету, остановился.

— Меня не это задевает, — спокойно ответил он. — Понимаешь, я никто. Даже не так: я — полное дерьмо. А тут все ходят и тыкают: православный, православный... А я... я в общем-то как жил скотиной, так и живу.

— Ну, раз понимаешь, что “как скотина”, уже неплохо. Все ж считают, что они правильно живут. И ты для них правильный был, как все. А тут вдруг объявил, что “как скотина”, тогда получается, что они так же продолжают жить. Но ладно признать. Можно признать и согласиться, что “как скотина”, и продолжать так же жить. А тут вдруг кто-то решил выбраться. Вот это и раздражает.

— Очень бы хотелось, Петя, очень... Но это, знаешь, не вот тебе лбом об пол — и готово, — Илья сделал несколько шагов по кабинету, посмотрел

в окно и присел на подоконник. — Вот такая же ранняя весна была. Или чуть пораньше... Лет десять назад... Мы тогда Гришку Контуженного хоронили. Они и правда контуженный был, его в Афган долбануло, ну и вообще парень безбашенный. Порой переключит, глаза сожмутся, в такие минуты боязно становилось. Не за себя — у него маячок “свой-чужой” чётко работал — за окружающих. А мы друг с другом ладили. Я даже корешком его считался, хотя он постарше был. Поучал. Сядет бывало рядом: “Эх, братан, война — фигня, лишь бы не попали...” — и начнёт какую-нибудь афганскую пургу нести. В общем, допрыгался, грохнули его. И вот хороним. Всё, конечно, по высшему разряду, гроб со всеми удобствами, венков куча, бабы воют, мужики все как один в чёрных костюмах и чёрных очках. И такая тоска... Я ведь и правда к Гришке хорошо относился, но тут, понимаю, что дело не в этом, тут другое... На меня ещё мать его кинулась: я, мол, виноват... Ну да, ну да... Я знал, что он собирался на стрелку, и догадывался — с кем... Я и пытался отговорить. Но уж, если что втемяшилось... Ну я и говорю: твоё дело. Он говорит: ясен пень, братан... И мне пойти бы тогда хвостом за ним, а я не пошёл... А тут ещё земля на кладбище за ноги цепляется, комями виснет, словно втягивает, как в болото, и бабы эти, где они так по-звериному выть научились? А потом яма, которая как один пустой глаз уставилась на тебя, и понимаешь: следующий будешь ты — и ничего после. Понимаешь, ни-че-го. Только эта пустая грязная яма, даже этого истощенного воя не будет. Дело даже не в том, что мне было жалко оставлять этот мир. Хотя жалко, конечно: я ж тогда года два как на Ксюхе женился, жизнь только новыми красками заблестала — и вдруг ни-че-го. И ещё пронзило, что этот вой и хмурые лица не по Гришке, а потому, что все тоже чувствуют эту бездну и каждый понимает, ну если не сегодня-завтра, пусть несколько лет, пусть даже десяток, а потом — вот она, яма... Тут и не так взвоешь, отсюда до беспамятства пьянки, бегства за границу — только бы подальше от этой чёрной ямы. Но это я после догнал, а тогда накатила жуть. Что-то произошло в моём организме: будто вместо крови по телу потекла эта самая грязь, просочилась как-то через ботинки, пролезла под кожу и теперь наполняет меня чернотой, и каждая моя клеточка вопит: я не хочу туда, не хочу! А тут ещё салют из калашей — ба-бах! Гришку же с воинскими почестями хоронили, он за Афган Красную Звезду имел. Хотя, думаю, дело не в ней, а с военкомом добалакались. И тут наши палить начали. Из всех стволов. Солдатики бедные аж чуть на землю не попадали. Бред какой-то. Эти воют, эти стреляют, те орут, гарь, вонища — и яма посередине. И вот дальше не помню, как получилось, то ли мы уже пошли назад, то ли это меня самого понесло из толпы, но я оказался вне этого кошмара, совсем один. И вдруг слышу: поют. Как я услышал, что поют? Как можно было вообще среди происходящего безумия услышать, что поют? А ещё запах, я уловил необычайно сладостный запах. И я сделал несколько шагов, понимаю, понимаю — несколько, чуть свернул, протиснулся через оградки и оторопел. Даже подумал: праздник какой-то. Батюшка ещё в золотом. Смотрю и не понимаю: какие тихие, мирные лица. Да, скорбные, но это не тот ужас, откуда я только что выпал, а скорее грусть расставания. Так бывает, я помню, уезжал как-то на месяц на Сахалин, так грустно было оставлять Ксюху, но я же точно знал, что вернусь, и вот с той минуты, как сел в машину и поехал в аэропорт, я представлял, как я вернусь и мы обнимем друг друга. Вот это я почувствовал. И тоже ведь чёрная яма, но она уже не казалась страшной и бездонной. Мне вспомнилась Алёнушка из сказки: бежит она с братцем, прячется от гусей-лебедей, увидела яблоньку: спрячь меня, увидела печку: спрячь меня... И здесь тоже: земля не проглатывает, она хоронит, сохраняет, прячет до поры. И, видимо, такая оказалась разница в пережитом за несколько минут, что меня прошибло: я заплакал. Правду говорю: заплакал. Стою, а слёзы сами текут. И так хорошо мне. А отчего хорошо? Ведь человека хоронят, а мне хорошо. И запаха. Я теперь тот запах ладана всегда чувствую. Что в нём такого? Наверное, в ту минуту мною всё остро воспринималось. Во мне словно какая-то защита снялась, я стал открыт и восприимчив. Ужас отступил, и я стал заполняться другим — пением, ладаном, голосом священника, лицами...

Запели вечную память. Я и слов не знал, а тут запел со всеми, будто эти слова где-то во мне существовали изначально, и им только не хватало того, что наполняло меня сейчас. Как мне не хотелось уходить от этих людей! Я пошёл с ними и, наверное, так бы и уехал на их “пазике”, но на выходе меня выловили: где ходишь, мы тебя потеряли, машина твоя стоит, а тебя нет, куда пропал? А я не пропал, я нашёлся. Я уже знал, что есть другая жизнь и кладбище — это всего лишь станция. Вот так теперь и двигаюсь... И знаешь, до сих пор ведь не знаю, кого тогда отпевали, кому я вечную память пел. Да как-то и неважно уже... Узнаю, когда надо будет, — Илья помолчал, потом кивнул в сторону окна: — А я смотрю, старые ворота-то так и не выкидываете?

— Ну да, — быстро отозвался Пётр Васильевич, — они у нас навряд ли монумента.

— Так бы и арматурину ту присовокупил.

— А я искал её. Но не нашёл. Видно, потому, что она у меня должна навсегда в башке остаться. Она никак экспонатом быть не может, она для меня — черта. Я ж ведь чуть не убил тебя тогда.

— Так ведь и я чуть не убил. Развернулся, помню, с полным намерением грохнуть, а ты такой худенький, и в глазах столько страха, что убивать показалось не то чтобы жалко, а несерьёзно, что ли... А ведь признайся: здорово ты тогда труханул?

— Труханул я, как ты говоришь, не от того, что ты меня убивать собрался. Я это потом сообразил, что ты меня убить запросто мог, но я тогда другого испугался. И слово “испугался” здесь весьма отдалённое. Я даже не знаю, какое слово подобрать: ужас, страх — всё не то. Я когда арматуриной замахнулся, меня пронзило: сейчас я убью человека, и дальше всё шло, словно в замедленной съёмке. Вот я замахиваюсь и думаю... Заметь “замахиваюсь и думаю”, то есть представь мгновение замаха, но ты не можешь представить, сколько всего я передумал за этот миг. Сначала башку твою увидел. Я ведь, когда замахиваться начал, ещё башки-то не видел, я просто замахиваться начал, потому что понеслось уже, а у меня арматурина в руках — и ведь сунул же мне её кто-то, и я же её взял. Вы когда на своём броневике ворота снесли и сразу из него посыпались, какая ещё могла быть реакция: мы на вас и кинулись.

— И ведь готовились же.

— А как же! Мы тогда чётко понимали: завод у нас отбирают и отдают какому-то олигарху. А у нас ничего, кроме этого завода, не было. А я ещё тогда шепотной был, верил в светлое будущее. Как раз тогда вот эту технологию, на которой до сих пор завод держится, разрабатывал. Завод был наш. Сейчас это невозможно объяснить, но мы и правда чувствовали, что он наш. И вот теперь его забирает какой-то дядя. И я тебе скажу, это разные чувства: твоё это или дядино. Удивительно: когда оно моё, то я могу и прогулять, потому что это моё, оно и подождать может, мне ж сейчас не горит, а когда ты на кого-то работаешь, тут хошь не хошь, а в восемь будь на месте, тут ведь и уволить могут. А с другой стороны, никто за дядю жопу рвать не будет, как говорится, кончил смену и хрен в стену, а когда своё... Мы тут порой такие подвиги совершали... Честное слово, по три-четыре дня не выходили... Было дело... Вот и бросились своё защищать. А уж если мужик ввязался в драку...

— Да, — подхватил Илья, — это как удар. Ты тренируешь его, чтоб бить по полной, его нельзя нанести вполсилы, это уже будет не удар. И если бьёшь, то бьёшь как учили.

— А если не учили? Если только одна злость? А мы тогда дюже злые были. Денег нет, жрать нечего. А у меня младшей дочери ещё года не исполнилось. Так я по утрам садился на велосипед и в деревню за молоком ездил. У нас полки вообще пустые были. Сейчас вспоминаешь — не верится, как жили? А бухло было. Ты понимаешь: жрать нечего, а бухло всегда можно найти. Я сейчас нисколько не сомневаюсь, что нас специально травили. Представляешь, как подстроили: еды нет, детей кормить нечем, а всякий “рояль” и прочая дрянь — пожалуйста.

— Да я помню, нам сразу сказали, что вы загашенные.

— А как ты хотел... Злые были... А тут вы ещё на своём броневике. Ты не перебивай меня, я ж тебя не перебивал. Вот. На чём я остановился-то?

— На замедленной съёмке.

— Да! Кинулись мы на вас, как в последний бой, чуть не “ура!” орали.

— Так орали же...

— Не перебивай. Значит, понеслись мы на вас с криком “ура!”, и рука, куда ж ей руке деваться, пошла вверх — и тут я твою башку увидел, ну я не знал, конечно, что это именно твоя башка, я увидел мишень, она как-то сама собой навелась, или навёл кто, но ничего уже кроме этой мишени я не видел. Кругом махания, крики, смешение, куча мала, но всё это как бы размыто, а фокусе только твоя башка. Она тоже вертелась, ты тоже отмахивался, но я её не упустил. И вот я замахваюсь, вернее, замахнулся уже, рука в самой высшей точке...

— А ведь я почувствовал, — не утерпел и перебил Илья.

Пётр Васильевич замер, словно уткнулся в стену и остывшим голосом произнёс:

— Я же просил...

Илья словно и не услышал.

— Нет, правильно будет не “почувствовал”, а словно слышалось: опасность сзади-сбоку. И оборачиваться нельзя, и я только успел дёрнуть головой.

Пётр Васильевич достал с большого стола карандаш и стал катать его пальцами.

— Да, но до того, как ты дёрнулся, было ещё несколько мгновений. Даже не мгновений, а чего-то вообще микроскопического. Я занёс руку и чётко видел твою башку и знал, куда буду бить со всей выходящей из меня дури. И вот тут, когда рука была в высшей точке, меня прошиб страх. Не тогда, когда ты развернулся и схватил меня, а гораздо раньше. Ты меня тряс, а меня трясло совсем по другой причине: когда я уже не мог остановить опускающую руку, я вдруг понял, что сейчас убью человека.

— Вот так и проигрываются сражения, — заметил Илья.

Пётр Васильевич не обратил внимания на реплику и продолжал теревить карандаш.

— Но ведь получается, что это звериное, ужасное, о котором я и не подозревал, сидит во мне. С самого рождения сидит. Я жил себе, радовался, влюблялся, творил, совершал поступки, которыми гордился, а это звериное сидело во мне и ждало своего часа. Ужас был от того, что я увидел это в себе.

— Это есть в каждом.

— Тогда это касалось только меня. Мне было уже наплевать на тебя, на свалку вокруг, я только держал в голове: я сейчас убью человека. Подожди, не перебивай. В ту секунду или миг я тоже слышал голос, и он убеждал меня: не распускай нюни, это не человек, это ублюдки, фашисты (да, я точно помню, что он назвал вас фашистами), которые пришли отнять у тебя твоё. И от этого голоса рука крепла, но разум вопил: только бы не убить! Я отчаянно не хотел быть убийцей. Как я счастлив, что им не стал. Как бы я теперь жил? Да и жил ли? Каждый раз, когда вспоминаю, благодарю ты силу, которая отвела руку.

— Да это я дёрнулся.

— И я уже не бил, а просто опускал арматурину, потому что не мог вечно стоять с вытянутой рукой.

— А потом я чуть тебя не убил, — подхватил Илья. — И никаких сомнений у меня не было: урою, думаю, сейчас гада. Но, наверное, я почувствовал твой страх, хотя и понял его по-другому. Я тогда подумал, что не могу бить такое жалкое существо, которое не может сопротивляться. Как я буду бить воздух? И я тебя бросил и кинулся на других, словно получил дополнительную жизнь. А это был переломный момент. Мы начали вас мутузить, и сами потом удивлялись, как быстро и легко всё получилось.

— Действительно, вроде только что мы готовы были всем башки пооткручивать, “ура” орали, а через пять минут превратились в стадо баранов. Как так?

— А согласись: всё к лучшему. Заводик пыхтит. Ты свою линию построил. Сделал бы это при прежней власти? Не факт. А так тебя Валерьяныч пригред, вон ты уже и в начальники вышел.

— Дело не в этом. Я понял, что в общем-то без разницы, какая власть. И заводик этот тоже не имеет значения. А важно только то, что я не убил.

Открылась дверь в кабинет, и в проёме нарисовался Славик.

— О! Вот они где. Я думал, дядь Илья, ты уехал, а вы тут мирно беседуете. Бойцы вспоминают минувшие дни?

— Есть такое, — отозвался Илья.

Пётр Васильевич демонстративно отвернулся. Раздался хруст: карандаш-таки сломался.

— Пётр Василич, пойдёшь с нами производство показывать?

— Что я экскурсовод, что ли? Вон у Серёги язык подвешен, пусть и молотит.

— Как знаешь.

— У вас всё нормально? — зачем-то спросил Илья.

Славик удивлённо и вместе с тем настороженно посмотрел на Илью, затем передёрнул плечами, словно сбрасывая наваждение, и небрежно бросил:

— Нормально. Ярослав Николаевич выехал из банка, — он хотел так же небрежно выйти из кабинета, но не удержался и посмотрел на часы. Илья этот взгляд заметил.

— И давно выехал?

— Зачем тебе? — в голосе Славика послышались раздражённые нотки.

— Просто. Да успокойся ты. Что-то не так?

— Всё по плану, — как можно спокойней ответил Славик и захлопнул дверь.

— Вот ведь придурок, — проговорил после паузы Пётр Васильевич, — весь разговор сломал, — он поднялся и выкинул в корзину обломки карандаша. — Бывает так: хочешь чихнуть, а кто-нибудь встрянет и перебьёт.

— Бывает, — согласился Илья. — Знаешь что, ты пока с новым чихом собирайся, а я кое-что уточню: чего-то Славик нервничает.

— Да ладно, плюнь на них.

— Как думаешь, куда они его поведут?

— Ну, на начало линии, наверное, а потом уже на склад готовой продукции, чего им по цехам мотаться, там шумно и грязно.

— Ладно, я не прощаюсь.

— А сходили бы лучше в столовку, время-то обеденное.

— Увидимся ещё, — Илья кивнул и вышел из кабинета.

Пётр Васильевич присел в большое кресло за рабочим столом и некоторое время пребывал в пограничном состоянии, словно прислушиваясь к окружающему миру и себе. Затем поднялся и подошёл к шкафчику одесную стола, открыл среднюю дверку, достал оттуда бутылку портвейна, стаканчик и, чуть сдвинув бумаги, поставил на край большого стола. Из того же среднего места извлёк складной ножик и легко срезал пластмассовую пробку, налил почти полный стакан и так же легко выпил. Покрутил некоторое время стаканчик, как бы удивляясь, что он уже пуст, и затем убрал в шкафчик. Потом прибрал туда и бутылку, заткнув горлышко пластмассой. Постоял некоторое время и, когда в животе почувствовалось приятное покалывание, словно мурашки побежали, удовлетворённо заключил:

— Вот теперь пора и пообедать, — и вышел из кабинета.

Вернулся Пётр Васильевич минут через сорок и застал в приёмной Илью и Славика. Илья сидел на секретарском месте, держал в руках сотовый и явно ждал звонка. Славик сидел напротив и нервно покачивал ногой и покусывал нижнюю губу.

— Что-то пошатнулось в мире за время моего отсутствия? — спросил Пётр Васильевич.

— Начальник ваш пропал, — не отрываясь от экрана телефона, сообщил Илья.

— Как пропал?

— Да фиг его знает! — Славик вскочил, словно ждал, чтобы появился кто-нибудь не такой спокойный, как Илья. — Нету его! Нету!!! Куда можно деться?! Мы, то есть дядя Илья уже весь путь его вычислил: заехал в офис, взял договора, печать, должен был к нам ехать, а поехал в банк. Ладно, он там недолго был: какую-то премию на завод получал. Сомневаюсь, конечно, что вы её увидите, потому что из банка он поехал в министерство, а вот после — пропал! Куда он мог деться? Куда мог деться этот грёбаный молокосос?!

— Поаккуратнее, — оторвался Илья от телефона и строго посмотрел на Славика.

— А что, не так? Блаженный какой-то. Всё ему по фигу, на всех начхать!

— Хватит истерить, — сказал Илья.

— А вы на сотовый позвоните, — предложил Пётр Васильевич и тут же понял, что сморозил глупость, потому что Славик разразился такими матюками, что Пётр Васильевич только развёл руками: — Я ж не знал, что так далеко зашло.

В это время раздался колокольный звон, Пётр Васильевич невольно вздрогнул, а Славик замер, словно его застукали на месте преступления. Оказалось, это зазвонил телефон Илья.

— Да, — тот поднёс трубку к уху. — Спасибо, — и опустил телефон.

— Ну? — первым не выдержал Славик.

— Никаких серьёзных аварий на интересующем нас направлении сегодня не зафиксировано.

— А в морг звонили? — спросил Пётр Васильевич, который, видимо, после обеда пребывал в благодушном расположении.

В ответ Славик завизжал и выдал очередную nepотpeбную тираду.

— А чего ты орёшь? — удивился Пётр Васильевич. — Хотя бы будем знать, что живой.

— Не факт, — уточнил Илья. — Но больницы я пробил. Не поступал.

В приёмную втиснулся Сергей. Все комки, из которых он был слеплен, казалось, потеряли некий связывающий их центр и готовы были вот-вот распасться.

— Ну как? — шёпотом спросил он. Ему никто не ответил. — Я уже не знаю, как этого китайца развлекать. Петь, может, ты им чего расскажешь?

Пётр Васильевич демонстративно отвернулся и встал у окна.

— Как он у вас без охраны ездит? — спросил Илья. — Да ещё с такими деньгами.

Сергей пожал круглыми плечами.

— Не знаю. Я ему не командир, — и предложил: — Может, Николаю Валерьяновичу позвонить?

— Успеем, — не согласился Илья.

— О! — раздалось от окна. — Сельчане за вашим китайцем приехали. Славик застонал.

— На джипе прикатали, покруче, чем у тебя, Ильях, будет, нехило живут, стало быть, — продолжал комментировать Пётр Васильевич.

— Это, наверное, районная администрация, — сказал Серёга.

— Понятно — власть! Вот и глава выбрался, здоровущий, ему и этого джипа мало, — завершил Пётр Васильевич наблюдения оптимистичным возгласом: — Эх и напоят они этого китайца!

— Не пьёт он, — отмахнулся Сергей. — Мы уж тут чего только не предлагали. Зато минералки полтарашку усосал.

— Напоят, — уверенно произнёс Пётр Васильевич. — Вы только гляньте на эту физию, — он ткнул в окно и с некоторой завистью в голосе произнес: — Они там уже со вчерашнего дня столы, чать, накрыли. А китаец чем не повод? И если он вдруг откажется, то испортит весь праздник. А этого у нас не прощают. Так что попал китаец, это те не Москва, и не наши городские окраины — до села толерантность ещё не доползла.

— А где, кстати, китаец? — спросил Илья.

— В зале совещаний, — ответил Серёга, — мы там накрыли, — и предупредая вопрос, пояснил: — Это в конце этажа.

— Чего они там одни, что ли? — удивился Илья.

— Нет, там Маша с Валеёй развлекают.

Илья не стал уточнять, кто такие Маша и Валя и как они развлекают гостей, поднялся и вышел.

Зал совещаний был устроен на месте нескольких объединённых комнат, которые венчал бывший Петин кабинет. Перед Ильёй открылась милейшая картина: овальный стол с дальнего конца был уставлен яствами, а ближе лежало несколько кирпичей и две девушки самозабвенно что-то щебетали, беря осторожно в руки, словно реликтовые экспонаты, то один, то другой кирпич. Переводчица иногда вставляла в их песню китайские слова, но было ощущение, что никакого отношения к кирпичам эти слова не имели. Китаец, тем не менее, дисциплинировано кивал и улыбался. Ему даже дали потрогать один из экспонатов. Это было похоже на то, как показывают редким гостям семейный альбом в ожидании ужина.

Когда Илья вошёл, переводчица подняла на него глаза и, как показалось, на лице её мелькнуло что-то похожее на радость, ну или облегчение, что затянувшаяся ситуация разрешится. Она даже качнулась в его сторону и сделала невольный шаг. Остальные продолжали заниматься кирпичами.

Илья подошёл к ней и тихо спросил:

— Ну как вы тут?

Получилось очень по-домашнему, словно и правда муж спросил жену: как, мол, тут гости, терпят ещё? Переводчица уловила эту интонацию и смутилась. Вообще-то она хотела возмутиться и потребовать объяснений, но всё же смутилась и кивнула в сторону девушек и китайца:

— Изучают историю завода, — и у неё, хотя она и не хотела этого, получилось ответить тем же домашним тоном, словно она была с ним заодно. Это смутило ещё больше, и она попробовала всё-таки потребовать объяснений: — А что происходит?

Илья улыбнулся.

— Нет, послушайте, — её задела эта слишком тёплая и потому никак неуместная здесь улыбка. — Вы что не понимаете, у нас чёткий график, всё расписано.

Тут на них обратили внимание остальные. А Илья улыбался, будто слушал давнишнюю мелодию, которая ему была дорога и приятна.

Засюсюкал китаец, и переводчица, словно поправив сбившееся платье, приняла официальный вид.

— За нами должны приехать из другой фирмы, нам нужно двигаться...

— Приехали уже, — перебил Илья и отметил, как лицо переводчицы на мгновение снова перестало быть официальным и она ничего не перевала китаицу.

— А как же договор... здесь...

Илья развел руками:

— Сегодня, видимо, не получится. Ярослав Николаевич вынужден задержаться в министерстве, сейчас решается один важный вопрос, и мы даже не можем с ним связаться по телефону, он у него отключён, а сколько ещё будет длиться совещание, мы предположить не можем. Поверьте, мы готовились к встрече и очень ждали, — Илья замаялся, потому что не помнил имени китаица, — вас. Но так получилось. Форс-мажор. К сожалению...

Ему нравилось наблюдать, как меняется лицо переводчицы: она всё время пыталась напустить на себя строгость недовольной помощницы крупного бизнесмена, но сквозь это недовольство пробивалось сожаление. Не о сделке, конечно, и не о поломанном графике, это было сожаление о чём-то глубоком и личном, и потому оно так трогало Илью. Но роль помощницы довела:

— А вы, собственно, кто? — спросила она.

— Меня зовут Илья. А вас?

— Анна. Нет, я не это хотела сказать. Какое отношение вы имеете к сделке?

— Я, скажем так, представитель соучредителя, лицо в общем-то неофициальное, но обладающее информацией.

— Это я заметила.

Китаец настороженно вслушивался, а девушки застыли с кирпичами в руках.

— И что вы предлагаете?

— Ничего. Зачем нарушать вашу программу? Сейчас вы поедете на место будущего хозяйства, как я сказал, за вами уже приехали, и надеюсь, там пройдёт всё более конкретно. Затем... Когда у вас обратный рейс?

— В восемь?

— Но вы же можете его перенести?

— Нет, — потом чуть более задумчиво: — Наверное, нет, — потом словно опомнилась: — У Ван Зена завтра встреча в Москве.

Илья кивнул.

— Вы видели производство. И как я понимаю, это было главной вашей задачей: убедиться, что всё именно так, как вам рассказывали. И если всё устраивает, то подписи можно поставить и в Москве. Тем более что, насколько мне известно, в основных параметрах условия оговорены и договор в принципе подготовлен. Это раз. А во-вторых... день ещё не закончился, кто его знает, до восьми ещё много времени. Знаете, что, — он подошёл к торцу стола, вынул из стаканчика карандаш и листок, достал сотовый, посмотрел и переписал на листок несколько цифр. — Вот вам телефон, на всякий случай. Если вдруг по каким-то причинам вы не сможете улететь, позвоните, и мы решим все вопросы с размещением и завтра можем подписать договор здесь.

Он продолжал смотреть ей в глаза, которые смущались всё больше, и когда она не выдержала и повернулась к вытягивающему шею, словно это был слуховой аппарат, китайцу, добавил:

— Только “про во-вторых” переводить необязательно, зачем напрягать человека раньше времени.

Пока Анна переводила, китаец кивал, а потом вдруг разулыбался и пошёл с раскрытыми объятиями к Илье. Тот удивился, но увернуться никак не мог и сгрёб небольшое, но крепкое тельце, словно накрыл пологом, и краем глаза заметил, как смеются глаза переводчицы. “Чего она ему говорила? Какая-то бабская месть за то, что я диктую условия... Ей тоже хочется показать, что она что-то значит. Так вот всё и решают — переводчики и шофера”.

Илья выпустил китайца и кивнул девушкам:

— Маш-Валь, позовите кто-нибудь Сергея Александровича, он в приёмной должен быть.

Когда появился Серёга, Илья дал команду:

— Провожай. Пусть едут.

Серёга с некоторым недоумением, опасливо, словно на мартовскую капель, посмотрел на него.

— Не переживай, если что, Ярослав Николаевич завтра в Москву слетает и всё подпишет. Мы тут договорились, — и он, улыбнувшись, посмотрел на китайца. Тот без всякого перевода закивал и опять разулыбался.

— Ну и ладно, — выдохнул Сергей с явным облегчением, что решение принято, а он вообще ни в чём не виноват: его дело было поляну накрыть и завод показать. — Пойдёмте, я вас провожу, а то уж они названивают, названивают...

Анна вопросительно посмотрела на Илью.

— Даст Бог, свидимся, — ответил тот.

Она на секунду задумалась, словно решая, чего в этой фразе больше: желания увидеться или уверенности, что никакой встречи не будет, но, видимо, так и не определив, хотела сказать “до свиданья”, но в который раз подчинилась официозу и получилась дипломатический кивок головой, который тоже означал непонятно что: то ли благодарность, то ли равнодушие.

Все, кроме Ильи, вышли, и в коридоре сразу послышался шум, будто появилась родня на второй день свадьбы. Илья же пошёл к двери, которая вела

в бывший Петин кабинет, тронул ручку, она легко поддалась, он открыл дверь и вошёл внутрь. Новый директор всё поменял в кабинете. Теперь стол был развёрнут так, чтобы сидящий за ним видел окно. Показалось, что само окно стало шире. Илья обошёл стол и раздвинул шторы. Комната наполнилась светом, словно не было никакого стекла, никакой перегородки с внешним миром и этот поток свободно тёк и наполнял собой всё доступное пространство. Когда Илья насладился и привык к свету, он понял, почему новый директор отобрал у Пети кабинет. Тот ведь всё равно сидел спиной к свету, для него важно было, чтобы свет падал на бумаги, разложенные на столе. Илья присел на директорское кресло и, глядя в окно, подумал: “Как же хорошо вот так сидеть и просто наслаждаться миром. Нет, не наслаждаться, это неправильное слово, а чувствовать его и ощущать себя частью его. Маленькой песчинкой, ничтожно малой частью, но всё-таки быть в нём... И к чему тогда вся эта возня...” — тут ему показалось, что из зала действительно доносятся шуршание и возня, словно кто-то недовольный ворчливо вылезал из-под одеяла, потом глухо звякнуло, стукнуло и выматерилось.

Илья поднялся и вышел в зал.

— О! — воскликнул Славик, словно искал нечто и вдруг обрёл в самом нечаемом месте.

А Серёга немного смутился.

— Илья Алексеевич, а мы вас потеряли. Мы тут всех проводили да решили: не пропадать же добру. Присоединяйтесь.

— Так он не пьёт! — снова чересчур возбуждённо выкрикнул Славик.

— Зачем же обязательно пить, — ещё больше смутился Серёга, как раз в это время наливавший в бокал коньяк. — Тут вот нарезка есть, бутерброды, пирожки...

— И правда, — согласился Илья. — А с капустой пирожки есть?

Серёга пожал плечами.

— Были где-то с капустой-грибами, эти, кажется, — и он пододвинул Илье тарелку.

Илья надломил пирожок.

— Точно. А то ведь я с утра без перекуса. А чай где?

— А вон там чайник и пакетики.

Илья, жуя пирожок, отправился к чайнику, в это время у него за спиной снова дзинькнуло. Илья вернулся с чаем к тарелке с пирожками, взял ещё один, снова надломил и стал есть.

— Ну как? — спросил Славик, и в елеинном голосе его было столько яду, что даже Серёга отставил бутерброд и опасно посмотрел на компаньона.

Илья дожевал и, отхлебнув чаю, как можно миролюбивее произнёс:

— Ты не заводись, нам ещё домой ехать.

— Ах, домой! — Славик словно только и ждал хоть каких-нибудь слов от Ильи. — Ну ты, сука, благодетель хренов!

Илья поставил чашку на стол, распрямился и, убрав руки за спину, посмотрел Славика. А тот подпрыгивал в кресле, словно ему пекло там, и захлебывался в собственных воплях:

— Как ловко устроил! Мы к вам в Москву! Всё — Славик по херу! Сами всё обстригаем, а тебе дулю. Козёл грёбаный!

— Чего ты вопишь, словно яйца прищемили. Ты сам меня позвал...

— Ты всё подстроил! — Славик достиг, кажется, апогея, перейдя на срывающийся фальцет. — Ты и сынка этого куда-то зашмудил, поэтому и звонить Валерьянычу не разрешаешь. Это твои штучки!

— Тише, тише, — лепетал Серёга, но голос его был так тих, что, казалось, он говорит самому себе.

— Что “тише”?! — Славик слышал всё. — Ты совсем не въезжаешь?! Думаешь, он такой святой у нас?! Мочил тут всех, а теперь — в святые записался! Хитро устроился! Всех накрутил: и на земле погулял и в раю местечко застолбил. Всех поимел. Сука! А-а, не-ет, не всех. Точно! Жена-то тебя раскусила и кинула. Так тебе и надо, тварь!

Серёга зажмурился от ужаса, который должен был сейчас произойти, а потом бросился к Славику.

— Да успокойся ты, на выпей, что на тебя нашло?

— Что нашло?! А ничего. Правду решил сказать. Что, по морде мне дашь? Ну, дай! Только кулачищами и можешь махать! Вот она твоя сила. Что смотришь, правда-то колет глаза, а?

— Колет, — произнёс Илья и опустил из-за спины руки.

— А-а! — совсем истошно завопил Славик и, словно из него вылетала терзавшая пружина, рухнул на стул.

Серёга тут же подсунул полный бокал, и тот пил из него, захлёбываясь, как воду.

— Ладно, — как-то уж совсем спокойно сказал Илья. — Пойду попрощаюсь с Петей, — и спохватился: — Да, Серёга, я твой телефон Анне дал.

Тот удивлённо посмотрел на Илью и поставил пустой бокал на стол. Славик опрокинул голову набок и, казалось, впал в забытьё.

— Какой Анне?

— Переводчице. Мало ли что, вдруг они и впрямь в районе зависнут, тогда их надо будет спасать и всё здесь устроить. Ну, это так, на всякий случай. Просто помни, что она может позвонить. Понял?

Серёга кивнул. Илья пошёл к двери.

— Вам, если что, сообщить?

— Чего?

— Ну, если они останутся.

— Мне зачем? Сами разбирайтесь, — и вышел, и только когда сделал несколько шагов по коридору, сообразил, к чему Серёга задал последний вопрос.

“Вот ведь... — и покачал головой. — А с другой стороны, что с них взять: как живут, так и о других думают, — и тут же переключился: — Как удержался? До сих пор руки дрожат. Есть сила и посильнее меня. Ведь прибил бы”.

Петю он застал стоящим возле окна.

— Ну как там? — равнодушно спросил Пётр Васильевич.

— Славик с цепи сорвался, — доложил Илья, — решил, что это я сделку расстроил, чтобы самому в долю влезть.

Пётр Васильевич смотрел в окно и словно хотел о чём-то спросить и не решался.

Илья присел.

— Ну? Чего молчишь? А то мне уже ехать пора.

Пётр Васильевич посмотрел на Илью и отвёл взгляд в пол.

— А правда, что от тебя жена ушла?

— Правда.

— Давно?

Илья пожал плечами.

— Больше двух лет. Это давно?

Пётр Васильевич поднял глаза.

— Но ведь этого не может быть. Как?! Я же помню. Прекрасно помню, когда вы только познакомились. Она же с нашего района. Её помню. Я же видел, как вы смотрели друг на друга. Даже завидовал. Нет, не завидовал, у меня всё нормально, но думал: вот есть же что-то выше, чем нормально. И я верил в это. Я не знал, прости...

— Сейчас никто ничего не знает. Это раньше мы жили в большой коммуналке, а теперь у каждого отдельная скорлупа...

— И сын... Вы же так хотели сына. А у вас долго не было детей. Помню, как ты совсем обалдевший появился, кричал: “У меня сын будет”, — тискал всех, пирушку тогда закатил. Сколько? Пять лет назад.

— Восемь... время совсем размазалось, никаких ориентиров...

Оба замолчали, словно в наступившей тишине можно было попытаться ухватить утекающее время, потом Илья медленно заговорил.

— Сколько мы тогда врачей обошли... И вроде всё у нас с Ксюхой нормально было, — Пётр Васильевич заметил, как разгладилось лицо Ильи, ему было приятно находиться там, в воспоминаниях, и ему нравилось произносить: “Ксюха”. — Чуть до колдунов не добрались. Удержало же что-то. Потом поехали на один источник, говорили, что помогает... в деторождении, мол, как в сказке, окунешься три раза — и будет вам счастье. Окунулись, и вроде ничего не произошло... Хотя нет, произошло. Конечно, произошло... Нам там очень понравилось. Там каждый год праздник чудотворной иконы Божьей Матери. Мы дождались и поехали. И это было настоящее чудо. Столько людей. Крестный ход. И ты знаешь, Ксюха ведь вперёд меня прониклась. Это она меня заставила туда поехать. Всё она, Ксюха. А потом она скрывала, что забеременела, ей самой не верилось. Да ещё сын... И не было счастливее меня человека. Всё — жизнь удалась. А теперь, видишь, как оно... Я вообще первое время ходил будто мёртвый... Реально тебе говорю. Так и думал: раз их нет, значит и меня нет. Кто я без них? Ведь мы же все давно одно целое. Я знал, что Ксюха мне ответит. И не потому что это банально и рутинно, а я знал, как ответил бы я, и она отвечала так же. Например, я спрашивал: что у нас сегодня будет на ужин, и Ксюха говорила именно то, о чём я успевал подумать. Это невероятное чувство: вот ты смотришь на неё и видишь себя. Про Ваню вообще не говорю. Тут всё — глаза, ямочки на щеках, улыбка, манеры, слова — всё наше. И вот вдруг этого нет. А ты знаешь, это, кстати, очень полезно побыть мёртвым. Несколько по-другому начинаешь смотреть на происходящее вокруг, словно ты уже не здесь и происходящее тебя не касается. И кажется, я о сих пор не ожил. Существою. И всё никак не могу понять: зачем?

— Значит, зачем-то ты ещё тут нужен.

— Вот и я думаю: зачем? Знаешь, как хочется узнать Его волю. Вот сказал бы Он: делай это, а потом будет то, а после этого вот это. А нет, молчит: догадайся, мол, сама. Или я не слышу. Раньше, говорят, люди могли чувствовать. А сейчас мечешься промеж кучи вариантов: что делать? за что хвататься? Всё враскоряку. Говорят, исполняй заповеди... Это понятно. Умом-то всё понятно. А как без Него-то? Страшно порой жить, — и уточнил: — Когда Его не чувствуешь. Это одиночество самое страшное.

— Ты и с сыном не видишься?

— Так она за границу умотала. Чего бабам надо? Не понимаю. Мне порой кажется, что это не она. Что это всё испытание для меня. И так тоже страшно думать. Потому что, если из-за меня они должны переживать такое, я же знаю, что они, пусть каждый по-своему, но переживают, они же часть меня, они не могут не переживать, когда у меня тут такие страсти — и всё это из-за меня, то... то я не знаю... Тут я упираюсь в предел веры. Как сын — вообще не могу представить. И боюсь. Он ведь у нас совсем воцерковлённый был. Конечно, как он родился, Ксюха постоянно в церкви, каждое воскресенье — к причастию. Три года ему было, приходим как-то после вечерней, а он взял — ключи у меня на шнурке были, я их отстегнул и на диван бросил — так он взял эту связку за шнурок, ходит по квартире и машет. Мы сначала не сообразили, а потом вдруг дошло: он же кадит! Как дьякон в храме! А ещё: как он расстроился, когда батюшка в храме отказался помазать его на соборовании. Ему пять лет должно было исполниться. Мы на соборование пошли и Ваню с собой взяли, куда его девать-то? А батюшка говорит: нельзя ему собороваться. Посадили на лавку, дали какую-то книжку, а он сидит такой потерянный и плачет, тихонько так, беззвучно... Я тогда батюшку схватил, говорю: ну вы хоть мажьте его, раз молитвы читать нельзя, жалко, что ли... Ну и он понял, что слишком строгача включил, подошёл и помазал, а Ваня всю службу потом рядом стоял. Я ему: посиди немного, пока батюшка других мажет, а он — нет... И такой радостный... Как он там? Не представляю. И не верю, что те слёзы в углу храма могут забыться. Ну, может, умом могли и забыться, но сердце должно помнить. И Ване-то сейчас в тысячу раз тяжелее, чем мне, Ксюхе... За него больше

всего и молюсь. И порой думаю: если это способ научить меня молиться, то это очень жестокий способ...

— Так ты один, что ли, живёшь?

— Конечно. Я их жду.

— Понятно, — вздохнул Пётр Васильевич. — У каждого своё. И вроде бы хорошо всё вокруг, устаканилось, а вот что-то сосёт. А что? Я вот не сделал того, чего, казалось бы, мог. И уже не сделаю.

— Почему? Тебе сколько, чуть за полтинник? Я слышал, ты опять чего-то придумал.

— Дело не в этом... Нет той энергии, той безоглядности, которая была в молодости. Все великие открытия и главные книги создаются в молодости, пока человек не привязался к миру, пока материальное ещё не приземляет полёт духа, а потом живёшь только тем, что успел не профукать в молодые годы. Ничего принципиально нового я не создам, просто совершенствую ту линию, которую придумал двадцать пять лет назад. Добавки новые... Вот да, сейчас пытаемся внедрить один интересный формовочный агрегат, да и то идею я у японцев подсмотрел, правда, они это в сталелитейном деле применяют, а оно нам и для кирпичей пойдёт. Но пока рано говорить, пробуем. Но и это лишь совершенствование. Главной моей линии. И, получается, единственной. И ты, знаешь, я уже даже не хочу ничего изобретать нового. Я нормально устроился. Делаю то, что знаю... Стараюсь это сохранить. А молодые... Для того, чтобы придумать что-то новое, нужно научиться отрицать старое. Именно научиться. Потому что старое нельзя просто отбрасывать, как ненужный хлам, его нужно знать, понимать, полюбить в конце концов, и, если ты чувствуешь, что тебе этого мало, шагай дальше. А сейчас... Нельзя отрицать то, чего не знаешь. Это не отрицание, а невежество.

— Двадцать лет назад и про нас говорили, что мы ничего не понимаем и знать не хотим.

— Я не об этом. Жаль того огня... — и вдруг Пётр Васильевич всплеснул руками: — Мама дорогая! Ярослав Николаевич приехал! Надо же! Ты глянь-ка! А чего он из машины достаёт? Там у него никак пушка какая-то. Или автомат. Ты глянь, Ильяха, это по твоей части, глянь.

Илья поднялся и тоже посмотрел в окно.

— Чего за пушку он приволок, а? Вон уже и помощники бегут.

— Это не пушка, — ответил Илья. — Я сейчас.

Пётр Васильевич хотел что-то сказать, но Илья уже выскочил из кабинета. Через минуту Пётр Васильевич увидел, как Илья поздоровался с директором и они несколько минут разговаривали. Сначала смеялись, словно подстроили над всеми шутку, и теперь радовались, как у них здорово получилось, потом Илья заговорил без улыбки, Ярослав Николаевич поморщился, словно ему напомнили, что каждый год надо ходить к стоматологу, потом махнул рукой, мол, знаю я, помню, успеется, и снова улыбнулся. Улыбка у него получилась чистой и невинной, как у проснувшегося ребёнка. Они пожали друг другу руки. Илья помог переложить в машине длинный свёрток, и они пошли к зданию заводоуправления. Через пару минут Илья открыл дверь. Вид у него был весёлый, словно только что услышал хороший анекдот.

— Ну что там?

Илья сел и, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, посмотрел на Петра Васильевича?

— Ну хватит ржать, что там?

Илья всё-таки не удержался и рассмеялся так задорно, что и Пётр Васильевич улыбнулся.

— Ну, говори уже!

Илья постарался сделать официальное лицо и произнёс, стараясь соблюдать серьёзность:

— Льжи.

— Что?!

— Льжи. Он, видишь ли, когда утром вышел из дома и увидел снег, по-

думал: а не прихватить ли с собой лыжи? Его, видишь ли, очаровал утренний снег. И действительно, по дороге на завод, он заехал на лыжную базу и несколько раз съехал с горки. А внизу, где он оставил машину, как тебе известно, сотовый не берёт. В общем, директор ваш счастлив и всё у него хорошо.

— Охренеть... — произнёс Пётр Васильевич. Причём в этом “охренеть” непонятно, чего было больше: восхищения, возмущения, зависти, негодования или признания полного непонимания окружающей действительности. В общем, слово подобралось удачно.

— Я сам в шоке, — поддержал Илья. — И ты знаешь, глядя на его счастливую физиономию, я ему даже немножко завидую. Взял и заехал на базу. А начать, что тут люди ждут, что у других проблемы, захотелось покаяться по последнему снежку — и пожалуйста! Это ж кайф! И ни малейшего смущения, что здесь переживали, психовали, искали, я тут на уши знакомых поднимал, чуть не в розыск его объявили... Так бы и съездил по этой довольной роже. Не понимаю!

— Вот и я говорю: они другие.

— Ладно, пора домой ехать, а то у меня голова начинает пухнуть от впечатлений. Давно, видать, в люди не выбирался.

— Ты Славика не забудь.

— Блин, Славик ещё этот. Он что-то вконец оборзел, такую пургу сейчас несёт, еле сдержался, чтоб в табло не съездить.

— Да! Я ж тебе так и недорассказал, что у меня в кабинете Ярослав Николаевич увидел. Что ты улыбаешься? Никогда не догадаешься. Я сам только понял, когда он стол к окну развернул. А он там увидел крест! Да-да! Тот, что на горе три года назад поставили. У нас целая катавасия с установкой была. Представляешь, вертолёт прилетал — такую махину поднимать. А я как-то и внимания не обращал: ну стоит и стоит. А этот, видишь, сразу уцепился. Так что я тебе говорю: в них что-то есть. Они ещё свой мир построят. И так хочется посмотреть, какой он у них получится? Чем они лучше нас?

— Так поживём ещё.

— Не знаю, не знаю...

Пётр Васильевич поскуцнел и пошёл к шкапчику, достал остатки портвейна, налил стакан и выпил.

— Смотрю: всё режимишь?

— Ну да, в обед стаканчик, потом, как по заводу пройду, и перед тем, как уходить. Стабильность — это то, о чём я мечтал в молодости. Но я мечтал о другой стабильности: я мечтал о стране, о народе — прости за пафос. А получилось, вон оно как: бутылка портвейна в день.

— Тем не менее, мечты сбываются. Мы вон тоже о свободе мечтали. А получается, что каждый мечтал о свободе для себя — вот и получили бардак. А ты бутылку портвейна...

— Я ведь все выходные дома извожусь, не знаю, чем заняться.

— Книжки читай.

— Ты ещё скажи: в театр ходи...

— А правда, Петь, что ты делаешь в воскресенье?

Пётр Васильевич посмотрел на Илью долго и грустно.

— Сплю.

— Весь день, что ли?

— И ем.

— Нда, перспектива... Ладно, пойду Славика забирать, поди уж нажался и всех жизни учит, — Илья поднялся. — Давай, Петь, бывай. И это... про воскресенье-то... смотри не проспи.

— Ладно, постараюсь.

И они обнялись так же крепко, как при встрече.

Когда Илья вошёл в зал, Серёга бросился к нему, как Робинзон к проплывающему кораблю.

— Илья Алексеевич! Как хорошо, что вы не уехали! Я не знаю, что делать! Я не могу, я не умею с ним справиться. Тут и Ярослав Николаевич приехал. Вы видели?

— Я говорил с ним.

— Вы... вы знаете... почему он задержался?

Илья кивнул.

— Так всё неудобно. Вячеслав Григорьевич и ему нагрубил. Не день, а ужас какой-то! Вот, полюбуйтесь!

Славик сидел, развалился в кресле, и больше походил не на ужас, а на грязную лужу, если бы её можно было посадить в кресло.

— Припёрся, — прочавкал Славик.

— Поехали, — сказал Илья.

— Никуда я с тобой не поеду, — взбунтовалась лужа. — Мне тут дела решать надо. Скажи, Серёга. Скажи ему.

— Поехали, — повторил Илья, подошёл и приподнял Славика за шиворот пиджака. Тот, несмотря на внешнюю текучесть, оказался цепок и ухватился за ручки кресла. Тогда Илья тряхнул Славика, словно запльившую вещь, и кресло, подпрыгнув, опустилось на место пустым.

— Где его пальто? — и Серёга, словно вышколенный швейцар, вложил пальто в свободную руку Ильи. — Да, ещё, — Серёга послушливо уставился на Илью, а в глазах читалось: “Скорее бы уж...” — там у вас коньяк недопитый, сунь его в пакет и яблоко какое-нибудь положи, — и он потянул Славика к выходу, тот пытался цепляться за всё попадавшееся на пути: край стола, стулья, дверную ручку, но движение было неумолимо.

Серёга как раз поспел, когда Илья пристёгивал безвольно бормочущего ругательства Славика к сиденью.

— Кинь назад. Так, теперь бывайте.

Илья подал Серёге руку, которая радостно трепетала, и сел за руль.

— Только не гони, — пробурчало справа.

— Как получится, — ответил Илья и выехал со стоянки.

Когда уже достаточно далеко отъехали от поста ГИБДД, Славик вдруг открыл глаза, поправил давившую лямку ремня и как ни в чём ни бывало, совершенно трезвым голосом произнёс:

— Дядь Илья, всё забываю спросить: он же ведь не из чистого золота?

Илья на секунду задумался, но будто бы вопрос не удивил его.

— Нет, конечно. Специальное покрытие, нитрид титана. Мы... — и осёкся, как будто сказал лишнее.

Славик что-то промычал многозначительное и так же неожиданно задал новый вопрос:

— Как мы живём?

Илья на этот раз не отозвался, и Славика пришлось разбираться с вопросом самому.

— Вот ведь поубивать друг друга готовы, а живём. Вы ж тогда с Петей чуть не убили друг друга, а теперь посмотришь: чуть ли не лучшие друзья. Я вот на тебя наорал, а ты не бросил, обратно везёшь, как будто так и надо. И всё это русский народ. Во всех своих единствах и противоположностях. Сынок валерьяновский этот... Он что, правда на лыжах катался?

Илья кивнул.

— Полный абзац. А я до сих пор считаю, что он специально тянул время, только никак не пойму зачем? Меня скинуть? Это можно было проще сделать. Вообще сделку сорвать? Так можно было изначально не договариваться. Не понимаю.

— Если бы всё понимали и могли разложить свои действия по полочкам, то это уже и не человек был, а машина какая-то... А так... пока можем совершать что-то не укладывающееся в расчёты, мы остаёмся людьми...

— Останови, — сказал Славик.

— В честь чего?

— Неразумное давит. То, что не просчитывается.

Илья съехал с трассы, и Славик отправился в ближайшую лесопосадку. Вернувшись, сел и буднично произнёс:

— Ну вот, живёт во мне, стало быть, человек. Дай, дядь Илья, выпить, я знаю, есть — Серёга собирал.

— Это уже просчитывалось. До дома доедем — отдам.

Вернувшись в квартиру, Илья разогрел и с удовольствием похлебал щи. Потом надел свитер и вышел на балкон, там сел в кресло и стал смотреть, как солнце медленно скатывается к горизонту и синева наползает на город. Наконец солнце скрылось. Сразу стало холодно. “До завтра”, — попрощался с солнышком Илья и вернулся в комнату.

Включил торшер и уже взял было книгу, как зазвонил телефон. Илья схватил трубку и некоторое время смотрел на экран, словно размышляя, отвечать или нет на незнакомый номер. Звонок оборвался. Илья положил телефон на место, отключить он никак его не мог, потому что каждую минуту ждал звонка, только номер будет знакомый, как... как солнышко, которое обязательно появится завтра.

*Поздравляем нашего давнего друга и автора,
секретаря Самарского отделения Союза писателей России
Александра Громова с 50-летием!
Здоровья, творчества, удачи!*

Редакция

АЛЕКСАНДР ПОТАПОВ

ЖИВОЙ ЗЕЛЁНЫЙ КРЕСТ

МЕДОВЫЙ СПАС

Ива седая над омутом виснет.
Ветер грудастое облако мнёт.
На сковородках кувшинковых листьев
Плавится солнца дурманящий мёд.
Луг опустел,
И пчела отжужжала,
Пуст и уныл голубой окоём.
Грусти непрошеной тайное жало
Точит мне душу и ночью, и днём.
Родина!
Что же печали так много
В этих просторных картинах твоих?
В этих проселочных сонных дорогах,
В этой реке, что затихла на миг?
Или года — что пустая полова?
Или тебе не воскреснуть уже?
...Воспомянье о Спасе Медовом
Сладкую горечь оставит в душе.

ПОТАПОВ Александр Николаевич родился в 1954 году в селе Петровка Рязанской области. Окончил Рязанский педагогический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в центральных газетах и журналах. Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы. Лауреат Международной премии "Филантроп", премии Союза писателей России "Малая родина", премий Рязанской области имени Я.П. Полонского и имени академика И.И. Срезневского. Член Союза писателей. Живёт в Рязани.

ЗЕЛЁНЫЙ КРЕСТ

Старинный храм стоит, полуразрушен,
Став безъязыким без колоколов.
И лишь витают праведные души
Над луковками ржавых куполов.
Когда в пучине хлябей поднебесных
Внезапно разбушуется гроза,
Бывает, что кирпич летит отвесно
На землю, как кровавая слеза.
Село давно повымирало в муках.
Глухая тишина стоит окрест.
И лишь берёзка взобралась на купол
И встала, как живой зеленый крест.

* * *

На сельском кладбище — покой и тишина.
Здесь мир иной
В гнилой оградной раме.
Трава густая зноем сожжена.
Чей муж, отец, чья мать или жена
Лежат под безымянными холмами?
Подгнили, покосились и кресты,
И острые, как память, обелиски.
Глазницы звёзд и скорбны, и пусты,
И горько пахнут яркие цветы
В обители теней — родных и близких.
Вон там, в углу, в кладбищенской тиши,
Разросся дикий вишенник на зависть.
И ворон молча в вышине кружит,
И кто-то вишни топором крушит,
К могилам, как сквозь время, продираясь.
Неужто память плесенным быльём
Нешадно год от года зарастает?
Тогда зачем мы в муках сердце рвём?..
Давай, земляк, по маленькой нальём,
Чтоб ожила на сердце боль простая...
Что ж, друг, руби!
Ведь кладбище — не сад.
Но в сердце память вырубись едва ли.
Как кости, ветки хрупкие торчат,
И вишни незрелые горчат,
Как будто горе горькое впитали.

ЖУРАВЛИНАЯ ОХОТА

Забыв про все привычные заботы,
Вслед за круженьем жёлтого листа
Есенин и Конёнков на охоту
Отправились в знакомые места.
В оврагах затаился запах прели.
Туманный лес темнел стеной вдали.
Приятель восторженно смотрели,
Как по жнивью гуляли журавли.
Пугливо-недоверчивые птицы
Взлетали, за версту слышав шаг.

Но, не страшась, ходили там, где жницы
Трудились в остывающих полях.
— Видать, неглупы птицы-недотроги, —
Есенин вдруг взмахнул ружьём своим:
— Летите, журавли, своей дорогой!
Не бойтесь! Мы вам зла не сотворим.
...О чём-то шепчет роща золотая,
Поникший клён ладони распростёр.
И журавли, печально пролетая,
Жалеют о поэте до сих пор.

* * *

Рябые берёзы, родные рябины
Под куполом сонных осенних небес,
Вы сердцем ранимым до боли любимы,
Любимы, как это вот поле и лес.
Любимы, как солнце в простуженном небе,
Любимы, как первый раздумчивый снег,
Как звуки молитвы о мире и хлебе,
Как память о близких, ушедших навек.
Светлеет душа, что извечно ранима...
Да разве о том я веду свою речь?
Рябые берёзы, родные рябины
И это вот небо над русской равниной
До вздоха последнего мне ль не беречь?

ОТЦОВСКАЯ ТРОСТЬ

Голод, войны, лихие невзгоды —
Всё изведать отцу довелось,
И ходил он в преклонные годы,
Опираясь на верную трость...

К нам с годами приходит усталость,
Жжёт рябины пунцовая гроздь...
Помню: мать, заболев, опиралась
Всё на ту же отцовскую трость...

Были в жизни и горе, и радость,
Но опор я не знаю иных:
Опираюсь на трость, опираюсь,
Как на память о предках своих.

ТЕРНОВНИК

Заполонил терновник огороды
В моём родном пустеющем селе
И разгулялся сам себе в угоду,
Как одинокий дед навеселе.

Ему крутые склоны не помеха,
Он из оврагов выполз на поля.
Терновник словно чует: век от века
Скудеет плодородная земля.

Конечно, он разрухи не виновник,
И потому, денькам погожим рад,

По всей округе буйствует терновник —
Неприхотливый русский виноград.

У горизонта громоздятся тучи,
И на полях, как видно, неспроста,
Топорщатся терновника колючки,
Как на челе распятого Христа.

Что делать с ним?
Мне грустно и неловко.
Тугих плодов накатывает вал...
Быть может, сделать терпкую терновку?
Да равнодушен я к спиртному стал.

...Я молчаливо голову склоняю,
Ещё ни в чём не чувствуя беды,
И пробую на вкус — зачем, не знаю —
Заброшенности горькие плоды.

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

НЕУЖТО ВСЁ КОНЧАЕТСЯ
ДОБРОМ...

* * *

На что я трачу жизни годы
И что пытаюсь я сберечь?
Перевожу язык природы
На человеческую речь.

Я верю в некие явления,
Что мне пытаются помочь...
И если день теряет зренье,
То зренье обретает ночь!

И в этом благостном свеченье,
Когда я сам стою во мгле,
Передается мне значенье
Всего живого на земле

Через мерцающие воды,
Через тревожный птичий крик...
А времена? Бегут народы
С материка на материк.

САМАРИН Валерий Серафимович родился 17 апреля 1952 г. в с. Нижние Мельницы Уразовского р-на Курской (ныне Белгородской) области. С 1962 года живет на Рязанищине. Служил в рядах Советской армии. Заочно окончил РГПИ. Сейчас проживает в п. Ласковский Рязанского района. Лауреат премии С. Есенина и др. Член СП России.

Их гонит люд другого толка...
И, чтоб на каплю мир сберечь,
Перевожу я душу волка
На человеческую речь!

* * *

Дрова ль готовлю, гвоздь ли забиваю
Или кошу зеленую траву —
Случается — весь мир я забываю
И даже забываю, что живу.

Уходишь в состояние покоя —
В небесный луч, в природу, в благодать...
Бывает, солнце так течет с рекою,
Что от сиянья речки не видать.

Но миг приходит — память открываю,
Как солнце открывает синеву.
И ничего уже не забываю,
И даже удивляюсь, что живу!

* * *

Как-то давнего знакомого повстречал.
Он любопытствовал: “Жизнь состоялась?”
Я замешкался и помолчал,
Но ответил так: “Она отстоялась...”.

Ведь отстаивается мутная вода
В озере, в стакане или даже в луже.
Всякие бывают у человека года:
Одни посветлее, другие — похуже.

И, окинув взором свой пройденный путь
От родной избы, от живого оконца,
Сказал еще: “Есть какая-то муть,
Но все же над нею хватает солнца!”

* * *

Все тружусь, все тружусь без конца.
Кто-то сказал: “Деловой!”.
Могилы матери и отца
Заросли травой...

Все некогда, все дела...
Закружил меня белый свет.
Вот и у родителей жизнь была,
А теперь ее нет...

Войду в ограду их со стыдом,
Выдерну всю траву.
Как ощутима здесь мысль о том,
Что я на земле живу!

Послышался колокольный звон
(Церковь — семнадцатый век).

Словно бы весть из других времен
Посылает мне человек.

И так музыкально на тяжкий погост
Небесный падает звук,
Что вижу вдруг сияние звезд
Во мраке сердечных мук...

ОТВАГА

Всюду нужна отвага!
Вот вспыхивает река:
То ярких лучей ватага
Пробилась сквозь облака.

И сразу: раздолье света
И много веселых лиц...
Как славно моя планета
Поет голосами птиц!

И слышится в этом пенье
Высокий торжественный лад:
Отвага и вдохновенье
Кругом чудеса творят!

И у меня есть тяга:
Прогнать свои облака,
Чтоб, как ручей из оврага,
Выныривала строка

Из хаоса подсознанья,
Из тех родовых глубин,
Где светится мирозданье...
И я его господин!

МОЛНИЯ

У молнии, как у собаки,
Неведомо что на уме...
Зловещая вспышка во мраке
Опять исчезает во тьме.

И снова опасным зигзагом
Пронзается небо во мгле —
И сердце тревожится сразу:
В порядке ли все на земле?

Когда-то мальчишкой у дома
Следил я за каждой грозой,
За дальним рычанием грома,
За молнией, как стрекозой.

Теперь же отнюдь не мальчишкой
Вопрос задаю я во тьме:
Похожа ли молнии вспышка
На злобную вспышку в уме?

Ведь трудно бывает от гнева
Себя и других уберечь...

И мне вспоминается небо,
И грома безумная речь.

Рождаются эти стихии
Не для человеческих бед...
Но все-таки души людские
Они проверяют на свет!

РУССКАЯ ДОРОЖКА

Наша русская дорожка
В мир ведет не без чудес...
Вот и мать глядит в окошко,
Словно солнышко с небес...

Где сынишка? Ноги свесив,
Мчится с горки ледяной
На своих салазках... Весел
Взгляд у матери родной.

Почему-то не затмился,
Воскресился этот взгляд...
Дом, в котором я родился,
Разыщу я наугад.

Разыщу, хоть нет на свете
Той приземистой избы,
Где плелись живые сети
И моей земной судьбы.

Я распутал их немножко.
В них осталось мало тьмы.
Наша русская дорожка
Просветляет все умы!

На Руси и жизнь, как сказка:
Счастье шествует с бедой.
Мир то ласков, то неласков,
То старик, то молодой.

Но всегда в почете правда,
Хоть бывает сильной ложь.
Лучшей доли мне не надо,
Лучше мира не найдешь!

Там, где я катался, месяц
Мчится с горки ледяной
На своих салазках... Весел
Взгляд у матери родной!

ВИКТОР БАКИН

ДАЛЁКОЕ... СВЯТОЕ...

РАССКАЗ

Солнце уронило на крыльцо тёплые ладошки.

Мальчику было хорошо.

Загорелый до черноты, в одном коротких трусиках, он сидел на округлом порожке входной двери в сени, ощущая загрубевшими ступнями приятную нагретость старых досок крыльца, жмурился от утренних солнечных лучей, вздёргом руки отгонял надоедливых мух и кусачих паутов и осторожно ковырял на сбитой коленке серую коросту, освобождая из-под неё розовый язычок нарождающейся кожи.

Недалеко от мальчика на серёдке улицы, по которой недавно прогнали на поскотину деревенское стадо, любопытные шнырялы-курицы поднимали ни с того ни с сего куриный переполох.

Ему пора было идти завтракать. Большая кружка парного молока и солидный ломоть рассычатого белого хлеба величиной в две взрослые ладони, выпеченного спозарань в поселковой пекарне, земляничное варенье в глубокой стеклянной вазочке с невесомой чайной ложкой на плаву — всё это ожидало мальчика в прохладной избе, по-хозяйски накрытое стареньким, местами протёртым до дыр полотенцем. А если этого пропитания мало, сунься привычно в печь, где непременно отыщешь на широкой сковороднице жареную картошку с луком, ещё тёплую.

БАКИН Виктор Семёнович родился в 1957 году в городе Мураши Кировской области. Окончил Кировский политехнический институт. В 1980–1982 годах служил в армии. Автор пяти книг прозы, вышедших в Кирове, Москве и Екатеринбурге. Творческая деятельность В. С. Бакина отмечена благодарностью министра культуры РФ, медалью Союза ветеранов войны в Афганистане “За заслуги”, Почётными грамотами Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Кирове.

Да, пора было подниматься с порожка и шагать в избу, но солнышко так приятно нежило мальчика и игриво слепило его глаза, что он всё сидел и сидел на золотом от яркого света крыльце, пугая взмахом руки неугомонных несущек.

Воля вольная на четыре стороны, чистое утро, деревенская улица, избы, сарайки, сеновалы, огородные прясла, молодой кудрявый березник за околлицей, одинокая горбатая сосна на тропинке к реке — вся широкая округа залита солнечным светом, потому и на душе у мальчика сладостно, покойно, безмятежно. Хотя нет — что-то в близкой памяти всё же подзванивало тревожным колокольцем.

Мальчик сделал усилие, чтобы вспомнить день вчерашний.

— ...Бабушка моет меня в бане и всё приговаривает: “Личико шанежкой, глазки горошиком... Личико шанежкой, глазки горошиком...” Вот шанежкой и выросло... Наша мама — красавица писаная, а мы с сестрой прямо незнамо в кого такие небаские уродились. Поди-ка теперь — спознай-угадай...

Чей это рассказ, про кого? Ах да, это же бабушка о своей бабушке воспоминание вела, когда вчера у крыльца на лавочке с соседкой завечерили. Дверь в дом распахнута настежь, мальчик в сенях за высоким марлевым пологом никак заснуть не мог, слушая комариный писк, — всё ворочался, подушку комкал да дощатой лежанкой скрипел, вот и подделушал неволью старушечью случайную посиделку. Они уж и посмеялись там, и поплакали даже за своими скорбными откровениями.

— ...Отца у нас не было. А у соседей, у наших подружек, отец поедет на базар в Шурму — очень уж хороший базар был в Шурме — и своим дочерям везёт с него подарки. Всякие-разные. И вот они вылетают на улицу, и хвалятся: “Мне тятка вон что привёз! Мне тятка вон что привёз!...” Показывают, хвастают взахлёб на нашу зависть. А мне тоже хотца гостинец. И я бегу в их дом и кричу сквозь слёзы: “А мне бы тятка тоже привёз гостинец. Тоже, тоже...” Однажды Екатерина Тимофеевна, соседка наша добрая, вынесла мне три сушки. Кругленькие, хрустящие. Я их взяла в руку и несу, как малый букетик. Рада-радехонька. И всем встречаемым заявляю: “А мне тятка вот что с базара привёз. А мне тятка вот что с базара привёз...” Тоже ведь хотелось любви и отцовской заботы. А как же...

Бабушка вздохнула тяжко, потеряла вечный передник, помолчала минуту-другую:

— ...Мама, конечно, настрадалась с нами. Маму Марфой Ивановной звали... Настрадалась она с нами, миленькая труженица. Великая мученица. Великомученица, можно прямо сказать... Уходила она на работу рано утром — мы ещё спали. Просыпались — крынка с молоком на столе, и хлебушек кусочком, и картошка в мундире. И мы с сестрой ели самостоятельно... А потом вперёд — тоже за работу. Да-да... Была у нас свинья. Хрюшаня. И мы обязаны были эту свинью пасти. Свинья большая, жирная, ленивая, а мы махонькие, шесть и семь годков нам с сестрой всего набежало... И вот выгоним эту свинью со двора и пасём, как могём... Помню, очень боялись грозы. А тут нашла такая гроза страшная! Ливень, ветер сучья ломит, а у нас свинья никак домой не идёт. Мы её гоним-стягаем, а она в луже валяется. Похрюкивает ещё с удовольствия. Потом треск, словно дерево какое в аккурат пополам распластало... А за деревней тогда было гумно. И вот загорелось это гумно. Потом второй треск, шум, тарарам — на мельнице девятилетнего парня убило. Молнией прямо попало... Гумно горит, мельница тоже занялась, а в деревне никого, все на работе в поле. Одни старики на полатах. Да мы с сестрой — сопли-свинопасы... Кое-как загнали всё ж тогда упрямую скотину во двор. Она в навозе шоркается, и мы лежим тут же, в подворотне, следами исходим. Описались даже. Страшно как было — не передать...

Мальчику на своей немилой лежанке тоже вдруг сделалось страшно. Он ещё потомился пару минут с закрытыми глазами, чутко вслушиваясь в окружающую тишину, словно ожидал раската грома, потом сбил в ноги одеяло, резко откинул полог и быстро юркнул на крыльцо — бабушке под защитный бочок. Та совсем не удивилась явлению внука — шершавой ладонью провела по его вихрастому чубу и вернулась к прерванному рассказу:

— Мама работала в колхозе, жилось нам тяжело. Потому она договорилась с фермой, чтобы мы с сестрой пастушили теперь и колхозных свиней. Два часа до обеда и два часа опосля. Тринадцать свиноматок по списку, поросяток не счесть, да ещё и подростки... Выводили их на прогулку далеко в поле, за два километра. Там грязи полно, они в ней и купались в охотку. Не выгонишь силком... И война когда стряслась, мы тоже пастушили, около кладбища. Глядим — на лошадке верхом парень бойко скачет. Николай Макарыч. Он пацан ещё, но его пошто-то с детства все звали только так: Николай Макарыч... Вот едет и кричит: “Нинка, Лидка, бросайте всё! Война приключилась...” Ой, мы так сразу и спужались. Давай гнать домой своих поросяточек. А они не идут. Ни в какую! Не догуляли своё, потому не вылезят из грязи. Мы уж сами все расхристанные, в глине по уши, не отличишь от свиньи. Кое-как всё-таки справились, загнали на место и... На площади около церкви уже народищу! Тьма. Там трибуна дощатая. И кто ревет, кто храбрится... А мы возрастом салажата, вон как Стёпка. Что с нас взять? Глупыши неразумные...

Бабушка вновь погладила мальчика по головке.

— Что не спишь-то, внучок? — спросила ласково.

— Не хоча... — коротко ответил мальчик.

— Ну ладно, коли так. Посиди маленько...

Сидели молча, наблюдая, как медленной синевой истекает на горизонте уходящий день.

— Экошь как, значит, — подала голос Митрониха, бабушкина верная напарница и подружница. Она уж, верно, сколько раз этот рассказ слышала, а всё дивится, как новости:

— А мне всё больше помнится, как мамке нашей мы хотели подсобить. Да всё враскоряку, всё в убыток выпадало... Раз за хороший труд, за ударную работу выделили ей наградную пачку мыла. Печатка такая хозяйственная, большая... И мы, жалеючи маму, решили с сестрой помочь. Моя инициатива: “Давай постираем бельё. Мама придёт и нас похвалит...” Собрали всё, что можно и не можно, унесли на речку. Там всю печатку и измылили... Мама приходит вечером с поля. И мы ей дружным хором: “Мама, мама, а мы тебе помогли! — Что-что? — А мы всё бельё перестирали. Всю одежду... — Да? А чем же вы стирали? — А мылом. — А где мыло? — А мы измылили... — Да этим мылом только белые платочки потребно стирать...” Так-то в деревне все стирали золой. Зольной водой. А тут мы, помощнички... Она даже поплакала. А мы думали, она нас похвалит...

Митрониха перевела дыхание и тут же продолжила:

— Или вот ещё. Зима. И опять мы стараемся маме подсобить. Дров наносим к печке. Большая печка была и ещё вдобавок железная печка. С трубами. И туда, и туда наносим... А электричества не было — лампа только. Да и лампа-то пятилинейная, маленькая, тусклая. А если и керосина нет, так копилка тогда... И вот закопилось стекло пятилинейной лампы. Я сестре говорю: “Давай вычистим. Маме сделаем подарок...” Она противится: “Сломаешь. — Нет, не сломаю. — Ты плохо вычистишь. — Нет, я хорошо вычищу”. И я вычистила на крыльце снегом это стекло. Чисто-чисто стало... Топая обратно в избу и, чтобы не сразу показать сестре, какое оно чистое, прячу стекло за спиной. Прохожу у печки, а трубка за угол — дзынь! И сломалась... Господи, горя-то сколько было. Сколько плача. Слёз-то сколько было пролито. Стекла-то ведь такого негде было купить. Вот ведь проблема какая стала... Как отревелись, залезли на полати, под тулупом угомонились. Мама приходит ночью, уже темно. Но сестра выставилась тут же и заявляет с ябедой: “Мама, копилку зажигай. Танька стекло поломала, лампу нельзя трогать...” Мама зажгла копилочку, устряналась скоро со скотиной. И лишь тогда спросила: “Зачем вы это сделали? Я вот вас сейчас накажу, ту и другую без разборки, будете знать”. Взяла сучилку — батожок тоненький. И раз-раз. Поколотила маленько. Не по нам, по тулупу...

Прильнув к тёплому бабушкиному боку, мальчик уж было начал подрёмывать, посапывая и клоня голову на грудь. Но услышав, как кого-то где-то поколотили, выхватив это слово из чужого рассказа, тут же широко распахнул глаза, поёжился, передёрнув плечами.

— Спать-то не пора ли тебе, милоч? — вновь спросила бабушка.

— Не пора, — капризно ответил мальчик, понимая, что обманывает и себя, и взрослых. А потому минуту спустя уже без лишних уговоров поднялся с места и поплёлся в сени на кровать.

— Спокойной ночи! — кинула ему вслед бабушка привычное пожелание и вернулась к разговору с соседкой:

— А война грянула — страшно как. Стали забирать на фронт мужиков. И девушек несколько забрали. Плача было скоко... Вон Настя Кораниха жила. У неё муж русский, Алексей по имени, но почему-то он всё время читал Коран. И прозвище ему дали соответственное — Коран. А она, следовательно, Кораниха... Он перед самой войной умер, этот Алексей Коран, и она осталась вдовой. У неё было пятеро сыновей и одна дочка последняя. И вот все эти парни, друг за дружкой, оказались в армии. Кто во флоте, кто чего. И бедная Настя сначала одну похоронную получила. Следом вторую, третью, четвёртую... Когда последнюю похоронку принесли в сельский совет — на пятого, тогда уж и не знали, как это Насте сообщить. И так вся никакая, от горя чёрная, как головешка, а тут ещё добавка. Но сообщать всё одно надо, как иначе... А парни-то были какие красивые! Высокие, кудрявые. Сероглазые, чернобровые, румяные. Статные такие. Я всех их очень помню, хотя и малювка была... И вот пришла похоронная на пятого. Секретарка сельсовета, молодая баба Паня, жалобится: “Не знаю, как вручать...” А мама моя была утешительницей. И ещё Катя Кондрашиха. Тоже утешительница. Только мама словами могла утешать, а Катя всё лаской да нежным поглаживанием... В итоге они пошли втроём. Секретарь и две утешительницы. А дело было вечером, после работы. Увидала их Настя и сразу остамела вся. “Чё, — говорит, — случилось?” Ещё вопрос не успела задать, а уже поняла сердцем, что к ней сельсоветских привело, какая тяжкая забота... Упала тут же, как подкосили её, окаменела вся. И трое суток, считай, от неё не отходили мама и эта Катя Кондрашиха. Одна до обеда сидела дежуркой, другая после обеда. Одна до полуночи, другая с полуночи. А Кораниха всё лежала недвижно, словно и вправду насовсем померла... Фельдшера не нашли, медика не было. Ничего сделать с бабой не могли. Уж и ноги-то ей мочили колодезной водой, и голову тормозили, и по щекам её хвостали, и по рукам-то её били до чёрных синяков. Всё делали, чтобы только привести в чувство. А она лежит трупом, глазами, правда, смотрит, но никаких потуг к жизни не подаёт. Потом уж только, на третий, кажись, день, к вечеру отошла. Головой качнула, рукой шевельнула. Жива! И как тогда плакала, как завывала! Как зверь дикий прям, точь-в-точь. И утешительницы тут же с ней подголоском — воют и воют, и слёзы по щекам размазывают...

Бабушка махнула согнутыми пальцами по глазам, словно случайную слезу тоже старалась скрыть:

— А в сорок четвёртом году и у нас мама серьёзно захворала. Перед тем у её родного брата, пропавшего без вести, жена померла — четверо детей от них остались. Повесились они тогда на нашу маму, плачут, жалостят: “Крёстная, не сдавай нас в детдом. Крёстная, не сдавай...” Так и стало нас общей оравой шестеро и мама одна. А потом она заболела... А почему занедужила-то? Кормить нас надо, а кормить нечем. И она пошла с подружкой по ранней весне на озеро рыбу ловить. За пять километров... Сетей нет, морды какие-то плетёные ставили. Чтобы принести рыбу одним разом и себе, и в колхоз, в столовую. Или куда там ещё. Это уж я не помню... И вот они шли по озеру и провалились. Простудились сильно. Но напарница-то выдюжила, не расхворалась, а мама слегла. И мы вот — ой-ой. Настрадались как, Господи!.. Мама лежит, а налоги-то вынь да положь. Налоги страшные. Надо скоко-то килограммов масла сдать, надо сто яиц сдать, надо мешок шерсти сдать. Это всё один сельхозналог. Да плюсом живые деньги... И вот приехали из района агенты. Мужики крепкие, мордастые. По домам давай шнапать. Раз приходят к нам — у нас денег нет. Второй раз приехали — денег нет. Третий раз приехали — денег нет. А мама лежит — жёлтая, худая. Кожа да кости. Уже совсем помирает. И над ней, представь, двое здоровяк-мужчин топают ногами. А мы рядом жмёмся, ревём. Шесть душ, и все крохи... И вот

она повела в нашу сторону рукой и заявляет: “Возьмите их всех... как налог...” Те только фыркнули, дверью хлопбыгнули. Через два дня приезжают вновь, уже на тарантасе. Заходят прямо в огород, вырывают всю морковь, капусту всю вырывают. Лук, чеснок и что там ещё было. И всё это погружают скопом и увозят. За налог, якобы... А соседка, тётка Мясникова, видит это бесчинство и прямо в лицо им бросает: “Бессовестные вы ахиды, что же это вы творите? Креста на вас нет. Ребят-то голодом пошто хотите заморить? Сироты-то в чём провинны?..” А в Троицком в то время был лесопункт, там и столовка. В эту столовую агенты сдали наши овощи, а выручку пропили. Нам же ни квитанции, ничего... Подходит окончательный срок платить налог. Снова приезжают. Уже другие шныри. И повели у нас со двора корову. Кормилицу нашу. Тётка Мясникова, помню, вновь выбежала и кричит: “Ой, что деется, что деется! Вот кого убивать-то надо. Вот изверги, вот враги!..” Когда увели корову, мы, конечно, страшно голодали. Так все, даже с дальнего конца деревни, несли нам молочка. В крыночках, в черепяных горшочках. В платочек поставят портяной и принесут: “Марфочка, возьми...” А мама только плачет, ничего сказать не может... Лежит и тихо помирает. В общем, совсем худы дела... Единственная ценная вещь осталась у мамы в сундуке — это скатерть. Необыкновенно красивая. Подарок... И вот как-то приходит тётка Мясникова и советует: “Нинка, скатерть-то продайте. Хоть хлеба купите. Может, мать-то у вас с того и поправится...” Послали меня с этой скатертью к соседу через дом, который работал в сельпо на складе. Это не селинский уроженец, пришлый, но в Селино как-то прижился, оженился. И вот я пришла и стою. Он спрашивает: “Чего пришла, девочка?” — “Пётр Трофимыч, мамка умирает, и мы с голоду пухнем. Возьмите скатерть, дайте хлеба...” — “Ну, показывай...” Развернул скатерть, покивал довольно головой. И командует жене: “Дай полтора ярушника...” А ярушнички тоненькие. Целый и половинка. Кило двести, не больше. Но я и этой подачке рада... Принесла я этот хлеб, выложила на стол, все тут же собрались. Смотрелки устроили. Сестра заявляет: “Никто не трогает. Это маме!..” А у всех слюнки, всем хочется хоть крошечку. Как тут утерпишь... И тогда сестра спрятала всё в большую корчагу и убрала подальше. Только маме сразу отрезала половинку тонкого ломтика. И пока мама ела, мы молились. Ну, как молились? Встанем рядком, на восток смотрим и крестимся. Просим Господа Бога, чтобы сохранил нашу маму. И она и вправду потихоньку выправилась...

Мальчик лежал в сенках с закрытыми глазами, сложив руки на груди, и никак не мог заснуть. Но и бабушкин рассказ он почти не слышал — так, отдельные фразы, отдельные слова: голод, скатерть, ломтик, крестимся... Он поскрёб ногтями лоб, который почему-то зачесался, хлопнул по животу, давя проникшего сквозь марлевый занавес одиночного комара, затем потёр правое плечо, саднящее от полуденного загара, притянул край одеяла к левому боку — словно тоже осенил себя крестом-оберегом. Сказал, как скомандовал, чётко и громко: “Надо спать! Надо спать!..” Но ещё долго ворочался, едва улавливая затихающим слухом осторожный старушечий говор на улице.

— А я, Ивановна, всё племянницу забыть не могу. Стоит перед глазами, как живая, — подхватила рассказ подруги Митрониха. — Уж такая была красивая, прямо ангел во плоти. Волосы белые, как ленок, вьющиеся. Глаза открытые, голубые-голубые. У мамы нашей такие были глаза. Бровки чёрные, что шнурочки, сама румянькая. Полиночка! Мы её так все любили... И вот когда недоедали, она всё отекает, отекает. И умерла тихонько. А ей всего пятый годок пошёл... Хоронить некому, женщин всех запрягли на лесоповал. Один старичок под боком, Василий Кузьмич, царство ему небесное. Мы к нему ходили, упросили. Он пришёл, мерочку снял. Гробик скоро сколотил. И мы все: я, сестра, двоюродный брат, мой ровесник, — мы втроём пошли копать могилку. В декабре месяце. Взяли топор, взяли лопаты, взяли печню, заступ такой железный, заострённый... Нашли на кладбище, где родственники похоронены, расчистили свободное место. И стали рубить землю топором. Но силы-то нет рубить, да и замёрзла земля. И печнёй стучаем — не поддаётся. Но всё ж таки сколько-то топором порубим, лопатой погребём. И руками больше, руками... Наверное, с полметра только

и выковыряли в глубину, больше силы не осталось... Потом иная проблема — на чём везти. Лошадей забрали на фронт — быки только. А быки — кто воду возит, кто корм возит. Даже быка нельзя получить... И вот на сапожки этот гробик махонький поставили и поехали хоронить... И как мы плакали — как мы её любили все. Даже теперь у меня... не отходит от меня это чувство любви к ней. Это восхищение — такая была умненькая да красивенькая, голосочек такой нежный... И вот мы её хороним. Опосля палочку случайную на могилку воткнули, поперечину чем-то прихватили. Как крестик...

Последние слова Митрониха произнесла, едва сдерживая всхлипы, комкая в кулаке мятый солоноватый платок.

— Да-а, сколько уже с той поры годков отстукало, а всё помнится, — вздохнула бабушка мальчика. — Горькое время выпало, а памятное, неотступное.

— Далёкие годики, да дорогие, — согласно закивала и Митрониха...

...А новое утро длилось и длилось нескончаемо.

Выгнув спину и помяв серый бок о дверной шершавый косяк, мягко ступил на крыльцо бабушкин кот Васька. Задрал вверх остроухую голову, посмотрел без особого интереса на лежащее на коньке соседней избы солнечное блестящее кольцо и тоже вдруг повалился на доски, подсовывая под почёсывание свой мохнатый живот. Мальчик сначала хотел пихнуть настырного кота в придорожную траву, но потом передумал. Помахал ивовой веточкой перед кошачьим носом, заставляя Ваську впусую махать в воздухе лапой и выпускать коготки, потом помяукал несколько раз, насупив брови, подразнил насторожившегося кота, ожидая кошачьего бегства, но всё было без толку. Деревенский проныра стойко перенёс все мальчишечьи выдумки.

— Ах ты, гад! — сказал мальчик и рассмеялся.

И указательным пальцем ласково коснулся тёплой, чуть подрагивающей шёрстки живота хитрого хвостатого ленивца.

Вытянул кот лапы на солнечных ладошках — сейчас замурлычет.

.....
Поздравляем вятского писателя Виктора Бакина с 60-летием!

Редакция

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

НО ЕСТЬ ДУША, И РОДИНА, И БОГ

* * *

Ещё горят росинки-огоньки,
И душу обвеваает ветер нежный...
Последние погожие деньки,
Последние несмелые надежды...

Но дождь холодный начал всё крушить,
Сомкнулось небо и не раздаётся,
И надо по-другому как-то жить —
Без лиственного золота, без солнца.

И кто-то по привычке занемог,
И, кажется, сама природа стонет...
Но есть душа, и родина, и Бог,
И мы, как ни крути, чего-то стоим!

УСТОЯТЬ

Наступает предзимняя рать,
Начинает ветрило играть.
Вот и я — на лихом рубеже,
Мне такая игра по душе.

КОРОСТЕЛЁВА Валентина родилась в Кирове (Вятке), окончила Литинститут им. Горького. Издано 20 книг, из них 11 поэтических (в том числе в Болгарии). Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов имени Андрея Платонова и Алексея Толстого, “Добрая лира”, “Литературная Вена”, а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время живёт в подмосковной Балашихе.

Не второй, не пятнадцатый год
Я люблю эти смены погод.
Напрягается чёрная бровь,
Закипает рисковая кровь, —
Ведь меня под защиту берёт
Мой крестьянский испытанный род.
То, что выпало в жизни ему,
Не дай, Боже, узнать никому!..
И сегодня — с утра до утра —
Вновь разбойные дуют ветра..
Заклинает крестьянская рать:
Устоять, устоять, устоять!

ХМУРЫЕ ДНИ

Засыпает уставшее поле,
У природы — иная страда.
Мутноваты сентябрьские зори,
Бледновата в озёрах вода.

Ветерок шебуршит в перелеске,
Будто вволю гуляет метла..
Отливает листва ржавым блеском,
Что вчера позолотой цвела.

Позабыто о небушке синем,
Лишь душа вспоминает о нём.
Только вспыхнет у поля осина,
Ей ответит раскидистый клён.

Всё осеннее золото — на кон,
Будто занавес-край у судьбы.
...И дубы облетают, однако.
Облетают. Но это дубы.

К ЛЮДЯМ, РОДИНЕ И ПРИРОДЕ

Что ни год — испытанью сродни
И сродни небывалой свободе.
Это время второй любви
К людям, родине и природе.

Слава Богу, не зря прошли
Эти годы — судьбы пехота.
И в огне, и в беде, и в пыли,
Рядом с ветром, что бил с налёта.

И трещал временами кров,
И закат багровел к непогоде,
Но росла непростая любовь
К людям, родине и природе.

Много видеть глазам довелось,
Много дум далеко уносили,
Но в одном всё счастливо сошлось:
Всё вершилось в моей России.

*Поздравляем нашего постоянного автора
Валентину Коростелёву с юбилеем!*

ФИЛИПП РЕЗНИКОВ

ПАСХА 1917

РАССКАЗЫ

Христос воскрес, вчерашний царь!

Марина Цветаева. 2 апреля
1917 года, первый день Пасхи

В последний день своей земной жизни Волков вспоминал Пасху 1917 года. Он лежал на сырой от пота кушетке в съёмной белградской квартире, кишевшей клопами, в полузабытьи, снедаемый чахоткой. Двадцать лет тому назад болезнь эта свела в могилу Чехова, его любимого писателя, и теперь память об этом облегчала страдания сорокасемилетнего полковника.

При нём находилась жена, маленькая сухая женщина, состарившаяся прежде положенного, с седыми волосами и помутневшими светло-серыми глазами, глядевшими на умирающего мужа отрешенно, почти безразлично. Любовь к нему всё ещё теплилась в её душе, но перенесённые страдания, во многих из которых она винила, наверное, и его, собственная боль, не дававшая ей покоя последние месяцы, сделали её равнодушной к его состоянию. Она понимала, что осталось ему недолго, про себя проклинала его болезнь и вместе с тем печалилась о себе самой, не зная точно, сколько месяцев, а может, недель отведено ей. Несмотря на всё это, она не отходила от мужа, вечно готовая откликнуться на любую просьбу, с какой бы он к ней ни обратился.

В последние сутки, когда он, поборов бредовые сны и видения, приподнимался на локте и говорил ей, что ничего из отведённого Господом ему не осталось, она успокоительно тихим, но уверенным голосом отвечала:

РЕЗНИКОВ Филипп Александрович родился в 1981 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы С. Н. Есина). В настоящее время работает в Московском театре под руководством Олега Табакова начальником редакционно-издательского отдела. Печатается впервые.

— Ну, что же ты, Петруша, совсем загрустил? Ты глянь только, какое солнце на улице! Вот видел бы ты его, и страдал бы куда меньше.

Она переводила взгляд в окно, за которым было серо и моросил зимний дождь, и Волков смотрел туда же и пытался улыбнуться, чтобы показать ей, что он ещё понимает то, о чём она говорит, и ценит то, как она это говорит.

Вскоре он снова без сил падал на подушку, погружаясь в очередные болезненные видения, конца и края которым не было. Жена его отлучалась ненадолго на кухню, где наспех заваривала себе горький, невозможный, как вся её жизнь в последние годы, чай, выпивала его без удовольствия, но замечала про себя, что чаепитие состоялось, и возвращалась к постели Петра Осиповича, лежащего ничком, тихого, словно он уже перестал дышать. Она клала руку ему на спину и этой самой рукою слушала, бьётся ли внутри его исхудавшего тела сердце, теплится ли в нём ещё хоть маленький огонёк жизни. И когда ей удавалось различить слабое биение сердца, она успокаивалась, поднимала с пола старый журнал и принималась читать статьи, читанные уже не раз. Сидя на стуле и почти не вникая в написанное, она прислушивалась к собственной боли и, невзирая на неё, пыталась набраться сил.

* * *

В ночь на Страстную пятницу в дверь избы, в которой разместился командир полка Волков, громко постучали. Возможно, чуткий сон полковника оборвался с первым же ударом — точно он сказать не мог. На печи завозилась хозяйка, в углу вздохнул Кухарчик, молодой поляк, второй год состоявший при Волкове денщиком.

Полковник сел на койке, поёжился от холода и закрыл лицо ладонями. Ему ничего не хотелось: ни вставать, ни открывать дверь, ни тем более говорить с кем бы то ни было. Телефонная связь со штабом прервалась два дня тому назад, и теперь он решил, что это приехали непременно оттуда с каким-либо поручением или даже приказом. Ничего знать об этом полковнику не хотелось.

В дверь постучали ещё раз — настойчивее, сильнее, вероятно прикладом винтовки.

До Волкова донеслись голоса. Голоса, как минимум, нескольких человек. Кто-то тяжело кашлял, кто-то рассмеялся. Видимо, к полковнику среди ночи явилась весёлая компания солдат, явно желавших от него чего-то важного и срочного.

— Кухарчик, — позвал он денщика, — спишь, что ли?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, — отозвался поляк.

— Ну, ты уж... — Волков на мгновение задумался. — Брось это, про благородие... Не понимают они этого.

Волков с печалью поглядел на хозяйку, уже соскочившую с печи и разжегшую лампу. На её не старом ещё лице виднелись морщинки: на лбу и возле уголков глаз. Она ходила вдовою третий год: муж её погиб под Танненбергом в конце августа четырнадцатого года.

— Слушаюсь, господин полковник, — ответил Кухарчик так, как теперь было принято, но по голосу было слышно, что он этим недоволен.

— Пойти, что ли, открыть им? — безразлично спросил Волков то ли у хозяйки, то ли у денщика.

Он посмотрел на иконы в красном углу.

— До чего же холодно у тебя в избе, — всё тем же бесцветным голосом сказал он хозяйке, натягивая поношенные, измазанные тёмной глиной сапоги.

— Сами же велели дрова беречь! — ответила женщина виновато.

— Да знаю, знаю...

Он приблизился к двери в тот самый момент, когда в неё постучали в очередной раз.

— Открывайте, ну же! — послышалось со двора.

Волков узнал голос. Он принадлежал старшему унтер-офицеру Федулову, высокому красивому парню, кажется, из Малоярославца. Федулов был

неплохим человеком, но скверным солдатом: ему совсем не хотелось воевать. Конечно, воевать вообще мало кому хотелось, но большинство помалкивало, а Федулов молчать не мог, а потому вечно вокруг него всё бурлило, как-то даже по-революционному — смущал он своими разговорами о бессмысленности войны других солдат. Они слушали его жадно и жарко поддерживали, негласно избрав своим лидером, невзирая на старших офицеров. Сначала одна рота, а затем и весь волковский полк (от него после недавних боев осталось менее двух третей людского состава, а на пополнение вряд ли стоило рассчитывать) начали проявлять признаки разложения, усугубившегося ещё больше после того, как в Петрограде Керенский издал свой приказ номер один, цитировать который солдаты не уставали изо дня в день. Слова того приказа были наизусть известны и Волкову. И известны, и ненавистны одновременно.

Волков понимал одно: полк воевать не хотел. Возможно, воевать не хотела вся дивизия, весь корпус, целая армия. Люди не желали гибнуть просто так, без идеи. Без царя. Даже когда был царь, они не хотели гибнуть за него. Не все, конечно, но некоторые. Сейчас же и вовсе, казалось, не за кого погибать; даже слово “отечество” не вдохновляло солдат. Они устали, они хотели домой к своим семьям, они хотели мира. Волков мог это понять, но не мог этого допустить, потому что перед ним были немцы, а позади — то самое Отечество, которое следовало защищать ради самих себя, ради своих близких, ради будущего. Именно это Волков пытался донести до полка, но полк лишь свистел, иногда смеялся, а порою молчал. Волков мрачнел с каждым днём, как мрачнеет с каждым днём осеннее небо.

Он отпер дверь и распахнул её наружу, чуть не зашибив кого-то из стоявших на пороге. Тут же из темноты в свет шагнул Федулов, бывший чуть ли не на голову выше командира полка. Широко улыбаясь и поправляя соломенного цвета волосы, он бодро отрапортовал:

— Доброй ночи, господин полковник! Мы к вам с делегацией.

Волков недобро ухмыльнулся: он не любил слова “делегация” и “депутаты”, они вызывали у него изжогу. Порой ему казалось, что эти слова звучат чаще остальных.

Ему захотелось съязвить в ответ, но он вовремя вспомнил одного капитана, который не так давно огрызнулся и при солдатах назвал совет рабочих и солдатских депутатов советом собачьих и рачьих депутатов. Это стоило капитану жизни: кто-то из солдат продырявил его штыком и торжествующе заключил, что время офицеров теперь прошло и им теперь без комитетов не то что командовать не полагается, но и иметь собственное суждение.

— Вам, господин полковник, текущее положение дел смешно, как я вижу, — не переставая улыбаться, заметил Федулов, — но вы осторожней со словами, а не то ручаться, что... — Он обернулся к своим товарищам. — Иными словами, вы должны понимать.

Волков не ответил. Федулов же торопился продолжать и пристально смотрел полковнику в глаза, но ничего не разглядел в них, кроме равнодушия и какого-то неясного упрека.

— Так вот... — произнёс Федулов, понижая голос.

— Говорите скорей. Избу застудите.

— Мы пришли к вам с требованием и желаем, чтобы оно было беспрекословно удовлетворено, — важно проговорил глава делегации.

Десяток пар внимательных глаз уставился на полковника. Он видел только тех солдат, на кого падал свет лампы, которую продолжала держать хозяйка, ставшая по правую руку от него, но он знал, что там, в темноте двора, есть ещё люди. Он слышал, как переминаются на сырой земле их ноги в скрипучих сапогах.

— Федулов, не томите, — сказал Волков.

Он понимал, отчего медлит унтер-офицер, почему так внимательно смотрит в глаза: тот надеялся обнаружить в командире страх; он сладострастно упивался мгновением, ощущением своей силы, важности и, вероятно, правоты. Всё это Волков видел в глазах Федулова, а тот ничего не мог прочитать по глазам и лицу полковника, знавшего, что, стоит ему проявить хоть в чём-то слабость, как этот солдатский рой сожрёт его, не оставив костей.

Офицер в армии стал никем (ему даже нельзя было получить оружие без разрешения комитета) — тем, кого безнаказанно можно было унижить, растоптать, убить, зная, что комитет избранных депутатов отыщет оправдание для такого убийства. С таким положением дел приходилось мириться, несмотря на то, что в груди Волкова клокотало море несогласия, разочарования, негодования от сложившегося порядка.

— Мы требуем, господин полковник, — заговорил, наконец, Федулов, не думая стирать со своих губ некрасивую ухмылку, — чтобы вы устроили нам разговенье.

— Именно что требуем! — раздался чей-то голос из темноты, а за ним ещё один, подтвердивший сказанное Федуловым.

— Вы, господин Волков, должно быть, знаете, что в обычае русского народа справлять Пасху, вспоминая тернистый путь Христа, его мучения и казнь через распятие. — Федулов говорил словно с издёвкой, с нескрываемым сарказмом, чтобы разозлить, вывести из себя полковника, но тот и бровью не повёл и слушал речь унтер-офицера бесстрастно. — И вспоминая о печальной участи Господа нашего Иисуса Христа, а через то об его Светлом Воскресении, мы хотим разговения в положенный день.

— Излагайте просьбу конкретнее, без иезуитства, сквозящего в ваших словах, — оборвал его Волков и следующие несколько слов произнес так отчётливо, чтобы их услышал каждый из собравшихся перед избой. — Чего именно вы хотите?

— Мы хотим, чтобы даны нам были куличи и яйца.

Полковник усмехнулся и поглядел на Кухарчика, застывшего за его спиной. Тот растерянно пожал плечами.

— То, чего вы требуете, вряд ли исполнимо в настоящих условиях. Вы должны это прекрасно понимать, как человек, который был избран... Как у вас это зовётся? В комитет. В депутатский. — Волков говорил медленно, словно взвешивая каждое слово, но вместе с тем пренебрежительно. Ему даже нравилось, как от подобных слов солдаты, стоящие перед ним, меняются в лицах и явно обдумывают, какой дать ответ. Конечно, полковник рисковал, говоря так, но риск не был ему страшен. — В полку нет ни муки, ни яиц, ни сахара. Иными словами, полк настолько нищ, что странно, как мы вообще находим, чем себя накормить. Кругом, извольте видеть, Полесье, земля, изнурённая четырьмя годами войны, земля, на которой ничего не осталось. Она никого не кормит, она только принимает в себя всё новых мертвецов и, может статься, однажды примет нас с вами.

— Тут вы ошибаетесь, — бросил Федулов нервно, — вы, может, и ляжете в эту землю, а я буду жить, невзирая ни на какие сложности, уж будьте спокойны.

— Мне импонирует ваш оптимизм, — ответил Волков, — но о том, лежать вам в полесской земле или не лежать, ведаёт лишь Тот, Кто в этот самый день принял смерть на кресте за нас с вами — за двух людей, в ночи решающих, как им справить Его Воскресение, невзирая ни на какие сложности, как вы выразились. Я очень рекомендую лично вам, Федулов, и вашим товарищам, разбудившим меня среди ночи, всерьёз задуматься о том, что ваша просьба, какой бы благородной она ни была, не может быть удовлетворена. Идёт война, и, стало быть, Пасху нам следует отметить по-военному, в аскетичной обстановке, уподобляясь в скромности своей самому Иисусу. В конце концов, Пасха — это не кулич, который вы хотите съесть, а музыка в сердце, обливающимся кровью и тоскующем по Христу. Ясно ли я выражаюсь?

— Так точно, ваше высокоблагородие! — неожиданно выпалил Кухарчик, на которого слова полковника произвели, видимо, серьёзное впечатление.

Никто больше не спешил ему ответить. Он чувствовал, что солдаты ошарашены и пока что обдумывают сказанное, но непременно выскажутся, и ответ их, вероятно, будет направлен на то, чтобы его, Волкова, устроить. Так оно и произошло.

— Знаете что, полковник, — без всякого уважения, даже предписанного треклятым приказом Керенского, обратился к нему солдат Михайлов,

сорокалетний мужик, вдовец, пьяница и дебошир, потерявший половину зубов в пьяных драках с другими солдатами, — говорить вы мастак, а на деле чудака, если не выразиться иначе. Не видите, поди, какая мы есть серьёзная сила и что шутки с нами плохи?

— Я всё вижу, — спокойно отвечал полковник, — но если вы намерены взять меня приступом, пригрозив чем угодно, то имейте в виду, что я та самая крепость, что приступом не взять. Я не из пугливых, и кое-кто из вас об этом знает наверняка, потому что кое с кем из вас мы вместе ходили в атаку. Или кто-то имеет противоположное суждение?

Солдаты стали перешёптываться. Волкову было настолько безразлично, о чем они сейчас говорят, что он даже не пытался прислушаться. Слово снова взял Федулов.

— Раз вы так храбры, извольте найти смелость изыскать любым путём то, о чём мы просим. В противном случае, — здесь старший унтер-офицер повысил голос, — мы примем меры и будем вынуждены спросить с вас за это со всей строгостью.

— Позвольте узнать, какой будет формулировка моей провинности?

Солдаты вновь зашумели, но Федулов молчал, давно уже зная, в чём желает обвинить командира.

— Мы постановим, что ваша заботливость о нас и наших нуждах недостаточна, и приговорим вас к расстрелу.

Холодок пробежал по спине Волкова, но не от страха, а от ощущения вопиющей несправедливости, от осознания бесконечной нелепости случившегося. Следовало держать себя в руках, он прекрасно понимал это, но всё его существо бунтовало против происходящего, и ему хотелось закричать, ответить зарвавшемуся Федулову так строго, как полагается в подобной ситуации любому здравомыслящему офицеру. Он внутренне даже был готов к тому, что его уничтожат прямо сейчас, на пороге избы, хозяйка которой всё ещё стояла рядом, но уже закрыла глаза и, казалось, молилась про себя. Кухарчик зачем-то похлопывал себя по ляжкам — какая-то мысль бередила его, но было похоже, что он не может на ней сосредоточиться.

— Воля ваша, — ответил Волков после некоторой паузы, — вы можете меня расстрелять, но, ей-богу, это будет самый глупый поступок в вашей жизни.

Эти слова не понравились Федулову; он заиграл желваками, словно готовясь плюнуть командиру в лицо, но вместо этого хрипло прошипел:

— Не только вас, полковник, но и всех ротных.

— Яйца и кулички к разговению. Это всё, чего мы требуем, — послышался голос из темноты. — Не очень многого просим, господин полковник. Мы тоже люди, у нас тоже Пасха.

* * *

— Кухарчик, прикажите ротным прибыть ко мне срочно.

Это были первые слова Волкова с того момента, как солдаты разошлись.

— Слушаюсь! — бодро ответил Кухарчик и, накидывая шинель на плечи, поспешил из избы. Ему предстояло объехать несколько домов в двух деревнях, в этой и соседней.

Полковник не был испуган. Собственная жизнь в эти минуты представлялась ему чем-то внезапно обесценившимся, чем-то, что уже не имеет ни малейшего значения. Волков строго спрашивал себя, что же тогда имеет значение в нынешней обстановке, и приходил к выводу, что самым главным является спасение жизни тех, на чью жизнь солдаты задумали покушаться. Не боясь за себя, он боялся за жизнь своих офицеров — шестерых людей, которые ему доверяют и которые в него верят. Подвести их было нельзя. Но как не подвести, рассуждал он далее, если просьбу солдат исполнить невозможно. Обращаться в штаб дивизии, корпуса он считал бесполезным: а что они там, наверху, поделают, если здесь комитет, в руках которого ныне вся власть, что-то взял да постановил? Кто знает, какие комитеты собраны

в дивизии и в целом по армии, какие дела проворачивают они. Всё это было Волкову неизвестно. Следовало, таким образом, отправиться на поиски муки и яиц, имея, однако, в виду, что ни того, ни другого сыскать не удастся. Выходит, он собирался дать подчинённым приказ, который те не исполнят. Это злило полковника. Не лучше ли сразу отправиться в ближайший овражек и там принять смерть после унижений и осмеяния со стороны солдат?

Когда ротные прибыли — все шестеро, — Волков поднялся им навстречу, каждому крепко пожал руку, и недоумение появилось на лицах этих людей, большей частью ещё не проснувшихся, небритых, продрогших. Сейчас их лица показались полковнику такими родными, что он, будь он чуточку сентиментальнее, наверняка расчувствовался бы и обратился к ним эмоционально, не скрывая волнения. Но он не мог позволить себе подобную слабость.

— Я приказал вас разбудить, имея в виду выполнение одной крайне важной задачи. Она потребует от вас старания.

Он решил не сообщать, что не верит в успех предприятия. Он говорил так, словно был убеждён в том, что задача легко решается. Ротные слушали его внимательно и пока ещё не понимали, к чему он ведёт. Кухарчик ни словом не обмолвился, для чего их разбудили в четыре часа утра и требуют к началу дня.

— Около трёх часов тому назад, — продолжил Волков, — ко мне явились солдаты, называя свою толпу депутацией. Это их право называть себя как угодно, спорить я не стану. Депутация напомнила мне, что через два дня они собираются праздновать Пасху, а потому, следуя установленным обычаям, хотят разговеться куличами и яйцами.

Ротные по-прежнему хранили молчание, глядя на полковника, такого же внешне спокойного, как они сами.

— Наша задача, господа, удовлетворить их требование во что бы то ни стало.

— Но что мы можем? — не выдержал капитан Могилевский.

— Очень многое, а именно: отправиться по ближайшим деревням.

— И начать отнимать то, что у крестьян припасено на чёрный день?

— Чёрные дни давно наступили, — мрачно проговорил штабс-капитан Вересков, закуривая.

— Отнимать нельзя, — ответил Волков. — Нужно... Просить. — Он не поверил собственной интонации.

— У них всё равно ничего нет, — сказал Вересков, открывая дверь избу и выпуская наружу табачный дым.

— Как бы то ни было, господа, — подвёл итог Волков, — задача перед вами поставлена, прошу выполнять.

— Ваше высокоблагородие, — обратился к нему штабс-капитан Мазуров, — правильно ли я понимаю, что вы пошли на поводу у требований солдатни, которая, вы уж простите меня за дерзость, с каждым днём делается всё наглее и наглее?

Полковник чувствовал, к чему клонит ротный, и ему не нравилось, до чего может довести подобный разговор. Его следовало пресечь, но нужных слов Волков не находил.

— Так что же? — настаивал Мазуров. — Мы пытаемся спасти свои шкуры?

— Буду с вами предельно откровенен, — под испытывающими взглядами своих офицеров Волков, наконец, решился заговорить, — дела наши плохи. Если мы не обеспечим солдат желаемым, нас расстреляют.

Теперь словно раздался неожиданный выстрел — все оторопели и глядели на полковника непонимающе.

— Вы говорите об этом так спокойно, словно мысль об этом вас не пугает, — заметил Могилевский.

— Вы совершенно правы, мысль о возможной скорой смерти меня не тревожит. Не должна тревожить она и вас. Вероятно, мы погибнем и погибнем притом не героями. Иного выхода нет. Или, быть может, вы предложите бежать? — Волков усмехнулся собственному предположению, но не увидел реакции на лицах своих офицеров. Никто из них не думал о том, что можно попытаться спастись бегством.

— Мы никогда не были дезертирами, — ответил Вересков, — так почему же мы должны ими стать, когда распоясавшиеся солдаты хотят установить свои порядки?

— Разумеется, ваше высокоблагородие, — продолжил Мазуров, ободрённый словами товарища, — мы приложим все усилия, чтобы выполнить поставленную задачу. Разрешите идти?

— С Богом! — ответил Волков, тяжело опускаясь на стул. — Выступайте, как рассветёт.

Ротные уже направились к выходу, как вдруг он остановил их:

— Помните: никого обидеть нельзя. Силой не отнимать, людей беречь, как самих себя.

Ротные, все до одного, согласно кивнули и вышли из избы.

Полковник решил прилечь и вздремнуть до рассвета, но сон не шёл. В избе было темно, только свечка, догорая, еле теплилась под образами. В своём углу сопел Кухарчик, уснувший сразу, как только упал на койку; на печи крутилась хозяйка — то ли ей тоже не спалось, то ли сон её был тревожен.

Волков, не смыкая глаз, прислушивался к звукам, но почти ничего не слышал. Изредка вскрикивала на улице какая-то птица. Потом он расслышал какой-то шелест, что-то застучало по окнам. Пошёл дождь. “Сколько ещё до рассвета? — подумал он и закрыл глаза. — День начинается блеклым утренним светом, а кончится... Нельзя предугадать, что будет с тобой через год, и как мучительно не знать, что случится через несколько часов”.

Сон его был крепок. Он проснулся только тогда, когда Кухарчик хорошенько встряхнул его за плечо.

— Который час? — спросил Волков, глядя на давно не бритое, какое-то тёмное лицо денщика.

— Рассвет с полчаса. Дождь хлещет.

— Ротные отправились?

— Так точно, — ответил Кухарчик. — Чаю изволите?

— Нет, ничего не нужно.

Полковник выглянул в окно. На дворе стояли огромные лужи; крутом вместо дорожек — грязное месиво. Ранняя весна, снег сошёл совсем недавно. Небо серое, низкое, неприветливое.

— Будем ждать, Ярэк, ничего не остаётся, — сказал Волков, разлаживая усы.

— Что же с нами будет? — доверительно просил денщик, вставая рядом с командиром и тоже выглядывая в окно.

— Проживём длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров. Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлёт нам судьба. Будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя...

Он улынулся и поглядел на Кухарчика. Тот, конечно, не понял, что такое продекламировал полковник, но задумался на время, а затем признался:

— Хорошо-то как сказали, ай, хорошо! Сердце аж потеплело.

Волков похлопал его по плечу:

— Это ничего. Всё перетершим, переживём.

— Хочется верить, ваше высокоблагородие, очень хочется!

* * *

Волков очнулся, оглядел комнату. В метре, в старом истерзанном кресле застыла жена. Положив на колени журнал, она дремала. В немывтое окно лился серый дневной свет. Там, за створками, шумела железная дорога. Мимо шёл товарный состав, громыхая колесами.

Нет, это был не сон, понял Волков. В жару ему привиделась Пасха семь лет тому назад. О событиях тех дней он не вспоминал все эти годы. Сначала было не до них, затем в жизни произошли события более судьбоносные и переломные, как принято говорить. В двадцатом году он в слезах простился с Россией и навсегда запомнил удаляющийся берег Крыма и волнующееся

вокруг перегруженного парохода море. Россия, полоска земли на горизонте, помнилась ему теперь яснее, чем многое другое. Дым из труб того парохода был реальной бесконечных дней и недель, проведённых вдали от Отечества, сначала в Константинополе, потом в Белграде. Наверное, не жизнь это, рассуждал он, пытаясь подняться с подушки и сесть. Жизнь осталась там, за горизонтом. Настоящее — не явь, а кошмарный сон, полный серых дней и шума с железной дороги. Жить хотелось и жить не хотелось. Мечталось вернуться в родной Петроград и жить в нём, летом выезжая в Ялту. Просто жить. И жить не хотелось — здесь, на чужой стороне, где ты только существуешь, мысленно каждое мгновение устремляясь туда, в неизвестную даль, в страну, поруганную большевиками, в страну, ставшую печальным памятником самой себе прежней, такой, какой она никогда уже, наверное, не будет.

Волкову удалось сесть ровно. Заслышав его шевеление, жена наблюдала за ним, не подавая виду, и он не знал, что она не спит.

Теперь предстояло самое трудное — встать. Ему удалось это не сразу. Когда же он, наконец, поднялся и встал сторбенно рядом с кушеткой, жена обратилась к нему строго:

— Куда ты собрался?

— Мне нужно. Тут недалеко.

Он сделал шаг. Затем ещё...

Вот он уже стоит возле платяного шкафа и тянется к дверной ручке. Ещё мгновение, и он откроет его, и оттуда, из глубины, пропитанной запахом нафталина и старой одежды, из глубины, где притаилось его прошлое, выглянет полковничий погон, а затем Волков увидит свой выцветший китель — изношенный, старый. Тот самый китель, в котором он смотрел на уходящий берег Крыма четыре года назад. Пётр Осипович достанет его, уткнётся в него лицом и будет плакать — минуту, две, вечность.

— Петя, перестань, — скажет ему жена, — я сама сейчас заплачу. Не огорчай меня!

— Плачь, Варя, плачь! — воскликнет Волков, сильнее прижимая китель к лицу и целуя его. — Только так мы вернёмся в то время, когда были счастливы.

— Ты жесток, Петя, со мной нельзя так, — ответит она, резко вставая из кресла и уходя прочь.

— Что это с моим лицом? — спросит Волков.

— Я улыбаюсь, — растерянно ответит он самому себе.

* * *

Волков ждал терпеливо. Ему не хотелось, чтобы стрелки на часах шли быстро, как идут они обычно. Лучше бы они замедлились, тогда до рокового часа останется больше времени. Но часы шли, а Волков ждал.

Дождь давно перестал. В деревне тихо, словно все продолжают спать.

Полковник, глядя почти всё время в окно, представлял, как его люди теперь ходят по домам и спрашивают у крестьян, нет ли у тех яиц или муки. Те, конечно, отвечают, что давно ничего нет, но ротные всё равно переспрашивают. Может, не раз, не два. Волков надеялся, что ротные терпеливы с крестьянами, голоса не повышают и не угрожают силой. “Может ли быть такое, что они хоть что-нибудь отыщут? — задавался вопросом полковник. — Может ли статься, что мы спасём свои шкуры, как выразился штабс-капитан? Всякое возможно. У Бога для человека много сюрпризов — и хороших, и скверных. За каждый нужно благодарить...”

— За каждый нужно благодарить, — повторил он вслух.

— Как вы сказали? — переспросил Кухарчик.

— За всякое нужно благодарить Господа: и за дурное, и за приятное, и за важное, и за пустяк.

— Я благодарю! Не далее, как сегодня ночью, благодарил, не спал.

— Ты же сразу уснул, как головой подушки коснулся, — улыбнулся Волков.

— Никак нет, я молился!

— Похрапывая?

— Это я так напряжённо сопел, — смутился Кухарчик.

— О чём же ты молился?

— Спасибо Христу говорил, что не сейчас застрелили, а дали новый день увидеть.

— Ну и ну, — только и ответил полковник.

— Чего ж не благодарить...

Со стороны дороги послышался стук копыт. Вскоре показался всадник. Он въехал во двор, спешился и поглядел на окна. Заметив лицо полковника за мутными стеклами, Могилевский лишь развёл руками. Волков понял всё без доклада, который капитан сделал спустя полминуты.

— Вообще ничего? — спросил Волков у капитана.

— Ни крупинки муки. Яиц пара...

— Будем ждать других, — решительно сказал полковник.

— Думаете, найдут, другие-то? — робко спросил Могилевский.

— Я с самого начала полагал затею обречённой. Но не сидеть же на месте.

— И то верно, — согласился капитан. — Вы не вспоминайте, что я говорил прежде. Я ведь на деле ничего не боюсь: расстреляют, так пусть, не много мне в том печали. Жаль одного: жена и дети ничего обо мне не узнают. До конца жизни будут думать, что сгинул навек. А жив ли, мёртв ли — никто им не скажет.

— Двое у вас?

— Трое! Два сына и дочка, младшенькая. Я её видел-то раз всего, когда родилась. А потом война... Сам, знаете, думаю, как же это я выжил, ведь когда с генералом Самсоновым из окружения вырвались, уверен был, что подохну в тех лесах и болотах. Стольких товарищей непогребёнными лежать оставил! А сам вот, видите, живой. — Могилевский усмехнулся. — Жи-во-о-й!

Это последнее слово показалось Волкову странным, как будто незнакомым до этой минуты. В нём слились неясная тревога, гудевшая в груди, у самого сердца, и удивительная радость, зашевелившаяся в уголках губ. Полковнику вдруг стало легко, будто не было у него на уме никаких забот, и не шла война, и он не ждал никаких известий.

Перенесшись мысленно в свою квартиру на набережной Фонтанки, в дом, стоящий на пересечении с Гороховой, где прожил он с женой около пяти лет, полковник припомнил долгие зимние вечера, тепло печки, круг от лампы с зелёным абажуром на письменном столе, раскрытую книгу перед собою, поблескивающие зрачки жены, сидящей тут же, на песочного цвета диване. Вспомнив теперь об этом, он печально вздохнул и даже махнул рукой, словно на всё то, что никогда в его жизни уже не повторится. Был ли он огорчен тем, что минувшее не воротить, он не знал. Он вообще не понимал, что именно сейчас важно: невозвратное былое, беспокойное настоящее или неведомое будущее, которого у него нет и быть не может.

Возвращались ротные, сообщая, что ничего найти не удалось, даже в деревне, где, по слухам, живёт пара самых зажиточных местных крестьян. Завершив доклад, ротные садились на низкую скамейку подле печи и замирали. Волков, кажется, понимал, о чём они думают, но утешить ничем не мог. Ему самому неоткуда было взять утешение.

Когда же вернулся последний из посланных на поиски ротных, Волков всех поблагодарил за работу, посмотрел на часы (было без четверти пять), приказал Кухарчику седлать лошадей и вышел на крыльцо.

Воздух был холодный, ветер пробирал до костей. Мокрая от прошедшего дождя земля казалась мёртвой и чёрной. Когда Кухарчик подвёл лошадей, полковник, не медля, запрыгнул в седло и, приказав денщику следовать за ним, выехал со двора.

Проезжая мимо одного из домов, он заметил Федулова, крутившего папиросу и поглядывавшего на дорогу. Заметив командира полка, унтер-офицер в шутку вытянулся в струнку, как того требовал прежний, устаревший

теперь устав, и широко заулыбался. “Сейчас спросит”, — подумалось Волкову, однако Федулов ни слова не проронил, но по взгляду его полковник прочёл, что тот всё знает, но пока ждёт, когда приблизится час расплаты. Волков был уверен, что Федулов и его товарищи больше куличей ждут момента, когда наставят дула винтовок на своих командиров и, нащупав не сомневающимися пальцами курки, спустят их, позабыв обо всём, сладострастно желая увидеть чужую смерть, как будто за годы войны эту самую смерть они видели недостаточно.

Сам Волков каждую новую смерть встречал отрешённо, отводя глаза. Он был привычен к виду крови и мёртвых тел, но сердце его, так и не зачерствевшее (о чем он порой жалел), не хотело принимать всё то, что видели глазами. Насильственная смерть до сих пор представлялась ему явлением странным и нелогичным.

Федулов и его мерзкая улыбка остались позади, и вскоре полковник и его денщик выехали из деревни. Кухарчик, наконец, прервал молчание:

— Куда едем, ваше высокоблагородие?

— В Середняки, — решительно ответил полковник.

— Это ж пятнадцать верст в одну сторону, а уже темнеет.

— Сам вижу, — раздражённо бросил Волков.

— И что там, в Середняках? Найдём разве что? — продолжал расспрашивать Кухарчик, не любивший подолгу молчать.

— Поглядим, — всё так же раздражённо ответил полковник, и денщик понял, что расспросами его лучше не донимать.

* * *

Скакали, казалось, целую вечность. В темноте, по плохой дороге, которую и дорогой тяжело было назвать. Лошади местами шли неуверенно, увязая в грязи. Небо прояснилось, выступили тусклые звёзды. Волков смотрел то на них, то вперёд, в холодную мглу; прислушивался к стуку копыт, к чавканью грязи под ногами лошадей. Он был уверен, что едут они в деревню, в которой ещё не побывали его ротные, напрасно и ничего там найти не удастся. Но ему опостылело сидеть в доме, в тишине плохо натопленной избы, где хозяйка, хотя и молчала, то и дело посматривала на него обеспокоенно. Ему хотелось надыхаться теперь, пусть и говорят, что перед смертью не надыхаешься; ему хотелось побыть наедине с мрачной природой, ещё не отделившейся до конца от дыхания долгой зимы. Ему многого хотелось в эти минуты, но он сознавал, что чем больше желаний, которым не суждено было сбыться, тем сильнее печаль, ненавистнее обстоятельства, тем жалче самого себя. А жалеть себя он намерен не был.

Тот, кто жил в крайнем доме в Середняках, явно прислушивался к тому, что происходило на улице. Стоило только Волкову и Кухарчику въехать в деревню, как свет в доме погас.

Полковник спешился у самого тына, постоял в нерешительности, затем прошёл во двор и постучал негромко в дверь. Никто не ответил. Он прислушался: внутри тихо. Он знал, что люди там есть. Постучал повторно.

— Уходите, — послышался из-за двери женский голос.

Волков поглядел на Кухарчика, тот лишь пожал плечами, как делал это в большинстве случаев, когда полковник обращался к нему с каким-либо вопросом.

— Послушайте, — неуверенно произнёс Волков, — мы свои, русские...

— Вас, своих, полным-полно развелось, — ответили из-за двери. — Уходите ради Бога. Тут только я и мой старик, но он третью неделю не встаёт, видать, кончается. Ступайте!

— Давайте уйдём, — неожиданно предложил Кухарчик. — Не нужно трогать этих людей.

Волков, не отвечая, вышел со двора, взял коня под уздечку и зашагал к следующему дому.

— Никого, наверное, ваше высокоблагородие, — заметил Кухарчик, глядя на тёмные окна второго дома. — Тоже, что ль, попрятались?

— Выясним, — строго ответил полковник.

— Тут это, смотрите, тряпье какое-то по двору разбросано, — сказал денщик, озираясь. — Ну, и бардак. Осторожней, не споткнитесь!

Предупредил он поздно, когда Волков уже споткнулся обо что-то и, едва-едва удержав равновесие и чуть не упав, выругался.

— Похоже, не живёт тут никто.

Волков постучал кулаком в дверь; та, скрипнув, приоткрылась.

— Ну, говорю же, никого, пусто! — как-то даже обрадованно воскликнул денщик.

— Не совсем, — ответил Волков, пригибая голову и входя в избу.

Сразу же в нос ему ударил знакомый сладковатый запах разложения. Полковник достал из кармана платок и приложил его к лицу. Он внимательно осматривался во мраке, но толком ничего не мог разглядеть. Когда глаза чуть-чуть привыкли к темноте, он заметил на полу возле окна какую-то грудку вещей. Нет, это не грудка, решил он спустя мгновение, а тело.

— А вот и свечка! — сказал Кухарчик, зажигая её.

— Посвети сюда, — попросил полковник, указывая рукой на труп.

— Слушаю... — Голос денщика осёкся, когда свет вырвал из темноты человеческое тело, уже поддавшееся гниению.

— Дай свет сюда, Кухарчик! — нетерпеливо приказал полковник, отнимая свечу у растерявшегося денщика.

Он приблизился к трупу со свечой в руке и, не особо церемонясь, носком сапога попытался перевернуть его. Труп не поддался. Тогда Волков наклонился над ним и свободной рукой дёрнул труп за плечо.

— Вот дела. А чего это он одет, как баба? — удивился Кухарчик.

У их ног лежал старик, переодетый в женское платье.

— Убили, — констатировал Волков, осматривая два пулевых ранения в животе и груди.

За спиной раздалось гроыхание сапог денщика, выбегающего из дома. Через секунду он услышал, как того рвёт. Тут вдруг полковника осенила внезапная мысль: что, если у этого мертвого где-то спрятаны мука и яйца? И тогда как хорошо было бы — "...смертию смерть поправ..."

Через минуту молодой поляк вернулся в дом со слезящимися глазами.

— Простите, ваше высокоблагородие. Никак привыкнуть не могу...

— Это ничего, — ответил Волков. — Поищем, пожалуй...

* * *

Полковник ехал мрачный, погружённый в себя; он даже не слышал, как Кухарчик обращался к нему дважды. Поняв, что командир совсем не в духе, денщик решил его не отвлекать и вскоре сам погрузился в размышления.

Впервые за всё это время Кухарчик задумался о том, какая участь ждёт его самого, ведь обещано было, что под расстрел пойдут командир полка и ротные, а про него, обыкновенного денщика, слова не сказали. Теперь он всерьёз озадачился вопросом, не пустят ли в расход и его за компанию, если можно так выразиться. Мысль об этом испугала Кухарчика, и он хотел было обратиться с этим важным вопросом к полковнику, но побоялся.

“Как бы избежать?” — размышлял он, вспоминая родной дом в Радоме, где остались у него мать-вдова и две младших сестры. Писем от них не было с самого конца первого года войны, и он не ведал, живы они или нет, живут ли на оккупированной немцами территории или бежали на восток, поближе к столице или, быть может, Москве.

Двадцать два года, которые прожил Кухарчик на свете, казались ему ничем. “А что у меня в жизни было? — спрашивал он сам себя и с печалью отвечал: — Да ничего не было. Женщину толком не познал, только с продажными имел дело... А они ничего не значат. Любви не было даже. То есть

была, но без ответа, печальная любовь, грустная и глубокая, с ума сводившая, нервы поистрепавшая”.

Конь под полковником перешёл на шаг. Кухарчик притормозил своего.

— Недолго осталось, — задумчиво проговорил Волков.

— Так точно!

— Даже не знаю, что нас с тобою ждёт. Как думаешь, там они уже?

— Кто?

— Федулов и его депутаты. Ждут нас, думаешь?

Кухарчик пожал плечами. Сердце его стучало быстро, кровь пульсировала в висках. Голова сделалась тяжёлой. “Так, наверное, страх к голове приливает”, — подумал он.

— А вы... Вы боитесь? — спросил он полковника.

— Ты хочешь узнать, жалко ли мне жизнь свою отдать?

— Ну да, наверное...

— Жалко, очень жалко. Потому, что без цели её отдам. Ни за грош. Чего хорошего упасть в лесу, сражённым пулей, пущенной твоим же солдатом? Да не по ошибке пущенной, а преднамеренно, с расчётом. Не так я думал кончить эту войну.

— А как? — тихо поинтересовался Кухарчик.

— В лучшем случае победой, в худшем — в честном бою, от руки врага.

— А победа... Она возможна?

Последний вопрос Волкова рассмешил:

— Это следует у Керенского спросить или у тех, кто в Петрограде себя властью объявил. И у солдат, — прибавил он затем, — которые мира требуют. Любой ценой. Мира и власти над офицерами. Нет у них иных желаний. Вот ты, Ярек, почему не с ними?

— С кем это?

— С Федуловым и его друзьями. У них первый приказ Керенского важней Библии теперь.

Кухарчик перекрестился.

— Куда уж важней Библии, скажете тоже!

— Так почему ты не с ними?

— Я не знаю, ваше высокоблагородие... Хотите верьте, а хотите нет, но мне старые порядки по душе, а это — напридумывали... Не разберёшь, к чему призывают, за что агитируют. Помните, агитатор приезжал? Я так и не понял, о чём он толкует, а его и след простыл, едва услышал артиллерийскую канонаду за лесом.

— Это верно, — согласился Волков, — понять их нелегко...

В избе, в которой квартировал полковник, вопреки его ожиданиям никого, кроме хозяйки, не оказалось. Он с порога осведомился, не приходил ли кто к нему, и, получив отрицательный ответ, немало удивился, но решил между тем, что всё же скоро придут, ждать не заставят.

В полночь пили чай. Ложиться никто не собирался. Хозяйка, забравшись на печь, не отгородилась занавеской и лежала, подложив под голову ладони, всё смотрела на полковника. Он изредка перехватывал её взгляд на себе и смущался: ему казалось, что слишком много нежности в том взгляде, нежности нерастраченной, нежности, истосковавшейся, наверное, по мужику. Взгляд этот был ему ясен, но вместе с тем неприятен, будто им она хотела его утешить, заставить забыть о том, что происходит. Но он ждал.

Он ждал. До часу, до двух, до трёх. После трёх его сморил сон: он уснул, положив голову на стол. Очнувшись через пару минут, открыл глаза и принялся рассматривать испещрённую порезами поверхность дубового стола, судя по всему, старого, сколоченного, видимо, ещё при ком-то из родителей хозяев дома.

Хозяйка тихо спала на своей печи, так и не задвинув занавеску. Кухарчик, напротив, не спал: он глядел в тёмный двор, сидя неподвижно и беззвучно. Взгляд его был напряжён. Такого лица у своего денщика полковник ещё не видел: до этой ночи все выражения лица молодого поляка были как будто легкомысленны, а теперь лицо его выражало тревогу и какую-то болезненную горечь и, быть может, невысказанную обиду.

Около шести утра во дворе зазвучали голоса. Полковник поднял голову от стола и поглядел на Кухарчика. Тот внимательно наблюдал за происходящим снаружи, в утренних сумерках.

— Два десятка солдат. Федулов с ними, — комментировал денщик. — А вот, погодите, ведут наших офицеров. Все, кажись, тут. Руки за спиной. Смотри-ка, арестовали!

Волков приблизился к окну. Действительно, все были тут: Могилевский, Вересков, Мазуров, Грибков, Сергеев, Вольнский. Могилевский заметил в окне лицо своего командира и теперь смотрел на него. Волков кивнул капитану и отошёл вглубь избы.

— Что ж, пора, — решил он. — Не будем дожидаться, пока они сами войдут сюда. Выйдем навстречу.

— Ваше высокоблагородие, — еле слышно проговорил Кухарчик, — а мне-то что делать? Как же я?

— Оставайтесь тут и не выходите, — вынужденно улыбнулся полковник, видя страх в глазах своего денщика. — Вас они не тронут.

Как-то обреченно опустил Кухарчик на стул и обхватил руками голову. Он не видел, как полковник выходил из избы, слышал только, как хозяйка крикнула тому вслед:

— Шинель возьмите!

Волков отмахнулся от неё и прикрыл за собой дверь.

У крыльца его уже ждали. Федулов выглядел бодро и свежо — видимо, хорошо спал минувшей ночью.

— Доброе утро, господин полковник, — приветствовал полковника солдат, передавая свою винтовку одному из товарищей, стоявших рядом, и протягивая командиру руку.

— Если вы пришли меня арестовывать, — ответил полковник, не протягивая руки в ответ, — то делайте свое дело. Комедий тут разыгрывать не нужно.

— А вы храбрец, господин полковник, — хохотнул кто-то из солдат.

Волков отвечать не стал.

— Итак, господа офицеры, — произнёс Федулов торжественно, когда командир сошёл с крыльца, а он остался стоять на нём один, — вчерашнего дня наша депутация вежливо потребовала от вас подготовить всё для разговения нашего полка в связи с Пасхой, которая будет иметь место завтра. — Говорил он до того нескладно, что, разочарованный, полковник даже громко сплюнул себе под ноги. — Как мы понимаем, и, видимо, господам офицерам нечем будет это опротестовать, ни куличей, ни яиц, необходимых для празднования Христова Воскресения, у нас не будет. В связи с этим комитет постановил наказать офицеров полка, не желающих заботиться о солдатской доле, не считающихся с интересами полка и его наиглавнейшими потребностями.

— Тебе бы в Петрограде с трибуны голосить, — зло бросил штабс-капитан Вересков.

— Вы ещё получите возможность высказаться, а пока я попрошу вас помолчать.

— Кончайте, Федулов, слушать тошно, — негромко сказал полковник, ежась от холода. Сейчас он уже жалел, что не взял с собою шинель.

— Как я уже сказал, комитет постановил наказать офицеров полка...

— Иными словами, обезглавить и без того натерпевшийся полк, когда идёт война, — проговорил Волков, негромко обращаясь к офицерам.

— ...и приговорить их к расстрелу, — продолжал Федулов, не обращая на него внимания. — Приговор привести в исполнение желаем сейчас, не откладывая на завтра, когда мы будем вспоминать о Христе, отдавшем жизнь свою за грехи наши.

— Ну, пономарь, — не сдержался Вересков, — как будто всю жизнь перед народом выступаешь.

Федулов сошёл с крыльца, подал знак солдатам, и те заторопили ротных,

выгалкивая их прикладами на дорогу. Волкова никто связывать не стал, но обступили его два солдата и, взяв под руки, повели вслед за остальными. Позади всех шёл Федулов, а с ним ещё четыре человека.

Волков не смотрел по сторонам; взгляд его был устремлён прямо, в спины ротным. То один, то другой оборачивались на него как будто с немим вопросом: “Что дальше?”

Шли медленно, долго, томительно. Полковник замёрз, ещё когда стоял во дворе, слушая нелепый солдатский приговор; теперь же холод пронизал всё его тело, которое ныло, тщетно пытаясь сопротивляться морозному воздуху и порывам ледяного ветра. День сегодня был намного холоднее вчерашнего.

Волков утешал себя мыслью, что скоро всё это кончится — вот это мучение, этот долгий путь неизвестно куда (может быть, к берегу пруда за деревней), сама эта глупая история. С каждым шагом собственная судьба становилась ему всё безразличней; жаль было только ротных, с половиной которых он прошёл долгий путь: делил с ними радости и невзгоды, победы и поражения. С ними не раз ходил в атаку, не раз отступал, бросая позиции, уходя с низко опущенной головою. Они давно сделались ему близкими людьми, только он ни разу не говорил им об этом — ни Могилевскому, ни Мазурову, ни Верескову. Не потому, что был не слишком сентиментален и не позволял себе подобных разговоров, а потому, что считал подобные признания ненужными, расхолаживающими, лишними на войне. “Вот доживём до победы, до послевоенного времени, тогда и признаемся друг другу, в чём ещё не признавались”, — думал он. Когда погиб в его полку один капитан, очень хороший человек, с которым он шёл с самого начала войны, Волков горько плакал над его могилой в прифронтовом лесочке, между трёх молодых елей. Плакал и жалел об одном: ни разу не признавался капитану в своем расположении, в своих дружеских чувствах, в своей привязанности, в своей благодарности за всё. Корил себя, понимая, что порою глупо держать чувства в себе. Но было поздно.

Выйдя из деревни, повернули налево. “Значит, не к пруду ведут, — решил полковник, — куда-то ещё”. Вскоре показался березняк — голый, редкий, какой-то сиротливый. “Неужели здесь? — пронеслось в голове Волкова. — Вот здесь, среди тоненьких стволов берёз, обдуваемые ветром, и погибнем? Как нелепо. Несправедливо!”

И действительно, вскоре оказались среди берёз. Шуршали прошлогодними листьями, пережившими зиму под снегом, который ещё лежал клочками то тут, то там; глубоко дышали, выпуская облачка пара; переглядывались, понимая, что всё — финал, никуда не деться, не убежать, не миновать скорбной участи. Оставалось сгнуться в Полесье, чтобы никто из родных никогда не узнал о случившемся.

Молча расставили солдаты арестованных офицеров в одну шеренгу, лицом к дороге, сами выстроились перед ними. Федулов прохаживался меж своих людей с озабоченным видом, то и дело поглядывая на дорогу, в ту сторону, откуда пришли. Волков тоже стал смотреть в том направлении и через несколько минут заметил приближающихся солдат, волнующуюся волну шинелей и ряд штыков над нею. Когда солдаты подошли к месту расстрела, полковник понял, что Федулов привёл сюда всю свою роту. “Неужели каждый будет стрелять?” — подумал про себя Волков.

Кое-кто из пришедших присоединился к расстрельному взводу, остальные же встали за их спинами, мрачно поглядывая на арестованных офицеров.

Волков поймал себя на том, что дрожит. Дрожит от холода. Дрожь эту следовало унять, чтобы в глазах своих палачей выглядеть достойно. Это ему не удавалось, и он злился на себя.

— Жаль, шинель не захватил, собачий холод, — сказал он Могилевскому.

— Это вы, действительно, зря, ваше высокоблагородие, — согласился штабс-капитан. — Но уж недолго, перетерпите.

— Терплю.

— Эй, ну, сколько можно ждать? — не выдержал Вересков, делая шаг вперёд. — Кончайте это. Это же сущее мучение. И нас не мучьте, и сами расходитесь. Устроили целый митинг, ей-богу.

— А ну молчать! — прикрикнул на него Федулов.

По его лицу видно было, что он сам уже не рад тому, что происходит. Вероятно, он предполагал, что всё произойдёт по-другому: что рота подойдёт к березняку с бравой песней на устах, с блеском в глазах, с чувством справедливости, которая вот-вот воцарится, когда зазвучат по лесу десятки винтовочных выстрелов. Но люди пришли угрюмые, неразговорчивые, и неизвестно было, что у них на уме.

— А я не хочу молчать, — ответил Вересков. — По праву офицера я хочу говорить.

Федулов подскочил к капитану и сильно двинул тому кулаком в грудь. Вересков качнулся, но на ногах устоял. На какое-то время ему ударом перебило дыхание, но, восстановив его, капитан, смеясь, поглядел в глаза солдату:

— Другого ты и не можешь. Сегодня ты и твои люди, как вы себя ни называйте, покроют себя позором на всю оставшуюся жизнь. Грех, что берёте на себя, не смаете, даже если героями падёте под пулями врага. Вы теперь хотите мира, но его не будет. Случись мир с немцами и австрийцами, хотя его такие, как вы, не заслуживают, мира не будет в ваших сердцах. Вы, я обещаю вам это, навсегда запомните сегодняшнее утро. Наши тела, лежащие вот на этой земле, будут вам снится вечно, до самой старости, если только вы до неё доживёте. Помните мои слова. Идет война, а значит, мы должны жить по её закону, служа Отечеству, а если не Отечеству, которого, судя по всему, у вас нет, то самим себе. Вы даже не солдаты, вы сборище проходимцев. Смотреть на вас без презрения не могу.

— Да какая нонче война! — запротестовал кто-то из солдат. — Нонче свобода!

— Вашу свободу мы знаем, — ответил Волков, с благодарностью глядя на Верескова. — Ваша свобода — это красть, пить и насильничать. Другого вам не нужно. Когда бьёте старика, вы бесстрашные. Когда срываете с бабы одежду и валите её на землю, чтобы изнасиловать, вы герои. Когда пьёте водку в окопах, вы молодцы. А когда враг наводит на вас свою артиллерию, вы бежите в кусты, обделавшись от страха. Вот она, ваша свобода.

— Его высокоблагородие совершенно справедливо заметил, что ваша свобода ничего не стоит, — поддержал командира Вересков. — Вы трусы по своей природе. Наглецы и трусы. На ваших лицах...

Не успел капитан договорить, как раздался выстрел. Это Федулов выхватил из-за пазухи маузер и выстрелил в ротного. Ротный качнулся, на губах его выступила кровь и потекла по подбородку, закапала на землю. Он посмотрел на Волкова и как-то моментально обмяк и рухнул вниз.

Все замерли, глядя на распластанное на земле тело, из которого быстро выходила жизнь. Вересков вздрогнул, захрипел и смолк.

— Пойдите, и меня, меня расстреляйте!

Это был Кухарчик. Он бежал, то и дело спотыкаясь, прижимая что-то к груди. Едва он приблизился, Волков понял, что это шинель.

— Вот, ваше высокоблагородие, наденьте. Холод нечеловеческий.

Волков похлопал его по плечу и забрал из его рук свою шинель.

А потом полковник услышал звук, который был ему хорошо знаком — резкий, неприятный, от которого всё внутри переворачивается. Звук входящего в плоть штыка. Потом ещё один, и ещё...

Трое солдат, стоявшие рядом с Федуловым, не сговариваясь, вдруг повернули свои штыки против него и пронзили его тело. Кажется, они растерялись не меньше всех остальных — все трое бледные, перепуганные.

— Прощения просим, господин полковник, — сказал кто-то из солдат, — молим не сердиться шибко.

Как по команде, которой никто не слышал, солдаты потянулись к дороге. Они шли по ней, опустив головы и не говоря меж собой. Волков и ротные стояли неподвижно, глядя им вслед. Кухарчик от удивления развёл руки в стороны, да так и застыл, подобно статуе. Резкий ветер бросал в лица снежинки, вдруг посыпавшиеся с неба.

Полковник Волков накинул принесённую шинель на плечи. Ему уже не было холодно — с холодом он свыкся. Он смотрел то вслед возвращавшимся

в деревню солдатам, то на своих оцепеневших офицеров, то на тела Верескова и Федулова, то на тонкие стволы берёз. Он не понимал, что происходит.

* * *

Он лежал на сырой от пота кушетке, не выпуская из рук полинявший от времени китель с полковничьими погонами, которые он однажды спорол и долго носил в потайном отделении чемодана. Когда-то ему было стыдно носить их. Не сами погоны вызывали в нём стыд, а мысль о том, что он, нося их, не сберёт ничего из того, что любил: ни Отечества, ни своих офицеров, ни солдат. Ему было стыдно, что он не остался в России тогда, когда она в нём нуждалась, когда она умирала на его глазах. Сейчас слёзы текли от ощущения стыда за то, что Россия умерла, и он причастен к этой непоправимой трагедии, которая не забудется в веках.

Он рыдал и не мог успокоиться; жена находилась рядом, гладила его седые волосы, целовала его пальцы, крепко вцепившиеся в китель, и приговаривала:

— Ничего, Петя, пройдёт, затянется рана. Однажды. Когда-нибудь.

Он слушал её, и ему хотелось верить, что всё будет так, как она говорит. Сердце ныло всё сильнее, билось со страшной силой, а в лёгких становилось всё меньше воздуха.

Ему было стыдно, что там, в далёкой России, остались его сын и дочь. Ни он, ни жена не знали, среди живых они или среди мёртвых.

Он жадно глотал воздух и не мог им насытиться. Жар разливался по телу, в ушах трещало — трещало так, будто за одну минуту он услышал все выстрелы, раздавшиеся на той войне.

За окном, по железной дороге, покатила очередной товарный состав. Куда он идёт? Что он везёт? Кто им управляет?

Когда ближайший поезд до России? Есть ли свободные места? Полковнику необходимо на него сесть. Ему необходимо вернуться.

— Я вернусь! — хрипит полковник, выпуская китель из рук.

АВГУСТ ВАНИ МАТВЕЕВА

1

Матвеев вернулся из Афганистана в мае, в семь тридцать утра. Он простился с водителем на шоссе, шёл знакомыми улицами, а кругом трепетали красные флаги, не снятые ещё после Дня Победы.

Матвеев вошёл во двор под пение птиц, положил вещмешок на землю и посмотрел на окна своей квартиры на втором этаже. Кухонное окно было отворено, но происходившее внутри скрывали тюлевые занавески. “Мать, наверное, спит”, — решил он сразу и перевёл взгляд во двор.

Здесь мало что за последние два года переменялось, только подросли сиреневые кусты и покосился палисадник у первого подъезда. Исчез стоявший там же дряхлый “Москвич”, вечно накрытый брезентом, засиженный птицами, не сдвигавшийся с места долгие годы. Сколько ни говорили Иванычу, его хозяину, что, раз машина не на ходу, нужно расстаться с ней и не портить общей опрятности двора, тот не соглашался, твердя, что автомобиль дорог как память, и однажды он поедет на нём куда-нибудь. Но в светлые, а может, тёмные дали Иваныч отправился собственным ходом, оставив машину под домом. Он умер зимой, и вскоре его сыновья избавились от рухляди, мешавшей всем вокруг. Об этом и прочих событиях Матвеев узнал из материнских писем, целая пачка которых лежала на дне его выцветшего вещмешка.

Письма матери, с самого первого, Матвеев решил сберечь, сохранить для, быть может, самого себя, чтобы перечитать заново, когда пройдёт достаточно времени. Сколько именно, он не загадал.

Мать писала часто и всегда по существу: случилось следующее, огорчена тем-то, обрадована, потому что... Увидев однажды под письмом размытую подпись, Матвеев решил, что сюда капнула слеза, и прижался к этому месту щекой, и долго лежал так на втором ярусе кровати в палатке-казарме, прогретой двумя печками. Потом курил на морозном вечернем воздухе. Кругом высились горы, а над ними догорал закат. Вдалеке, — казалось, что со всех сторон, — слышалось стрекотание вертолётчиков. Матвеев думал о письме, которое аккуратно сложил и убрал в карман куртки. Он рассудил, что мать хорошо поступает, никогда не заклиная его вернуться живым и здоровым, как делают это матери его товарищей, лишь расстраивая своих адресатов. То, что мать не пишет подобных вещей, Матвеев считал благом: выходило, что он временно работает вдали от дома, и вряд ли что-то дурное может с ним произойти. Он давно уверился, что чем меньше говоришь вслух о возможных бедах, тем меньше вероятность, что они случатся.

Письмо с размытой подписью Матвеев долго носил в кармане у самой груди. До тех самых пор, пока не заметил, как сильно оно истрепалось, и тогда он вложил измятый конверт в другой конверт и припрятал среди вещей.

Сам он писем писать не любил, но корреспонденцию домой отсылал регулярно, как только выдавалась свободная минута. Он писал по три-четыре вымученных строки, не упоминая о том, что на самом деле его гложет и свидетелем каких событий он становился ежедневно. О последнем писать в Союз запрещалось. Поначалу этот запрет, наложенный замполитом Чесноковым, показался Матвееву диким, но затем он осознал, что замполит, скорее всего, прав. Незачем им там, на гражданке, знать обо всём, что происходит здесь. А позже, когда ему в руки попал дневник погибшего товарища, он уверился в этом ещё сильнее. В той тонкой тетради, заполненной лишь наполовину, в последней записи говорилось: “Этот дневник я вести больше не буду, иначе мне придётся поведать о многих страшных вещах”. Запись была датирована декабрём, а погиб её автор спустя полгода.

Матвеев твердо решил, что писать о тех самых страшных вещах не следует.

Обыкновенно его письма звучали так:

Здравствуй, мама! Горячий привет из ДРА всем родным и друзьям! Как вы там живёте? Сегодня четверг. Старший лейтенант приволок откуда-то гармонь. Играли двое или трое по очереди, но как-то неумело, и всё равно собралась желающие послушать. Это было трогательно. У нас по-прежнему очень жарко. На солнце +50. Я извёлся. Ты такой жары представить не можешь. Пришли, пожалуйста, несколько конвертов и лезвия для бритвы. Только, если возможно, не “Неву”. Твой Иван.*

Он стыдился собственного косноязычия, проклинал себя за словесную жадность, но ничего поделать с собой не мог, сколько ни уговаривал себя стать хоть на толику разговорчивей. Писать он умел: школьные его сочинения не раз ставились в пример одноклассникам, но с письмами из Афгана не заладилось с первых дней. Не мог он найти нужный тон, подобрать подходящие слова.

Ещё он писал трём школьным друзьям и однокласснице Алисе. Она ответила ему дважды, и после второго письма, в котором она рассказала, как учится в институте, и о том, что всерьёз и надолго влюблена, Матвеев писать ей прекратил. Он не сумел примириться с мыслью, что где-то далеко, в красивой осенней Москве Алиса ходит с кем-то под руку по усыпанным листьями скверам и бульварам. Думать об этом было неприятно. В те дни он проходил подготовку в школе сержантов, и ему грезилось, что он приезжает в столицу, одетый в парадную форму с тремя поперечными красными полосами на погонах, и, как будто случайно встретив Алису с её ухажёром,

* Демократическая Республика Афганистан.

проходит мимо, не узнавая, не замечая знака, который она делает рукой, не слыша её окрика.

Он не ответил ей на третье и четвёртое письмо; мать написала ему, что Алиса заходила и спрашивала о нём. Он ответил матери, но не в следующем, а через одно письмо, посланное уже из Афганистана: “Алисе скажи, что у меня всё благополучно, и я скучаю по осенней листве. По листве скучаю”.

2

На часах без десяти восемь. Мать ещё точно не встала.

Он не стал сообщать, когда приедет, зная, что она ночами спать не будет, и тогда у неё поднимется давление.

Но мать уже не спала и сидела на кухне, тыкая кончиком остро заточенного карандаша в незаполненные клетки кроссворда, и вспоминала, о чём говорили накануне во “Времени”, но так и не вспомнила ни одного репортажа, и когда раздался неожиданный звонок в дверь, она вытерла мгновенно вспотевшие руки о передник, поднялась с табурета и прошла в коридор мимо незавершённого эскиза, сделанного сыном когда-то давно и хранившегося теперь под стеклом в простенькой раме. Посмотрела в глазок, отшатнулась от него, хватаясь за цепочку и срывая её, повернула что было сил колесо замка, щёлкнула собачкой и распахнула дверь, и тогда её сын, её Ваня, сделал шаг вперёд, переноса через порог ногу, а за ней вторую, позволил матери, на глазах которой выступили слёзы, на губах которой проступила смущённая улыбка, обнять себя. И едва она прижалась своим постаревшим, как он заметил, лицом к его груди, поцеловал её в макушку, прислушался к запаху её волос, зажмурился, шмыгнул по-детски носом, а она нащупала его руку и с ужасом воскликнула: “Где же твои пальцы, сынок?” Он разжал кулак и тут же показал, что все пальцы при нём, и затем поднёс к её лицу вторую руку, чтобы она удостоверилась, что с ним ничего не случилось, и позволил себя осмотреть. И мать убедилась, что никаких видимых повреждений на нём нет. Рассмотрев его настолько внимательно, насколько это было возможно в полутёмном коридоре, и определив, что переживать ей не о чем, она снова приложила ухо к его груди и стала слушать, как бьётся его сердце.

Ей вспомнилось, что когда Ваня только родился, когда ему было четыре месяца, он тяжело заболел и лежал с высокой температурой, и она так же прижималась к его грудной клетке и слушала его маленькое сердечко: оно колотилось торопливо, словно куда-то спеша. Ей захотелось, чтобы и он послушал теперь, как бьётся сердце у неё самой, а он и слушал: ему казалось, что он слышит.

Первыми её словами, едва отступили растерянность, неуверенность, тревога, страх и прочие неприятные чувства, были: “Ты, наверное, очень голодный? Так я сейчас...” И он согласно кивнул, хотя очень хотел спать. Ему неловко было отказать матери в эту странную минуту встречи после бесконечной разлуки. Встречи, которую, конечно, по дороге в Союз он представлял иначе, рисовал другими красками — лёгкой акварелью, а не густой гуашью, наполнившей вдруг своим запахом коридор. Так пахло однажды вечером, когда во всей школе погас свет, и ученики замерли за партами с кистями в руках. В классе было так же неуютно и тревожно, как сейчас, когда он вернулся, такой незнакомый и непривычный самому себе среди этих обоев с выгученным наизусть рисунком, деревянных вешалок на стенах и лампы с персиковым абажуром. Он был словно гость, впервые зашедший в этот дом. И Матвеев поспешил пройти за матерью в светлую комнату, позволил забрать у себя вещь мешок и усадить себя в кресло с прохудившейся тканью на подлокотниках.

Вот сейчас он впервые за последние минуты сделал свободный вдох.

3

Затем долго сидели на кухне. Мать позвонила на работу и отпросилась.

Матвеев молчал и глядел во двор, где по-прежнему было тихо. Мать макала один за другим куски рафинада в чай и обсасывала их, не сводя глаз с сына.

Индийский чай из жёлтой пачки пах непривычно, и Матвеев, сделав два глотка, удовлетворенно отметил, что наконец-то пьёт приличный чай, а не ту бурду, которой давился последние два года. Мать стала предлагать бутерброды, но в холодильнике не оказалось ничего, кроме крохотного куска сыра, и ей пришлось извиняться, что она не готова была к его появлению. А он улыбался и прощал её, шепча: “Всё в порядке, мама, всё в порядке...”

Совсем не таким пригрелился ему в самолёте день прибытия домой. Он отчего-то думал, что стоит ему появиться в родном дворе, как сразу же ему повстречаются знакомые и наперебой начнут спрашивать, здоров ли он, в хорошем ли расположении духа, что повидал в заграничной командировке, а он, небрежно вытаскивая из пачки сигарету без фильтра, ответит: “Обо всём расскажу, дайте только мать обнять...” Теперь же он думал, что даже к лучшему, что не повстречал никого. Он не был готов ни с кем и ничем делиться. Ни при каких обстоятельствах. Всё, что случилось там (он особо произнёс про себя это слово) — нечто очень личное. Матвеев неожиданно понял, что чем больше утаит, тем проще ему будет существовать.

Он достал из кармана свёрнутые трубочкой несколько десятирублевков и положил перед матерью, ничего не говоря. Мать макнула в чай ещё один кусок сахара и не посмела притронуться к деньгам.

4

— Был у нас парень один, всё писал домой о том, как ему прекрасно служится в Венгрии, — заговорил наконец сын. — В каждом письме подробно излагал, что происходит во взводе, роте, даже батальоне. Сочинял, конечно. Писал, что Венгрия — страна хорошая, хотя и поменьше эсэсера, и что местные играют с нашими в футбол.

— Что же, — не совсем поняла мать, — он к вам из Венгрии перевёлся, что ли?

— Он там и не был, — ответил Матвеев, потирая натёртое вещмешком плечо. — Ни одного дня. Просто не хотел огорчать родителей и признаваться, что попал в Афган. Вот и рассказывал небывлицы о том, как друзья его многого в жизни добиваются и скоро будут служить и в ГДР, и на Кубе. Мир поводят, одним словом. Он и сам питал надежду мир поводить. Смешной такой... А написав об этом, трясся со всеми на броне, растерянно хлопал глазами, особенно в первые месяцы. Автомат держал неуклюже, всё справиться с ним не мог. Смешно, знаешь, держал, будто никто его не учил, а он его только по особой надобности в руки взял. Ручкой и карандашом он орудовал куда лучше, чем оружием, это все знали. Мы его писакой прозвали, а он не обижался. А чего обижаться, почти у каждого прозвища были, порой обидные.

— А у тебя?

— У меня-то? — Матвеев пожал плечами. — В каждом письме он общал, что в Венгрии ему нравится, иной судьбы не желает. Даже с девчонкой местной, писал он, познакомился и намеревается серьёзные отношения наладить. Мы над этим всегда подтрунивали и всё спрашивали, как её зовут и как она выглядит. Он дулся на нас, а однажды сказал, что Марийкой её зовут. В письмах домой пару слов по-румынски приплёл. Сам он из посёлка под Лодейным Полем. Знал, что родители румынские слова от венгерских не отличат, а румынским научился от одного офицера, тот в институте язык учил.

Мать слушала историю удивлённо, сложив руки на коленях, выпрямившись, а затем, когда сын умолк, спросила:

— Как же он им правду раскрыл, когда вернулся? Смеху-то, наверное, было...

— А он не вернулся, — ответил Матвеев и громко забрал воздух ноздрями. — Странные у его предков, наверное, были лица, когда похоронку читали: ба, да он погиб при исполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан!

Матвеев внезапно разозлился, и глаза его забегали. Он стеснялся посмотреть на мать; ему не хотелось, чтобы она хоть что-нибудь прочла в его взгляде.

— Как он погиб-то? — спросила она.
— В госпитале. От брюшного тифа. Мы с тех пор болезнь эту венгеркой прозвали. Марийкой. У нас многие переболели.
— А ты?
— А я — нет. Я вообще везучий оказался. Только вот, видишь, шрам возле губы? Осколком посекло. Но это ерунда.

5

Покончив с чаем тремя большими, жадными глотками, Матвеев вымыл за собой чашку, смахнул со стола хлебные крошки, выглянул во двор, опершись ладонями на широкий подоконник, прикрытый листьями выцветшей “Литературной газеты”, любимой отцом, и наполовину заставленный пустыми банками, и, ничего интересного во дворе не увидев, сказал матери, что хочет прилечь и отдохнуть. Он и вправду страшно устал: последние дни были беспокойны. Когда летел в самолёте, всё думал, что тот вот-вот упадёт. По неизвестной причине. Его охватывал страх: не из-за того, что он, сержант Матвеев, погибнет, возвращаясь в Союз, а от того, что мать его так и не увидит. Самолёт полчаса сильно трясло, и он сидел, вжавшись в кресло и ничего не соображая.

Матвеев помнил, как внезапно свалился в ущелье вертолёт, подбитый выстрелом наудачу из гранатомёта. Вертушка летела слишком низко. Потом хлопок. Неестественно завращался винт, а через мгновение машина ухнула вниз. Тогда погибли трое. Матвеев знал, что самолёт будет падать дольше, а значит, у него будет немного времени, чтобы припомнить всю свою жизнь.

Но что ему было вспоминать? Детского сада он не помнил, лишь один длинный зимний вечер, когда всех детей разобрали, а он сидел один на один с воспитателем и ждал своих. Мать вбежала раскрасневшаяся от мороза, с красной сумкой, грустно болтавшей на руке. “Порезали в универсаме!” — пронзительно сообщила она воспитателю, показывая рану от пореза на красном кожаном боку. — Кошелёк, паспорт...”

Матвеев не понял, что произошло, но мать сразу же бросился жалеть. До дома шли, держась за руки. Хрустел снег, светились окна домов; на катке играли в хоккей; в гараже с распахнутыми створками горел свет и какие-то люди склонились над мотором автомобиля.

О школе воспоминаний было куда больше, но думать о ней в последнюю секунду не хотелось. Потом училище. Странное время: Матвеев пошёл туда из духа противоречия, желая поступить наперекор матери и, прежде всего, отцу. Мать хотела, чтобы он окончил десятилетку и поступил в институт. Как она. Как отец. Но в его дипломе, полученном в училище, значилось: электромеханик по лифтам. Он успел проработать около полугода. Когда пришла повестка, он даже обрадовался ей. Матвеев никогда не мечтал об армейской службе — но тут представился шанс покинуть на время дом.

С первого дня службы Матвеев показывал себя с лучшей стороны. В школе сержантов его хвалили. Он собой гордился. Мать им гордилась. Отец же написал: “Не тем ты занимаешься в жизни, Иван”. От письма крепко пахло одеколоном. Запах в пути не выветрился. Наверное, одеколоном пропах целый почтовый вагон. Ещё отец написал: “Когда вернёшься, не приближайся к лифтам. Не в них твоё призвание. Поступай в вуз. Если будет нужно — помогу”. Матвеев пожал плечами и порвал письмо.

В его невыносимой грёзе самолёт уже упал на землю, раздался взрыв, а память все еще доставала из своих глубин воспоминания. Вот уже и Алиса улыбалась ему, стоя против солнца. Ветерок слегка ерошил золотящиеся на свету волосы. Матвеев глядел на неё с любовью. “Вот вернёшься ты, — сказала Алиса своим чудным голосом, — признаешься мне в любви, и такая сладкая жизнь у нас начнётся...” Затем заиграл магнитофон, и Матвеев понял, что солнца давно нет, а сам он сидит в сумраке собственной комнаты. Магнитофон воспроизводил странные, тягучие звуки. Почти сразу сообразив, что не так, Матвеев переключил ручку на нужную скорость, с девятой на восемнадцатую. Музыка стала понятной и приятной.

— Нет, — ответил, наконец, Матвеев Алисе, — жизнь у нас не начнётся. Я умер. Понимаешь?

6

Он проснулся от сильного запаха лаванды. Падая на постель без сил, он не заметил, как сильно надушено постельное бельё. Любимый мамин аромат, знакомый с детства, далёкого-предалёкого.

Затем он различил шум барабаниющего по карнизу дождя, звук автомобильных шин, расплескивающих лужи на дороге.

В комнате, залитой приглушённым сумрачным светом, с его отъезда ничего не изменилось. Вот книжная полка с различной справочной литературой, собиравшейся Матвеевым с шестого или седьмого класса, с англо-русским словарём Мюллера в синей обложке, словарем технических терминов и затесавшейся сюда рыжей книжечкой очерков Вересаева. Её Матвеев получил на один из дней рождения от отца.

Под полкой — старый дубовый письменный стол с исцарапанной, изрезанной поверхностью. С правой его стороны отделение, за дверцей которого скрыты три глубоких ящика, заполненных старыми тетрадами, атласами, папками с газетными и журнальными вырезками и всякой всячиной, с которой непременно необходимо разобраться.

Матвеев распахнул скрипучую дверцу, запустил в один из ящичков руку, вытащил стопку контурных карт, выбрал нужную и раскрыл её. Граница Союза обведена красным. Бледным пунктиром за его пределами обозначена какая-то неподписанная страна. Если б знал он тогда, когда выделял карандашом территорию Союза, что эта безымянная территория и есть Афганистан, в который его забросит судьба.

Ещё в комнате находилась гитара с верёвкой вместо утраченного ремня. Матвееву так и не достало терпения выучиться игре на ней, он освоил лишь пару аккордов. В Афгане, когда играли его товарищи, он слушал песни внимательно и вечно завидовал тому, как они играют. И даже немного тому, как они поют, хотя был уверен, что спел бы не хуже, окажись в его руках верный, привычный инструмент.

Он услышал шаги матери, остановившиеся под дверью. Вчера, когда Матвеев бросился в изнеможении на постель, она тоже стояла на пороге перед закрытой дверью, прислушиваясь к тому, что он делает.

— Какое сегодня число? — спросил он, словно позабыв.

Мать, ждавшая, что он заговорит с нею, вошла в комнату, осмотрелась и присела на краешек постели.

— Двенадцатое.

— Завтра тоже будет дождь?

— Не обещали. И этот скоро перестанет.

Но дождь продолжал идти, то переходя в ливень, то ненадолго иссякая. В прогалинах низкого серого неба начинал брезжить солнечный свет, но тучи быстро затягивались, и дождь припускал с новой силой.

— Как ты жила здесь одна? — спросил Матвеев, проводя пальцем по корешкам книг на полках, чтобы убедиться, что мать в его отсутствие заходила в его комнату и прибиралась. Ни пылинки на книгах и полке, на столе и плафоне лампы.

Мать, едва скрывая улыбку, отметила про себя, что сын доволен её отношением к чистоте и порядку в комнате.

— А вот здесь стоял торшер, — обнаружил пропажу Матвеев, и она поспешила объяснить, что её собственный вышел из строя, но она готова вернуть взятый на замену из его комнаты.

Матвеев покачал головой, и тогда она сказала:

— Как жила я здесь, ты знаешь из писем. Я, правда, не всё тебе отсылала. А не отсланные, если хочешь, я тебе отдам. Они в моём секретере. Вот ключик...

Она полезла в карман, но он жестом дал понять, что в этом нет необходимости.

— Знаешь, я почти никогда не плакала, хоть и думала о тебе постоянно.

Матвеев не поверил, но виду не подал.

— Утешала себя мыслью, что ничего плохого с тобой случиться не может. Сама не знаю, почему в это верила. Смотрела одну программу, в ней рассказывали, как вы помогаете афганскому народу налаживать жизнь, как строите с ними социализм. Там такие счастливые лица показывали. Детские и лица взрослых. У них там хорошая природа. Я видела красивый сад... Дурра, что во всё это поверила, да? — спросила она сына, заметив его пронзительный взгляд исподлобья.

Матвеев снова промолчал.

— Меня многие спрашивали о тебе: как, мол, и что? А что я могла сказать? Вот словами из этой передачи порой и отвечала. Алиса однажды зашла...

Матвеев отвёл взгляд в сторону.

— Прошлой зимой я так сильно разболелась, что две недели не вставала. Грипп такой жуткий был. И когда встала после него и подошла к зеркалу, обомлела: неужели я такая старая? А тебя всё время представляла таким, как сейчас. Возмужавшим, серьёзным. Но ты не сердись. Я ведь мало плакала, знала, что вернёшься.

По лицу матери покатились крупные слёзы. Как те струи дождя, что расчертили оконное стекло сверху до самого низа. Материнские слёзы глухо капали на линолеум: бам, бам, бам.

— Мало плакала, Ванечка, совсем чуть-чуть.

7

Обещанный транспорт до города так и не появился. В здании небольшого военного аэропорта было прохладно. Дембеля, предвкушая скорую встречу с родными, бодро переговаривались. Матвеев отсел от них и наблюдал, как на взлётную полосу вырывается флегматичный Ан-12, как крутятся четыре его винта, как начинает он свой бег, как безо всякого желания отрывается он от земли и, грузный, словно гигантский шмель, медленно набирает высоту.

— Ну, всё, — подытожил Матвеев, когда самолёт скрылся из вида, — я к шоссе. Кто со мной?

Другие остались ждать, а он двинулся в путь. Идти пришлось лесом около получаса. Он наслаждался и погодой, и видом высоких, как на подбор, достающих до неба сосен и особенно их запахом. Сосновый запах — вот о чём он скучал в стране, где деревья встречались редко да и то не такие, как дома.

Оказавшись на шоссе, он быстро поймал попутку и сел рядом с водителем на переднее сиденье. От того пахло луком и яйцами, недавним скромным завтраком. Водитель был немолод. Поначалу он глядел на Матвеева с недоверием и, быть может, жалел, что подобрал чужака на обочине. Но Матвеев сидел тихо, следя за дорогой, и не делал ничего, что могло бы не понравиться водителю.

— Странно, правда? — заговорил, наконец, тот. — Пятница, а я еду в город. Сегодня все поедут в обратную сторону.

— Почему? — не понял Матвеев.

— Дачи же, — с обидой в голосе ответил мужчина. — Сезон начался. Но я обратно. У меня отпуск. За женой еду. На заводе работает. МЭЛ. Знаешь?

— Знаю, — ответил Матвеев. — Практику на нём проходил.

— Москвич, значит? — водитель заметно потеплел. — Чувствовал, что москвич, когда тормозил. Откуда возвращаешься? — спросил он, словно не замечая формы, в которую был одет пассажир.

— Дембель. К матери, домой.

— Вот ей счастье-то... Меня Василием Петровичем зовут. Где служил?

— Там, — махнул рукой Матвеев в неопределённом направлении.

Водитель вытащил из кармана пачку папирос, предложил новому знакомцу, но тот отказался, показав, что у него свои. Василий Петрович прикурил, наполовину открыл окно со своей стороны и выпустил струю табачного дыма.

— Я слышал, в Афганистане нам крепко достаётся, — сказал мужчина через минуту, глядя на Матвеева через зеркало заднего вида. — Да чего удивляешься, я сразу всё понял. У меня племянник сейчас в Баграме. Давно не писал, правда. Был там?

Матвеев кивнул.

— Может, Пашку Трусова знаешь? Павла Сергеевича?

— К сожалению...

— Запрещают вам, что ли, часто писать? — с досадой спросил водитель. — Отчего так мало писем приходит?

— Запрещать не запрещают, да только не всегда писать хочется. А иногда и возможности нет.

Безрукий Савчук каждый день хотел писать домой, но не мог. Иногда уговаривал медсестёр записать за ним. Некоторые злились, потому что трудно было разобрать, что он шепчет сквозь обожжённые губы.

Весточки домой Савчук слал весёлые, приветливые, ни словом не обмолвившись о своей беде. Говорил, что мать не переживёт. Надиктовав письмо, часами мог лежать, глядя в потолок и ни на что не обращая внимания. Так и умер, с открытыми голубыми глазами. Едва он сделал последний вздох, как они выкатились и застыли, помутнев раз и навсегда.

— Сестра моя изводится, что долго писем от Пашки нет. Месяц уже не было. Может так быть, что с ним всё нормально, несмотря на отсутствие писем?

— Может, — без уверенности ответил Матвеев.

Водитель покачал головой и выбросил окурок на дорогу.

— Я тебя у автовокзала высажу, ладно? Мне в другую сторону. Дошагашь?

— Дошагаю.

8

В среду с утра квартира наполнилась запахом компота из сухофруктов. Сколько Матвеев себя помнил, мать всегда его варила. Компот получался у неё сладким, даже приторным, и он пил его без особого удовольствия. Запах напомнил странное лето, когда никого из друзей не осталось в городе, а его поездка в пионерский лагерь отчего-то отменилась. Тогда отец ещё жил с ними, но с работы постоянно возвращался поздно, вымотанный, неразговорчивый и злой. Мать в то лето варила компот необычайно часто и пила его больше всех, словно в жизни ей больше всего не доставало сладости.

Был июль, случались грозы. Матвеев играл с оловянными солдатиками на полу своей комнаты. Когда погода прояснялась, он неохотно спускался во двор и угрюмо слонялся по нему, не находя подходящего занятия. От опустошённого одиночества он специально выбирал самые скрипучие качели и катался на них до головокружения и тошноты, ненавидя металлический противный скрип. Из окон обязательно кто-нибудь выглядывал, чтобы сделать ему замечание. Когда шёл дождь, Матвеев смотрел на тополь, росший напротив окна, на то, как бьют по листьям капли, как темнеет, намокая, кора, как набирается внизу, у корней, лужа.

В один из таких дождливых дней он заметил человека, идущего под зонтом и отчего-то наступающего в каждую лужу. Человек громко чертыхался каждый раз, когда его ноги оказывались в воде, а потом даже отшвырнул в сторону свой зонт, и тогда Матвеев узнал в ругавшемся прохожем отца. Спустя пару минут тот бранился в прихожей и, кажется, не мог совладать с зонтом, который не желал складываться. Накричав на мать, отец бухнулся в кресло в большой комнате. Мать тихо заметила, что с его ботинок на темла на мытый пол вода, но отец не удостоил её ответом.

Он ушёл из семьи десять лет назад. Каждый раз, открывая шкафчик в ванной комнате, Матвеев явственно ощущал запах его одеколona, хотя тот давно выветрился. Вот и сейчас он почувал его.

Когда отец только ушёл, Матвеев без конца проклинал его. Ему было так одиноко, что даже мать не могла развеять нахлынувшую тоску. Он звонил

по новому номеру, который запомнил с первого раза, но отец, если и брал трубку, был сдержан и не особо приветлив, так что сыну стало казаться, что он отцу, наверное, не нужен. Через какое-то время он уверился, что всё так и обстоит на самом деле, и звонить перестал. Порой, когда в тишине квартиры раздавался звонок, сердце его обмирало: ему мечталось, что это папа. Но это был кто-то из маминых подруг или его собственных друзей.

Когда отец не поздравил его с окончанием восьмилетки, Матвеев всё понял. Ему не стало горько. Ему сделалось противно.

Отец проявил себя только тогда, когда Матвеев ушёл в армию. Он написал письмо, затем другое. И Матвеев ответил. Завязался диалог. Матвеев поймал себя на мысли, что, несмотря ни на что, он рад этому разговору. Он надеялся, что если вернётся, обязательно с отцом встретится.

Сейчас, когда запах одеколона померещился ему в очередной раз, он решил окончательно: встретиться необходимо.

9

В будний день на Сиреневом бульваре почти никого. Старуха кормит голубей, а молодая мать дремлет на лавочке, пока двое её детей играют в салки. Мальчик падает на дорожку, а девочка, звонко ударяя его растопыренной пятернёй по спине, отбегает и смеётся. Мать на мгновение разлепляет глаза, просит мальчика подняться и снова погружается в дрему.

На другой стороне за зелёной листвой виднеется вывеска булочной. Сюда Матвеев, если оставался в городе, бегал каждое летнее утро за хлебом. Помещение булочной было огромным; посередине стоял убогий прилавок с весами; за спиной продавщицы в белом халате высились, словно осадные башни древних римлян с картинок в учебнике, полки со свежим, пьяняще пахнущим белым и чёрным хлебом. Когда эти башни с полками чуть не до потолка двигали, колёса под их днищами сердито скрипели, и чудилось, будто сейчас всё это хлебное изобилие скроется в подсобном помещении. Матвеев не понимал, отчего ему приходила такая мысль, и даже принимался суетливо подталкивать впереди стоящего, чтобы хотя бы немного приблизить свой черёд. Потом он бросал в блюдце заранее приготовленные восемнадцать копеек, получал взамен “подмосковный” батон, тут же отламывая горбушку и бежал в сторону дома, на ходу торопливо пережёвывая мягкий хлеб. В коридоре его встречала мать и, стряхивая с его груди мелкие крошки, журила, что он не дотерпел до завтрака. Потом она мазала хлеб маслом, и он уплетал бутерброды, запивая их сладким чаем, и чувствовал себя особенно счастливым.

Проезжая часть вдоль Сиреневого бульвара манила Матвеева каждой весной: нетерпеливые потоки талой воды неслись вдоль бордюрного камня, а он спускал на воду всё новые и новые корабли. Многие из них гибли в водоворотах дождевых сливов, иные совершали долгое кругосветное плавание от дальнего перекрёстка возле булочной до самого кинотеатра “Енисей”. Длинной жердью Матвеев подгонял корабли, построенные из спичечных коробков и пачек из-под лекарств с непонятными названиями, добытых у бабушки. Он храбро мчался навстречу водоворотам и айсбергам, не страшился морских брызг, летевших из-под колёс пронесившихся мимо автомобилей, и с радостью настоящего моряка вёл свои судёнышки навстречу приключениям и неизвестности.

Однажды, когда Матвеев смело брёл по проезжей части, не обращая внимания на движение, кто-то больно ухватил его за ухо и потащил на тротуар. От боли и испуга Матвеев зажмурился, а когда, наконец, осмелился открыть глаза, увидел перед собой грозного отца. Он думал, что за ухо его сцапал какой-нибудь милиционер, но всё оказалось куда хуже. Отец отругал его и, схватив за шиворот пальто, потащил домой и запретил выходить на улицу в ближайшие несколько дней. Наказание было суровым, но Матвеев, несмотря на обиду, понимал, что отец, в общем-то, прав: нечего маленькому мальчику разгуливать по дороге, подвергая себя опасности. С тех пор Матвеев не сходил с тротуара и командовал кораблями исключительно с него.

Матвеев дошёл до очередного перекрёстка. По правую руку он заметил знакомое крыльцо, на ступенях которого любил сидеть с книгой в руках. Это было крыльцо детской библиотеки, места, которое Матвеев когда-то посещал постоянно. В библиотеке с ранних лет он был на хорошем счету, а потому ему позволялось чуть больше, чем другим. Ему не раз давали с собой книги, которые другие могли изучать только в читальном зале. Его длительные прогулки среди книжных стеллажей никогда не вызывали ни у кого вопросов. Трудно представить, сколько книг было им прочитано и сколько ещё он снял с полок, чтобы просто посмотреть аннотацию. Он мог выбрать книги часами, и занятие это захватывало его, как мало что другое.

Он поднялся по ступеням и замер у входной двери, чтобы прочитать график работы. Потоптался на пороге в нерешительности и вошёл. От двери в коридор налево, а затем направо — он прошёл бы этот путь с закрытыми глазами. Гардероб в июне уже не работает, но чей-то плащ висит у самой стены в углу. Обыкновенный серый плащ. А на соседнем крючке — зонт.

Абонементный зал поделён на свет и тьму. Солнечные лучи проливаются через два больших зарешеченных окна. Там, куда они не достают, сумрачно.

За стойкой сидит какая-то фигура. Её руки покоятся на столе и освещены солнцем, а тело и голова пребывают в полутьме. Матвеев приглядывается. Определённо лицо молчащей и внимательно глядящей на него девушки ему знакомо.

10

С утра Матвеев ходил устраиваться на прежнее место, и его приняли. В следующий понедельник он вновь займётся лифтами, несмотря на протесты матери, требующей, чтобы он поступал в институт. Он не смог объяснить ей, почему не хочет. Безропотно выслушивая её раздосадованный монолог, сопровождаемый тяжёлыми вздохами, он представлял себе людей, идущих учиться в институт. Они только со школьной скамьи: раскрепощённые, свободные, не задумывающиеся о жизни всерьёз, легко шагающие по ней. Иное дело он сам. Недавно поднимаясь по лестнице, он чётко слышал свою поступь — так ходят старики. Он не понимал, отчего ноги так тяжелы. А затем Матвеев посмотрел в зеркало: он ничуть не похож на вчерашнего школьника. Даже на позавчерашнего. И совсем не абитуриент. И хотя мать успокаивала, говоря, что он мало изменился за последние два года, он ей не доверял. Напряжённый лоб, какие-то впалые щёки, незнакомый взгляд. Он сравнивал собственное отражение с лицом на фотокарточке, присланной матери из учебки: общего мало — это следовало признать сразу. Возвращаясь домой, Матвеев размышлял о том, сильно ли он переменялся, и ему казалось, что изменений не так уж много, и если они и есть, то незначительные, и вскоре всё вернётся на круги своя. Но проходили дни и недели, а шаг его становился всё тяжелее, хотя грудь дышала легко, можно сказать, по-юношески.

Приходила мамина сестра. Втроём они сидели на кухне, ели щи и выпили по рюмке водки. Начались женские разговоры, и Матвеев ушёл к себе, но дверь оставил открытой, и до него доносились обрывки фраз. Голос матери зазвучал неожиданно высоко и громко:

— Он не смог бы этого сделать!

Кто он? Чего не смог бы?

Матвеев замер. По тому, как тревожно зазвенели под ним пружины в матрасе, он понял, как напряжено его тело. Он уловил неровный бой сердца. На кухне говорили о нём, это очевидно.

— Что же это за война такая, где не убивают? — с издёвкой, уже захмелев, вопрошала тетя.

В одном из писем Матвеев написал: “Передай тёте Шуре, что я соскучился по её пирогам с такой силой, что если превратить её в энергию, ближайшим домам хватит лет на десять”.

Пирогов, по которым он истосковался, тётя Шура не принесла, но при себе у неё имелась невероятная убеждённость, зазвучавшая неприятно для его слуха.

— Не мог он, Сашка, не мог, — повторила мать.

Их диалог продолжился на повышенных тонах, и Матвеев поспешил закрыть дверь и уткнуться лицом в подушку. Он нащупал ручку радиоприёмника. Зазвучал концерт классической музыки.

Выйдя из комнаты час спустя, он обнаружил, что тётя Шура ушла. Мать говорила по телефону.

— ...ты что, он никого не посмел бы убить. Я помню, какой он был миролюбивый в детстве — ни одной зверушки не обидел, кошек вечно защищал от других ребят... Что же с ним сделали?.. То есть как откуда я знаю, что с ним что-то сделали? Да ты... Да ты только погляди в его глаза... Ещё бы я не была уверена! Я его растила честным. Справедливым. Любящим! Не для того я его родила, чтобы он...

— Мама, — сказал Матвеев, осторожно забирая трубку из её рук и кладя на рычаги, — я никого не убивал.

Мать смотрела на него сквозь туман слёз, и он чувствовал, что она ему не верит.

II

— Вам что-нибудь нужно? — мягкий женский голос из полутьмы.

— Светлана...

— Светлана Геннадьевна, — уточнил голос, а вслед за этим исчезли со стола, из солнечного пятна, руки.

— Вы меня вряд ли помните. Я Ваня Матвеев...

— Что вы, — ответила библиотекарь, выходя из-за стола, — вы днями просиживали в читальном зале и что-то выписывали из Большой Советской...

— Точно, это был я. Я вёл свою картотеку...

Странное дело: когда-то Светлана Геннадьевна казалась ему взрослой, серьёзной женщиной, теперь же он видел перед собой симпатичную девушку лет двадцати восьми в некрасивых, не идущих ей очках. По всем законам, она должна была быть намного старше, но этого не случилось, и повзрослел только он сам.

— Вы тогда... — Он запнулся. — Пришли сразу после учёбы?

Матвеев спросил то, о чём спрашивать не собирался. Слова вырвались сами, и было поздно их возвращать.

— Я начала работать здесь, ещё не кончив техникума, — ответила она. — Мне было семнадцать.

— Вы совсем не изменились. Всё такая же...

— Перестаньте, — смутилась девушка, — я изменилась. Вот эти очки, например, — их прежде не было. Я люблю читать. Много. В самые неподходящие моменты, в неподходящей обстановке. Читаю даже в метро. По телевидению была программа, в которой сказали, что это очень вредно, но я ничего не могу с собой поделать. Иначе я умираю со скуки.

— Я тоже любил читать, — тихо произнёс Матвеев и взял с её стола одну из книг. — Эту точно читал, помню обложку. Не помню только, о чём... — Он пролистал несколько страниц. — Печальная история двух молодых людей, счастье которых...

— ...невозможно, — договорила за него библиотекарь.

— Он был на войне, она ждала его почти пять лет. Он вернулся и не знал, что ей сказать. Так и стояли на пороге, не смея шелохнуться.

— За них говорила тревожная осенняя листва... Хороший писатель, но повесть читать невыносимо. Я плачу почти над каждой страницей. Как вы думаете, не жестоки ли авторы, заставляющие своих читателей плакать?

— Мне кажется, что перед тем, как отдать в печать свои рассказы и повести, они сами горько плачут.

— Я бы непременно жалела всех своих героев и не позволяла им умереть.

— Но кто бы стал читать про счастливые судьбы? — спросил Матвеев, кладя книгу на место. — Это пресно и скучно.

— А я люблю истории про людей, у которых всё хорошо.

— Назовите хоть одну.

Библиотекарша провела пальцем по щеке, поправила очки на носу и ничего не ответила.

— Хорошо, что мы с вами не знаем, что такое война, — выговорила, наконец, она. — Так почему вы заглянули к нам? Вам давно пора прописаться во взрослой библиотеке, — весело прибавила она.

— Мне захотелось побывать в знакомом месте. А здесь всё такое родное... И, честно говоря, мне нравится запах старых книг.

— И мне. Очень-очень. Поэтому и не ухожу отсюда.

— А были мысли?

— Разумеется!

— Хорошо, что вы здесь, Светлана Геннадьевна. Приятно встретить кого-то, кого знаешь.

— Света.

— Света... — Повторил он, протягивая ей руку. — Ваня.

— У вас очень тревожное лицо, Ваня...

12

У лейтенанта Антоновича была обожжена правая сторона лица. Первое время Матвеев не мог смотреть на него без содрогания. Наверное, он был не один такой и, наверное, лейтенант это замечал. Говорят, его вытащили из самого пекла, а он вырывался, отбрыкивался и стремился вернуться в бой, преодолевая боль. В том бою погибли двое его друзей — оба подорвали себя, чтобы не попасть в плен.

Из госпиталя Антонович сразу вернулся в свой военный городок. От отпуска отказался, в Союз не поехал. Едва только полковник, навестивший его в госпитале, заговорил об отпуске, лейтенант рассвирепел и твёрдо ответил: “Нет, домой я не поеду. Незачем им смотреть на меня такого”.

Он был очень смелый, этот лейтенант. Так говорили. Первый боевой выезд, в котором побывал Матвеев, проходил под его командованием.

— По машинам! — скомандовал Антонович, и солдаты бросились рассаживаться на броне.

Новички же, а вместе с ними Матвеев, полезли в тесные и жаркие десантные отделения бэтэров. Пока Матвеев влезал внутрь, он заметил, как какой-то солдат, уже сидевший на броне, неприятно лыбится, глядя на него. Матвеев оглянулся на Антоновича, но тот, хитро прищурившись, молчал.

Это был первый и последний раз, когда Матвеев ехал в десанте. На первом же привале он подошёл к Антоновичу и спросил, почему большинство едет на броне. Лейтенант пояснил, что если бэтэр наезжает на мину, то днище от взрыва подлетает кверху.

— И всё, — попыток он, хлопая ладонью о ладонь. — Все, кто внутри — лепёшка, потоньше коровьей. Однажды приходилось вытаскивать тела из подорвавшейся машины. Больше не хочется.

Антонович курил без перерыва. Он мог не есть целыми днями, но обязательно выкуривал по две-три пачки “Смерти на болоте”*. Ещё он строчил письма жене, обращаясь к ней так, словно влюбился совсем недавно и ничего, кроме любви этой, в его жизни нет. Она отвечала ему так же нежно. А однажды он специально сфотографировался и послал ей карточку, чтобы она увидела его изуродованное огнём лицо. Ответа не было больше двух месяцев, а когда он, наконец, пришел, лейтенант не обрадовался. Пока ждал его, потихоньку сходил с ума, по вечерам пил, ожесточался против всех, а порой становился беспричинно весел, и никто не знал, чего ждать от него в следующее мгновение.

* Сигареты без фильтра “Охотничьи”. Название “Смерть на болоте” возникло из-за рисунка на пачке.

В ответном письме жена просила развода.

— Я так и думал! — смеясь, говорил Антонович каждому, кто проходил мимо. Он тряс над головой конвертом и цитировал жену: — “Ты уж не сердись...” Вот как она, значит, мне пишет. Чтоб не сердился. А я и не буду. У меня есть дочь, Люсенька, она от меня ни за что не отвернётся. Правда, Люсия? — Он доставал из кармана порванную надвое фотокарточку, на сохранившейся части которой белело лицо маленькой девочки.

Ночью того дня, когда лейтенант получил письмо, Матвеев слышал сквозь сон близкий выстрел. Он на секунду открыл глаза, убедился, что кругом спокойно, и снова уснул.

Утром он узнал, что Антонович застрелился.

Лейтенант не оставил посмертной записки. Рядом с его телом нашли выпитую наполовину бутылку водки, боевые награды и обрывок той самой карточки с девочкой по имени Люся, которая не дождалась отца в Гомеле.

13

В середине июня Матвеев получил весточку от рядового Черкеса, хорошего, доброго парня с печальными глазами большого безобидного пса, носившего на шее крестик и не умевшего объяснить, для чего ему этот предмет. Над Черкесом, конечно, многие посмеивались, но без злобы, и говорили, что не крест спасёт, а чуйка, то есть чутьё, но боец никого не слушал и креста не снимал. Иногда Матвеев замечал, как солдат сжимает его в ладони и молчит, уставившись на небо. Может быть, он молился, но Матвееву не было до этого особого дела, он только удивлялся, что в бою Черкесу несказанно везёт: не раз тот оказывался в ситуациях, из которых почти невозможно было выбраться живым или хотя бы не покалеченным, а на Черкесе не осталось ни царапины.

После зачистки одного далёкого кишлака, где, как полагали, находилось крупное осиное гнездо моджахедов, он обнаружил Черкеса сидящим у изрепечённого пулями и осколками мин дувала*. У его ног лежали в безобразных позах тела двух солдат. Одного убило выстрелом между глаз, у второго виднелось пулевое ранение прямо под сердцем. Черкес отрешённо глядел вдаль, куда-то поверх крыш, и не выпускал из рук крестика.

— Крещёный, что ль? — спросил Матвеев. — Говорят, бережёного Бог бережёт. Я смотрю, это как раз про тебя.

Черкес придвинул к себе автомат и смолчал.

— Положил кого-нибудь? — поинтересовался Матвеев, осматриваясь. — Эх, — махнул он рукой, понимая, что рядовой не ответит, — нужно грузить ребят на броню. Вот и дембель к ним пришёл...

К смерти Матвеев всегда относился неоднозначно. В детстве, когда умер дедушка, он не почувствовал ничего особенного, только странная тоска поселилась в нём, едва он переступил порог знакомой комнаты и взглянул на дедушкины вещи, никому теперь как будто не принадлежащие. Громко качался маятник в старинных часах, и сверкала на солнце чернильница, которой дед, не признававший шариковых ручек, пользовался до последнего дня.

Потом Матвеев видел мёртвую женщину у подножия эскалатора в метро. Ему подумалось, что глупо умереть вот так — по пути на работу или, быть может, в Парк культуры и отдыха.

Смерть перестала представляться Матвееву чем-то эфемерным и лично его не касающимся после первого же боя, когда ему пришлось тащить труп убитого старшины к бронетранспортёру. Тело, казалось, после смерти стало весить раза в три больше. Едва он положил его возле задних колёс бронемашины, как слёзы посыпались из глаз. Он ясно представил, как его самого несут вот так: чертыхаясь вполголоса, на спине, потом сбрасывают, как осточертевшую ношу, закуривают и не глядят в его безжизненное лицо.

* Дувал — глинобитный забор или стена в Средней Азии, отделяющая внутренний двор жилища от улицы.

С каждой новой смертью, вне зависимости от того, знал Матвеев погибшего или нет, он чувствовал, что из него, из его души, если только она существует, что-то испаряется. Он решил, что ещё немного, и души в нём не останутся вовсе — тогда он сам зачерствеет, сердце обратится в камень, лица убитых перестанут вспоминаться во снах и наяву, и он прекратит жалеть каждого. Но этого с Матвеевым не произошло, и очередной факт смерти вызывал в нем протест: он не находил себе места от гнева, чувства несправедливости и внезапно нахлынувшего одиночества. В мире, считал Матвеев, человек одинок и всегда стоит лицом к лицу со смертью. И важно в страхе перед ней не закрыть глаза, чтобы она не добралась до тебя своими холодными, зловредными руками.

— Ничего, поживём ещё, — сказал Матвеев Черкесу. — Вставай, нечего тут расслаживаться.

— Я теперь, товарищ замкомвзвода, в рай, видно, не попаду, — проговорил рядовой. — Как считаете?

— Я в таких делах не знаток, — признался Матвеев. — А что?

— Я ребёнка убил. Случайно.

Матвеев посмотрел на рядового с подозрением: мол, какого ребёнка? Черкес указал рукой на дом.

Сначала, стоя в дверном проёме, Матвеев внутри маленькой комнаты ничего не увидел. Яркий свет лился сквозь дыру в стене и лежал сверкающим пятном на полу. Всё вокруг этого пятна, над которым причудливо завивалась пыль, было темно и непроглядно. Но вскоре, присмотревшись к этой тени, Матвеев различил в углу два тела: мужчину, не выпустившего винтовки из рук, и мальчика лет десяти.

— Я не знал, что он здесь, — прошептал Черкес. — Честное слово, товарищ сержант!

— Уже всё, рядовой, надо идти, а то без нас уедут. Не думай о случившемся. Идём. Забираем наших и идём.

Но Матвеев сам не знал, как это — совсем не думать об этом. По пути назад он только и размышлял об убитом мальчике, и потом ещё весь вечер и душную бессонную ночь ясно себе его представлял. Не желая оставаться наедине со своими мыслями, он поднялся с койки и подошёл к Черкесу. Тот бодрствовал, ковыряя поверхность стола кончиком ножа.

— Не спишь? Мне тоже. Ты знаешь что... Это трудно, но нужно пережить. Передумать, переварить, пересилить. Если ты не простишь самого себя, ты сгоришь. Ясно?

— А вы, товарищ сержант, убивали детей?

Матвеев покачал головой.

— Как мне это пережить? Этому парнишке не больше, чем моему младшему брату. Такое не переживёшь. Да я...

— Не вздумай поступить глупо, — строго предупредил Матвеев. — Давай-ка ложись спать, ясно? Утро вечера мудренее.

— Чего нет ясного... — ответил Черкес. — Завтра тоже рейд?

— Банно-стаканный день*. Сутки, чтобы избавиться от дурных мыслей.

— У меня нехорошее предчувствие, что домой не вернусь. Боюсь гукнуться.

— Вернёшься, не гукнешься. На тебе крест. У нас даже те, кто без креста, домой возвращаются. Я сам без креста. Меня, знаешь, что оберегает?

— Что? — удивился солдат.

— То же, что и всех. То, что мы с собой носим: аптечка с бинтами, вата и промедол. Такова наша религия, ясно?

— Так точно, товарищ сержант! — немного взбодрившись, согласился рядовой.

Черкес, как и обещал Матвеев, домой вернулся. Случилось это в октябре восемьдесят второго. В письме он сообщал, что живёт неплохо, работает по гражданской специальности и собирается жениться.

* То есть выходной.

Пока он покупал ей эскимо, она рассматривала его профиль. Он казался ей старше, чем был на самом деле; ей даже не верилось, что ему двадцать один. Света думала, что, когда они идут рядом, она выглядит моложе него. Матвееву же порой становилось неловко от того, что Света, как он полагал, выглядит значительно старше, а потому люди посматривают в их сторону как будто бы с непониманием. Впрочем, когда она взяла в руки мороженое и сняла упаковку так, чтобы на ней не осталась шоколадная глазурь, Матвеев увидел в Свете вчерашнюю выпускницу библиотечного техникума, такую, которая ещё не нашла себе места в жизни и сейчас беззаботно шагает рядом с ним по улице. Он нечаянно коснулся её руки и тут же отдернул свою, немало смутившись. Света не заметила этого. Вчера они перешли на “ты” и шли под руку, но сегодня она отчего-то избегала этого, и Матвеев начал нервничать, что, возможно, уже успел сделать или сказать что-нибудь не так.

Близость её руки, мимолётное к ней прикосновение напомнили ему тепло другого человека — Алисы. Он до сих пор не понимал, как же она к нему относилась. Когда она только появилась в его жизни, он повсюду ходил за нею, старался выхватить портфель из её рук, чтобы помочь нести. В те дни он болтал без умолку, что ему совершенно не шло, пытался быть интересным, и она порой отвечала согласием на вопрос, можно ли позвонить ей вечером. И он звонил, и снова говорил обо всём подряд, и жалел, что она немногословна.

Он влюбился в неё как-то внезапно, разом: почувствовал, что внутри, под самыми рёбрами с двух сторон что-то заклокотало, разлилось, как морской прибой, и что-то понесло его по улицам. Не помня себя от счастья, он очутился в чужом районе, среди прежде не виденных домов, и растерялся, и стал искать дорогу обратно. И долго потом шёл вдоль шоссе, шепча Алисино имя.

Она была милой девочкой с непредсказуемыми реакциями, и, быть может, в особенности это привлекало Матвеева. Один день она могла проходить в дурном настроении, не подпуская его к себе, а на следующий радостно наслаждалась его обществом. Однажды, когда он проводил её домой, она попросила подождать пару минут. Вернувшись через целую вечность, она вынесла ему свою фотографию. “Бери, — настояла она, — думай обо мне каждое мгновение”. И прижалась горячими губами к его щеке. Так они простояли следующую вечность, пока сверху не раздался голос её отца: “Алиса, это ты там? Что ты там делаешь?” И она, ни слова не говоря, скрылась в подъезде.

Алиса предположить не могла, как много будет значить для Матвеева подаренная ею фотокарточка. Но не сейчас, как она мечтала, а потом, когда он будет лежать на койке в палатке-казарме или трястись на броне БТР-70. Он берёт этот снимок, храня как нечто очень ценное. И если бы случилось так, что снимок потерялся, он бы, пожалуй, восстановил его, точь-в-точь нарисовав по памяти. Если бы, конечно, выучился рисовать.

На фотографии Алиса была запечатлена в своей комнате, сидящей спиной к письменному столу, на котором аккуратными стопками высились учебники и тетради. Алиса была одета в вязаный свитер и синюю юбку. Позади неё виднелась “Ригонда”. Она вечно хвасталась этой радиолой, повторяя, что лучше неё ничего в Союзе не делают. Ещё за её спиной висел портрет какого-то певца. Алиса называла его имя, но Матвеев его забыл.

Ему нравились её тонкие светлые брови, аккуратный, немного коротковатый, как ему казалось, нос, заметно выделявшиеся скулы и бледные губы. Когда она прикладывала к ним палец, он сходил с ума.

Когда он разглядывал её фотографию, и делать это он мог бесконечно, ему всегда недоставало звучания её голоса: без него портрет был неполон. Однажды он видел сон, в котором он, отчего-то знаменитый учёный, изобретает новый вид фотографии — передающий звучание голоса.

Он не чувствовал, как Света теребит рукав его рубашки. Она позвала его несколько раз.

— Что с тобой?

Он смотрел и не понимал, отчего её черты так не схожи с чертами на фотографии, отчего голос совсем другой.

— Ты странный, Ваня, — сказала Света, обиженно отступая от него. — Очень.

Был вечер, пахло скошенной травой.

15

Странная штука — память, рассуждал Матвеев. Отчего-то она не показывала ему то, что ему хотелось увидеть, а всё подсовывала картинки, которые он мечтал навсегда забыть. В моменты, когда он оставался наедине с собой, его посещали самые мрачные мысли, и сколько он ни старался развеять их, думая о хорошем, победить их ему не удавалось.

Едва начинало брезжить какое-нибудь приятное воспоминание, скажем, из детства, как возникала другая картина — и всё оттуда, с войны. Она не давала покоя рассудку и затуманивала его; он не мог ни на чём ином сосредоточиться: смотрел на летнее прозрачное небо, а видел сторевшие грузовики в кюветах; по радио звучала песня, а ему чудилось, что взлетает сигнальная ракета или передёргивается затвор АКС; он говорил по телефону, а в памяти всплывал какой-нибудь ночной разговор в казарме, или стон беспокойно спящего солдата, или гром танкового выстрела.

Третью ночь кряду снился ему один и тот же сон: что он находится на борту вертолётa и, крепко вцепившись в пулемёт, пытается поразить наземные цели. Он видит только свои руки, прицел, тень вертолётa на скалах и маленькие фигурки противника. Раздаётся взрыв, мощная волна отрывает Матвеева от пулемёта, и он летит, что-то крича, вниз.

Он просыпался в холодном поту и обречённо смотрел в потолок, думая, что уже мёртв. Затем остатки сновидения рассеивались, и он, придя в себя, понимал, что всё было лишь очередным кошмаром.

День ото дня он беспокоился всё сильнее оттого, что сон не приносил отдохновения, оттого, что самые невесёлые размышления мучили его. Ему представлялось стыдным рассказать обо всём матери или ещё кому-нибудь. Он боялся, что его сочтут умалишённым и предпримут в связи с этим что-нибудь, что ему совсем не понравится. Матвеев был уверен в одном: он не болен, но в нём столько боли, что, наверно, потребуется очень много времени, чтобы её избыть. Но как избыть её в одиночестве, оставаясь с ней наедине? Ответа он пока не находил.

Странная штука — память, говорил себе Матвеев. Из-за неё жизнь — не жизнь.

16

— За то, что ты вернулся, — произнёс отец и, как шашку, по диагонали двинул стопку с водкой от себя к правой руке сына.

Матвеев кивнул и, когда обе стопки глухо стукнулись, морщась, выпил. Отец поспешил наполнить опустевшую тару до краев, но сын накрыл свою ладонью:

— Больше не буду.

Отец тоже не стал пить.

Пока Матвеев сорок минут добирался на электричке, он о многом успел подумать и даже решил, о чём расскажет отцу, а о чём умолчит. Расположившись же на веранде старой дачи, он перехотел говорить о том, о чём собирался, и, преувеличенно раздувая ноздри, вдыхал свежий утренний воздух, полный соснового аромата.

На этой даче, где каждый уголок был знаком, Матвеев полностью провёл одно лето то под присмотром отца, то под опекой бабушки. С отцом, взявшим месячный отпуск, он жил душа в душу: на рассвете они ходили на рыбалку, поздно завтракали, занимались делами по дому, ежедневно что-то мастера и ремонтируя, не отказывали себе в дневном сне на веранде. Если утренний улов оказывался неплох, готовили ущицу и ели её на ужин, нахваливая рыбу и свои рыбацкие способности. Когда начинало смеркаться, шли к станции, и Матвеев осыпал отца градом самых важных вопросов, на которые у того всегда находились ответы. На станции они садились на скамейку,

обыкновенно под расписанием, и наблюдали за проходящими мимо поездами и за людьми, сходящими с электричек. Отец курил, и в недвижимом воздухе над головами повисал сизый дым вонючей “Примы”.

В Афгане Матвеев пытался начать курить, но не пристрастился. Курил после боя или просто от сильной усталости, повалившись на землю во время привала или у входа в казарму. В одном из городков, куда они отправились на БМП за сигаретами и едой, их встретила недовольная, рыкающая, галдящая толпа горожан. Матвеев не разбирал, что воият эти люди на незнакомом ему языке, а потому ему то и дело слышалось единственное знакомое слово — “шурави”*. Шурави такие, шурави сякие — таков, наверное, был общий смысл. Видя, что сквозь толпу не проехать, водитель заставил БМП пятиться назад. Толпа взяла машину в кольцо, и командир, до последнего надеявшийся, что вот-вот появится царандой**, приказал дать очередь из башенного пулемёта. Только тогда БМП продолжила отступление.

— Как дела на работе? — разрушил тишину отец.

Он заметно нервничал и, как понял Матвеев, не пытался этого скрыть.

— Сколько мы не виделись? — ответил вопросом сын. — Три, четыре года?

— Больше. Мы встретились, когда ты поступил в училище...

— Притом совершенно случайно, — уточнил Матвеев иронично, — как встречаются старые знакомые — просто на улице.

— Ты сердисься на меня?

— Я сердился прежде, — кивнул Матвеев, — но потом это прошло. Я научился меньше о тебе думать и реже вспоминать.

— Звучит жестоко, — сокрушённо заметил отец.

— Как-то купил тот одёколон, которым ты постоянно пользовался. Ты вечно не знал меры и выливал его на себя чуть ли не литрами. Вот тогда я вновь про тебя вспомнил. В соседнем квартале строчил пулемёт, неподалёку разорвались две мины, лупануло из гранатомёта, а я с ребятами укрылся за стеной какой-то брошенной мазанки и думал о тебе. Хочешь знать, что именно? Я пытался понять, зачем ты стал слать мне письма. Нет, правда, для чего? Считал, что мне будет легче служить? А ты знал, что там, где я нахожусь, идёт война?

— Ваня, почему ты на меня злишься? — растерянно перебил его отец. — Ну, ты прости меня, пойми, что...

Матвеев спустился с веранды и прошёлся по дорожке вдоль дома.

— Я на тебя не злюсь и рассказываю, как было. Ты дослушай, а потом задавай вопросы. Я ведь был рад твоим письмам, полагал, что наконец-то тебе понадобился. И не важно, что не всегда тебе отвечал или писал скупо, только по существу, без всякой там философии. Ты пойми, не до этого было. Может, я был бы рад поведать больше, но что-то, будто какой-то механизм, удерживало меня. Я решил: приеду — и наговоримся. Вот я и вернулся, сам приехал к тебе. И теперь мы сидим на твоей даче...

— Она и твоя...

— Нет, это твоя дача, я не имею к ней отношения, — уверенно ответил Матвеев. — Мы сидим здесь, смотрим на сливовые деревья, которые ты посадил тысячу лет назад и которые, вопреки твоим увещаниям, не хотят плодоносить, выпили водки, над нами безоблачное небо, кругом нас лето, и тебе, наверное, кажется, что всё хорошо.

— Разве нет?

— Очень хорошо! — холодно и чётко отчеканил Матвеев. — Ты в письмах просил меня беречь себя, и я берёг что было сил, хотя порой хотелось подохнуть. Но посмотри: ни одного серьёзного ранения, ни одной болезни, как будто смерть презрела меня. Но это не ты, это мама молилась, я точно знаю. Мы все трое неверующие, но она уж наверняка обрела какого-то бога, чтобы он меня хранил.

* Так афганцы называли советских военнослужащих.

** Здесь — народная милиция Афганистана. Её подразделения сражались на стороне советских войск.

— Ты, Ваня, не подозреваешь, как я переживал, как страдал... С самого первого дня, как мы разошлись с твоей мамой. Ты считаешь, что я сразу забыл тебя, сделался бесчувственным, бессердечным? Нет, неправда. Каждый раз, когда я приходил к своим студентам, я вспоминал тебя. Я верил, что однажды и ты окончишь школу и поступишь в институт, будешь учиться...

— И из меня выйдет толк? — спросил Матвеев зло. — Ты вечно талдычил, что из человека должен выйти толк, иначе его жизнь напрасна. По-прежнему так считаешь?

— А когда я узнал, что тебя отправили в Афганистан, я возненавидел студентов. Я смотрел на них и думал: вот они передо мной — сытые, довольные, ухоженные. Они спят на первых парах, не слушают меня, болтают... Мне хотелось поменять их и тебя местами, чтобы не они, но ты сидел передо мной в светлой и просторной аудитории.

— Когда меня назначили замкомвзвода, в нём было восемнадцать человек. Как ты думаешь, сколько из них вернулись домой?

— Ну, зачем ты об этом? — развёл руками отец.

— А о чём ещё, Игорь Владиленович? — передразнивая его, развёл руками сын и втянул голову в плечи. — Вот ты спрашиваешь, как у меня дела на работе. Да спокойно: делаются дела, зарплата капает.

— Нужно постараться забыть о том, что ты видел там...

Это “там” прозвучало — и это Матвеев почувствовал со всей очевидностью — так, словно отец говорил о далёкой, вымышленной, то есть вряд ли существующей стране. Словно не было страданий, ран, смертей. Возможно, в том мире, в котором жил отец, всего этого и не было. Но только не “там”.

— И впрямь волшебная страна! — воскликнул Матвеев вслух. — Знаешь, чем мы там занимались? Нет, ты послушай внимательно, не отворачивайся. Мы строили дороги, восстанавливали заводы и предприятия, возводили школы и детские сады, в которых так нуждаются юные афганцы. Каждый наш день полнился надеждой, что нам будет, чем гордиться, когда мы вернёмся домой и расскажем родным и друзьям о чудной Республике Афганистан.

— Перестань...

— И вот мы строили, строили, а в нас стреляли и стреляли. Мы возводили, возводили, а нас не щадили и не щадили. Надеялись, надеялись, а наши мечты разбивали в прах. Мы были такие чистенькие и зла не ведали. И вот из моего первого взвода в Союз вернулись я и ещё двое. Остальные так полюбили афганскую землю, что решили остаться лежать в ней. И теперь мы, конечно, расскажем, как строили никому не нужный социализм, как заботились о чужом народе, как учили их людей человеколюбию.

Отец молчал и мусолил в руках папиросу. Табак сыпался на землю, как песок через жерло песочных часов.

— Что же ты приуныл, профессор? Ответь мне: как это пережить, как смириться?

Матвеев налил себе водки, залпом выпил, ощутил жар, обдавший нутро, схватил свою сумку и, выйдя прочь со двора, зашагал к станции. Он не хотел оборачиваться, но всё же один раз повернулся назад и увидел отца, стоящего возле открытой калитки и глядящего ему вслед. “Зачем я только приехал?” — подумал Матвеев и прибавил шаг.

17

Этот звук был хорошо ему знаком: снаружи послышался протяжный тонкий свист, кто-то явно сфальшивил. Так всегда начинался миномётный обстрел. Не тратя времени, чтобы продрать глаза, Матвеев скатился с койки, прижался щекой к холодному полу и прикрыл голову двумя руками. Затем его ослепила яркая вспышка, зазвенел встревоженный голос, отчего-то женский и отчего-то мамин.

Перепуганная, переполошённая, в мелко дрожащем на хрупком теле халате, мать держалась за дверную ручку и повторяла одно и то же:

— Ванечка, что с тобой?

Словно провинившийся ребёнок, он поднялся с пола, прислушался и различил, что внизу, под окном, кто-то насвистывал простой мотив.

— Мне что-то приснилось, — ответил Матвеев, привыкая, что находится не в палатке-казарме, а в собственной комнате. — Только я не помню что.

— Ты громко кричал, — сказала мать, опускаясь на стул. — Мне даже почудилось, что ты зовёшь меня на помощь.

— Долго я кричал?

— Очень. Я испугалась, что ты перебудитшь соседей. Ты же знаешь, они у нас люди нервные...

— Знаю, знаю... Прости, не хотел тебя огорчить. Иди спать...

— Разве теперь уснёшь?

Удивительно добрые у неё были глаза. Прежде он не замечал, что они такие. Он всегда считал, что глаза у матери грустные и часто строгие, но теперь видел, что они добрые. У него самого — как на снимке в её комнате — такие были в детстве. А вчера, когда он посмотрелся в зеркало, глаза были пустые и некрасиво серые. Как день, потонувший в густом тумане.

— Звонил отец, — призналась мать, — говорит, ты на него обиделся. Ты ездил к нему, а мне ничего не сказал?

— Нечего было говорить. Мы посидели, и я убрался восвояси. Он невыносим. Знаешь, невероятно невыносим, я и не подозревал, до какой степени. Давно его не видел и представлял другим. А теперь вижу, что ты была права, называя его несносным и себялюбивым.

— Да я же со зла это говорила! Он хороший человек.

— По крайней мере, я не почувствовал ничего общего между ним и собой. Странно, я ведь долгое время был уверен, что скучаю по нему, но теперь и думать о нём скучно. Он даже не захотел меня выслушать! Я готов был выложить всё, о чём душа болит, а он... Знаешь, что я увидел?

— Что?

— Сидит эдакий профессор на своей крохотной дачке, обложился книжками и сочиняет, как осенью первакам про жизнь будет рассказывать. А что он о ней знает?

— Ваня, ты какой-то сердитый и несправедлив по отношению к нему.

— Он ничего и не знает, — продолжал распалаться Матвеев, — а я знаю. Я знаю! Я видел эту жизнь. И то, как она покидает человека. Не представляю, что может быть страшнее.

Мать опустила голову.

— Это вам тут лапшу на уши вешают, будто мы в Афганистане сеем разумное, доброе, вечное, а на деле мы сеем смерть и её же пожинаем. Думаешь, легко было переносить ненависть местных, терпеть, что нас калечат и убивают?

— Ванечка, не нужно, хватит...

— Конечно, хватит... Ты тоже не хочешь слушать, отец не хочет. А кто хочет? Что ж, лягу спать и, наверное, усну. Или проваляюсь до рассвета, не сомкнув глаз. Не всё ли равно? Утром поднимусь, позавтракаю и пойду на работу, сделав вид, что я такой же, как все. Только эти все смотрят на меня такими зверьми, что страшно делается. Что, скажете, за полтора года стал меньше походить на человека? Что со мной не так? Почему люди держат со мной дистанцию? Вот он, Ваня Матвеев, вернувшийся из Афганистана, где идёт война. Воин-интернационалист. Кто придумал такое? Да чёрт с ним, в конце концов! Знаешь, как они на меня смотрят?

— Ложись спать, ты устал. Завтра поговорим...

— Они чувят, они не могут этого не чувствовать: Матвеев убивал, считают они. Знают. Убеждены. Значит, к нему не подходи. Значит, он другой. А что во мне другого? Такие же руки, не боящиеся труда, такие же ноги, преодолевающие километр за километром. Убивал или не убивал — какое им до меня дело? А они на моём месте что, подняли бы лапки кверху, чтобы только не замараться? Да я, может, чище их всех, хотя бы потому, что столько слёз пролил, что вся грязь, если и была внутри, давно вытекла. Я бы и не

думал обо всём этом, если бы вы не глядели на меня так, как глядите ежедневно. Даже ты. Ненавижу эти взгляды. Мне жить хочется. По-новому, будто ничего не случилось. Слышишь?.. Мам, мам, ну, чего ты опять плачешь? Не надо, прошу тебя. Прости! Я наговорил с три короба...

Он подошёл к ней и положил руки на плечи. Она вздрогнула от неожиданности. Его глаза были бездонно серыми и неподвижными: впились в неё и не отпускали. Ей стало не по себе, и она прикрыла лицо ладонями.

Матвеев отошёл и принялся вглядываться в темноту под окнами, где несколько минут назад кто-то свистел, но там уже никого не было.

18

В соседнем помещении, то и дело срываясь на визг, горланил Семёнов. Ему вчера крепко досталось от Матвеева и теперь, кое-как отлежавшись, он пришёл в контору, требуя не то отпущения, не то извинений. Но Матвеев извиняться не думал: он забросил ноги на захламлённый стол, заложил руки за голову и слушал, о чём разоряется обиженный им мастер.

Семёнов был неплохой мужик, но весь какой-то полинялый, скучный и приторно обыкновенный. Наверное, оттого, что пил. А когда пил, нёс околесицу, совсем как вчера, когда попытался поговорить с Матвеевым по душам.

Матвеев не сводил взгляда с его маленьких круглых глазок, а потом просто взял, размахнулся и одним ударом уложил Семёнова на пол, как раз в этой комнате, где теперь сидел, нисколько не переживая о том, чем может обернуться его вчерашний поступок.

Побитый мастер кричал за дверью, что дойдёт до милиции и напишет заявление и, по всей видимости, пытался открыть дверь, чтобы добраться до Матвеева, но ему не давали. Женский голос увещевал Семёнова простить своего молодого коллегу. Недавний хмель не выветрился ещё из линиялого мастера до конца, и он не то что не успокаивался, а, напротив, все больше раззадоривался. Может, принял на грудь ещё.

А всего-то было: Семёнов начал пить с товарищами после обеда и время от времени подходил к Матвееву, чтобы расспросить, как тому служилось, что за страна этот Афганистан. Матвеев, хоть и нехотя, поначалу лаконично отвечал, но, видя, что мастер пьянеет всё больше, предпочёл умолкнуть и только выслушивал пространные семёновские рассуждения о жизни вообще, а затем о войне. Матвеева коробило от его речей и перегара, но он терпел. Наконец, Семёнов озвучил самую главную свою мысль. Он даже набрал в лёгкие побольше воздуха и, наконец, — как выплонул — сообщил, что война, ведущаяся в Афганистане, бессмысленна. Матвеев усмехнулся и попросил раздухарившегося мастера вернуться к своим собутыльникам. Это Семёнов воспринял как оскорбление и выпятил вперёд грудь, сделав шаг в сторону Матвеева. Всё выглядело настолько нелепо, что он засмеялся во весь голос. Семёнов глядел на него озадаченно, а потом, словно подыхающая змея, выдавил из себя: “Что ж ты, сука, ржёшь? Ты же там детей и женщин насиловал. Ты же, паскуда, мирное население гробил. Не для того тебя туда, падаль, послали! Ты же, б..., стыдобище! Тебе подохнуть там нужно было, а не возвращаться...”

Большого Семёнов сказать не успел, потому что сильный удар, пришедший между глаз, повалил его наземь. Семёнов, хотя в голове всё ходило ходуном, сразу же попытался подняться, но, увидев стоящего над собой Матвеева, притих. Молодой мастер с криво ухмылкой поглядел на старого и, прихватив свои вещи, покинул контору. Никто не стал ему напоминать, что до конца рабочего дня оставалось час двадцать.

19

Ему требовалось знать: свидание у них или нет. От этого зависело что-то крайне важное, чего он, однако, не мог для себя сформулировать.

Спросить напрямую было неловко, и он шёл, ведя её за руку, или, может, это она вела его за собой, устремляясь по дороге мимо одинаковых домов

с одной стороны и невзрачных заборов с другой. Он не знал, куда она его тащит, и об этом тоже боялся спросить: будь что будет.

Они встретались со Светой уже в пятый раз. Вчера был четвёртый, и они промкли до нитки, пока бежали от метро. Она предлагала переждать на автобусной остановке, но там собралось много народу, и ему не хотелось толкаться среди них, ища местечко под крышей. Лучше было бежать под дождём.

Света спешила в универмаг до закрытия. Да, конечно же, она говорила об этом ещё вчера, но он не запомнил. Теперь он брёл за нею, и ему было скучно.

Вылазки на афганские базары всегда оборачивались рискованными мероприятиями, но там можно было разжиться полезными вещами. В первый раз Матвеев купил себе кроссовки. Они сослужили ему добрую службу.

Однажды он приценивался, чтобы купить японский магнитофон, и сделка уже почти состоялась, но тут Матвеева кто-то окликнул. Позади него стоял афганец с густыми усами и талдычил что-то по-своему. Матвеев стал показывать знаками, что не понимает, но тот верещал всё громче. Из толпы вынырнул прапорщик Скворцов:

— Чего уши развесил? Они ж тебя разводят. — Он указал на прилавок с японским кассетником. — Пока ты слушаешь карлика, этот мудака тебя нагрывает, — он кивнул на дукащика*.

— Как же так, товарищ прапорщик?

— Не первый раз замужем, — осклабился тот довольно.

Скворцов резво снял с плеча АКС и, размахнувшись, ударил прикладом по магнитофону. Тот треснул, полетели осколки. Скворцов поднял японское чудо техники и молча продемонстрировал, что внутри оно пусто. Матвеев со злобой поглядел на дукащика — тот молчал, скрестив руки на груди.

— Ладно, сержант, погнались отсюда, пока он друзей не позвал на выручку.

С тех пор Матвеев вёл себя на базарах осторожно, но японский магнитофон так и не купил.

Кто-то из солдат приобрёл колоду порнографических карт, и затем весь вечер дулись в дурака, но больше всё же рассматривали фотографии и раскрывали друг перед другом карты, показывая, какими оригинальными и неожиданными могут быть позы. Разговор вскоре перешёл на женщин, и кое-кто хвастал без конца своими подвигами, а Матвеев верил и не верил рассказчику, и немало ему, разумеется, завидовал, и когда подошла его очередь делиться опытом, он встал, оправился и вышел прочь под дружный хохот. Он слышал, как кто-то бросил ему в спину, что, мол, сержант пороха на всю жизнь нанюхался, а запах бабы себе может представить только по этим картам, и то потому, что они пахнут полиграфической краской.

У него с Алисой это чуть однажды не случилось. Он пришёл к ней, когда родителей не было дома. Она завела свою “Ригонду”, поставив на вертушку пластинку певца, чей портрет висел на стене, и встала перед Матвеевым, закрыв глаза. Он стал целовать её губы, щёки, шею, а она не противилась, как это случалось прежде. Но тогда — другое дело: тогда и ему было уютно в полутьме подъезда, у батареи, упершейся в бедро.

Он подхватил её на руки и аккуратно положил на постель. Истощенно запищал старый одноглазый игрушечный медведь, и Алиса, вытаскивая его из-под Матвеева, звонко смеялась, а он уже торопился расстегнуть её блузку и лифчик с непослушной застёжкой. Справившись с ней, он приник к Алисиной груди и, замерев, услышал, как колотится её сердце. Она была взволнована не меньше него. Но затем грозно зазвенел звонок в прихожей, и девушка кинулась одеваться, а Матвеев переместился в кресло. Пот тёк по его раскрасневшемуся лицу. Следовало умыться, но на беду дверь в ванную комнату находилась в прихожей. Матвеев вытащил из портфеля Алисы первую попавшуюся тетрадь, раскрыл наугад и забегал глазами по строчкам, ничего не соображая.

* Торговец. От “дукаан” — торговая лавка.

Потом Алиса смущённо сидела напротив него с чашкой чая, а он, отвалившись на спинку кресла, размышлял о том, как глупо всё вышло.

— В каких облаках ты всё время витаешь? — строго спросила Света, возвращая Матвеева из прошлого в настоящее. — Ты меня не слушаешь, да?

Они стояли возле её подъезда. Матвеев совсем не помнил дороги из универмага сюда, а ведь это почти двадцать минут. И о чём он говорил с ней всё это время, он тоже представления не имел.

Она ждала ответа, и он чувствовал, что его долгое молчание всё усложняет.

— Помнишь, ты как-то сказала: хорошо, что мы не знаем, что такое война? А я ведь был на войне. Я знаю.

Что-то переменялось в её лице: он сразу уловил, и она отпрянула, попятилась назад.

— Эй, ты чего?.. — испугался он.

— И ты... Ты ничего мне не сказал? — еле-еле выговорила она.

— Но разве это что-то может изменить?

Она продолжала отступать.

— Да перестань, всё же в порядке!

— Нет, не в порядке, — прошептала она. — Ты обязан был мне сказать!

Спустя полчаса, когда Матвеев, не включая лампы, сидел в своей комнате, он не мог припомнить последние слова, сказанные ею. Кажется, она просто молча скрылась в подъезде.

20

Может быть, об этом давно написаны целые романы — Матвеев их не знал. Что значит убить? Ответ на этот вопрос он получил, когда человек, сражённый пулей из его автомата, упал в придорожную пыль. Всё произошло быстро: палец надавил на гашетку, раздалась очередь, и мужчина, бежавший прямо на Матвеева, рухнул на землю. Колени его как-то разом подломились, и он грохнулся на них, а затем повалилось всё его тело, вздрогнуло дважды и замерло. Всё это чистая случайность, этого не должно было произойти ни с афганцем, ни с похолодевшим на сорокоградусной жаре Матвеевым.

Он был убеждён: не выскочи дух из-за угла мазанки, ничего этого не было бы. Ни ручейка крови, бегущего из безжизненного тела, ни пота на лице Матвеева.

Это сейчас ему думалось, что после роковых выстрелов прошло несколько минут, прежде чем он опомнился, а на самом деле минуло не более пяти секунд, как он перевёл взгляд с тела на дом, из-за которого только что появился моджахед. Матвеев чувствовал, что он притаился там не один, и чувство не подвело: оттуда же появились ещё двое, и сержант не растерялся и дал продолжительную очередь, и снова увидел, как бухаются в пыль тела. Заметил, как устремлена на него пара глаз, и что-то жалобное померещилось ему в том последнем, прощальном, но вряд ли прощающем взгляде.

А затем он ощутил хлопок по спине. Это кто-то из своих побежал вперёд и позвал Матвеева с собой. Он поднялся и бросился следом, на ходу меняя магазин. Отовсюду доносились выстрелы и крики, и Матвеев слабо понимал, что происходит, и слабо представлял себе, где находится. Голова кружилась от жары, а глаза заливал солёный едкий пот. Потом он увидел прямо перед собой фигуры, сразу сообразил, что это враг, и открыл огонь. Едва магазин опустел, он бросил АКС и выхватил нож. Но перед ним уже никого не было. Он зверем глядел по сторонам, но звуки боя стихли.

— Харэ, остынь, — сказал кто-то позади него и громко сплюнул на землю. — Утекли духи, отдыхаем.

Матвеев спрятал нож и приложил ладони к своей гладко обритой голове. Он всё тёр и тёр лоб и не мог перестать.

— Что, первого шлёпнул? Ничё, отпустит скоро, обычное дело, — сообщил голос будничным тоном.

Матвеева едва не вывернуло наизнанку, но не оттого, что он оказался над телом первого убитого им человека. Его мучило от этого противостест-

венного слова “шлёпнул”. Шлёпнул, кокнул, уложил, щёлкнул, кончил, угробил, приютюжил — все эти глаголы ему хотелось раз и навсегда вычеркнуть из словаря.

Преодолевая страх и брезгливость, он перевернул труп убитого духа и посмотрел ему в лицо. Это был молодой парень. Чёрная борода прибавляла ему десяток лет. Левую щеку пересекал глубокий уродливый шрам; совсем свежая рана перерезала левое веко.

— Ты чего там церемонишься? — спросил старший лейтенант Борисов. — Жалеешь, что ли? На прошлой неделе троим нашим из соседнего полка глаза вырезали и бросили тела посреди дороги. Хорошо, не над живыми глумились. Ты это, Матвеев, брось! Их жалеть нельзя, отойди, пусть валяются. Бородатые придут и заберут. Пусть хоронят по ихним обычаям.

Всю дорогу назад Матвеев молчал и, трясясь на броне, в сотый раз рассматривал фотокарточку Алисы.

— Девушка твоя? — спросил Черкес, протягивая руку, чтобы взять снимок.

Матвеев вздохнул и соврал:

— Моя. Ждёт не дожждётся меня.

— Красивая, — улыбнулся Черкес. — Моя меня тоже ждёт.

Матвеев забрал у него снимок и убрал в карман.

Он размышлял, смог ли бы признаться Алисе, что убил человека, или нет. Вряд ли бы ему достало смелости. Да и как сказать?

— Знаешь, Алиса, я убивал людей.

Так не скажешь.

— Ты убил кого-нибудь? — спросит она однажды.

— Пришлось, — ответит он. — Это было жизненно необходимо. Иначе бы я не вернулся к тебе.

Слёзы брызнули из его глаз. Он отвернулся, чтобы никто их не увидел, но все поняли.

— Как вернёмся, — приказал Борисов, — налейте ему водки. И только попейте отказаться, Ваня! Напейся, понял?

— Так точно! — процедил Матвеев сквозь зубы.

— Но так, чтобы утром был как огурчик.

— “Я в кармане своей гимнастёрки // твоё фото в блокноте храню...” — запел Черкес, и ребята подхватили:

*И в афганских горах на привалах
На него я с надеждой смотрю...*

21

Они встретились случайно. Матвеев срезал путь по вытоптанной в траве тропинке между домами, а она, укрывшись в тени старого ясеня, качала легонько коляску, в которой спал младенец. Матвеев узнал Алису, только когда поравнялся с ней; остановился ошеломлённо, вытянулся, словно по команде “смирно”, и слотнул комок, подкативший к горлу.

— Здравствуй, Ванечка, — кротко произнесла Алиса, и от голоса её всё внутри его растаяло, нежность прилила к самому сердцу.

Он не верил, что встретил её; совсем недавно рассуждал, что лучше будет никогда с ней не пересекаться, но теперь она стояла перед ним почти не изменившаяся, только подстриженная чуть короче, чем он привык. И деться ему было некуда.

— Алиса... Что ты здесь делаешь?

— Вот мой дом, — указала она на один из домов. — Забыл, что ли?

Он помнил, хотя довольно смутно, и этот ясень, и те растущие ближе к дороге конские каштаны, и поросший травой холмик, на вершине которого поблёскивали осколки бутылочного стекла, и саму эту тропинку. Когда-то зимой они пробирались здесь по колену в снегу, хватаясь за ветки кустов, чтобы не упасть, и смеялись от радости, от морозного восторга. Снег, попадая на лица, обжигал.

— Когда ты вернулся? Почему не позвонил?

— Месяца два назад.

— Как ты? — Алиса положила руки ему на плечи.

— Устроился, работаю, привыкаю к жизни на гражданке. Обычный член общества. Есть свои недостатки, но я над ними работаю.

Алиса засмеялась, прикрывая рот ладонью и глядя, не разбудила ли малыша.

— Мальчик?

— Девочка. Наташенька.

— Ну, поздравляю...

— Ты Расскажи про себя, я почти ничего о тебе не знаю с тех пор, как ты перестал мне писать. К маме твоей заходила, но разве она скажет что-нибудь? Отвечала вечно, что у тебя всё хорошо. Она такая холодная. Я ей совсем не нравлюсь.

— Да нравишься... — неуверенно ответил Матвеев. — А что я? Два года пролетели как месяц, не заметил даже.

— Выдумщик!

— Нет, правда...

— А что теперь? Не пойдёшь учиться?

— Вроде всему уже научился. Работаю электромехаником. Работа не самая престижная, но люди уважают.

Алиса покачала головой:

— Не этого ты хотел от жизни.

— Пока что меня всё устраивает, — сказал он, разглядывая маленькую девочку, спящую в коляске, внешне не имевшую ничего общего с Алисой. — Трудно с ней?

— Хлопотно, и я совсем не высыпаюсь.

— А муж?

— Я одна.

— Ясно.

Отчего же тогда всё разладилось? Той весной Алиса заканчивала десятый класс, предстояли вступительные испытания в вузе; Матвееву в училище оставалось чуть больше года. Встречались всё реже. Ещё зимой это началось: Алиса твердила, что впереди серьёзные экзамены, нужно готовиться, и в его представлении эта подготовка стала чем-то не имеющим ни начала, ни конца. Она не звонила, а когда набирал он, чаще всего слышал, что позвонил не вовремя. Его это угнетало; он потерял покой; молчание и равнодушие Алисы его мучили.

В апреле у неё был день рождения. Он позвонил, прозвучали девять или десять гудков; когда появился её голос, поздравил — коротко и нежно. Она поблагодарила. Возникла пауза. Матвеев ждал, что она пригласит его на празднование, как это было год назад, но она лишь вздохнула и посетовала, что очень устала, а ещё столько всего нужно сделать. На том и простились.

Больше он не звонил. Приходил в июне на выпускной, был рад за неё и других. Летом узнал от кого-то из знакомых, что она поступила в институт. Хотел поздравить, но не застал её дома.

В училище была одна девчонка. Матвеев несколько дней был влюблён в неё без памяти, а потом как отрезало. Каждый раз, целуя Ирину, он представлял себе Алису. В конце концов, это стало сводить с ума. Поздним вечером он пришёл к дому Алисы, долго стоял под её окнами, потом поднялся на пятый этаж.

— Вы что так поздно, молодой человек? — с улыбкой спросил её отец, открывая дверь. — К Алисе? Сейчас...

И она вышла к нему — красивая, собранная, со взглядом, сразу всё сказавшим: “Ну, чего?”

— Я просто так зашёл. Соскучился, — едва заметно улыбнулся Матвеев и развернулся, чтобы уйти.

— Странный ты какой-то. Что-нибудь случилось?

— Говорю же: просто соскучился.

— Чего же сразу уходишь?

— Мне пора...

И Матвеев зашпешил вниз.

С Ирой он порвал через несколько дней; она громко рыдала в тёмном закутке под лестницей, ведущей в подвал, а он стоял рядом и не знал, как её утешить. Она пыталась его обнять, притянуть к себе, но он каждый раз отстранялся.

— Какой ты жестокий! — закричала она.

Был поздний вечер, и в училище почти никого не осталась. Меньше всего Матвееву хотелось свидетелей.

— Проводишь меня до подъезда? — спросила Алиса. — Поможешь с коляской? Дома никого, а одной не справиться.

— Помогу, — ответил Матвеев. — О чём ты говоришь...

22

В августе восемьдесят второго Матвеев побывал в Союзе. Об этой поездке никому не рассказывал, даже полунамёка в письмах не сделал. А вышло всё очень просто: у Матвеева погиб друг — Петя Куваев. Погиб обыкновенно, как многие здесь, — в бою. И сопровождать цинкача, как цинично называли погибших товарищи, доверили Матвееву.

Пете было девятнадцать. Отзывчивый, словоохотливый, добрый парень, никогда не терявший присутствия духа, он понравился Матвееву сразу. Низкого роста, в форме, которая, казалось, ему велика, он у многих вызывал улыбку; если иные и усмехались, видя его впервые, то вскоре они, сошедшись с ним поближе, начинали Петю уважать. Он многое знал и умел; он любил Высоцкого и часто пел его песни. Постоянно всех смешил, пулёмётной очередью выстреливая анекдот за анекдотом. Были среди них скабрёзные. За них Петю особенно ценили. Так он мастерски рассказывал, что порой, зная уже содержание, просили повторить. Петя не отказывал никому и никогда. Писал стихи, и этим тоже нередко пользовались, прося сочинить четверостишия для любимых девушек и матерей. Стихи для мам, которых Петя в глаза не видел, удавались лучше всего.

У Пети было обычное, не запоминающееся лицо. Матвеев, чтобы попытаться запомнить его раз и навсегда, заглянул в маленькое застеклённое окошечко цинкового гроба за минуту до того, как заколотили деревянный ящик, в котором гроб отправлялся в полёт. Спокойное лицо Пети было лицом пятнадцатилетнего, не старше, паренька. И такая жалость взяла Матвеева, что он, взмахнув от отчаяния рукой, отошёл от гроба, как бы говоря: “Ну же, вбивайте свои гвозди!”

Ан-12 медленно кружил над аэродромом, набирая высоту. В грузовом отсеке воздух становился все разреженней; Матвеева мучило, и пульс стучал скоро и сбивчиво. Матвеев с завистью смотрел на людей в уютной и тёплой гермокабине. Там находились офицеры; некоторых он знал, они летели в отпуск. Здесь же, в неприятном и холодном грузовом, по лавкам вдоль бортов сидело, преодолевая тошноту, несколько солдат. Матвеев знал, что на такой высоте, если летишь не в гермокабине, можно лишиться сознания, и он согнулся, обхватив колени руками. “Только бы перетерпеть, только бы пережить...” — шептал он самому себе.

“Чёрный тюльпан” перестал наворачивать круги.

— Ну, всё, семь тысяч, не меньше, теперь не собьют, гады, — сообщил один из солдат. — Телепаться нам, братухи, несколько часов. Эх, чаю бы с булкой сейчас, да с изюмом!

— Заткнись, не то я блевану прямо на тебя! — ответил ему сосед. — Как ты живёшь вообще, дядя? Всё время о еде треплешься.

Полёт был мучительно долгим, и когда, наконец, Ан-12 стал заходить на посадку в Воронеже, Матвеев почувствовал что-то вроде облегчения.

Он спустился по трапу на бетонку, стрельнул у ребят папиросу и закурил.

— Куваев! Куваев! — услышал он чей-то зов. — Где Куваев?

Перед Матвеевым выросла фигура в кепке. Словно не замечая стоящего перед ней сержанта, фигура заглядывала ему за спину, в сумрачный грузовой отсек, и повторяла:

— Куваев! Куваев!

Матвеев догадался, что мужчина ищет того, кто сопровождает тело рядового Куваева.

— Я с ним, — произнес Матвеев.

— Славненько тогда.

Он сделал знак рукой, и вскоре к трапу подъехал гружённый песком “КамАЗ”.

— Что это? — не понял Матвеев.

— Как что? Транспорт до места жительства и захоронения. Документы покажь, — потребовал мужчина в кепке.

Матвеев вытащил из кармана бумаги и протянул ему.

— Ну вот, Пётр Петрович Куваев, одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения... Всё сходится. Значит так. Грузим гроб в песок и поехали.

— Почему в песок? — снова не понял Матвеев.

— Такой приказ: доставить до места жительства в песке.

— Ерунда какая-то, — нервно хохотнул Матвеев. — Ошибка, что ли?

— Ну, ты чё, сержант? Думаешь, в первый раз едем? Садись, короче, в кабину, жди водилу.

Матвееву вдруг стало всё равно. Навалилась накопившаяся усталость. Забравшись, как было сказано, в кабину, он тут же уснул. Через сон слышал, как зашумел двигатель, как, качнувшись, грузовик тронулся с места. Он чувствовал, как подбрасывало на ухабах, но продолжал спать. Пару раз приоткрывал глаза и видел тёмно-синее ночное небо, усыпанное звёздами. Водитель то и дело шмыгал носом, а Матвеев не мог понять, то ли насморк у него, то ли такая привычка. Потом он отрубился, судя по всему, на пару часов и очнулся от того, что его кто-то настойчиво и грубо расталкивал.

— Ну, давай, просыпайся, — приказал неприятный голос. — Ты кто?

— Сержант Матвеев...

— Меня зовут военный комиссар подполковник Груздев, — представился новый пассажир. — Еду с вами до самого конца. С родственниками говорить буду я. На их вопросы не отвечай, если что, сразу посылай ко мне. Ясно?

— Так точно, товарищ подполковник, — ответил Матвеев. — А скажите, для чего гроб в песке везём?

— Для маскировки, б..., — недовольно ответил Груздев. — Положено, — проговорил он по слогам, явно не желая развивать эту тему.

— Странно это, товарищ подполковник.

— Поспи пока, — сказал тот, — нам ещё далеко. Нас там ждут и спать не могут. А ты спи.

23

В деревню прибыли на рассвете. “КамАЗ”, громко рыча, растревожил собак и остановился у нужного дома. Почти сразу из дома высыпали люди. Впереди семеня женщина, неловко пытаясь повязать на голову платок. Её заметно качало из стороны в сторону, и мужчина, шедший следом, видимо, её муж, поддерживал её под локоть.

— Мама, это Петька приехал? — закричал маленький мальчик, опередивший родителей и уже стоявший возле грузовика.

— Тихо, Валька, тихо, — шикнула старуха, шедшая позади всех. — Люди спят ещё.

Но люди не спали: лица соседей виднелись в окнах домов, а кое-кто вышел на улицу и, остановившись в отдалении, наблюдал за происходящим.

— Где же Петька? — удивился Валька, обежав вокруг грузовика и глядя на гору песка в кузове.

— Куваевы Пётр Кузьмич и Мария Фёдоровна — это вы? — привычно безразличным и деловым тоном осведомился военком.

— Мы и есть... — растерянно ответил мужчина.

— Времени терять не будем. Телеграмму получили?

Отец Пети кивнул.

— Полагаю, на кладбище всё готово. Сейчас поедем. Только пройдем в дом, есть пара деликатных, так сказать, моментов... — Груздев направился к дому, а растерянный отец поспешил за ним.

— Где же мой сыночек? — воскликнула мать.

— Да не беспокойтесь, — не оборачиваясь, ответил Груздев, — гроб в песок пока зарыли. Мало ли, увидит кто.

— Ох... — вздрогнула Петькина мать, хватаясь за грудь. — Что же они...

— Осторожней! — Матвеев успел подскочить к ней и схватить за плечи, чтобы она не упала.

— Как тебя зовут? — спросила женщина.

Она неизвестно как стояла на ногах. Держа её, Матвеев чувствовал, что силы в ней нет никакой.

— Я Иван. Мы с вашим сыном служили...

— Он писал про тебя, — сказала она, и в глазах её загорелся огонёк, но вскоре угас. — Расскажи про Петю. Как он погиб?

Матвеев вспомнил строгий наказ Груздева и с ответом мешкал.

— А мне вот что написали, — сказала женщина, разворачивая бумагу, но не глядя в неё. — “Командование, партийный комитет, комсомольская организация, весь личный состав войсковой части выражают глубокую скорбь и соболезнование по поводу постигшей вас утраты — гибели нашего однополчанина гвардии рядового Куваева Петра Петровича...”

К голове Матвеева с каждым словом всё сильнее приливал жар, и земля качалась под ним.

— “В период выполнения интернационального долга, — продолжала она читать наизусть, — Пётр Петрович проявил высокие морально-политические и боевые качества, преданность делу коммунистической партии, социалистической родине. Выполняя боевое задание...”

Он слушал её и не мог взять в толк, отчего эти письма обыкновенно так сухи и безжизненны, отчего о людях в них сообщается, как о вещах.

Во дворе вновь возник военком. Он недобро поглядел на Матвеева — видимо, события развивались не так, как он планировал. Но нужно было поскорее закончить дело. Это понимали оба.

24

Светлана второй день не отвечала на звонки. С того вечера, когда они виделись в последний раз, прошла неделя. Сначала Матвеев думал, что девушка позвонит сама — вот только свыкнется с мыслью, что он был на войне, и сразу позвонит. В голове вертелось: “Она должна простить меня за это”.

Матвеев не понимал, что её так испугало, почему она отшатнулась от него, отчего предпочла затаиться. Он терпеливо ждал, предполагая, что ей нужно привыкнуть, но не был готов к тому, чтобы распрощаться с ней навек. “Если она пропадёт — пропаду и я” — эта несложная закономерность не давала ему покоя.

После работы болела голова, и некуда было деться от гула в черепной коробке, от пересыхающего рта и еле ворочающегося языка. Летняя духота доканывала его, и он смеялся, что в краю, где от духоты негде было скрыться, где дневной зной и жар были вечными спутниками, он переносил всё без особых проблем.

Раздражала мать, которая никак не могла забыть о случае с мастером Семёновым. Ванин начальник звонил ей и вёл долгую беседу, объясняя, что сыну необходимо внимание; что, возможно, за время службы в армии с ним произошли “некоторые изменения не лучшего свойства”. Человек, говоривший об этом матери Матвеева, старался быть вежливым, а ей слышалось одно: “Вам бы вашего сына подальше от общества нашего держать, гражданка Матвеева, и всё было бы хорошо!” Она долго жила с этой мыслью, а затем пришла к сыну и каялась зачем-то, что невнимательна к нему, что проявляет недостаточно заботы. Матвеев уверял, что это не так, обнимал её, но всё было зря.

Затем она попыталась убедить его, что следует извиниться перед Семёновым, но Матвеев оставался непреклонен: он не сделает этого ни за что, и ничто его не заставит. Мать просила, чтобы он задумался о возможных последствиях, а он, рассердившись, ушёл из дома и долго скитался по окрестным дворам. Каждый напоминал ему какой-нибудь эпизод их детства: здесь жгли костёр, тут дёргали девчонок за косички, устроив засаду после уроков, а там крутились на качелях “солнышком”.

К умирающей яблоне во дворе, где когда-то строили снежную крепость, кто-то прислонил трёхногий стул и для верности привязал его к стволу верёвкой. Матвеев любил это дерево. Когда-то оно осыпало их, мальчишек, яблоками — кислыми-прекислыми. Скулы сводило от их кислоты, но всё равно эти яблоки ценились. С их помощью проводили важную проверку: если кто-то желал примкнуть к их дворовой отвязной компании, он обязан был съесть подряд три кислеших яблока, не сетуя на трудность испытания. Один мальчишка так перепугался показавшегося из плоти яблока белоголового червя, что с ужасом забросил круглый зелёный плод куда подальше и рванул со всех ног под дружный хохот Матвеева и товарищей.

Компания — товарищество, как называли себя её члены, — дни напролёт проводила, играя в казаков-разбойников, ножики, вышибалы и, конечно же, футбол. Память о тех далёких днях разлилась в крови Матвеева одновременно мёдом и ядом: радостно было знать, что детство прошло счастливо; отравляла мысль о том, что всего этого не вернуть.

Матвеев твёрдо решил, что нужно зайти к Свете сейчас же, чтобы ответить на все её вопросы и преодолеть стену непонимания, возникшую случайно, без веских причин.

Он трижды надавил на звонок, прежде чем кто-то подошёл к двери и прильнул к глазку.

— Ваня, ты?

— Я. Открой, нужно поговорить.

— Уходи, пожалуйста... Нам не о чем говорить.

— Как это не о чем? — Матвеев занёс руку, чтобы позвонить ещё раз. — Всё время было о чём, а теперь нет? Что я сделал не так? — спросил он с обидой.

— Всё в порядке, — ответила Света, — но прошу тебя: уходи.

— Открой!

Некоторое время было тихо — она раздумывала. Потом щёлкнул замок и дверь приоткрылась.

— Ты прости меня, но... — Света запнулась. — Нам лучше больше не общаться.

— Да погоди ты! Объясни почему, и я... — Матвеев устало привалился плечом к стене.

— И что?

— И я постараюсь тебя понять. Я тебе разонравился или что?

— Вовсе нет, — неловко запротестовала Света, — дело не в этом... То есть да, ты мне нравишься, но...

— Опять “но”? Светка, будь человеком, объясни, что происходит. Я пойму. Правда-правда. Обещаю.

— Обещаешь? — с сомнением переспросила она.

— Конечно. Я слово держать умею.

— Понимаешь, — вздохнула она, — меня пугает, что ты был там...

— И меня пугает, — отшутился он. — Но что с того? Там много кто был.

— Я слышала, что люди, вернувшиеся с войны...

— Что, не такие, как ты? — зло бросил Матвеев, уже знакомый с этой песней. — Конечно, не такие. Куда нам.

— Брось, я не об этом.

— О чём тогда?

— Я тебя боюсь, Матвеев.

Она никогда не звала его по фамилии. Называла Ваней, Иваном, Ванькой. Ванькой — когда он целовал её волосы. А Матвеевым — никогда.

— Я злой и страшный серый волк... — пробормотал он, прикусывая губу. — Вот что.

— Что?

— Поступим так: я сейчас уйду и больше не буду тебя ни о чём спрашивать. Лады?

— Лады, — кивнула Света.

— Но ты за это позвонишь мне через день или два. Максимум три. И мы поговорим. Договорились?

— Я не буду тебе звонить.

— Да что во мне не так? — отчаявшись, спросил он. — Руки на месте, ноги тоже, лицо есть, пусть и некрасивое...

— Красивое...

— Голова на плечах, ветер в голове не свищет. Нормальный парень. — Матвееву понравилось хвалить себя, но всё это он произнёс серьёзно, без тени улыбки.

— У тебя сердце другое. Прости меня, Ваня...

Словно выстрел прозвучал хлопок двери.

— Ну и дрянь, — проговорил он, глядя с ненавистью на глазок. — Что же ты за человек такой?

25

На похоронах Куваева военком строго разъяснил родителям погибшего бойца: на надгробном памятнике никакого упоминания войны и Афганистана. Это требование сильно ранило Матвеева, может быть, больше, чем Петькиных родителей.

Проститься с Куваевым на новое, почти не заселённое лесное кладбище пришли немногие: родители, пара хмурых дядьёв, кое-кто из соседей. Матвеев особо не присматривался к людям; он вообще страшился поднимать глаза — так ему было стыдно из-за нелепости происходящего. И из-за гроба в песке, из-за равнодушия военкома.

Поминки проходили в доме. Дом был небольшой, уютный и чистый. Под иконой в одном из углов горела свеча. Присутствие иконы в жилище поразило Матвеева: он никогда прежде такого не видел.

Говорили за столом мало, вероятно, стесняясь чужих, в особенности гордо восседавшего военкома Груздева. Вид у него был недовольный, и было похоже, что он вскоре встанет, простится со всеми и поедет. Но он продолжал сидеть и опрокидывал в себя одну за другой рюмки с водкой. Матвеев пил воду и стыдился даже этого.

Отец Петьки коснулся его руки и тихо предложил выйти покурить. Матвеев с радостью согласился.

Они расположились на ладно сбитой лавочке в тени, падавшей от дома.

— Нам ничего ведь не говорят. Ты знаешь, как он погиб? — спросил отец смущённо о своём сыне.

Матвееву стало стыдно, что человек, потерявший ребёнка, вот так, чтобы никто только не услышал, спрашивает о его гибели.

— Мы вместе были в том бою, — признался Матвеев и опасливо поглядел на окно — не следит ли кто за ними. — Все случилось внезапно. Быстро.

— Одно скажи: он не мучился?

— Петька погиб почти сразу, — ответил Матвеев, прикуривая вторую папиросу от первой. — Мы выдвинулись рано, около пяти утра. Нас перебудили и сказали, что местным нужна помощь. На сборы десять минут — и в рейд. Банда напала на деревню в нескольких километрах от нас. Нужно было уничтожить или хотя бы отбросить духов. В без пятнадцати шесть мы вступили в бой на подступах к деревне. — Не докурив папиросу, Матвеев бросил её на землю и принялся торопливо втаптывать в землю. — Вроде бы всё было в нашу пользу. Продвигались дом за домом. И тут откуда-то с высоты духи накрыли нас из пулемёта. Мы прижались к земле. Старлей командовал вашему сыну и нескольким бойцам подавить и уничтожить огневую

точку. Сказать всегда легче, чем сделать... С поручением справились “на отлично”, но Петьку серьёзно ранило в голову. Он ещё вёл огонь по противнику некоторое время, но быстро угас... Знаете, вот так: раз — и всё... Умер на руках у товарищей.

Матвееву было стыдно, что он так сухо обо всём поведал. Выходило, что и подвига Петька не совершил, хотя все тогда говорили, что Петька — герой.

— Не думайте, что всё так просто, — словно оправдываясь, прибавил он. — Петька и товарищи подвиг совершили — пулемётную точку забили!

— Да-да, конечно, — занервничал Петькин отец. — Спасибо, что рассказал об этом, теперь я знаю, что он не зря погиб. Не зря ведь? — пере-спросил он, крепко сжимая Матвееву ладонь.

— Не зря.

Зря или не зря — Матвеев не знал точно, но ему хотелось верить, что всё, происходившее и происходящее там, не просто так и действительно кому-нибудь нужно.

— А у нас Васька пропал, — сообщил, спускаясь с крыльца младший брат Пети.

— А кто это — Васька?

— Да это ж наш кот! — воскликнул малыш, поражённый, что Матвеев не знает таких важных вещей. — Любимый кот Петьки.

— Кот был очень привязан к сыну, — пояснил отец. — С детства вместе. Коту уж шестнадцать или семнадцать... Вчера вышел со двора — и поминай как звали.

Матвеев пожал плечами.

— Вернётся. Чувствую, что вернётся. Ему по-своему, по-котовски, нуж-но горе перегоревать.

Но кот так и не вернулся. Об этом Матвеев узнал спустя полгода из письма Петра Кузьмича. Ещё он писал, что Петькина мать со дня похоро-нов почти не встает с постели и стала совсем плоха. Матвеев не знал, что ответить на письмо, а потому отвечать не стал. И за это ему тоже было стыдно.

26

По радио передали, что сегодня день рождения Олега Табакова. Матвеев очень любил этого артиста, особенно за фильмы “Каштанка” и “Гори, гори, моя звезда”. Ещё он любил Юрия Никулина и мог пересматривать картины с его участием по много-много раз.

После завтрака он посмотрел немного телевизор. День за окном был ясный и тёплый. Мать давно собралась и уехала на работу, а Матвееву идти в контору совсем не хотелось.

— Ну, где тебя носит? — заверещали две сотрудницы, которые, кажется, никогда не разлучались. Он даже путал их имена. — Наши уже все на участке, и Гаврилыч тоже. Давай ноги в руки, и туда. Вот адрес...

Гаврилыч был начальником Матвеева, тем самым, что звонил его матери. Если уж и он отправился на вызов, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

Матвеев вошёл в подъезд девятиэтажки. Внутри было холодно, тянуло сыростью из подвала. Перепрыгивая через ступени, он начал восхождение на восьмой этаж, где застрял лифт, и вскоре услышал голоса. На лестничной площадке совещались Гаврилыч и ещё два механика. Матвеев не помнил, как их зовут. Он мало с кем общался на работе.

В кабине застрявшего между этажами лифта кто-то громко стучал.

— Не разоряйтесь, гражданка, — прикрикнул Гаврилыч, закатывая глаза. — Вытащим мы вас, не переживайте.

Женщине, находившейся в кабине лифта без света, было не по себе. Она, не умолкая, стучала по стенам и вошла нечленораздельно. Вскоре до-нёсся и мужской голос, просивший женщину успокоиться.

Матвеев сел на ступеньку и обхватил голову руками. Ему почудилось, будто всё это уже было: лестничная площадка, залитая светом, озадаченные люди, глухие крики, нескончаемый стук...

Разумеется — декабрь прошлого года. Горы, горы, горы — крутом только они. И снежные шапки на вершинах, касающиеся металлического неба. Душманы застали колонну врасплох. Не сразу поняли, откуда начался обстрел, а уже полыхали три наливника*. Застучали, распространяя зловещее эхо, пулемёты и автоматы. В начавшемся кавардаке слышался бесконечный мат; бойцы сваливались с брони на землю, кто для того, чтобы укрыться от огня, кто — сражённый пулей.

Коробочка**, промчавшаяся по дороге, подпрыгнула вдруг, наскочив на фугас, заложенный на обочине, и съехала в кювет. Она залегла там на бок. Гусеница слетела с катков; из стального нутра машины повалил густой дым. Оценив обстановку и решив, что сможет проскочить, Матвеев бросился на вырубку к тем, кто остался в перевернувшейся машине. Он дёрнул ручку одной кормовой двери, затем другой — безрезультатно. Двери заклинило. Он замер позади БМП, пытаясь понять, что делать. Раздался удар по обшивке — стучали изнутри.

— Помогите! — взмолились в десантном отделении. — Помогите!

— Я здесь, я здесь! — заорал в ответ Матвеев.

— Mamочка, я горю! — донеслось из десанта. — Мама, мне больно!

Матвеев ещё раз попытался открыть двери. Без толку. Он переполз к носу машины. Люк механика-водителя тоже не поддавался. Внутри не стихали крики. Матвеев, встав перед перевернувшейся БМП на колени, как перед богом, заткнул уши руками, но всё равно различал ужасающие, уже, казалось, нечеловеческие крики из пекла, скрывавшегося под броней машины. Он совсем не думал о собственной безопасности: ему было всё равно, попадёт ли в него сейчас пуля, приземлится ли рядом с ним мина, разорвёт ли она его на куски.

Крики внутри прекратились. Матвеев даже обрадовался, что солдаты мертвы — они своё отмучились. Он упал лицом в пыль и замер. Несколько секунд назад в мире что-то изменилось — наступила тишина. Матвеев поднял голову и отнял руки от ушей. Кто-то окликнул его.

— Слышь, Матвеев, у тебя всё в порядке?

Гаврилыч смотрел строго сверху вниз. Матвеев, не выдержав его взгляда, поднялся со ступеньки.

— Нормально всё.

— Ну и отлично. Понял, о чём мы сейчас говорили?

— Нет, — честно ответил Матвеев.

— Ладно, без тебя управимся, — с досадой махнул рукой начальник. — Отправляйся обратно, ты нам здесь не нужен.

— Есть, — кивнул Матвеев, но вместо того, чтобы начать спускаться вниз, пошёл наверх.

Дверь на крышу оказалась не заперта. В душной полутьме чердака, пытаясь в тонкой паутине, Матвеев добрался до люка, распахнул его и вылез наружу.

Солнце слепило глаза, где-то внизу, в деревьях, заливались птицы. Открывался прекрасный вид на район. Повернувшись на север, Матвеев отыскал свой дом. Крыша его блестела сильнее прочих крыш.

Ветер, гулявший на высоте, был приятно прохладен.

Ему вспомнилось, как мать провожала его у подъезда, когда он уходил в армию, а он нетерпеливо озирался по сторонам, надеясь увидеть Алису. Нет, она не обещала прийти, но он отчего-то ждал. Он вспомнил поезд, несколько суток несший его к месту службы, и разреженный воздух в грузовом отсеке “чёрного тюльпана”, и жару десантного отделения бронетранспортёра, и холодный дождь, застигший их врасплох в горах, и сверкающе-белый кишлак, зачищенный от бандитов, и вечерний киносеанс, на котором показывали

* Бензовоза.

** БМП — боевая машина пехоты.

картину “Вам и не снилось...”, и противный чай со вкусом верблюжьей колючки. Вспомнились Алисины глаза и руки, её губы, её голос и её дочка, спящая в коляске. Он услышал голос Светы и крик: “Мамочка, я горю!”

Потом стали вспоминаться лица: вот Черкес, уставший после боя, а вот лейтенант Антонович, лицо которого ещё не пострадало от огня, а вот маминно лицо — молодое, улыбающееся, а вот юношеские черты Куваева, которые он видит через маленькое окошко в цинковом гробу.

Матвеев улыбнулся этим людям.

И тут что-то произошло. Он и сам не понял, что именно: то ли он поскользнулся, то ли ноги сами понесли его к пропасти. Ветер ударил в лицо и раздался страшный, усиливающийся с каждым мгновением свист в ушах. А затем внезапно стемнело.

Вместо эпилога

Заметка из школьной стенгазеты:

15 февраля исполнилось 25 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. В этот день закончилась война. Мало кто знает, что в нашей школе учился её участник — сержант Иван Игоревич Матвеев.

Службу на территории Демократической Республики Афганистан он проходил в 1981—1983 гг. За время службы был награждён орденом Красной Звезды, медалями “За боевые заслуги” и “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”.

Однажды сержант Матвеев совершил подвиг: при зачистке кишлака (деревни), когда был убит командир взвода, он повёл за собой в атаку солдат и добился выполнения боевой задачи.

Иван Игоревич был скромным человеком, мало говорившим о своей службе в Афганистане. Он любил читать, интересовался спортом. Окончив службу, работал электромехаником по лифтам. 17 августа 1983 года Иван Игоревич трагически погиб.

До сих пор жива его мама. Она живёт в доме, стоящем неподалёку от нашей школы. У неё маленькая пенсия, которой едва хватает на лекарства и еду. Накануне 15 февраля мы ходили к ней в гости и подарили пакет конфет, книгу о войне в Афганистане и билеты в театр. Она была очень рада нам и благодарила, что мы не забываем её сына.

Мы гордимся, что наша школа воспитала такого героя, как Иван Игоревич Матвеев.

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

РУЧЬЁВ И РОДНИКОВ
КЛОКОЧУЩИЕ РЕЧИ...

ВСТРЕЧА

Виктору Кортаеву

Хорошо, что мы свиделись, Витя!
Получилось-то всё невзначай.
Даже Галя была не в обиде,
Что мы водочку хлещем, как чай.
Чай и водка! Табачный дымище!
И плевать на февральскую тьму!
Хорошо и в холодном жилище,
А тем более — не одному.
Отпахнув жёсткий ворот рубахи,
Попирая похмельную лень,
Наполняешь, ликуя, рюмахи...
И не как-нибудь полнишь, а всклень!
Наполняешь их снова и снова...
И, смеясь, повторяешь к тому ж:
“За Есенина пьём и Рубцова,
За содружество родственных душ,
За унылые сёла и веси,

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич родился в 1941 году в г. Касимове Рязанской области. Окончил Касимовский индустриальный техникум и Литературный институт в Москве. Работал в геологических экспедициях в Карелии и Якутии. Был редактором в издательстве “Лениздат”. Автор более десятка книжек поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в г. Касимове Рязанской области.

Где нужда в каждом русском дому...”
Друг мой, друг, хоть ты нынче и весел,
Но печальны глаза почему?
Оттого ль, что бежит по наклонной
Наша жизнь, как лиса от волков...
И глядят на нас жалостно жёны,
Как на странных, пустых мужиков.
Да, пропащие мы и пустые!
И мыслишка у нас лишь одна:
Можно ль горы пропить золотые,
Если выпиты реки... вина?!

15 мая 1987
Ленинград

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

Стихи благоухают на листке,
Как скромные цветочки-василёчки...
Читаю их, когда душа в тоске.
Люблю в них чёрточки и точки,
Знак восклицательный и вопросительный... Они
К обрыву жизни иногда подводят,
И, вспыхнув, гаснут, как бенгальские огни,
Что так чужды естественной природе!
Природа их сторонится... Она
Живёт своей непознанною тайной...
И тоже, как и мы, обречена
К нелепой гибели, мгновенной и случайной.
Вот потому лирический поэт
Её обожествляет словом певчим,
И славит солнечный и лунный свет,
Ручьёв и родников клокочущие речи.
Их каждый звук мне дорог и любим.
Всё некрасивое мне кажется красивым...
Дороги, вы зазря стремитесь в Рим!
Рим тесен... Вам простор необходим.
Сворачивайте круто на Касимов!

ЧЕРЕМУХ БЕЛЫЕ КОСЫНКИ...

Дождит... Теплеет... Значит, скоро
Наступят майские деньки.
Просохнут крыши и заборы,
И станет мельче рябь реки,
А плёс и отмели — желтее,
Синее в заводях вода.
И, разомлев на солнцегрее,
Слегка привянет лебеда.
И затвердевшие тропинки,
Виясь в траве, сбегут к реке...
Черёмух белые косынки
Растреплются на ветерке.
И я увижу и поверю,
Что луговина зелена,
Что лодки, ткнувшиеся в берег,
Ласкает окская волна.
Что я и сам стою на кромке
Ушедшей жизни... И уже

Мой стих, печальный и негромкий,
Почти что чужд моей душе.
Что там сегодня в ней таится?
Да так, пустяк... Обрывки снов,
В которых чаще стала сниться
Тетради чистая страница,
Но к той странице как пробиться
Сквозь частокол никчёмных слов?!

* * *

Елене Рубцовой

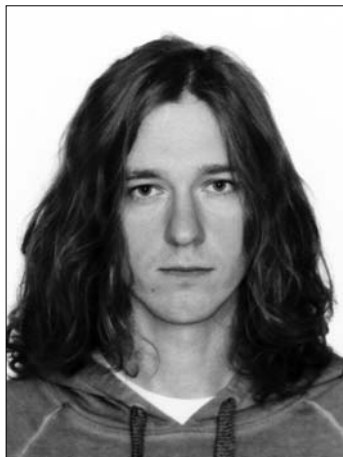
К зиме отходила природа,
Светлела холодная высь.
И гуси над гиблым болотом
Стремительно к югу неслись.
В сельце, окольцованном речкой,
Дымы в поднебесье рвались...
Гурьбой мы толкались у печки,
Глядели, как хлебы пеклись.
Забуть ли, как мы его ели,
Тот хлебушек! Память, храни
Те песни, что взрослые пели,
А лица пылали и рдели,
И на глазах молодели
У всей нашей дружной родни.
Куда мою жизнь устремляли
Какие такие пути?
Тревожно гляжу в эти дали —
Признания слов не найти.
Как мне описать этот ветер,
Ревущий ночами в глуши?
Какими словами отметить
Живое движенье души?!

КРУЖЕНИЕ ЯСТРЕБА

Уже тропинки стали суше
В пролесках, в поле и в бору...
Всё выше, выше ястреб кружит,
Буравя в облаке дыру.
А сквозь неё сквозит, блистая,
Полоской узкой солнца луч,
Краями красными взрезая
Живой подзор летучих туч.
Они ещё не дождевые,
Они почти как облака.
Верхи их бледно-голубые,
Багровы круглые бока.
Они ещё совсем не грозны,
Грома в них глухо не ворчат.
Они хладят прогретый воздух
И землю теньями чернят.
Когда же тучка чуть качнётся,
Рассыпав капли, как горох,
То в каждой капле отзовется
Сырой земли глубокий вздох.

Но этот вздох — не от печалей,
Что землю влажную томят,
А от того, что блёкнут дали,
Озёра меркнут и рябят.
Темней, прохладней стали ночи.
И, ёжась, зябнут зеленыя.
И жизнь становится короче
У наступающего дня.
От этой мысли нет покоя,
И потому ей дорожу...
Любя всё бренное, мирское,
Я с обострённою тоскою
За хищным ястребом слежу.

АЛЕКСЕЙ КАСМИНИН

СДЕЛКА

РАССКАЗ

Алиса чувствовала себя лошадкой на смотре. Причёска у секретарши, глядевшей на неё, тоже была какая-то лошадиная — хвост, стянутый столь туго, что волосы облепляли череп как шапочка для бассейна. Та и выкрашена была в офисный блонд — стандарт породы.

Алиса пыталась расслабить лицо и сделать так, чтобы взгляд не казался наглым. Секретарша сидела в офисном кресле и держала осанку, не касаясь спинки. Верхняя пуговица белой рубашки расстёгнута, губы вызывают ассоциации с выдуванием мыльных пузырей.

Медицинские справки были в порядке. Они отложены, папка закрыта. На огромный экран компьютера-моноблока выведены фотографии. Секретарша меняет снимки с видимым умственным усилием. Или так кажется Алисе. Секретарша не разговаривает с ней. Те слова, которые раздаются в кабинете, нельзя причислить к проявлениям человеческого общения. Чаще они обособлены, но иногда формируют простые предложения. Повернись. Подбородок выше. Закрой глаза. Наклони голову набок. Приподними подол юбки.

Алиса исполняла команды, убеждая себя, что в этом есть некий смысл. Например, секретарша хочет удостовериться в том, что на фотографиях — действительно она. Впрочем, во время вступительных экзаменов в институте для этого хватило нескольких секунд и маленькой карточки в паспорте.

Секретарша, завершив действия за компьютером, велела Алисе сесть на стул и, подойдя вплотную, пропустила пальцы сквозь пряди её волос, едва

КАСМИНИН Алексей окончил МАДИ (ГТУ). Шесть лет проработал журналистом в газете "Завтра". В 2013 году рассказ "720 часов" вошёл в лонг-лист премии "Дебют". Публиковался "Нашем современнике", где получил премию им. Леонова. Поступил в магистратуру ВГИК на факультет киносценаристов.

заметно менявшие цвет, в зависимости от угла зрения. Медь, золото и ржавчина.

— Роскошно, — произнесла секретарша.

Алиса склонила голову ниже, не ожидая от себя такой реакции, пытаясь подавить подлое ощущение щенячьей благодарности. Покончив с волосами, руки секретарши деловито сжали грудь Алисы.

— Тихо, тихо, — проговорила она, умело ощупывая Алису.

Девушка замерла, из внешнего мира, наверняка продолжавшего существовать за пределами кабинета, не доносилось ни звука, её собственный мир был заполнен шорохом одежды. Она знала, что будет ещё долго перемалывать в голове ощущения, полученные в эти секунды. Алиса оказалась на досмотре, но у неё ничего не искали, скорее, пытались выяснить физическое состояние её тела и то, каким оно было на ощупь сквозь одежду.

Потом Алиса разделась до нижнего белья. Секретарша заставила её покрутиться на месте, и сделала несколько снимков на мобильный телефон, затем вновь подошла ближе и, приказав смотреть прямоком в чёрную точку крохотного объектива, сняла крупный портрет. Нос и щёки Алисы были покрыты веснушками. На фотографии её глаза выглядели почти нереально большими.

— Хорошо, — сказав это, секретарша холодно улыбнулась.

Алиса, одеваясь, мельком взглянула на неё и подумала, что та хотела сказать: “Добро пожаловать в мой мир”.

Лифт опускался, слышалось ровное, низкое гудение. Алиса, находившаяся в кабине одна, смотрела на себя в зеркало. Она любила свои волосы и свой лоб, свои искренние губы, щёчки и правильно проявленные скулы, свои озорные, но часто печальные глаза, которые трижды в её жизни были названы наглými, свой подбородок. Отдельные черты и зоны лица складывались, казалось, в формулу абсолютной привлекательности, если бы не кое-что, уничтожавшее, по мнению Алисы, весь эффект.

Нос. Блуждая глазами по лицу, невозможно было избежать его. На первый взгляд, он выглядел нормальным. Алиса повернула голову. Ей показалось, что на носу проявилась отвратительная горбинка. Девушка запрокинула голову назад, и критически уставилась на зону носового треугольника. В её животе будто закрутились медленные лопасти, нагонявшие тошноту. Это было невозможно терпеть долго, поэтому Алиса отвернулась от зеркала и с закрытыми глазами дождалась того момента, когда двери лифта разъехались.

Вот так и горят мосты. Слышно, как что-то с них осыпается и шипит в воде. Я уже на другой стороне. Странно, но ничего не чувствую по этому поводу. Лететь через три дня. Мне хватит денег, чтобы сделать ринопластику. Ведь это то, чего я хочу. Чёрт! Зареклась ведь не врать здесь! Достало! Не знаю, зачем всё это, я видела однажды, как дядя, пока никто не смотрел, подошёл к гладильной доске и приложил горячий утюг к щеке. Отлично его сейчас понимаю.

Рука Алисы, державшая карандаш, остановилась, начав новую букву. Девушка знала, что позади неё кто-то стоит. Особое чутьё, сформировавшееся за годы жизни с сестрой, работало всегда, даже когда та пыталась передвигаться тише непрерывно оседающих вокруг пылинок.

Сестра приехала в Москву поступать и поселилась в комнате Алисы. Они спали на раскладном диване, ложась влетом. Так продолжалось уже четыре дня. Другая комната в душевке казалась Алисе пустой. Там обитало двое молодых людей, работавших с компьютерами. Пар они выпускали где-то ещё, а в своей комнате вели себя тихо, наверное, самоотрёпённо работали, ограничив реальность рамками мониторов и пластиковыми кожухами больших наушников.

Алиса закрыла чёрную книгу с пустыми страницами, служившую ей журналом, и обернулась. Ася, стоявшая слишком далеко, чтобы прочесть

что-либо через плечо, имела потерянный вид. Алисе показалось, что она выглядела как люди с фотографий позапрошлого века.

“Чумичка”, — пронеслось в голове Алисы. Это было не со зла. Мегapolis сорвал с Аси тонкую шкурку самоуверенности за несколько часов, а все соки вышел за двое суток. Не имея никакой другой опоры или источника моральных сил, Ася вцепилась в сестру. Смотри на неё, Алиса думала о детях-беженцах с Балкан (хотя она никогда не видела их ни в реальности, ни на фотографиях). “До отъезда научу её пользоваться кондиционером для волос”, — решила Алиса, обратив внимание на вьющиеся волосы сестры, местами напоминавшие паклю. Они были темнее, и рыжими их можно было назвать с очень большой натяжкой.

— Хочу чёрный бургер, — промычала Ася.

— Я в отпуске, — ответила Алиса.

— Но там же все твои друзья.

Алиса дважды стукнула кончиком карандаша по столу.

— Это коллеги.

— Но вам всё время весело.

Карандаш выпал из руки на стол.

— Хмурый официант — как вонь с кухни.

Внимательно посмотрев на лицо Аси (и на её более красивый носик), Алиса поняла, что сестра не вникла в метафору.

— Без выбора ещё могут потерпеть, но если альтернатива есть, то в такое место ни ногой.

Лицо Аси изменилось. Она попыталась изобразить понимание. Алиса, сделав небольшое волевое усилие, произнесла:

— Официанты так себя ведут, потому что этого требует их деятельность. То, что тебе улыбаются и слушают твой ответ на вопрос “как дела”, не значит, что перед тобой — друзья.

— Ты не зря учишься на писателя, — сказала Ася тоном матери.

— В общем, в морозилке пельмени.

— Нет. Хочу ещё один чёрный бургер. И завтра. И так, пока ты не уехала, — взяв паузу, Ася добавила: — И тогда я не буду совать свой нос в твои дела. На вопрос, где ты, буду отвечать согласно легенде.

— Легенде... — сухо проговорила Алиса.

Через пятнадцать минут они вышли из подъезда и отправились к небольшому бару-ресторану, в котором подавали бургеры с булками чёрного цвета. Легенда ресторана гласила, что в тесто добавляют чернила каракатицы. Но Алиса знала, что это активированный уголь. Она надеялась угостить сестру бесплатно и всё же взяла с собой деньги.

Компьютерный стол в углу был просторным, но в комнате с наборным паркетом и потолочной лепниной он казался крохотным. Свет попадал внутрь комнаты через полукруглое окно, столь огромное, что человек, стоящий вплотную к стеклу и смотрящий наружу, не мог бы увидеть его границ.

Витя так не поступал — не упирался лбом в стеклопакет нестандартной конструкции. Иногда он мельком выглядывал наружу, проходя мимо, но только чтобы лично убедиться в точности прогноза погоды. Был ли прогноз верным или нет, реакции у Вити на это практически не возникало.

Витя не чувствовал, что комната, в которой он обитал — его. Она казалась ему офисным помещением с дорогой мебелью, которую человек мог использовать для удовлетворения повседневных нужд. Например, потребности в сне. Но в комнате был компьютер.

Однажды после полудня дверь к Вите была открыта ключом снаружи. Шёл матч в онлайн-игре. Витя сидел в наушниках с микрофоном, уверенный, что его не потревожат. Так он планировал провести всё лето, сидя за “универсальным удовлетворителем”. Изнутри в дверном замке не было скважины, только ручка. Входя, Витя, не задумываясь, запирает его за собой. Он бубнил в микрофон неразборчивые слова, считая, что его советы помогут другим игрокам в команде.

Витя говорил тихо, потому что в четырнадцать лет зарёкся терять самообладание после того, как один неудачный матч заставил его схватить системный блок, потащивший за провода всю остальную периферию, и выбросить в то самое полукруглое окно, разбив стёкла. От усилий Витя потянул мышцы спины и был вынужден временно переселиться в другую комнату, пока стёкла не заменили, что заняло целую неделю.

Затем Витя совершил, как ему казалось, очень мужественный поступок и наказал себя за содеянное, заплатив за новый компьютер из собственных карманных денег. В ночь инцидента он не удосужился взглянуть вниз (был напуган). Железный корпус компьютера, со всеми деталями весивший семь килограммов, упал на крышу припаркованного внизу Bentley. Эту проблему тихо уладил отец.

Рука отца легла Вите на плечо в тот момент, когда он прошипел в микрофон длинное и глупое ругательство. В его глазах потемнело, происходящее на мониторе потеряло всякое значение. Витя скинул наушники и обернулся. Отец никогда его не бил, но пугало больше то, что он *мог бы* сделать, нежели что-то, уже случившееся в прошлом.

— Вставай, — сказал отец, — есть разговор.

Витя не спросил, почему они пошли в кабинет (спустившись по лестнице и пройдя по длинному коридору). Он догадывался, что в его комнате была неподходящая атмосфера, и это ему не нравилось. Где-то посередине пути Витя вспомнил о матче в игре и даже оглянулся, испытав позыв вернуться обратно к компьютеру. Но об этом нечего было и думать. Отец будто вёл его вперёд на невидимом поводке.

Кабинет отца был его местом силы. Вдоль стены, обшитой деревом, стояли чучела убитых животных. Отец обошёл стол, отодвинул кресло-трон и положил руки на мраморную столешницу. Витя стоял на ковре, почти в самом его центре, и боялся, что привычный уклад вещей может вот-вот рухнуть под действием слов отца. Должно быть, со стороны то, чем он занимался в последние недели, казалось не очень продуктивным. Или вообще вызвало опасения. Витя приготовился к худшему.

Промолчав и посмотрев на сына, отец сказал:

— Пора бы тебе вылезти из-за компьютера и отправится в реальный мир.

Витя втайне надеялся на другое. Впрочем, детали были ещё не ясны, поэтому он приподнял брови и промолчал, дожидаясь последующей реплики. В кабинете пахло так, будто раньше тут много и часто курили, но в последний месяц перестали делать это. Едва ощутимый запах застарелых никотиновых смол напоминал о сырых подвалах и плесени. Одеколон, которым пользоваться отец, пах вулканическим дымом. Казалось, что с каждой секундой присутствие этого запаха в кабинете усиливалось, будто бы окружающее пространство нагревалось.

— Ты сам так не считаешь? — спросил отец.

Витя догадывался о том, что любой из его ответов будет на руку отцу. За несколько секунд из всех зол он выбрал, как ему казалось, наименьшее.

— Нет.

— Бьюсь об заклад, что за последнюю неделю ты покидал комнату только для того, чтобы открыть дверь доставщику пиццы.

— Ты не можешь так утверждать.

— Что же ещё ты делал?

Витя покраснел. Отвечая, он постарался сделать свой голос пониже, искренне полагая, что краеугольным камнем любых переговоров является хамоватая наглость.

— Вообще-то мы так тусили с друзьями три дня, что я и дома не ночевал, разве ты этого не заметил? Конечно, работа, дела, легко строить домыслы, касающиеся других...

Витя замолк, когда ему показалось, что кожа на лице отца становится восковой, а от запаха раскалённой лавы пощипывает глаза.

— Это хорошо, что ты остановился прежде, чем я начал подозревать, что ты идиот, — сказал отец, и сменил тон, — то, что я хочу тебе предложить,

не так уж плохо. Не волнуйся, тебе не придётся работать остаток лета у кого-нибудь из моих друзей, перекладывая бумажки из одной стопки в другую, или как там это делается. Ты отправишься на молодёжный бизнес-форум.

От последних слов отца Витю передёрнуло. Мысли стали беспорядочными, дыхание сбилось, воображение разогналось до предела. За минуту Витя успел разыграть в собственной голове порядка десяти вариантов своего возможного пребывания на “молодёжном бизнес-форуме”. Попытавшись как-то выразить опасения, сгладив, естественно, острые углы, неуверенно, чуть ли не заикаясь, он проговорил:

— Там же будут одни неудачники. Кто вообще на такое ездит? Зачем это мне? Ты решил наказать меня скукой?

— Это не то место, где может оказаться кто попало. Форум пройдёт на острове Форментера, к востоку от материковой Испании. Может, тебе даже повезёт и не придётся брякать о том, как тусил с друзьями три дня, не ночуя дома, а появятся какие-то истории из действительности.

“Нет, нет, нет и ещё сто раз нет”, — бился в голове Вити единственный ответ.

— Может, я ещё успею побывать на всяких таких мероприятиях, но чуть позже, а пока вроде как провожаю детство?

— Уже пройденный этап. Тебе шестнадцать, осенью будет семнадцать.

— Но какое я имею отношение к бизнесу?

— В том-то и дело. Но к деньгам ты имеешь отношение. С одной стороны косвенное, на моей памяти ничего не заработал, с другой — прямое, раз можешь оказаться там.

Собравшись с духом, Витя озвучил последнее, что пришло ему в голову:

— Разве это не опасно? Отправлять меня одного в чужую страну. Ведь я раньше никогда не летал один на самолёте. Да и языковой барьер, я ж по-английски с трудом, а по-испански ни слова.

— Знаешь про радикальный метод обучения плаванию?

Витя грустно кивнул:

— Это будет полный отстой.

— Полный отстой — авансом выдумывать себе негативный опыт.

Вернувшись в свою комнату, раздавленный грузом предстоящего путешествия, Витя обнаружил, что его команда успела проиграть. Система игры опознала его отсутствие во время решающих моментов матча и ограничила для него доступ на целые сутки. Подавленный ещё больше, Витя сел на небубранную кровать. Часть его существа хотела снова выкинуть системный блок в окно или вытворить что-нибудь подобное. Но какой в этом смысл? Дата и время вылета в Испанию были столь близко, что впору было начинать вести посекундный обратный отсчёт.

Покачиваясь взад и вперёд, продолжая сидеть на кровати, Витя думал. Сначала его мысли упирались в неизбежность поездки, казавшейся самым отвратительным событием всей жизни, но потом, незаметно для самого Вити, они начали разветвляться. Там, в этом потоке билась история, рассказанная им о себе. Не осознавая и не контролируя этого, он стал цепляться за неё, так находя покой. История только-только начиналась.

У Алисы появился новый чемодан на колёсиках, блестящий и отливающий синим перламутром. Его можно было везти позади себя или рядом, даже так он катился легко, и все четыре колеса двигались, будто живые, реагируя на мельчайшие изменения траектории. Внутри чемодана лежала новая одежда. У Алисы ещё никогда не было столько вещей, купленных за один раз.

Вокруг аэропорта царил хаос. Казалось, что тысячи людей и автомобилей попали в пространственную ловушку, и теперь никто не успеет на собственный рейс. Тем не менее, раз за разом в небо взлетал ярко выделявшийся на фоне облаков самолёт. Это повторяющееся событие вызывало ощущение нереальности происходящего.

Казалось, что внутри здания аэропорта люди работают очень медленно, будто им тяжело двигаться, потому что всё вокруг залито густым бесцветным

желе. Алиса чувствовала, как мысли замедляются, под стать окружению. Наконец, к ручке её блестящего чемодана была приклеена бирка, и он уехал по длинному конвейеру.

Алиса посмотрела на свои ногти, покрытые новым шеллаком. Ей показалось, что в этот момент нужно что-то почувствовать или подумать о самом ближайшем будущем. Но в голове послушно всплывала лишь легенда, которая уже казалась Алисе настолько родной, что её было впору принимать за устойчивые проявления субличности. “Неужели мне нравится то, что я сейчас делаю?” — подумала девушка.

Пройдя таможенный контроль, Алиса ощутила в кармане прерывистую вибрацию. Пришло сообщение. Открыв его, девушка прочла: “Значит, твой выбор поступить со мной вот так?”. Сообщение от Мишки Обнинского. “Я не хочу сейчас обсуждать это. Ни сейчас, ни в любое другое время”, — быстро отписалась Алиса. “Ты предсказуема”. Алиса нахмурилась. Других сообщений не последовало, и, продолжая пребывать в смятении, она убрала телефон обратно в карман.

Алиса шла по телескопическому трапу внутрь самолёта. Она почувствовала, что её телефон вновь ожил, завибрировав. Новое сообщение от Миши. Девушка внимательно смотрела на экран и чуть не задела головой верх пассажирской двери-люка. Между корпусом самолёта и тоннелем зияла щель. Алиса подумала, что телефон мог бы упасть туда, и её пальцы вспотели. В пришедшем сообщении не было слов, только фотография. Алиса двигалась в плотном потоке людей. Некоторые клали сумки на полки, создавая заторы. Переминаясь с ноги на ногу и высматривая свой ряд сидений, Алиса открыла фотографию. На ней была толстая капроновая верёвка с петлёй и самозатягивающимся узлом.

“Что это значит?” — написала в ответ Алиса, не успев как следует подумать, и села в своё кресло, расположенное у прохода.

Какое-то время ответа не было. Алиса ёрзала. Мимо шли люди, и казалось, что им не будет конца. Все они были чем-то недовольны. На экране появилась ещё одна фотография. На этот раз она изображала две босые ноги, вставшие на табуретку.

“Присылать такое — подло”, — написала Алиса, потому что не знала, что ей следовало сказать. Возможно, нужно было позвонить в полицию или в службу спасения? Девушка почувствовала, как у неё задрожали губы, ей показалось, что к лицу прилила кровь. Для Алисы время будто бы замерло, она пыталась продумать свой следующий шаг, но мыслей было слишком много. Приходилось стараться удерживать себя в руках, чтобы не начать паниковать (при всех).

Самолёт пришёл в движение, вырываясь на взлётную полосу. Алиса почувствовала вибрацию телефона. Прикрывая его ладонью, чтобы не увидели стюарды и стюардессы, она получила третью фотографию. Петля свисает откуда-то сверху, она ярко засвечена, фото снято со вспышкой. Позади неё полетному горит окно, но вся остальная комната из-за вспышки черна. “Прощай”, — в диалоге появилось одно короткое слово.

Алиса почувствовала, что ей не хватает воздуха. Самолёт начал стремительно ускоряться. Девушку вдавило в сиденье. Пассажиры вокруг замолкли и замерли. Нагнувшись и смотря в пол, чтобы не замечать направленные в её сторону взгляды, Алиса нашла номер Миши. Как назло, соединение устанавливалось медленно. Первый гудок послышался, когда шасси оторвались от асфальта. Мир провалился вниз, уши заложило, в груди застыло ощущение неминуемой катастрофы. Вызов никто не принимал. Алиса крепко сжала зубы. В это мгновение её легко похлопали по спине. Девушка выпрямилась и увидела стюарда. В её руках был зажат мобильный телефон, экран горел и сигнализировал о попытках установить звонок.

— Пожалуйста, переведите мобильное устройство в авиарежим, — проговорил стюард.

Несколько секунд Алиса смотрела на него, затем её пальцы оборвали вызов и полностью выключили телефон. Стюард продолжал стоять рядом с креслом и смотреть на девушку.

— С вами всё в порядке? — спросил он.

Алиса отрывисто кивнула.

— Может, вам нужен бумажный пакет?

Девушка задумалась.

— Нет, — сказала она.

Телефон в руках вызывал ассоциации с гранатой без чеки. Будто бы с ним нужно было что-то немедленно сделать. Самолёт плавно набирал высоту. Спустя час полёта, когда все пассажиры расслабились и выстроились в очереди к туалетам, Алиса включила телефон. Но на высоте десяти километров не было никакой сети. Пятнадцать минут девушка непрерывно смотрела в угол экрана, надеясь, что сеть будет поймана. Она не знала, что сделает в таком случае. Пока что её интересовало только наличие связи.

Когда начали раздавать еду, Алиса выключила телефон. Есть ей совершенно не хотелось.

Самолёт приземлился в аэропорту острова Ибица. Билет был дорогим. Алиса не смогла бы оплатить перелёт даже в один конец. Каждый месяц у неё стабильно заканчивались все деньги. При посадке в салоне тряхнуло. Раздались аплодисменты. Алиса включила телефон и, уставившись в экран, ждала загрузки. Сеть “Movistar” появилась, когда самолёт закончил маневрирование и остановился.

SMS предупреждало о безумной цене мобильного интернета в роуминге. Алисе плевать. Ей нужен доступ в сеть и нужен немедленно. Цифра над иконкой приложения сообщала, что пришло восемнадцать сообщений. Они могли быть от других людей. Приложение грузилось долго. В итоге три сообщения от Миши. Последнее — восемнадцать минут назад. Алиса испытала облегчение, которое длилось недолго. Тут же она почувствовала, как злость накачивает на неё откуда-то снизу и накрывает с головой.

Миша прислал ещё две фотографии, изображавшие удавку и части его тела в непосредственной к ней близости. Это символически обозначало готовность сделать последний шаг (со стула). Но потом шло длинное текстовое сообщение, пришедшее через четыре часа после фотографий, и оно начиналось со слов: “Прости, я сумасшедший, но видишь, что ты со мной делаешь?” Дочитав сообщение, Алиса почувствовала, как её сознание затуманивается.

Она пришла в себя только в очереди паспортного контроля и в этот момент начала набирать на телефоне ответ, поблагодарив себя за то, что не сделала этого сразу же, ведь аффективная месть зачастую беспомощна.

“Ты лишён таланта. Да, это так. Я наблюдала за тобой с прошлого сентября, раз уж мы были близки, и не заметила не то, что огонька, но даже малейшей искры. Всё, что ты производишь, лицемерно и пусто. Технично и стильно, но поверь мне, от этого ещё хуже. Все твои уловки придуманы не тобой. Многим нравится, значит, эти люди, как и ты, не могут отличить архетип от стереотипа. Я жалею, что провела так много времени с тобой”, — написала Алиса.

В ответ тут же пришла фотография. Миша снял майку и сфотографировал сам себя в зеркале, напрягая мышцы живота. При этом он делал, как ему казалось, жалобное лицо. Алиса почувствовала лёгкую тошноту и свернула приложение.

Получив багаж, она не выдержала и снова открыла приложение. Фотография подействовала на неё помимо её воли. Противостоя этому, Алиса написала: “Всё кончено. Если продолжаешь сомневаться, то читай это сообщение до тех пор, пока его смысл не дойдёт до тебя”.

Аэропорт Ибицы встретил Алису серыми стенами, невысокими потолками, параллельными полу, людьми, казавшимися неинтересными, и магазинами, такими же, как в любом другом аэропорту. Девушка пребывала в смятении, она ожидала, что легендарный остров с первой же минуты заставит её позабыть обо всём на свете, перевернёт её мироощущение. Однако этого не произошло.

На улице росли пальмы. Алиса надела тёмные очки. Таксист ожидал её с табличкой в руках, на которой ярко-оранжевыми буквами было крупно напечатано: “Alisa”.

Они сели в машину. Водитель говорил по-английски, но Алиса не могла понять его из-за акцента. Девушка рассеянно кивала головой, крайне неуверенно издавая звуки, похожие то на слово “Yes”, то на слово “Si”. Такси было оплачено заранее.

Мимо проносились Ибица. Алиса, затаив дыхание, смотрела в окно, каждую секунду ожидая откровения. Остров казался плоским, как степь. Вдалеке виднелись горы, похожие на огромные кучи чёрного песка. Было жарко, но приятно. Влажный, обволакивающий воздух был наполнен только морем. “Страна охры”, — подумала Алиса, проезжая сквозь бетонный тоннель. Справа и слева от дороги появлялись строения, прямоугольные и непримечательные.

Пейзаж вскоре наскучил Алисе, и она вытащила телефон. Путь был практически завершён. Через два часа она точно окажется на месте назначения. Девушка открыла фотографию под названием “Витя1”.

Водитель оборвал свою речь и убавил звук магнитолы, игравшей песни Def Leppard. В зеркало заднего вида он посмотрел на Алису и с озабоченным видом проговорил несколько слов. Девушка оторвалась от экрана телефона, бросив: “Si”, “Si”. Водитель повторил свою фразу, на что Алиса дважды ответила: “Yes”. Он хотел узнать, хорошо ли себя чувствует пассажирка, потому что ему показалось, что у неё странный вид.

В Пуэрто-де-Ибица Алису ждала лодка, восьмиместное морское такси, бронированное на весь день на одну персону. Девушка спустилась к воде по бетонным ступеням, сквозь щели в которых росла занесённая песком трава. До конца её путешествия оставалось меньше часа. Она окинула взглядом порт Ибицы с белыми яхтами, похожими на огромных чаек, севших на волны. Остров спал, и послеполуденная жара была его одеялом. “Восстаёт ночь”, — подумала Алиса, когда капитан завёл мотор.

Седые волосы смешались на его голове со смолисто-чёрными. Сначала капитан пробовал говорить по-английски. У него получалось гораздо лучше, чем у таксиста, но Алиса всё равно его не понимала. Тогда он, обернувшись и посмотрев на пассажирку, решил попытать удачу и на ломаном русском поинтересовался, откуда она родом. Алиса ответила. Капитан просиял и начал усиленно практиковать русский, в котором был очень слаб.

Алиса отвечала ему с неохотой, пытаясь полностью уйти в созерцание Средиземного моря. Остров Ибица проплывал справа отелями и туристами на пляжах, издав далеко казавшимися неумелыми статистами. Затем всё это сменили лесистые холмы, и, наконец, на короткий промежуток времени справа и слева суша расступилась, и Алиса почувствовала, что хочет попросить капитана свернуть с маршрута и плыть вдаль по этим бирюзовым водам, отливающим лиловым ближе к расплывающемуся горизонту.

Окна номера, в котором оказалась Алиса, выходили на лагуну Эстанидес-Пейш. Через узкий пролив туда набились лодки, яхты и катера. Они плавали в тёплой воде беспорядочно и выглядели брошенными.

Белый трёхэтажный отель был прямоугольным, как и окружавшие его здания. Казалось, что всё на Форментере возвели совсем недавно, хоть и в прошлом веке. На третьем этаже были самые большие балконы и самые маленькие комнаты. Алиса открыла дверь на балкон и внимательно прислушивалась, пытаясь понять, есть ли в здании кто-то ещё, кроме неё и обслуживающего персонала. Глядя наружу, она старалась не пропустить прибытие кого-нибудь из других участников молодёжного бизнес-форума.

Но никто не явился на личном вертолёте, посадив его на пляж и нарушив дневной сон острова. Никто не остановил одноместную лодку в развороте, пуская волны. Может, кто-то и показал дорогой автомобиль, доставив его на пароме, но это событие гипотетически произошло с другой стороны отеля, и Алиса не могла стать его свидетелем.

Она достала из чемодана чёрную книгу с пустыми страницами. В её пальцы легла авторучка. Много раз она написала: “*Похоже, я не готова, хотя думала совсем иначе*”. У Алисы был непокорный почерк, напоминающий морские волны в ветреный день. Она говорила, что это оттого, что рука не успевает за её мыслями.

В программе форума первым шло “вечернее знакомство”. Алиса облачилась в белое хлопковое пончо, похожее на изопрённую сеть. Под ним проглаживал верх белого купальника и короткие джинсовые шорты, не нарушавшие единства цвета. Алиса вышла на улицу босиком. Её ногам было всюду тепло. Она вызубрила свою легенду и ощущала, что её ожидает проверка боем. Погода, наступившая после заката, призывала к миру. Лодки в лагуне зажигали огоньки.

На пляже был кирпичный очаг, в котором пылал огонь. Вокруг него сидело двенадцать человек. Все они были одеты по-разному, кто как хочет. Алисе показалось, что форум подразумевал большее количество участников. Может, не все успели добраться? Она приблизилась к огню и представилась, ища глазами Витю.

Алиса насчитала шесть парней и шесть девушек. Восемь из них принесли с собой коврики. Витя сидел на песке, и казалось, боролся со сном. Он не представился в ответ, а лишь коротко кивнул и улыбнулся, приподняв уголки губ.

Собравшихся интересовали в основном собственные персоны. Алиса смотрела на них и ощущала, как каждый отчаянно пытается стянуть всеобщее внимание, чтобы начать безостановочно вещать о себе. В общем, её легенда была в полной безопасности. Осознав это, Алиса нервно выдохнула.

Алиса смотрела на Витю, и ей казалось, что, как только выйдет солнце, он очень сильно обгорит. Это ощущение заставляла девушку цепенеть, ей нужно было ощущать что-то другое, чтобы получилось выполнить главное условие сделки. Но как? Человеческое существо мужского пола, сидевшее напротив неё, вело себя так, будто оно больше не желает жить. Или это только казалось. Алиса пыталась разобраться в своих чувствах и сидела молча, полагая, что её внешний вид и выражение заинтересованности на лице заменят непосредственное участие в игре “перетяни диалог на себя”. Глаза Вити большую часть времени были опущены, и Алиса в глубине души надеялась, что он смотрит на обглаживаемые огнём угли, а не в песок.

Диалог развивался и плавно подбирался к той фазе, когда появлялся первый царь горы, оказавшийся выносливее остальных в схватке за внимание. Царь горы мог некоторое время говорить, не рискуя быть перебитым. Но потом, как правило, после того, как он иссякал, за его место начинался второй раунд борьбы, обычно короче первого. В третьем раунде участвовали далеко не все, и он завершался практически без боя. Потом всё больше напоминало эстафету. Но у костра, за которым сидела Алиса, до этого было ещё далеко.

Адам рассказывал, что в прошлом месяце увеличил свои расходы до миллиона рублей. “Два уже шесть месяцев у меня”, — бросил серьёзный на вид юноша, имя которого Алиса не запомнила. У него это прозвучало куда менее значительно, чем у Адама, которого Алиса слушала, забывшись и не заметив, как это произошло.

Они жарили большие маршмеллоу, нанизав их на деревянные прутки. Одна девушка, которую Алиса посчитала такой же красивой, уже осторожно надкусывала коричневую сладкую корочку, заранее зная, что внутри может находиться очень горячая расплавленная масса. Адам на вид совсем не интересовался приготовлением лакомства, у него всё получалось естественно правильно. Остальные как будто специально пытались запечь свои маршмеллоу рядом с его, будто там был какой-то другой, более подходящий для этого огонь.

Вскоре Алиса увидела, как Витя убирает свой пруток с огня и подносит его поближе к лицу. В этот момент обуглившийся комок суфле сорвался и упал на песок. Парень отшатнулся, но затем попытался насадить его обратно. Корочка порвалась, и её содержимое стало достоянием необъятного пляжа. В отчаянной попытке спасти угощение Витя схватил его, обжигая

пальцы, и стал комично трясти рукой, забрызгав футболку, джинсы и двух соседей. Алисе казалось, что её отвращение теперь полностью обоснованно, и она даже знала, какое сообщение отправит обратно в Москву, как только окажется в номере.

Добравшись до телефона, она написала:

“Сумма слишком мала. Я пришла к такому решению уже на месте”.

Перечитав отправленное сообщение, Алиса почувствовала лёгкий приступ паники. Он наверняка поймёт её неправильно. Уронив телефон рядом с собой, девушка распласталась на кровати. В её голове потоком побежали тревожные мысли, в которых она даже не пыталась разобраться.

“Я утраиваю сумму”.

Алиса прочитала пришедшее сообщение. Свет телефона падал на её лицо. Глаза девушки были сосредоточенными. Она не замечала, как проходят минуты, сдвигала диалог то вверх, то вниз, чтобы экран не гас, и чего-то ждала.

“Хорошо. Пиши свою сумму. В пределах разумного”.

Алиса почувствовала, как будто нечто глубоко под землёй пошатнулось и качнулось из стороны в сторону. Ей стало душно, но это ощущение было приятным. Она хотела написать невысказанную сумму и тем самым покончить со сделкой, но вместо этого её пальцы набрали цифру легендарную, но не выходящую за рамки возможного. Из Москвы вскоре пришёл утвердительный ответ. Алиса легла на бок и нахмурилась. Теперь, как она считала, ей оставалось покончить с главным условием сделки быстро, как с похмельным поилом.

Завтрак. Всё тело в напряжении, но цель кажется Алисе лёгкой. Столовая похожа на помещение, существующее, чтобы исполнять функцию. Шведский стол без излишеств, но и без изъянов. Витя пойман рядом с пирожными. Алиса задаёт вопросы и слегка наклоняет голову набок. Он отвечает честно, что у него нет никакого бизнеса, как нет и оформившихся идей по этому поводу. На этом разговор заканчивается. Алиса надеется, что следующий шаг не заставит себя долго ждать.

Голос ведущего имел гипнотическую силу. Тринадцать человек (как казалось Алисе) неотрывно слушали его, сидя под навесом из белой ткани, ощущая на коже лёгкий солёный ветер. Небольшая группа парусных лодок маневрировала по просторам лагуны Эггани-дес-Пейш, и всё это казалось заранее подготовленной постановкой.

После семинара Алиса чувствовала себя оторванной от реальности, но ей пришлось быстро сфокусироваться, когда Витя, будто бы случайно оказавшись рядом, заговорил. Он выглядел воодушевлённым и пытался объяснить тот факт, что приносимая польза может быть одним из главных факторов развития, хотя для него самого, судя по всему, всё это было абстрактно. О том же повествовал ведущий, которому Алиса мысленно отдала победу в этом необъявленном конкурсе ораторов. Но по-настоящему для неё было важно другое: ожидаемый ответный шаг был совершён.

На второй день Алиса вошла в комнату Вити вместе с ним. Ей показалось, что это произошло абсолютно естественно. За ними никто не следил, в отеле не было никаких дисциплинарных правил и, похоже, на все дни форума его двери закрылись для посторонних.

Незадолго до заката наступали самые тихие часы. Комната Вити была такой же, как у Алисы. Только на стене над неубранной постелью висела другая картина, и повсюду были разбросаны вещи, напоминавшие выпотрошенные внутренности чемодана. Витя заскочил внутрь, чтобы взять портативную колонку. Алиса проскользнула вслед за ним.

Колонка была найдена меньше, чем за минуту. Витя точно знал, где она лежит. Алиса подумала, что, хоть она и попала в его комнату, это действие оказалось фактически бесполезным для выполнения главного условия сделки (и она не могла представить, что всё-таки делает это).

На столе лежала чёрная книга. Алиса с ужасом подумала, что тут оказался её журнал, и двинулась к столу. Витя с опаской сказал:

— Это мой дневник.

Алиса на мгновение приостановилась, подумав, что ей, должно быть, не стоило этого делать, но оказавшись так близко (достаточно было протянуть руку), она уже не могла удержаться от соблазна. Обложка была открыта. Витя застыл на месте и, мельком глянув на него, Алиса поняла, что может беспрепятственно продолжать.

Дневник был начат совсем недавно, Алиса быстро пролистала несколько страниц, исписанных понятным почерком. Неслышно Витя сел на кровать.

— Ничего, если я взгляну? — спросила Алиса.

Покрасневший Витя кивнул. Возможно, он готов был заплакать.

И Алиса, спускаясь вниз по строкам, стала проникать, как ей казалось, в мир чужих секретов. Но очень скоро она поняла, что вместо поводов для скабрёзностей ей открывается история, рассказанная Витей о самом себе, начатая незадолго до отлёта. Через пять минут Алиса провалилась в повествование, и вытащить её оттуда можно было разве что резким окликом (но Витя молчал и смотрел на её спину). Девушка переживала эмоции. Негодование, предчувствия, интерес, сомнения, а потом она нашла себя в повествовании, и ей стало не по себе. Хотелось перестать читать, но девушка не могла, это был тот текст, который тащит дальше помимо воли читателя.

Отложив книгу, Алиса села на постель рядом и Витей.

— Тебе правда нравится мой нос? — спросила она.

Витя готов был расплавиться и бесформенной массой стечь на пол.

— Да, — сказал он.

Они встретились глазами. В то мгновение взгляд Алисы обладал той же гипнотической силой, что и рукописный текст в книге, оставшейся лежать на столе. Девушка не притворялась. Она действительно на время о многом позабыла, и то, что произошло дальше, было именно тем, чего она хотела тогда больше всего на свете.

Вите пришлось сбегать на первый этаж отеля к небольшому автомату, висевшему на стене по дороге в уборную, но они оба сделали вид, что это никак не нарушило темпа развития ситуации. Объективно дальнейшие действия были нескладными. В конце Витя долго помогал себе рукой.

Субъективно для него закончилась целая фаза жизни и началась другая, ещё не осознанная и не понятая, он пытался хотя бы начать осмысливать это, лёжа на подушке в наступивших сумерках, глядя в потолок и одной рукой обнимая Алису. Та тихо о чём-то думала. Витя произнёс:

— Давай поедem на Ибицу. В смысле, что ещё нам теперь остаётся делать?

— Ибица мне показалась не такой, как в рекламе.

— Наверное, этот остров лучше, только нужно немного постараться. Не волнуйся, у меня есть кое-какие деньги.

Алиса задумалась сильнее. Затем она легко встала с кровати и нашла свой телефон в разбросанной по полу одежде. В эти мгновения ей показалось, что Витя смотрит на неё как на персонажа из фильма. Она вернулась обратно в постель и придвинулась к нему поближе, включила фронтальную камеру и сделала несколько снимков.

— У меня тоже есть кое-какие деньги, — сказала Алиса.

На Ибице они нашли то, чего даже не ожидали найти: лучшие дни своей жизни. Они об этом не знали, а если бы и знали, то всё равно бы не поверили. Потом всё закончилось, и самолёт забрал их на восток.

В Москве шёл дождь и пахло осенью. Алису это мало волновало, всё её сознание ещё было засвечено солнцем. На пороге дома она чуть не упала, весь коврик был уставлен новыми кроссовками.

Первой из чемодана (переставшего быть новым) появилась чёрная книга. Алиса пыталась писать связно, но неведомая шальная сила постоянно заставляла её выдумывать новые слова. Рука, державшая карандаш, так ускорила, что почерк превратился в тайнопись.

— Смотри! — сказала сестра.

— Ой, — Алиса вздрогнула.

Появление сестры было неожиданным. Узнать её было тоже непросто, её волосы стали ярко-оранжевыми. Сестра держала две новых кроссовки, которые ещё ни разу не были надеты. Алиса подумала, что, должно быть, это какая-то новая и повсеместно раскручиваемая модель, ей показалось, что где-то она их уже видела. Возможно, на рекламном щите.

— Еле тебя дождалась, — сказала сестра, — завтра перееду.

— Куда? — спросила Алиса.

— К Максиму.

Сестра выглядела как человек, который не мог понравиться Алисе. Похоже, за месяц она успела вникнуть в столичные реалии и даже по-своему адаптироваться к ним.

— Не понимаю, чего ты одна живёшь, работаешь ещё в своей фиговой бургерной, — проговорила сестра, — давно бы нашла кого-нибудь. Ну, парня в смысле хорошего.

Алиса смотрела на новые кроссовки и хотела что-то сказать в ответ, но смогла лишь нахмуриться.

Дождь продолжался. Алиса чувствовала, как её настроение неуклонно охлаждается. Она вошла в недорогой ресторан и увидела за столом Витю. Рядом с ним сидел его отец. Перед ним лежал ноутбук. Витя не поднимал глаз. Превозмогая себя, Алиса села напротив них. Здесь они должны были встретиться с Витей наедине.

Его отец заговорил без приветствий и вступлений:

— У тебя была одна задача, но, похоже, ты попутала берега.

Алиса склонила голову, чувствуя, что сейчас может умереть.

— Мне не нужно, чтобы голова моего сына была забита всякой дрянью. Творчество, свобода самовыражения, откуда это всё взялось? Только вы, голубки, забыли одну простую вещь. Без моего бабла сидели бы тут ровно и не дёргались ни влево, ни вправо, от звонка до звонка пахали на дядьку, который бы с вами не цацкался. Теперь, Алиса, обращаюсь к тебе единственный раз и предлагаю хоть тут проявить себя честным деловым партнёром. Огласи-ка основные пункты заключённого между нами соглашения.

Алиса подняла глаза на Витю, тот смотрел в пол и, казалось, не дышал. Девушка открыла рот, набрала в грудь воздуха и ничего не смогла сказать. Она тихо заплакала.

— Ясно. В общем, эта особа зарегистрировалась на одном сайте знакомств, где чаще всего ищут именно спонсоров, — обращаясь к Вите, отец добавил, — надеюсь, ты понимаешь, что это значит. Ещё она поставила соответствующую галочку, чтобы совсем без кривотолков. Вот, убедись.

Отец открыл ноутбук и повернул экраном к Вите. Тот приподнял глаза.

— Я купил её с особыми условиями. Всё должно было быть похоже на истинные чувства. С её внешностью это очень просто, — отец усмехнулся, — я даже проверил, а то вдруг фотки чужие мне подсунула.

С этими словами он достал из внутреннего кармана пиджака распечатки снимков, сделанных секретаршей (казалось бы, так давно).

Витя взял фотографии в руки и разложил их веером, как карты.

— Но после того, как дело сделано, тебе положено было исчезнуть, — сказал он Алисе, затем, повернув голову к сыну, продолжил: — Вот так, сынок, бабло — сильнее всего. Видишь, что можно купить? — Отец положил руку на плечо Вите и подтянул его к себе. Тот не сопротивлялся.

Алиса смотрела на Витю. Когда он поднял глаза, она замерла, пытаясь прочесть его мысли. Кажется, он хотел что-то сказать. Это могло произойти в любую секунду. Алиса приготовилась слушать. Ей показалось, что она заметила живой проблеск в глазах Вити. Наконец, он заговорил:

— Ты сказала там, у костра, что у тебя дизайн-бюро, а со мной говорила о литературе. Тогда я подумал, что здесь что-то не сходится. А потом было то, что было, этого не объяснить третьим людям.

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

И ДЛИТСЯ ДЕНЬ,
КАК ВЕК, СУРОВ И ГОРЕК...

* * *

Над морем мрак угрюмо нависает...
Созвездья не пылают в кураже...
И вновь душа не чувствует, не знает,
как дальше жить
или не жить уже?

Её загнали в угол, перекрыли
весь кислород — попробуй, подыши!
И тяжело ей, ну, как в глухой могиле!..
Но там ведь нет
ни подлости, ни лжи!

И длится день, как век, суров и горек,
и никого, кто мог бы мне помочь.
Лишь в поднебесье ветер с ветром спорят,
лишь на сто вёрст
вокруг глухая ночь...

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала "Наш современник".

* * *

Ты на пароме уплываешь,
а я томлюсь на берегу,
иль всё наоборот, считаешь,
уйдя в холодную тоску, —
неважно, ибо между нами
уж вырыт отчужденья ров...
Ну, хоть крути обратно память —
до соловьиных вечеров...

Вот было время золотое,
где страсть дотла сжигала боль,
где и в боренье, и в покое
душою правила любовь...
Былого не вернуть и чудом,
как не увидеть дна реки...
Но коли мы с тобою люди,
давай простимся по-людски.

* * *

В печальной юности от хвори
я так страдал, что не дай Бог!
Порой казались даже зори
черней, чем я увидеть мог.

И во спасенье мне мечталось
дожить хотя б до тридцати,
А там пускай приходит старость,
и душу напрочь рвёт в груди...

Я вдвое этот срок превысил!
Но для чего, когда опять
в огне невзгод пылают мысли
и в небе солнца не видать?..

Но прежде, чем навек ответить,
я, зорко посмотрев вокруг,
уверую, что в жизни нету
людей, не гибнущих от мук.

* * *

Огромней праздника Победы
для моего сознания нет.
Но жаль, что умирают деды —
герои судьбоносных лет.

Я не пойму, как это можно —
переписать победный путь?
Нацистов славить принародно,
крепя им ордена на грудь?..

Но переписывают, гады,
хоть фактом остаётся факт,
кто победил под Сталинградом,
кто брал Берлин и брал Рейхстаг.

Отец, ты тоже своей кровью
за этот праздник заплатил,
чтоб жизнь моя дышала новью,
чтоб я всё русское любил.

Поправив с орденами китель,
ты спорил часто, но без зла:
Россия, что ни говорите,
себя спасая, мир спасла!

Я слушал — и катились слёзы,
как катятся сейчас на снег
под русской белою берёзой,
где ты покоишься навек.

Светлее праздника Победы
для моего сознания нет.
Живите долго, наши деды, —
герои вечно славных лет!

* * *

В раковины моих ушей залетает утренний ветер,
рождая шум, схожий с тяжёлым рокотом моря...
И видится пляж, где песок золотисто-светел,
где байдарка, на которой поплыву скоро...

Среди волн, вздымающихся на дыбы, как кони,
меня наполняет не страх, а яркое чувство отваги.
Будто я рождён, выходя из одной погони,
попадать в другую от смерти всего лишь в шаге.

А ты, прижимая подол к своим ногам загорелым,
за жизнь мою грешную боишься до слёз горячих,
и молишь, чтоб я избрал поспокойнее дело,
иначе в крутых волнах потерплю неудачу...

С тревогой твоей я до конца, моя дорогая...
Но только в борьбе, хотя бы с самим собою,
смогу я в любви душой гореть не сгорая,
как солнечный луч надо морем порой грозвою.

ОСЕННИМ ДНЁМ

День пасмурный... Но потому,
как с песней сердцу моему
легко дышать в рассветном устье,
дождь не польётся, и туман,
от солнечных лучей багрян,
растает раньше чьей-то грусти...

День предпоследний перед тем,
как в даль уеду насовсем,
пусть будет вдохновенно-ясным,
с синичным пением в бору,
с шуршаньем листьев на ветру,
с игрою белок жёлто-красных.

Вновь по лужайкам, по лугам
пойду вперёд, открыт лучам,
что солнце щедро льёт на землю,
любуюсь звёздной красотой
реки лесной, горы крутой,
струне ветров звенящих внемля.

Душой, распахнутой, как дверь,
я, словно молодой апрель,
любовью до краёв наполнюсь
к природе, чтобы жизнь моя,
как прежде, счастья не тая,
сверкала в слове ярче молний...

ЕСЕНИН

Про свой край берёзового ситца
написал, как кровью, наизусть.
И душе доньше в небе снится
понапрасну вздыбленная Русь.

Годы странствий на стихах сказались
с вдохновенной силой неземной,
потому с тобой навек прощались,
как с любовью самой дорогой.

Не погиб ты... Лишь по переулку
прогуляться вышел в холода...
И об этом в листвоное гулко
плачет клён с берёзой навсегда.

“До свиданья, друг мой, до свиданья,
милый мой, ты у меня в груди...”
Это мне сказалося на прощанье,
чтобы смел я к радости прийти...

Всё минует, всё промчится в гуле,
всё решится только по судьбе!
И летят со свистом мщенья пули
в каждого, кто застил путь тебе...

* * *

Синоптики нам вновь солгали:
да, хлынул ливень огневой!
И птицы всласть защебетали
в лесу с листвою молодой.

Но резко между гибких веток
светилась неба высь насквозь
и восхищала сердце светом,
как спелых виноградин гроздь.

Озон густел, вдыхался легче,
как хмель настоящий, пьянил.
И я с душой, расправив плечи,
казалось, словно и не жил...

Хотелось петь, хотелось плакать,
и бился свет в моей крови...
И обращалась жизни слякоть
в дорогу вечную к любви.

ВЕЧНЫЙ ЧАС

Тепло установилось, слава Богу,
но до сих пор у клёнов и берёз
листва лишь опушилась понемногу,
как бы пугаясь нападения гроз...

Но доброты в природе не убудет...
меж веток голубеет свод небес,
и пение дроздов, как неземное чудо,
с утра пораньше окрыляет лес.

Озонный воздух похмельнее браги —
бьёт по мозгам и голову кружит.
И в слове, преисполнившись отваги,
моя душа любви залог творит...

Кто я такой? О чём я сожалею?
Иль верую: жизнь точно удалась?
Не важно, ибо твёрдо разумею:
пускай один, но мой сегодня час.

И будет прожит этот час, как надо,
и обратится в торжество любви!
И я уверен: мне споют отрадно,
не кто-нибудь, а сами соловьи!..

* * *

Ну, здравствуй, мой неутомимый друг,
товарищ дней стремительных, военных!..
Одна любовь нас не покинет вдруг —
всё остальное безнадёжно тленно...

И как от ран ни тяжело нам порой,
вперёд глядим без страха и упрёка.
Как будто распахнётся высь зарёй,
и мы услышим вещей голос Бога.

Я неспроста ведь вспомнил о тебе,
здесь, где красиво распевают птицы, —
хочу тем счастьем, что познал в судьбе,
с тобой до капли щедро поделиться.

И страстно верю, знаю до конца:
плечом к плечу стоять мы будем вместе.
И пусть темнеет воздух от свинца,
и пусть звучат лишь грозные вести —

всё выдержим, нигде не пропадём,
ведь кроме нас навряд ли кто напишет,
что жизнь своим железным кулаком
ударить может лишь по воле свыше.

* * *

Не смотри мне тревожно в глаза,
будто в них затаилось гроза,
и коль скажешь хоть слово ещё,
то душою взорвусь горячо!

Не волнуйся! Я зря не вспылю,
ведь, как прежде, безумно люблю
всю тебя, от макушки до пят,
как бы ни был измучен и клят.

Но и ты, если жаждешь любви,
для меня, словно солнце, живи,
и тогда лютый холод и снег
мы растопим сердцами навек.

И тогда... Ах, да что говорить!
Надо счастьем до слёз дорожить,
ведь никто и за тысячу лет
не вернёт даже горькое “нет”!..

* * *

Может быть, я и правда подохну
даже раньше, чем выпадет снег...
Но погрязшую в войнах эпоху
мне в вину не поставить вовек.

Правда, был я себе не подарок:
гробил жизнь, смерть навзрыд восхвалял!
Словно море дышало пожаром,
и мой разум в дыму пропадал...

Только, люди, поверьте, ей-богу,
через стыд, через боль, через зло
я торил к вечным звёздам дорогу,
хоть порой прямо к чёрту несло.

И когда истощились все силы,
смог на воле, что выковал впрок,
стать поэтом мечты и России,
чья надежда — огонь вещей строк!

А любовь? Нет, о ней не забыл я!
В каждом слове, в работе любой —
взмах за взмахом! — несли её крылья
мою душу над бездной слепой...

Тьмой, как страхом, глаза полыхали,
громыхало дыханье, как жесть.
Знать не знал я угрюмой печали
и берёт свою русскую честь...

И погрязшую в войнах эпоху
мне в вину не поставить вовек!
И не зря от любви нынче сохну,
ибо только в любви человек!

ЛЕВ ПИЛЯР

Я ДЕРЖУСЬ ЗА РОССИЮ

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ

Я держусь за Россию,
за родную страну.
Пусть её разорили
и втянули в войну.

Нет любви вне России
для сыновних стихов.
Как её ни хулили —
преклониться готов

пред судьбой её трудной,
пред терпением её...
Будет День, будет Судный —
замолчит вороньё!

НАША ПРАВДА

Как любит мир наказывать Россию,
как будто бы она источник зла.

Наполеоны, Гитлеры разили —
теперь другая сила подошла.

ПИЛЯР Лев Юрьевич родился в 1962 году в Москве. Учился в двух вузах, по образованию — химик. Работал доставщиком телеграмм и писал стихи. Публиковался в журналах “Форма”, “Новый мир”, “Поэзия”. Выпустил четыре книги. Член Союза писателей России.

Америка, союз Европы, НАТО —
весь глобализм оскалил свою пасть.

Но за Россию Бог, и с нами правда —
народу русскому нельзя пропасть!

БЕЛЫЙ КРЕСТ

В синем небе белый крест —
Крест из облаков.

Осень пёстрая окрест.
Мир к войне готов.

Вкруг России вражий стан —
вражее кольцо.

Сколько европейских стран
нам плюёт в лицо!

ВРАГАМ РОССИИ

Ну что ж, терзайте нас —
вам ненавистна Русь.

Англоязычный глаз
везде, куда ни ткнишь.

Но Бог не выдаст нас —
Америка не съест.

Глобальна ваша власть —
животворящ наш крест!

ДОКОЛЕ

Задрапированы небом
земные дали и выси.

Итог прогресса неведом,
и не о том мои мысли.

Мысли мои о России,
о нашей мучительной доле.

Сколько врагов отразили!
Доколь воевать? Доколе?!

ЗИМНИЕ РАДОСТИ

В снегу по колено,
по пояс голый,

иду закалённый,
иду весёлый.

Умылся снегом,
растёрся снегом.

И промокнулся
мягчайшим небом!

* * *

Перелесок городской
обречён на вымиранье.
От машин гудёж густой
и смердящее дыханье.

Птиц не слышен пересвист,
только дятел гниль долбает.
Суетлив капитализм,
всех опутает долгами.

Ну, а мартовский денёк
и сияет, и лучится,
и улыбки льёт на лица,
и берёзе греет бок!

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Как Меншиков в изгнание,
живу, изнемогая,

весь опыт свой и знанья
жене передавая.

Жена со мной устала,
Но что же делать ей?

Вошли мы вместе в старость —
друг друга нет родней!

* * *

Тридцать лет и три года
мы прожили с женой,

как старик со старухой
из пушкинской сказки.

Только не было рыбки
у нас золотой,

потому что не ссорились мы
понапрасну.

Нам хватало всегда
и жилья, и добра,

а во власть мы с женой
никогда не стремились.

Поживём мы ещё —
умирать не пора.

Может, Бог сотворит
над страной нашей милость!

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ПРЕСТУПНОСТЬ, ТЕРРОРИЗМ И ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО

По материалам доклада разведки США

Российские СМИ уже сообщали о новом докладе Национального разведывательного Совета США **“Глобальные тренды: парадоксы прогресса”**, подготовленного офисом Директора национальной разведки в январе 2017 года для представления в Конгрессе США. Совершенно справедливо указывалось на явно антироссийский характер доклада. Россию в докладе обвиняют во всех смертных грехах: в развязывании агрессии в различных регионах, кибератаках на США и другие страны, разжигании новой “холодной войны” и даже... в подготовке к мировой войне!

Эти положения доклада – на совести его составителей. Но в то же время нельзя обойти вниманием ряд положений доклада, которые являются плодами серьезной аналитики и представляют значительный интерес для концептуального осмысления проблем мировой безопасности и национальной безопасности России.

Многие выдающиеся ученые (Жак Аттали, Мэтью Барроуз, Элвин Тоффлер и др.) строили свои модели ближайшего будущего, исходя из того, что преступность и терроризм не только не уменьшатся, а станут реальными угрозами для человечества. На таких же позициях стоят многие исследовательские коллективы, делающие прогностические оценки в докладе разведсообщества США.

Авторы доклада, например, полагают, что, несмотря на технический прогресс последних десятилетий, глобальные тенденции указывают на темное и сложное ближайшее будущее. Преобладающая направленность изменений – это возрастание напряженности отношений в ближайшем будущем.

Меняется мировая экономика. В ближайшем будущем сохранится слабый экономический рост. Крупнейшие экономики столкнутся с сокращением рабочей силы и уменьшением прироста производительности труда. До настоящего времени странам G7 не удалось полностью восстановить экономическую ситуацию после финансового кризиса 2008–2009 гг. Они имеют большие долги, сохраняется слабый спрос. Население высказывает сомнения относительно глобализации. *Низкие темпы экономического роста будут вести к социальной напряженности в развитых странах и увеличивать бедность – в развивающихся.*

Технологии ускоряют прогресс, но усиливают противоречия. Быстрый технологический прогресс приведет к более быстрым изменениям и новым возможностям. Он также обострит противоречия между победителями и проигравшими в экономической гонке как внутри отдельных стран, так и в гло-

Редакция продолжает публикацию глав из книги Е. Лариной, В. Овчинского “Преступность эпохи промышленной революции XXI века”. Начало в № 3, 4, 5 за 2017 год.

бально масштабе. Автоматизация и искусственный интеллект способны изменять экономику быстрее, чем система управления адаптируется к этим переменам. Прогресс искусственного интеллекта и робототехники ведёт к тому, что число рабочих мест, подлежащих автоматизации, намного превышает число вновь создаваемых рабочих мест, связанных с разработкой и обслуживанием сложной техники. Кроме того, автоматизация снижает зависимость развитых стран от миграционных потоков и затрудняет трансферт технологий и капитала для бедных стран.

Управление становится более трудным. Население потребует у правительств обеспечить безопасность и процветание. Однако невысокие доходы, недоверие, поляризация и разнородность запросов различных групп населения будут препятствовать деятельности правительства. Технологии позволят расширить круг игроков, которые смогут блокировать или обходить политические действия. Регулирование глобальных процессов усложнится, т. к. придётся считаться с неправительственными организациями, корпорациями и небольшими группами. Это приведёт к переходу от международной системы управления и согласований к ситуационному решению по частным вопросам.

Изменится природа конфликтов. Риск возникновения конфликтов увеличится из-за расхождения интересов среди ведущих держав, увеличения террористической угрозы, длительной нестабильности в слабых государствах и распространения смертельных, разрушительных технологий. Разрушающие общества и несостоявшиеся государства станут более распространенным явлением. Они будут обладать высокоточным оружием дальнего радиуса действия, кибер- и роботосистемами для проникновения в целевые инфраструктуры издалека и более доступными технологиями для создания оружия массового уничтожения.

В течение следующих 20 лет настоящие и будущие тенденции будут вести в беспрецедентном темпе к увеличению числа и сложности проблем. Наиболее разрушительными из них будут кибератаки, терроризм и экстремальные погодные условия.

Демографические изменения повлияют на работоспособность, социальное обеспечение и социальную стабильность. Богатый мир стареет, в то время как большая часть бедного мира – нет. Все больше и больше людей живут в городах. Некоторые из них становятся все более уязвимыми в результате природных катаклизмов. Борьба за хорошую работу приобретает глобальный масштаб, в то время как технологии разрушают рынок труда. Технологии будут способствовать расширению возможностей объединения людей со стороны отдельных лиц и небольших групп. В то же время ценности, национализм и религия будут всё больше разделять их.

На национальном уровне разрыв между ожиданиями от правительственных действий и реальными действиями будет увеличиваться. Демократия уже не может быть принята как само собой разумеющееся явление. За её сохранение придётся бороться. На международном уровне концентрация власти в отдельных элитных группах ухудшит коллективное взаимодействие в преодолении глобальных проблем.

Растет риск возникновения конфликтов. Война будет всё меньше и меньше походить на войны прошлого. Сотрется разница между миром и войной, тылом и фронтом, между регулярными подразделениями армий и иррегулярными формированиями. Всё чаще конфликты будут происходить не на поле боя, а в киберпространстве, финансово-экономической и ментальной сферах. Хронические угрозы загрязнения воздуха, нехватка воды и изменение климата станут более заметны. Это приведет к серьезным столкновениям. Среди крупных держав, элит и населения, чем дальше, тем больше, нет согласия в путях решения глобальных и региональных проблем. Динамика развития приходит в острое противоречие с расстройством системы глобального управления.

Вечно молодое население. В некоторых африканских и азиатских странах средний возраст населения будет 25 лет или меньше. Это относится к Сомали, Пакистану, Афганистану, Ираку и Йемену. Это обусловлено одновременным действием трёх факторов. В странах Азии и Африки, особенно в тех, где население исповедует ислам, очень высокие темпы рождаемости. Авторитарные режимы, находящиеся у власти в большинстве африканских и азиатских стран, не делают ничего либо делают мало для развития здравоохранения и социальной помощи. Поэтому в этих странах очень высокий уровень смертности

среди всех демографических групп и низкая продолжительность жизни. Наконец, это регионы, где практически не прекращаются войны, внутренние столкновения и очень высок уровень гражданского насилия. (А это означает, что именно эти регионы в опережающем темпе будут пополнять ресурсы террористов, наркомафии и других преступных образований. — Е. Л., В. О.)

Большинство людей живет в городах. Демографические тенденции усилят давление на правительства, особенно в сфере услуг и здравоохранения. Половина населения земного шара в данный момент проживает в городах. К 2050 г. прогнозируется рост городского населения до двух третей от всего земного населения.

Стареющие страны, которые приспособливают здравоохранение, пенсии, благосостояние, занятости и военные системы под новые обстоятельства, вероятно, успешно выдержат демографические тенденции, в то время как страны с молодым населением получают большую выгоду, если сосредоточатся на проблеме образования и занятости. (Это — в идеале, но, скорее всего, молодое население этих стран чаще будет связывать своё выживание с участием в бандах и террористических организациях. — Е. Л., В. О.)

Всё больше людей находятся в движении

Миграция сохранит высокие темпы в течение следующих двух десятилетий. Люди ищут экономические возможности, бегут от конфликтов и ухудшающихся условий окружающей среды. Число международных мигрантов достигло самых высоких показателей в 2015 г. — 310 млн человек. Получается, что один из 100 человек в мире — это мигрант. Рост числа иммигрантов и беженцев продолжится из-за глобальной экономической дифференциации, постоянных конфликтов и усиливающейся этнической и религиозной напряжённости. Число мигрирующих людей сохранится на высоком уровне или даже увеличится из-за ухудшения экологических условий в предстоящие 20 лет.

Большинство мигрантов — мужчины. Недавнее увеличение доли мужчин в миграционных потоках с Ближнего Востока, из Восточной и Южной Азии сигнализирует о напряженности.

Бедность. В настоящее время ООН установила уровень нищеты — два доллара в день в расчёте на человека. Десятки миллионов человек в Азии и Африке, а также миллионы — в Латинской и Центральной Америке живут в настоящее время на доход меньший, чем предусмотренный ООН уровень нищеты. В условиях прогресса коммуникаций эти люди стремятся вырваться из нищеты любым способом и любой ценой, пополняя ряды мигрантов (а те, в свою очередь, — ряды террористов и преступников. — Е. Л., В. О.).

Усложнение технологий в долгосрочной перспективе

Большинство крупных мировых экономик будет страдать от недостатка работоспособного населения. При этом все страны столкнутся с проблемой трудоустройства и развития высококвалифицированных рабочих. Автоматизация, искусственный интеллект, а также другие технологические новшества ставят под угрозу существование огромного числа рабочих мест в различных сферах деятельности, в том числе в высокотехнологичном производстве, и даже беловоротничковых услуг.

Нахождение новых способов повышения производительности в богатых странах станет более трудным. Факторы, которые действовали после Второй мировой войны, больше не действуют. Технологический прогресс поможет повысить производительность в развитых и развивающихся странах. Это можно обеспечить при повышении уровня образования, инфраструктуры и практики управления.

Роботы будут всё чаще заменять человека. Это приведет к снижению уровня заработной платы, а соответственно и личных доходов.

Технологии ускоряют прогресс, но вызывают противоречия

Технологии — от колеса до силиконового чипа — значительно повлияли на ход истории. Однако предсказать, как, когда и где технологии повлияют на экономику, политику и безопасность, не так-то просто. Некоторые значимые

предсказания, например, такие как холодный ядерный синтез, до сих пор не продемонстрированы в реальности. Другие технологии развивались быстрее, чем эксперты могли себе представить. В последние годы были совершены прорывы в области редактирования и манипуляции с генами, например CRISPR. Это открывает новые широкие возможности в области биотехнологий. Технологии будут продолжать расширять права и возможности отдельных лиц, небольших групп, корпораций и государств, а также ускорять темпы изменений. Это породит новые сложные проблемы и конфликты.

Разработка и использование усовершенствованных информационных коммуникационных технологий, искусственный интеллект, новые материалы, робототехника и автоматизация, усовершенствование биотехнологий и нетрадиционных источников энергии **разрушат рынки труда и изменят тип экономического развития**. Технологии заставят задуматься над фундаментальным вопросом: как это – быть человеком?

Информационно-коммуникационные технологии повлияют на множество методов и способов работы, используемых человеком. Эти технологии будут чаще и эффективнее использоваться в транспортировке, разработке, производстве, здравоохранении и других сферах. Мы уже можем заметить внедрение их в этих сферах. Они будут усиливать свою значимость, поскольку разработчики стараются заменить всё больше рабочих мест автоматическими компонентами. Рост инвестиций в искусственный интеллект, растущие продажи робототехники и основанных на облачных вычислениях платформ, работающих без местной инфраструктуры, создаст больше опасностей на рынке труда. Интернет вещей вызовет увеличение рисков в сфере безопасности. Вероятно, новые информационно-коммуникационные технологии значительно повлияют на финансовый сектор. Новые финансовые технологии, включая цифровые валюты, применение блокчейн-технологий для сделок, искусственный интеллект и большие данные для прогнозной аналитики изменят сферу финансовых услуг и окажут существенное воздействие на системную стабильность и безопасность критической финансовой инфраструктуры.

Биотехнологии находятся в переломной точке. Достижения в генетическом тестировании и редактировании, катализируемые новыми методами управления генами, превращают научную фантастику в действительность. Открывается гораздо больше возможностей усиления некоторых способностей человека, лечения заболеваний, удлинения продолжительности жизни и активного долголетия. Учитывая, что самые ранние методы диагностики и наиболее эффективные комплексные методики продления активного долголетия будут доступны только в нескольких странах, доступ к этим технологиям будет ограничен теми, кто сможет позволить себе путешествовать и заплатить за новые процедуры.

Дальнейшее развитие передовых материалов и технологий производства может ускорить преобразование ключевых секторов рынка, таких как транспорт и энергетика. Мировой рынок нанотехнологий вырос более чем в два раза за последние годы и постоянно расширяется в разных сферах – от электроники до еды.

Революция в сфере нетрадиционной энергетики увеличивает доступность новых источников нефти и природного газа. В то же время технический прогресс нарушает прямую зависимость между экономическим ростом и расходом энергии. Например, увеличение использования солнечных батарей решительно уменьшило стоимость солнечного электричества. С появлением новых источников энергии глобальные энергетические затраты останутся низкими, и глобальная энергетическая система станет всё более и более эластичной.

Новые технологии потребуют тщательного исследования, чтобы оценивать, как они воздействуют на здоровье человека, общество, государства и планету. В ближайшей перспективе будет необходимо устанавливать нормы безопасности и общие протоколы для новых информационно-коммуникационных технологий, биотехнологии и новых материалов. Немногие организации, будь то государственные, коммерческие, научные или религиозные, имеют диапазон знаний, необходимых для выполнения системного анализа, не говоря уже о предсказании технологического развития. Это подчеркивает важность объединения ресурсов для оценки и размышления над поставленными перед ними задачами.

Без регулирующих стандартов развитие и использование искусственного интеллекта — даже менее способного, чем человеческий интеллект, — будет очень опасно для людей. Оно угрожает частной жизни граждан и подрывает интересы государства. Далее, отказ разрабатывать стандарты для искусственного интеллекта в робототехнике, вероятно, снизит экономическую эффективность из-за несовместимости отдельных составляющих робототехнических комплексов с искусственным интеллектом и контролем человека.

Биофармацевтические достижения приведут к разногласиям по поводу прав интеллектуальной собственности. Если отказы от патентов и обязательные лицензии станут более распространенными, это может угрожать появлению новых лекарств и уменьшить прибыль многонациональных фармацевтических компаний. Правительства должны будут взвесить экономические и социальные выгоды от внедрения новых биотехнологий, таких как генетически сконструированные зерновые культуры, против конкурирующих внутренних соображений.

На международном уровне возможность устанавливать нормы и протоколы, определяющие этические пределы исследований и защиту права интеллектуальной собственности, обусловит техническое лидерство.

Восстание идентичностей

Год от года будет неуклонно увеличиваться разнообразие глобальной динамики. Разнообразие будет проявляться во всём: в усиливающихся различиях в экономической динамике между регионами и странами; в конкретных конфигурациях технологических новаций; в динамике доходов и уровне жизни как внутри отдельных стран, так и между странами. При всей важности и наглядности указанных выше процессов совершенно особая роль будет принадлежать восстанию идентичностей. Экономическая, информационная и отчасти политическая унификация последних 25 лет сопровождалась усилением существующих и появлением новых этнических, культурных, религиозных и иных сообществ. Эти сообщества существуют внутри государственного устройства. В одних странах границы идентичности совпадают с государственными границами. В других — нет.

Идентичность можно определить как устойчивую платформу ценностей, верований и убеждений, определяющих как повседневное поведение людей, так и их долговременные жизненные программы. Основы идентичности могут быть различными:

- ценностная — она свойственна для западной культуры;
- религиозная — она характерна для регионов, населенных мусульманами и отчасти православными христианами;
- культурно-языковая — она наиболее явно присутствует в Китае, Японии, отчасти Индии и т. п. В этих странах, несмотря на различные религии и гражданские конфликты, удается избежать войн из-за того, что глубинным основанием идентичности являются не различные верования, а единый язык и культура.

Восстание идентичностей частично связано с процессами системной динамики. Чем сложнее система, тем более независимы её компоненты. Поскольку мы сегодня живем в сложном мире, компонент идентичности стал более независимым. Его динамика входит в противоречие, например, с экономической динамикой. Последняя требует глобальной, унифицированной среды движения товаров, людей, инвестиций и информации. Любая же идентичность, в известной степени, самодостаточна и старается ограничить влияние внешнего мира на саму себя. Отсюда — очевидное неустрашимое противоречие между императивами глобального технологического, финансово-экономического и информационного развития и требованиями выживания культурных, религиозных и иных идентичностей.

Однако это неустрашимое противоречие не является полным объяснением восстания идентичностей. В условиях снижения темпов экономической динамики и формирования глобального беспорядка, опора на идентичности кажется выходом для многих политиков и власть имущих. Поскольку идентичность предполагает отдельность, то опираясь на нее, легко найти внешних врагов. Внешний враг крайне полезен слабым режимам, поскольку, с одной стороны,

оправдывает тяготы и лишения населения стран, а с другой – выступает мобилизующим фактором, позволяющим бороться с противниками власти в собственных элитах и за рубежом.

Если ранее опора на идентичность была характерна для режимов авторитарного типа, а также слабых и несостоявшихся государств, то в последние годы использование политики идентичности становится нормой для крупных западных стран.

Если в определённых условиях и в определённые исторические периоды для слабых, технически и экономически отсталых государств мобилизационная политика идентичности имеет несомненные преимущества и оправдана будущим, то использование политики идентичности развитыми, зрелыми странами губительно.

Подавляющее большинство западных стран уже не являются национальными государствами. Для крупных западных государств ушли в прошлое этническая, культурная и религиозная однородности. Современные государства представляют собой переходную форму от этнически, культурно и отчасти религиозно однородных сообществ к гораздо более сложным образованиям. Таким образованием только предстоит нащупать адекватную политическую форму, которая придет на смену нынешнему государству.

Использование в развитых странах подхода на основе идентичности ведёт к общественной фрагментации, усилению внутренних противоречий. Всё это раскручивает кризисные явления. Это плохо и для элит и для населения. Ещё хуже то, что упор на политику идентичности разваливает систему международного сотрудничества, гражданского мира и усиливает, в конечном счете, глобальный беспорядок. А глобальный беспорядок – это питательная среда для развития терроризма, преступности и усиления безответственных государств.

Экономическая депрессия во всех странах мира является оборотной стороной популизма. Популистская политика может быть успешной только в случае ведения страной крупномасштабных военных действий. В этом случае она выполняет роль обеспечения внутренней мобилизации. В таких странах, как Великобритания, Испания, Италия, а в ближайшие годы, вероятно, Германия и Швейцария, восстание идентичностей пройдет под знаменами антимиграционных настроений и регионального сепаратизма. В Великобритании популистам почти удалось выиграть референдум по выходу Шотландии из состава Соединенного Королевства. В Испании не только баски, но и каталонцы пытаются провести референдумы о создании независимых государств. Требования о проведении референдума по разделу страны выдвигает Северная лига в Италии.

Религиозная идентичность, в отличие от национальной и тем более культурной, имеет собственную логику. Можно сделать несколько прогнозов относительно значения религиозной идентичности.

Если в странах Запада в рамках восстания идентичностей лидирующую роль будет играть популизм, то в кризисных регионах, а также странах незападной цивилизации будет, чем дальше, тем больше, доминировать религиозная идентичность. Эти страны характеризуются стремительным ухудшением экономического положения, подавлением свобод и гражданских прав. Именно вера дает шанс людям выжить в столь сложной ситуации. Поэтому в ближайшие пять лет стоит ожидать глобального религиозного возрождения. В настоящее время в мире насчитывается примерно 80% верующих. Аналогичный показатель до 2000 г. составлял порядка 60%. При этом следует отметить, что опросы, проводимые ООН, не касались стран Африки, Китая и Ирана.

Совершенно по-разному проявляется влияние религиозной идентичности на Западе и, например, на Ближнем и Среднем Востоке. На Ближнем и Среднем Востоке именно религиозная, а конкретно исламская идентичность (связанная с принадлежностью к конкретному течению ислама, например, суннитам, шиитам, суфиям и т. п.) является основой любых общностей. На Западе религия оказывает влияние на экономические, политические и социальные процессы, но не является преобладающим фактором. Например, в Соединенных Штатах, по данным Pew, на результаты выборов оказывает более сильное влияние фактор – относит себя человек к верующим либо нет, нежели принадлежность к конкретной религии.

Трудности и сложности для государственной власти

В течение ближайших десятилетий власть будет принадлежать по-прежнему преимущественно государственным структурам. Правительствам в условиях неоднозначных перспектив экономического развития будет всё сложнее удовлетворить общественные запросы, обеспечить безопасность, дать отпор преступности и снизить неравенство. Эти усилия будут сдерживаться фискальными ограничениями, растущей политической поляризацией, увеличивающимся разрывом между динамикой технологий и законами и нормами, лежащими в основе государственной власти.

В ближайшие десятилетия следует ожидать появления субъектов, которые впервые за истекшие 200 лет могут если не бросить вызов государствам как главным субъектам, то, по крайней мере, серьезно ограничить их возможности и ресурсы. Речь идёт не только о крупнейших корпорациях и наднациональных организациях, типа ЕС. Всё большее значение будут приобретать глобальные религиозно-политические движения, а также субъекты, соединяющие теневой банкинг, транснациональную преступность и неформальную занятость.

Кроме того, государства столкнутся с усилением общественного недоверия и недовольства, связанным с охватившей ведущие страны коррупцией, а также эрозией законодательства. Население развитых стран будет все более недовольно де факто сложившимся различием в отправлении законодательства и правосудия применительно к элите и остальному населению. Это также увеличит вероятность протестов, нестабильности и эрозии государственных механизмов управления.

Основные направления конфликтов между государством и населением будут следующие:

Громкие протесты, например, в таких странах как Бразилия и Турция, где в течение последнего десятилетия значительно вырос средний класс, показывают, что более состоятельные граждане в большей степени, чем бедняки, критически настроены к правительствам и требуют решительной борьбы с коррупцией. Бедные слои населения особенно в социальных государствах, таких как западноевропейские страны ЕС, Канада, в последние годы США, в решающей степени зависят от государственных дотаций и пособий и поэтому готовы терпеть коррупцию и кумовской капитализм в обмен на продолжение выплат. Средний класс также требует от государства гарантий собственности и ведения деятельности. Они хотят быть уверены, что государства не отнимут у них то, что они приобрели в последние десятилетия. В то же время замедление экономического роста, давление на заработную плату роботизации и закредитованность ведущих экономик мира сужают возможность манёвра для государств в отношении удовлетворения запросов среднего класса. Кроме того, в условиях, когда государственный долг большинства ведущих стран значительно превысил размеры внутреннего валового продукта, правительства более не смогут улучшать, а во многих случаях и поддерживать сложившийся уровень доходов бедных слоев населения. В результате правительства окажутся перед двойным вызовом, как со стороны среднего класса, так и бедняков. Это может подорвать стратегию политического управления, реализуемую в большинстве стран G20 в течение последних 25 лет.

Фактором стремительного изменения политического ландшафта уже стал всё расширяющийся доступ к информации о лидерах и ведущих политиках для населения. Негативная информация о них не только подрывает доверие к источникам власти, но и делегитимизирует само государство. Яркий пример этому — события, связанные с отстранением от власти президента Бразилии в результате коррупционного скандала с Petrobras. Сочетание уменьшения финансовых возможностей государства с негативным информационным потоком о властвующих элитах неизбежно приведёт к подъёму популистского движения по всему миру. Кроме того, технологический прогресс последние 25 лет в значительной степени свёл на нет влияние политических партий и профсоюзов. Власть из согласительной стала технологичной. Это проявилось в росте числа технократических правительств по всему миру.

Разрушение представительной власти вместе с делегитимизацией элит и деструкцией системы сдержек и противовесов, базирующейся на компромиссе между властвующей элитой и иными общественными группами, партиями, приведёт в ближайшие годы к глубокому кризису демократии.

Опросы показывают, что большинство населения в развивающихся странах, особенно на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, а также в странах постсоветского пространства, считают, что правительственные чиновники “заботятся только о своих карманах и им не нужны простые люди”. Сходные процессы происходят в Соединенных Штатах и в западноевропейских странах ЕС. Согласно опросам общественного мнения, американцы в 2016 г. продемонстрировали самый низкий уровень доверия к президентской администрации за весь период проведения опросов с 1958 г. Причем кризис доверия относится не только к Вашингтону и демократической партии, но и к законодательной и исполнительной власти на уровне штатов, мегаполисов и крупных поселений, кто бы их ни возглавлял.

Угрозу для демократии создают и настроения молодежи. Исследования показывают, что в Северной Америке и Западной Европе молодёжь всё меньше интересуется политическими вопросами, отдавая предпочтения досугу и профессиональной карьере.

Растет число гибридных государств. В них смешаны элементы демократии с чертами авторитарного правления. Как правило, такие гибридные государства склонны к консервации внутренней жизни во всех её проявлениях. В условиях кризиса они разваливаются, оставляя за собой **огромные зоны нестабильности**. Freedom house сообщила, что индекс свободы в 2016 г. в глобальном масштабе сократился на наибольшее значение за последние 10 лет.

Международные институты будут стараться адаптироваться к более сложной среде, стараясь компенсировать неизбежное на интервале 10–15 лет ослабление национальных государств. Эффективность международных институтов может быть повышена в том случае, если удастся сбалансировать интересы и выровнять вклады крупных держав по таким вопросам, как поддержание мира в кризисных регионах и оказание гуманитарной помощи в районах стихийных бедствий и политико-экономических катастроф.

Следует ожидать замедление реформы международных и региональных институтов, а также возрастание препятствий при создании новых организационных структур международного характера. В решающей степени это будет связано с неизбежным в ближайшие 10–15 лет кризисом национальных государств из-за снижения темпов экономического роста, возрастания долговой нагрузки и старения населения. В этих условиях неизбежен рост популизма и народнических настроений, а также стремление к возведению таможенных барьеров.

Кризис международных институтов еще более ослабит национальные государства. Терроризм, киберпреступность, трансграничный криминал не ограничены рамками национальных государств и будут действовать как глобальные структуры. В условиях практически неизбежного кризиса международных институтов и возрастания политического и экономического национализма это чревато не только кризисом международного масштаба, но и внутренними проблемами для всех развитых государств.

Проблема права вето. Конфликт интересов между слабеющими национальными государствами в рамках разрешения споров ставит на повестку дня вопрос проведения реформы членского состава Совета безопасности ООН. Сегодня всё большая часть стран и политических сил требует реформировать Совет безопасности ООН и изменить порядок применения права вето. Однако Устав ООН с консенсусным характером принятия решения о подобной реформе делает её практически нереализуемой. В этих условиях роль ООН в ближайшие 15 лет будет падать. Каждая из стран, участвующих в том или ином конфликте, будет стараться предложить собственные площадки для разрешения споров. Поскольку у государств в международных конфликтах имеются различные, иногда противоположные, интересы, то неизбежна конкуренция площадок. В условиях конкуренции ни одна площадка не может предложить полностью легитимное решение. Поэтому следует быть готовым, что ныне имеющиеся конфликты будут длиться десятилетиями или вплоть до полного исчерпания ресурсной базы конфликта. Вновь возникающие конфликты будут отличаться большой длительностью, ожесточенностью и иметь тенденцию втягивать в военные действия всё новых и новых участников.

Драматическое отставание юридической и политической системы государств от технологического развития. Существующие институты не

способны эффективно регулировать нетрадиционные вопросы, такие как синтетическая биология, искусственный интеллект, совершенствование человека, как в части законодательной и правоприменительной практики, так и в практической деятельности. Темпы технологических изменений значительно опережают возможности государств, агентств и международных организаций по установлению и применению юридических норм, технических стандартов, управленческой политики. Это порождает всё более увеличивающийся трагический дисбаланс между возможностями и полномочиями государств в новых сферах. Это благоприятствует наращиванию потенциала террористов, преступников и субъектов кумовского (дружеского) капитализма. Это особенно верно для киберпространства, где частные коммерческие акторы и преступные структуры играют де факто большую роль в формировании тенденций развития, чем государство.

Многомерная многосторонность. В условиях кризиса национальных государств и международных институтов, наиболее динамичные акторы будут стремиться к заключению многосторонних соглашений по все ширящемуся кругу вопросов. Сторонами таких соглашений могут быть не только и не столько национальные государства, сколько частные компании, организации гражданского общества и местные, а также региональные органы власти. Например, уже сегодня в Великобритании ведущие IT-компании, типа Google, заключают прямые соглашения, в которых участвуют не правительство Великобритании, а органы власти Шотландии, Уэльса, различные общественные организации и мэрия Лондона.

В следующие 20 лет будут нарастать риски возникновения конфликтов, в том числе межгосударственного характера. Конфликты будут порождать не только соперничество между крупными державами, но и их увлечение гибридными и прокси-войнами. В межгосударственных конфликтах всё шире будут участвовать ЧВК, иррегулярные воинские образования, рекрутируемые из бывших военных и криминала и т. п. Данный фактор в сочетании с нарастанием глобальной террористической угрозы и усилением нестабильности в несостоявшихся и гибридных государствах особо взрывоопасен в условиях распространения смертоносных и разрушительных технологий.

Ожидается перелом тенденции, имевшей место в последние 30 лет и связанной со снижением числа и интенсивности конфликтов. Вероятно, в предстоящие 20 лет число, разнообразие и интенсивность конфликтов увеличатся. Соответственно заметно возрастёт не только смертность на поле боя, но и потери среди гражданского населения.

В условиях, когда небольшие террористические, повстанческие и преступные группы могут иметь на вооружении технологии массового поражения, может возникнуть уникальная ситуация, отбрасывающая нас в Средневековье, когда с бандами преступников и отрядами наёмников воевали государства. Эта тенденция уже проявляет себя. Согласно данным, количество, интенсивность, человеческие и экономические издержки конфликтов неуклонно растут, начиная с 2011 г.

История гражданских конфликтов в Египте, Ливии, Сирии, на востоке Украины показывает, что для подобных конфликтов характерно стремительное нарастание числа независимых друг от друга участников, вплоть до полной неразличимости повстанцев, террористов и криминальных группировок. Главная опасность конфликтов подобного типа состоит в том, что в них, так или иначе, участвуют в виде сил поддержки крупные державы. Соответственно неуправляемые локальные конфликты вписаны в глобальный геополитический контекст и повышают риски возникновения серьёзных кровопролитных конфликтов. Принципиальной чертой следующих 30 лет является стирание граней между военными и невоенными инструментами, между войной и миром, между юридическими нормами, применимыми в мирной и военной жизни. Более того, в ходе таких конфликтов стираются чёткие грани между повстанцами, преступниками и террористами. Это становится огромной проблемой для всех крупных держав.

Будущие конфликты предполагают расширение сферы противоборств. Наряду с военной и дипломатической, противоборства будут происходить в информационной, психологической, экономической и технологической сферах. В будущих конфликтах более слабая сторона будет максимально уклоняться от традиционных военных действий и сосредотачивать свои усилия на

террористических атаках против мирного населения и разрушении критической инфраструктуры противника. Инициаторы конфликта будут уходить во всё более глубокое подполье.

Война в физическом пространстве будет всё более приближаться по своему характеру к войне в киберпространстве. Идеалом для инициаторов подобных конфликтов будет ситуация, когда невозможно разобрать, кто, за чем и против кого воюет. Первый пример такого рода конфликта можно наблюдать в настоящее время в Сирии.

Для инициаторов конфликтов нового типа главным инструментом станет целенаправленное стравливание между собой этнических, религиозных, культурных, экономических и политических групп и их максимальное раздробление. Данная технология позволяет нарушить инфраструктуру общественного сотрудничества, которая является основой функционирования любого государства, возможно не менее важной, чем сама государственная власть. Такая стратегия направлена на максимальное обезличивание инициаторов при минимизации их расходов с их перекладыванием на население и различного рода группы внутри страны – поля конфликта.

Подрывные группы. В последние годы проявилась тенденция, которая будет оказывать влияние в течение ближайших 20 лет. Негосударственные группы, в том числе террористы, боевики, преступные группировки и активисты, будут иметь всё более широкий доступ к всё более разнообразному спектру летальных и нелетальных средств огневого, инфраструктурного и поведенческого поражения. Уже сегодня такие группы, как Хезболла и ИГИЛ, получили доступ к самому современному вооружению и широкому спектру технологий. Они включают в себя не только противотанковые ракеты, ракеты класса “земля-земля”, дроны, но и современные виды программно-аппаратных средств информационного и поведенческого воздействия. Ранее такие вооружения были монополией государственных армий. Есть основания полагать, что неконтролируемая диффузия вооружений будет продолжаться.

Дополнительным фактором станет повсеместная доступность кибервооружений, которые уже сегодня могут нанести ущерб, превосходящий разрушения, вызванные огневым оружием. Появление у деструктивных группировок всё более разрушительных вооружений неизбежно будет побуждать государства и коалиции к превентивным, опережающим действиям против них. Это в свою очередь начнет раскручивать спираль конфликта, циклы насилия и придавать им всё более идеологический характер, вплоть до религиозных войн.

Удаленные войны. Господствующей тенденцией конфликтов нового типа станет стремление государств и негосударственных акторов вести так называемые неопознанные войны. Неопознанные войны предполагают акцент на дистанционных действиях. Дистанционные атаки будут осуществляться как комбинация кибератак, использования высокоточного оружия, роботизированных систем и беспилотного оружия с применением средств поведенческого и психологического воздействия.

Дистанционные атаки ведут к снижению порога для начала конфликта. В то же время войны, как обмен дистанционными атаками, ломают равновесие между мечом и щитом. В удалённых войнах гораздо больше, чем в обычных, преимущество получает тот, кто атакует первым. Конфигурация конфликтов такого типа в решающей степени будет зависеть от способности одной из сторон конфликта не позволить другой навязать обычные военные действия или перенести военные действия на территорию напавшей страны. В этой связи, несмотря на кажущийся менее кровопролитным характер войн издавна, они имеют гораздо больший, чем традиционные войны, потенциал неуправляемой эскалации. Кроме того, в таких войнах даже на первом этапе неизбежно будут задействованы не только дисциплинированные воинские подразделения или даже террористические сети, но и никому не подчиняющиеся повстанческие отряды, сформированные из бывших преступников, или преступные группы, называющие себя повстанческими отрядами.

Будущие кризисы неизбежно будут иметь гораздо больший эскалационный потенциал и меньшую управляемость, чем традиционные войны. Поскольку стороны – инициаторы конфликта будут иметь равные стимулы, чтобы нанести удар первым, до того, как они подвергнутся нападению.

В удалённой войне целями первого порядка станут телекоммуникации, а соответственно спутниковые группировки, их поддерживающие.

Проблема нового оружия массового поражения

В ближайшие годы следует ожидать появление новых типов оружия массового уничтожения неядерного характера. Эти виды могут нарушить сложившийся военный баланс между ядерными державами. В этих условиях государства, обладающие ядерным оружием, будут стремиться к его наращиванию с тем, чтобы отразить риски появления новых типов. Определенную угрозу составляет бряцание оружием со стороны Северной Кореи, а также сохранившаяся неопределенность по поводу намерений и возможностей Ирана заполучить ядерное оружие.

Потенциально самой большой угрозой миропорядку является использование в качестве оружия достижений биотехнологий и синтетической биологии. Эти технологии практически недоступны для международного контроля в его сегодняшнем виде, а по разрушительной мощи не уступают ядерному вооружению. Имеются данные, что стремление овладеть подобного рода оружием наличествует не только у деструктивных государств типа Северной Кореи и Ирана и известных террористических организаций типа ИГИЛ и Хезболла, но и преступных группировок.

В ближайшие два десятилетия вполне возможен крах слабых государств, обладающих определенной научной базой, в том числе на территории Европы и Центральной Азии. Это открывает путь для овладения террористами и преступниками лабораториями и специалистами, способными произвести оружие массового поражения. Кроме того, возможна несанкционированная передача оружия массового поражения террористам и преступникам из государственных арсеналов в слабых и несостоявшихся государствах.

Конфликты в серых зонах. Размывание грани между войной и миром, между армиями национальных государств, ЧВК и различного рода иррегулярными формированиями, между полноценными военными действиями, спецоперациями и террористическими актами, между непосредственными войнами и прокси-конфликтами меняет динамику современного мира. Чем дальше, тем больше эта разница будет стираться. Многие силы в современном мире заинтересованы в последовательном расширении серой зоны конфликтов. Их наиболее точным определением будет являться состояние – ни войны, ни мира. Впервые этот термин применил Л. Троцкий в революционные годы.

Характерной чертой конфликтов в серых зонах является изменение соотношения между летальными и нелетальными компонентами конфликта. На протяжении всей истории сердцевиной, кульминацией конфликта выступало применение летального оружия. Именно это подчеркивало высказывание: «Война – это продолжение политики иными средствами».

В ближайшие 20 лет наряду с традиционными военными конфликтами все большую роль будут играть конфликты, где применение летальных вооружений являются вспомогательным компонентом. Основные противоборства будут вестись в финансово-экономической, технологической, информационной, поведенческой, экологической сферах, и, конечно же, в киберпространстве.

Проблема воды – ключевой фактор геополитики XXI века

При трёх основных сценариях климатической динамики в ближайшем будущем: соответственно похолодании, потеплении и усилении волатильности или неустойчивости климата в мире будет нарастать проблема обеспечения населения и экономики пресной водой.

Данная проблема выходит за рамки экологии и в значительной степени порождена урбанистикой и социальными процессами. Человечество на протяжении всей истории использует примерно одни и те же водные ресурсы. Проблема состоит в том, что эти же ресурсы используются для решения промышленных, транспортных и иных задач. Кроме того, в последнее 15-летие по экспоненте развивается процесс переструктурирования зон расселения.

Мегаполисы и агломерации всё более сдвигаются из глубин континентов и территорий в прибрежные районы морей и океанов. По некоторым данным, если ещё в 1950 г. в промышленно развитых государствах в прибрежных районах проживало не более 15–17% населения, то теперь эта доля перевалила за 50%. При этом в прибрежных районах зачастую гораздо более неблагопри-

ятная ситуация с пресной водой, чем во внутриконтинентальных с их реками и озерами.

Пресная вода, получаемая человечеством из рек и озер, как правило, протекающих по территории нескольких государств, в течение столетий была предметом конфликтов, включая войны. Именно для преодоления конфликтов, связанных с водой, стали заключаться первые крупные международные правовые соглашения. В этом смысле вода в известной степени лежит в основе нынешнего мирового юридического порядка.

Ещё более опасная ситуация сложилась с системами водоснабжения крупных городов и агломераций. По имеющимся данным, в странах G20 не менее трети систем городского водоснабжения находятся в руках компаний, связанных либо замеченных в связях с криминалом. Реальная доля может быть ещё выше.

Принимая во внимание тесную связь криминала с терроризмом, системы городского водоснабжения являются одной из критических систем жизнеобеспечения цивилизации. Кроме того, в западноевропейских странах ЕС в 2016 г. до половины работников, обслуживающих системы городской канализации европейских мегаполисов, были мигрантами, преимущественно мусульманского вероисповедания. Подавляющая часть из них являются гражданами соответствующих стран, зачастую мигрантами во втором и третьем поколении. Однако в условиях нехватки средств в городских бюджетах и наличия связей компаний-эксплуатантов и владельцев систем городского водоснабжения с криминалом в структуре занятых постоянно растёт доля нелегальных мигрантов. Они в значительно большей степени, чем легальные мигранты, подвержены влиянию джихадизма и прямо или косвенно связаны с ультрарадикальными движениями и группировками. Это также ведёт к растущим рискам.

Резонансные тенденции перемен

Все вместе глобальные тенденции делают мировую динамику всё менее управляемой и проектируемой. Возрастание числа и сложности вопросов затрудняет их решение в привычных рамках национальных государств и их международных организаций. Особую опасность вызывают темпы перемен. Они в течение последних 50 лет стремительно нарастают и имеют все более разную направленность. Например, в последние 10–12 лет, после исторической паузы, ускорился технологический процесс. Развитие технологий в значительной степени является автономным и слабо зависит от других факторов. Оно практически не поддается управлению в национальном и международном масштабах. В частности, это выражается в провале неоднократно предпринимаемых в последние десятилетия попыток затормозить то или иное направление рискованных технологических новаций.

В противовес технологическому прогрессу, на значительной части планеты нарастают деструктивные процессы, связанные с архаизацией сознания и поведения десятков миллионов человек. В перспективе 20 лет наибольшую угрозу международной безопасности создает не один фактор или процесс сам по себе, а именно их разнонаправленная динамика.

На фоне динамичных и разнонаправленных тенденций и усложнения человеческого общества стремительно нарастает число государств и иных акторов, способных оказать влияние в геополитическом масштабе. Более того, в мире, где в полной мере проявился закон Тоффлера о нарастании разрушительной мощи технологий, находящихся в распоряжении всё меньших групп людей, вплоть до одного человека, не может идти речи ни о каком однополярном мире.

Динамика технологий ведёт к расширению возможностей отдельных небольших групп и даже лиц, оказывает воздействие не только на другие группы, компании либо территориальные органы власти, но и в целом на национальные государства и даже геополитику. Это коренным образом меняет баланс глобального расклада сил, а также характер и природу конфликтов.

Развитые государства начинают чувствовать последствия разрыва социального контракта в обществе, снижение доходов среднего класса и возвышение сверхбогатых. Ответом на эти процессы стала волна популизма и народничества во всех ведущих странах мира. Однако гораздо большие потрясения

могут вызвать внутренние гражданские конфликты в странах постсоветского пространства во главе с Россией, а также в Южной Африке. В этих регионах имеются значительные слои высокообразованного населения, обладающие навыками работы со сложными техническими устройствами и программной средой. Именно эти страны пострадают больше развитых от неизбежного глобального экономического кризиса.

подавляющая часть населения этих стран будет опять возвращена в нищету, из которой она с трудом выбралась. Сочетание высокого профессионального общеобразовательного уровня с обнищанием и растущей технологической разрушительной мощью небольших групп – это очень опасная и деструктивная смесь. В первую очередь от неё пострадают страны, где происходят эти процессы, а затем настанет очередь развитых стран.

Новые угрозы национальной безопасности

Возрастание мощи небольших групп, а соответственно повышение потенциала противостояния террористов, преступников и иных деструктивных акторов национальным государствам и гражданским обществам обусловлено рядом причин:

Ключевым фактором повышения могущества малых групп и индивидумов является развитие информационно-коммуникационных технологий. С одной стороны, развитие этих технологий привело к интернету всего, а соответственно к возможности не только разрушить, но и взять под управление любые системы, связанные с интернетом через киберпространство. С другой стороны, информационно-коммуникационные технологии резко удешевляют производственные процессы и делают доступными многие изделия, оборудование и т. п. для небольших групп. Наконец, информационные технологии в значительной мере развиваются вне системы защиты интеллектуальной собственности на основе решений с открытым программным кодом. Соответственно небольшие группы и даже отдельные граждане могут получить новейшие разработки критических технологий, например, искусственного интеллекта, по сути, бесплатно;

Смена технологических, институциональных и юридических основ глобальной финансово-экономической системы открывает возможность для различных акторов – от преступных синдикатов до религиозных групп – бесконтрольно отмывать, накапливать и транспортировать деньги и иные активы. Согласно имеющимся данным, в офшорах, находящихся в основном под британской и голландской юрисдикциями, находится сейчас примерно 6 трлн долларов из общей суммы 19 трлн долларов в офшорах. Теневой банкинг набирал силу в течение последних 40 лет. Однако в силу используемых в настоящее время бухгалтерских, финансовых и правовых решений, при наличии политической воли со стороны международного сообщества, все эти 6 трлн могут быть в течение дня заблокированы. Банки, а соответственно, регуляторы хорошо знают, кому принадлежат эти деньги, когда и в соответствии с каким контрактом они получены. Лишь отсутствие политического решения позволяет современной банковской системе не предоставлять информацию и не осуществлять соответствующих конфискационных действий.

Однако стремительное развитие криптовалют, нерегулируемых платежных сервисов, множества платформ новых финансов типа краудинвестинга, краудлэндинга и т. п. ставит крест на банковской системе, базирующейся на господстве центральных банков, национальной юрисдикции и хранимых транзакциях. Особенность новой финансовой экономики такова, что даже при наличии политической воли чем дальше, тем больше понять источники и локацию финансовых средств или иных активов не представляется возможным;

Свою лепту вносит многофункциональный характер любой современной технологии. Практически одни и те же механические узлы, компьютерные программы и технологические решения могут быть использованы как в военной и гражданской, так и в преступной и террористической деятельности. Подавляющее большинство новых высоких технологий появляется на широком рынке даже быстрее, чем у государства. В сочетании с эффективными системами рекрутинга и телекоммуникаций это резко повышает могущество негосударственных деструктивных сил, включая повстанцев, террористов, преступников и т. п.

В последние два-три года мир стал свидетелем беспрецедентного использования информационной среды для обеспечения управляемой деградации когнитивных процессов в обществе, его фрагментации и дезинформации.

В информационной сфере сегодня возобладали деструктивные процессы. Если в ближайшее время не будут осуществлены решительные действия, то именно они определяют информационный ландшафт двух ближайших десятилетий. Если в течение первых 25 лет развития интернета киберпространство объединяло людей доброй воли и создавало беспрецедентную среду знаний, торговли и общения, то в следующие 25 лет информационная сфера может стать местом разрушения ценностей и основ общества, подрыва любых общих интересов и полем глобальной информационной войны.

Ответственность за происходящие процессы несут такие компании, как Google, Facebook и т. п. Именно эти компании создали интернет-пузыри. Именно они в погоне за аудиторией подталкивали сегментацию общества на сообщества. Именно они перечеркнули разницу между реальностью и вымыслом, одинаково представленными в поисковой выдаче и сообщениях в Twitter. Именно они открыли дорогу к постправде как к основному содержанию контента нынешнего интернета.

Борьба без правил в информационном пространстве на межгосударственном и внутригосударственном уровне приведёт к тому, что сложившиеся политические классы перестанут существовать, гражданские общества будут дезорганизованы и деморализованы. Соответственно выгоду получают небольшие радикальные центры по всему политическому и идеологическому спектру.

Повышение могущества отдельных лиц и групп имеет преимущественно деструктивный, а не конструктивный характер. Малые группы непримиримо настроены к гражданскому обществу, могут добиться очень многого в разрушении, но не в выработке конструктивных решений или достижении консенсуса противоречивых интересов, имеющихся в каждом обществе.

Особо уязвимы для малых групп:

— **Демократические правительства.** Малые группы способны создать большие трудности в любых согласованных усилиях по формированию широких коалиций на основе компромиссных общих интересов. Даже в случае достижения компромисса малые группы способны затруднить их практическое выполнение.

— **Политические партии.** Малые группы заинтересованы в подрыве традиционных политических партий как инструмента агрегации отдельных групп интересов. Наиболее дальновидные малые группы ведут долговременную работу по захвату политических партий изнутри путем их фрагментации и радикализации отдельных течений.

— **Авторитарно настроенные лидеры.** Малые группы в рамках много-сегментного интернета, появления Р2Р сетей, распространения средств анонимизации способны при относительно долговременной активности расколоть любое информационное единство. За счет активных действий в информационном пространстве, которые требуют на порядок меньше ресурсов, чем физические действия, малые группы способны создать эффект представления себя в качестве влиятельной политической силы. Данный эффект может быть перенесен, в конечном счете, из виртуальности в реальность. В итоге малые группы, действуя непреклонно и последовательно, могут брать под свой контроль большие сообщества.

Изменение природы силы

Глобальные тенденции затрудняют международное сотрудничество и регулирование. Они ведут к ослаблению и диффузии традиционных форм власти, прежде всего, национальных государств. Это связано не только с институциональными изменениями, но и с сокращением возможностей государств в проведении активной политики, как во внешней среде, так и во внутренних делах. Это относится практически ко всем без исключения крупным государствам.

Предстоящее 20-летие вполне вероятно будет характеризоваться в среднем более низкими темпами роста внутреннего валового продукта, расходов на потребление и темпами роста численности населения. Практически не вызывает сомнений, что в ближайшие десятилетия все ведущие государства ожидают тяжелейший глобальный кризис. Выход из него может длиться продолжительное время, вплоть до 7–15 лет.

Неблагоприятные тенденции в области экономического роста будут накладываться на растущее могущество негосударственных акторов, включая террористические организации, преступные сети и сообщества активистов.

Государства и крупные организации, включая корпорации, даже не приступили в настоящее время к разработке программ классификации опережающего распознавания и отражения угроз со стороны компактных групп, включая активистов, преступников, а также групп политического действия и религиозных фанатиков.

В мире предстоящих десятилетий будут действовать как независимые субъекты национальные государства, международные институты, корпорации, наднациональные элитные и иные организации, деструктивные организации, новые, в том числе насильственные, религиозные движения, а также небольшие и малые группы, преследующие свои эгоистические интересы. Всё это будет происходить на фоне усиления неустойчивости, возрастания сложности и падения темпов глобальной динамики.

Аналитики разведсообщества США выделяют наиболее опасные и принципиально новые угрозы народу Соединенных Штатов Америки и другим странам:

– **Интегрированные образования глобального или регионального характера, в состав которых входят террористические и криминальные группировки, легальные общественные организации и религиозные микроконфессии и даже политические объединения и легальные экономические и финансовые структуры.** По располагаемым ресурсам такие группировки могут превосходить некоторые средние, а то и крупные государства. При этом, в отличие от государств, они будут действовать вне и поверх границ, не соблюдая правовых норм;

– **Глобальные религиозно-террористические движения.** В настоящее время подобные движения используют в качестве своей общей ценностной базы различные направления ислама. Это – известные ИГИЛ, Аль-Каида, Талибан и т. п. Есть основания полагать, что нынешний ИГИЛ – это лишь первоначальная локализованная форма всемирного халифата. Он останется субъектом международной политики на десятилетия. Если сегодня борьба с ИГИЛ предполагает в первую очередь удаленные военные действия на Ближне- и Средневосточном театрах военных действий и контртеррористическую борьбу в других регионах мира, то в ближайшее время ИГИЛ, вероятно, перенесёт противоборство с крупными державами во все сферы.

Нет оснований полагать, что террористические организации для идеологической подкладки будут использовать исключительно ислам. Такой же потенциал есть у ортодоксальной православной церкви и некоторых направлениях протестантизма. Возможно возрождение на новой основе анархо-террористических организаций, чьей экономической базой является наркотрафик и эксплуатация природной среды, а идеологической – католицизм в форме теологии освобождения в Латинской Америке;

– **Локальные, в том числе небольшие группы действия.** Такие группы будут состоять из высокообразованных, технически компетентных и профессионально продвинутых людей с экстремистскими убеждениями. Прообразами таких малых групп являются хакерские группировки, а также некоторые группировки цифровых активистов. Историческими предшественниками групп действия были состоящие в основном из интеллектуалов «Красные бригады» в Италии и Ротеарми Баадера – Майнхоф в ФРГ в XX в. Роль и значение этих групп, масштабы используемых ими ресурсов и возможности воздействия не только на внутреннюю, но и на международную политику будут нарастать от года к году.

Ближайшее будущее: растущая напряжённость

Сочетание отмеченных выше долгосрочных глобальных тенденций с действием вероятного циклического, охватывающего всю мировую экономику, экономического кризиса при наличии острых противоречий во многих регионах мира будет определять политический ландшафт в течение следующих пяти лет. Ожидается заметное усиление напряженности и конфликтности во всех регионах. Эта конфликтность будет носить как международный, так и внутри-страновой характер.

На фоне расстройств мирового порядка и ослабления власти национальных правительств будет расти угроза со стороны терроризма и организованной преступности. Национальным государствам будет брошен вызов со стороны транснациональных корпораций на одной части спектра и малых высокотехнологичных групп – на другой.

Усиление напряженности скажется на государственной власти во всех развитых странах независимо от типа правления. В демократических странах у различных групп интересов и слоев населения будет углубляться недоверие к традиционным западным институтам политической власти из-за их неспособности обеспечивать в новых условиях учёт чаяний всех групп и новый социальный консенсус.

В авторитарных странах, в том числе с клановым капитализмом, сочетание экономических трудностей с нарастающими внешнеполитическими, в том числе террористическими угрозами приведет к падению уровня жизни подавляющей части населения в сочетании с ужесточением авторитаризма правящих элит. Это безальтернативно закончится социальными волнениями, внутринациональной напряженностью и расколом элит, чем не преминут воспользоваться внутренние деструктивные силы и международный терроризм.

В следующие пять лет будет нарастать напряженность в международных отношениях, вплоть до начала новых межгосударственных и международных конфликтов.

В условиях ослабления внутренней политической власти, углубляющегося раскола элит и недовольства населения политическим классом будут возрастать масштабы и разрушительная мощь террористических сетей, преступных организаций и деструктивных малых групп. Вероятно, следующее пятилетие войдет в историю как пятилетие глобального беспорядка. Он охватит всю мировую систему. В каждом регионе глобальный беспорядок будет иметь свои специфические черты.

Растущая угроза терроризма

Угроза терроризма будет, вероятно, нарастать во всех регионах планеты. Растущая глобальная нестабильность, затяжные конфликты в различных регионах мира и технологическая революция открывают невиданные перспективы для террористов. Несмотря на то что терроризм убивает во всем мире людей на порядок меньше, чем не только болезни, но и автомобильные аварии, он признается сегодня наибольшей угрозой.

Определенной проблемой, к которой причастно и разведывательное сообщество, является проблема информирования общества. Разведки и правительства всех стран мира столь долго говорили об апокалиптических последствиях террористических актов, что население Америки, не видя массовых терактов с событий 11 сентября 2001 г., перестало в это верить. Следует четко сказать: крупные теракты в развитых странах имеют низкую вероятность. Однако подобного рода маловероятные события, когда они всё-таки случаются, могут полностью изменить политический ландшафт, экономическую динамику и просто обыденную жизнь граждан. Терроризм, в отличие от дорожных происшествий, является угрозой, которая разрушительна не только при осуществлении, но и при ожидании.

В последние годы идет незаметный и совершенно не понятный для политического руководства процесс переплетения, а точнее, использования террористическими структурами догматов тех или иных верований, прежде всего ислама, его организационных и социальных инфраструктур. На протяжении истории именно вера была наиболее мощным фактором мобилизации элит и масс. Именно вера запускала все основные процессы, перекраивающие карту мира, изменяющие судьбы континентов. За пределами понимания многих аналитиков остается тот простой факт, что вера глубже и сильнее воздействует на человека, чем ценности. Вера не сводится к ценностям. Ценности являются лишь одним из её компонентов, однако не главным.

Поэтому правительства и гражданские общества Северной Америки и Европы недооценивают угрозу ИГИЛ. ИГИЛ – это террористическая организация, в известном смысле порожденная и пронизанная одним из течений ислама. Для простоты привилось наименование джихадизм. Но оно является неправильным. Джихад – это священная война. В джихаде могут участвовать любые мусульмане, будь то шииты, сунниты, суфии и т. п.

Вследствие недостаточного внимания к анализу теологической проблематики терроризма, Запад не понимает, что ИГИЛ — это не одно из ответвлений салафизма или ваххабизма, к которым он не имеет никакого отношения, а уникальное течение ислама, специально адаптированное для быстрого понимания и принятия людьми, даже первоначально далекими от ислама. ИГИЛ рассматривается как террористическая организация. Зачастую даже в документах внутреннего пользования, а тем более в меморандумах, рассчитанных на политическое руководство и широкую публику, западное разведывательное сообщество привыкло перечислять через запятую ИГИЛ, Аль-Каида, Джебхад ан-Нусра, Талибан и т. п.

На основании анализа всего основного корпуса теологических трудов богословов, близких к ИГИЛ, имеющихся в распоряжении видеокурсов и проповедей, а также практики этой организации можно сделать вывод, что ИГИЛ не является типичной джихадистской террористической организацией, типа Аль-Каиды, а представляет собой своего рода военно-религиозный орден. В отличие от орденов древности и Средневековья, он в своей деятельности использует высокие технологии, опирается на разнообразные организационные структуры и действует по всему миру.

Однако, по сути, он является именно орденом, т. е. боевой организацией, силой и молитвой распространяющей определенное религиозное учение всюду, где это возможно. Такая постановка вопроса позволяет по-новому посмотреть на стратегию и тактику ИГИЛ. Она позволяет излечиться от иллюзий относительно того, что взятие Мосула или Ракки будет означать победу и конец ИГИЛ. Любой орден предполагает мученичество. Чем больше игиловцев и мирного населения погибнет в Мосуле и Ракке, тем больше шансов, что ИГИЛ активизирует свои спящие ячейки в Европе, Америке и в России.

Аналитики разведки США прогнозируют: в течение ближайших пяти лет, несмотря на военные успехи, не удастся не только победить, но и сколько-нибудь сильно ослабить терроризм. Террористические насильственные структуры, базирующиеся на тех или иных направлениях ислама, будут оставаться фактором международной политики. Наиболее опасной, но вполне вероятной тенденцией в течение ближайших пяти лет станет перемещение активности ИГИЛ как наиболее мощной исламистской террористической организации с истощенных войной ресурсных площадок суннитских районов Ирака и Сирии в Ливию и Пакистан. В обеих этих странах сегодня существуют мощные подразделения ИГИЛ, которые контролируют определенные территории и обладают воинскими подразделениями. Выход в Ливию фактически открывает для ИГИЛ южное подбрюшье Европы. Оперирование в Пакистане позволяет ИГИЛ вплотную подойти к овладению ядерным оружием.

Вряд ли в течение пяти лет следует ожидать появления подобных ИГИЛ военно-религиозных орденов террористической направленности на базе иных вероисповеданий. В более длительной перспективе это практически неизбежно. В то же время возможно, что уже в ближайшие пять лет возникнут первичные ячейки подобного рода орденов в Центральной и Тропической Африке на базе совмещения ислама с местными культами. В Индии — на базе индуизма, особенно шиваистского направления. В России — на базе православия.

В Индии возникновение религиозных террористических организаций нового типа может произойти в ближайшие годы. В настоящее время у власти в стране находится правительство, созданное коалицией партий, тесно связанных с воинственными направлениями индуизма. В случае, если правительство столкнется с внутренними и внешними трудностями и в стране усилится социально-этническая напряженность, вполне вероятно, что правительство негласно будет способствовать созданию шиваистских боевых организаций. Эти организации будут нацелены на всемерную поддержку правительства и проведение репрессий против более бедных слоев населения, принадлежащих к племенам дравидов — коренного населения Индии и Цейлона. Однако за пределами Индии эти организации могут быстро мутировать в террористические структуры экстремистско-сектантского характера. С учетом миллионов индусов, проживающих в Великобритании, Соединенных Штатах, это может стать дополнительным фактором, который осложнит и без того напряженную обстановку в этих странах.

Помимо религии, психологические и социальные факторы будут способствовать усилению террористических организаций и усилению активности

наряду с террористическими сетями и орденами небольших групп и даже единичных террористов. К этим факторам относятся:

– **Растущий уровень отчуждения и атомизации внутри всех развитых стран.** Повсеместно социум всё более фрагментируется и разобщается по всё большему числу признаков. Угнетаемое меньшинство, либо наибольшее меньшинство, которому противодействует коалиция малых меньшинств, может увидеть в терроризме единственный способ защиты своих интересов.

– В современных динамичных и фрагментированных обществах для угнетаемых групп и индивидуумов единственной защитой становятся семейные и родовые связи, а также сообщества выходцев из одного населенного пункта или сельской местности, а также религиозные центры. Они являются важным фактором, вовлекающим индивидуумов в террористические организации.

– **Кризис западной идентичности.** Потребительская ориентация обществ Северной Америки и Европы вызывает протест у определённых групп населения, в основном молодёжи. Те группы, которые склонны к пассивному протесту, как правило, примыкают к различного рода новым религиозным культам, а сторонники активных форм протеста, в зависимости от обстоятельств, либо вливаются в ряды экстремистских несистемных политических организаций, либо пополняют ряды террористов.

– **Кризис государства.** Северная Америка и Европа в XXI веке под воздействием экономических сложностей переживают кризис социального государства. Если в XX веке государства в Европе и Америке вкладывали значительные средства и усилия в интеграцию вновь прибывающих мигрантов в западное общество, то в XXI веке победила доктрина мультикультурализма. Это произошло не вследствие несуществующего либерального заговора, а сугубо по финансовым причинам. Мультикультурализм предполагает проживание в рамках одного государства различных этноконфессиональных групп, сохранивших свою идентичность. Это означает, что не надо тратить деньги на интеграцию. Соответственно легальные и нелегальные мигранты оказываются в странах нового проживания предоставленными сами себе, и, испытывая фрустрацию, ищут защиту и поддержку в мечетях, частично находящихся под контролем радикальных и террористических организаций.

– **Обострение этнических и религиозных конфликтов.** По всему миру в условиях ослабления национальных государств возрастает конфликтность между культурно-религиозными идентичностями.

Технология – всегда палка о двух концах. С одной стороны, она облегчает террористам взаимодействие, рекрутинг, материально-техническое обеспечение и осуществление кровопролитных актов. С другой стороны, технологии предоставляют властям, располагающим большими ресурсами, чем террористы, возможность своевременно выявлять и распознавать угрозы, а также эффективно купировать их. Впрочем, если им это позволяет общественность.

В ближайшие годы террористические акты будут перемещаться в киберпространство. Это не обязательно означает, что террористические акты будут осуществляться в киберпространстве. Это означает, что террористы всё активнее будут использовать уязвимость критической инфраструктуры государственных, корпоративных и частных сетей, соединённых с интернетом, для осуществления кровопролитных террористических актов. В отличие от традиционных огневых атак, подобные террористические акты чрезвычайно сложно распознать. Это, конечно же, резко дестабилизирует глобальную ситуацию.

Технологии в целом ведут к постепенной передаче многих функций от иерархических, жестко организованных структур к децентрализованным сетям. Не вызывает сомнения, что децентрализованные сети слабее защищены от атак террористов, чем иерархические.

В общем, сопоставляя плюсы и минусы для террористов развития информационно-коммуникационных и иных технологий, приходится сделать вывод: в конкретных сложившихся условиях у террористов появляются новые возможности при снижении рисков. Если бы правительства западных стран смогли задействовать всю мощь своего технологического потенциала, терроризм был бы раздавлен. Однако в условиях экономической слабости государств в Северной Европе и Америке, снижения доверия к органам политической власти со стороны населения и развала системы международного сотрудничества, правительственный потенциал, к сожалению, в основном и остаётся потенциалом.

ВИКТОР САУЛКИН

“ВОР ДОЛЖЕН СИДЕТЬ В ТЮРЬМЕ”

68 миллионов — что за “мелочь”?

Кирилл Серебренников давно должен сидеть в тюрьме. Хотя г-н Сванидзе и утверждает, что Серебренников не мог украсть, потому что он, Сванидзе, в это не верит. Точно также Сванидзе утверждал, что не верит в то, что губернатор Белых мог брать взятку: “демократы” ведь никогда не воруют и взятку не берут. Кто же в таком случае разворовал страну за последние два десятилетия, пока “демократы” были у власти?

На защиту гонимого властью режиссера поднялась вся “либеральная рать”, а также “творческая интеллигенция” во главе с “лучшим министром финансов” Алексеем Кудриным. Вроде бы все знают, что “вор должен сидеть в тюрьме”. Но ведь к Серебренникову это не относится! Пропали 68 млн, растворились на счетах фирм-однодневок, в ходе расследования выяснилось, что организатором хищения был руководитель проекта Серебренников, но это разве причина, чтобы оскорблять подозрением “гениального художника”? “Руки прочь”, подумаешь, какие-то жалкие 68 млн рублей, что за мелочь! Из-за этого портить судьбу художнику, отрывать его от “творческого процесса”!

“Певец Содома”

Серебренников должен сидеть в тюрьме. И кража 68 млн — действительно мелкое сопутствующее преступление по сравнению с тем ущербом, который нанес этот певец Содома русской культуре. Сегодня представители актерского сообщества протестуют против ареста “великого”, “всемирно известного”, даже “гениального” режиссера. Интересно, эти известные актеры и театральные деятели искренне считают, что Серебренников стоит в одном ряду с Товстоноговым, Завадским, Гончаровым, Поповым? Они уверены, что Серебренников продолжает традиции Русского театра, является преемником Станиславского и Немировича-Данченко, Михаила Чехова?

Власти сами назначили “творческой элитой” тех, кто в октябре 93-го аплодировал расстрелу парламента. Для них организовали замечательную кормушку в виде государственных субсидий, раздачи грантов, литературных и театральных премий. И, к огромному сожалению, многие режиссеры и актеры превратились в обычных лицедеев, чье настоящее место действительно “в буфете”. При этом они оправдывали и оправдывают свое лизоблюдство перед “сильными мира сего” тем, что “служат великому искусству”. Наблюдая за многими из нынешних “звезд”, среди которых действительно немало одаренных актеров и актрис, все чаще вспоминаешь слова Фаины Раневской:

“Талант, как муха, на любое г-но сесть может”. Был великий советский кинематограф, были по-настоящему народные артисты. Как сказала мне однажды актриса, много лет прослужившая в театре Советской Армии: “Они были народными потому, что были частью своего народа. Ведь Николая Афанасьевича Крючкова в любой русской семье могли встретить, как родного, посадить за стол пить чай с пирогами. А нынешние “звезды”?”

“Гоголь-центр” = “Содом-центр”

Что сотворили за последние годы с русским театром различные серебрянниковы? Невозможно перечислить то изощренное издевательство над русской классикой, которое происходило последние два десятилетия под видом “творческих поисков”. Все эти серебрянниковы явили действительно “зоологическую” ненависть к русской культуре, стараясь соперничать друг с другом в том, кто сумеет более изощренно поиздеваться над Чеховым, Островским, Гоголем. Заметим, что ничего нового выдумать эти “творцы” не способны, чаще всего паразитируют на произведениях русской и мировой классики, соревнуясь в том, кто сумеет более эффектно “плюнуть в вечность”. Чеховские три сестры у них непременно должны быть лесбиянками, Гамлет – страдающим геем и т. д. и т. п. Зачастую полет “творческой фантазии” этих “мастеров искусства” мог свидетельствовать о весьма тяжелой форме психических заболеваний на почве патологических и сексуальных расстройств. Не случайно эти “творцы” являются явными сторонниками ЛГБТ-сообщества и считают, что своим “творчеством” ведут борьбу с “гомофобией” и “средневековыми предрассудками”, сражаются за “свободу”, “демократию” и “права человека”. А учитывая, что президенты США считают “священным долгом” “исключительной нации” защиту прав сексуальных меньшинств, а одной из задач ставят утверждение Содома в “мировом масштабе”, то понятно, что все эти серебрянниковы немедленно получают статус “всемирно известных” и “гениальных”, которых подвергает политическим репрессиям “зловещий диктатор Владимир Путин”.

Дело не только в том, что актерское сообщество проявляет корпоративную солидарность в защите “гения”. Речь идет о страхе потерять свободный доступ к “кормушке”. Почему глава СТД Александр Калягин не проявил корпоративную солидарность, когда разгоняли его коллег из тетра имени Гоголя, чтобы создать для Серебрянникова “Гоголь-центр”? И почему Гоголь, а не “Зигмунд-Фрейд-центр”, к примеру, или “Содом-центр”? И посмотрите, как эти персонажи сознательно пытаются осквернить символы русской культуры. Для всего мира Большой театр является олицетворением непревзойденного русского балета, русской оперной школы и музыкальной культуры. И именно на сцене Большого серебрянниковы должны ставить “Детей Розенталя”, “Нуриева” и пр. свои “неприкрытые шедевры”. Что это, если не сознательное стремление осквернить символы русской культуры?

“Делу Горбачева-Ельцина верны!”

В 90-е либеральное меньшинство не только сумело приватизировать нефтяные и газовые скважины, заводы и пароходы, они приватизировали СМИ, ТВ, а заодно театральную сцену и кинематограф. Всевластие “золотого мешка” оказывало страшное действие на общество. Я не хочу обвинять актеров и режиссеров в том, что многие из них стали сниматься в пошлых сериалах, подрабатывать в рекламе. Погибал “Мосфильм”, нечем было платить за работу в театрах, известные актеры превращались в нищих, некоторые вынуждены были зарабатывать на хлеб на стройках, “бомбили” на машинах. Как можно бросить камень в режиссеров и худруков театров, которые метались в поисках спонсоров? А мы помним, у кого в то время были деньги. Конечно, порой встречались и настоящие меценаты, искренне любящие театр и кинематограф. Но на ТВ не случайно все заполнили пошлые сериалы и “бандитские петербурги”. Они были воплощением той информационной политики, которая должна была изменить сознание “архаичного народа”. А бесконечные “смехопанорамы” и “аншлаги” должны были веселить “электорат”, пока у него шарил по карманам новые “хозяйева жизни”.

Повторялась ситуация революционного погрома традиционной русской культуры, который учинили “пламенные революционеры” после 1917-го.

И точно так же, как некогда “Мурка” и “С одесского кичмана бежали два уркана”, во время либерального погрома отовсюду звучал “блатной шансон” — песни “социально близких”. А разные серебрянниковы действовали, руководствуясь лозунгом “пламенных революционеров”: “Долой стыд!” В то время в соответствии с идеологией “золотого тельца”, которая методично навязывалась обществу, в “демократической” России элитой были объявлены “денежные мешки” из списка журнала “Форбс”, “звезды” шоу-бизнеса и наиболее бойкие журналистские “перья” из obsługi современных “шейлоков”. Для театральных деятелей и кинематографистов был один критерий отбора в ряды новой элиты — твердая приверженность “демократическим реформам” и беззаветная преданность “делу Ельцина-Горбачева”.

“Неча на зеркало пенять...”

Можно было наблюдать, как представителям актерского сообщества СМИ предоставили право, как “власть имущим”, давать оценки различным событиям жизни страны. “Властители дум” рассуждали о нравственности и истории России, общественных явлениях и международной политике. По ряду обстоятельств мне приходилось быть знакомым и общаться с разными представителями актерского цеха. Среди них есть очень глубокие, блестяще образованные, высокой культуры и высокой нравственности люди. А есть и весьма ограниченные и пустые, с весьма своеобразными представлениями о нормах морали люди, но при этом вполне состоявшиеся в профессиональном плане. Высота, на которую их вознесли российские СМИ, явно не заслужена. Послушать некоторых нынешних “звезд”, сколько невежества даже в самых простых вопросах, но они же “звезды”, стало быть, им определена главная роль “моральных авторитетов”.

Государственная власть “демократической” России очень долго “прикармливала” представителей “творческой элиты”, чтобы они могли в нужный момент объяснить “электорату”, как правильно голосовать. И многие представители “творческой элиты” сегодня твердо уверены, что являются настоящими “учителями” народа, имеют право объяснять обществу, “что такое хорошо, а что такое плохо”, а власть и народ обязаны их содержать и щедро оплачивать “творческие поиски”. А любую угрозу сокращения “денежных потоков” воспринимают, как проявление “тоталитаризма”, “цензуру”, “возвращение в 37-й год”. Поэтому и закатывает истерику Константин Райкин, хотя у “несчастливого” художника оказался в собственности театр “Сатирикон”, плюс 200 млн дотаций из бюджета, да еще и торговый центр “Райкин-плаза” в придачу. Как же, власть “преследует” режиссера, мешает ему свободно творить! Это же настоящие “сталинские репрессии”!

Поэтому Евгений Миронов, получая награду в Кремле, бесцеремонно сует в руки главы государства письмо в защиту Серебренникова. По мнению этих “защитников демократических ценностей” Путин обязан освободить Серебренникова от любых преследований. Даже если украл, то он же “гений”, а не какая-то “тварь дрожащая”. Как утверждают различные райхельгаузы и лунгины — Серебренников не мог украсть, потому что мы в это не верим! Прямо по Пушкину: “Он же гений, Как ты да я. А гений и злодейство — Две вещи несовместные. Не правда ль?”

Цензура Райкиных

На самом деле все гораздо проще. А вдруг после скандала с “Гоголь-центром” и другим решат сократить дотации из госбюджета? Это ведь прямая угроза “свободе творчества”! Потрясение основ мироздания. Константин Райкин прямым текстом объяснил, что государство обязано давать деньги, не имея права ничего требовать от художника, а уж тем более обращать внимание на чувства тех, кто называет себя верующими. Какие такие верующие, какое может быть оскорбление религиозных чувств, он, Константин Райкин знает, что это все лжецы и лицемеры. И, надо заметить, испуганные чиновники немедленно задобрили рассерженного “гения” очередными финансовыми вливаниями.

Очевидно, что нынешняя “творческая элита” шантажирует государственную власть. Но на кого же обижаться, если группа “Война” получила госпремию,

изобразив на мосту (напротив здания ФСБ в Петербурге) то, что рисуют на стенах общественных туалетов психически ненормальные? А Марат Гельман много лет на деньги госбюджета проводил свои выставки, на которых изощренно издевался над русской культурой?

И теперь власть оказалась под сильнейшим прессингом, переходящим в прямой шантаж либеральных СМИ и современной “творческой элиты”. Так вы же сами объявили их “властителями дум”, на кого теперь обижаться?

Самое страшное, что сегодня многие представители творческого цеха не решаются выступить против оголтелых защитников Серебренникова, ибо немедленно будут объявлены “нерукопожатными”. А как это скажется на их творческой карьере, объяснять не надо. Сегодня вся либеральная интеллигенция вопит о цензуре, но на самом деле можно утверждать, что с начала 90-х до последнего времени в России существовала жесточайшая либеральная цензура – цензура райкиных и гельманов. А осуществлять эту цензуру было несложно, так как деньги распределяли такие министры культуры, как Швыдкой. Да и у нынешнего министра культуры Мединского, похоже, дрожат руки при одной мысли ущемить некоторых “творцов”. На этом фоне особенно важен поступок Владимира Меньшова. В свое время замечательный русский режиссер отказался на одном из фестивалей вручать премию фильму “Сволоочи”, сюжет которого был построен на клевете на Советскую армию. Узнав, что лживый фильм о Великой Отечественной войне победил в номинации, Меньшов заявил, что этому “подлому фильму, позорящему мою страну” награду вручать не будет, с презрением бросил конверт на пол, развернулся и ушел со сцены. Сегодня Меньшов резко отказался участвовать во “вселенском вавилонском плаче по Серебренникову”, напомнив коллегам о судьбе актеров театра Гоголя, которые отказались под руководством Серебренникова воспевать и пропагандировать ценности Содома. Кстати, Владимир Валентинович Меньшов – обладатель “Оскара” и автор всенародно любимых фильмов “Москва слезам не верит”, “Любовь и голуби”.

Сегодня, пожалуй, как никогда остро звучит вопрос, обращенный к творческой интеллигенции: “С кем вы, мастера культуры?”

Среди тех, кто подписал письмо в защиту Серебренникова, Наталья Солженицына. Литературной Премией Солженицына “награждаются писатели, чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы”. Серебренников не литератор, но неужели вдова Солженицына считает, что творчество режиссера Серебренникова “способствует самопознанию России”? Серебренников сохраняет и бережно развивает традиции русской культуры?

А подписавший письмо Федор Бондарчук может представить, каким было бы отношение его отца, великого русского режиссера Сергея Федоровича Бондарчука к “творческим экспериментам” Серебренникова?

Нам ответят, что, подписывая письмо, представители творческой элиты встали на защиту Серебренникова от несправедливых обвинений. Но разве у защитников Серебренникова есть неопровержимые доказательства невиновности руководителя “Гоголь-центра”, почему они твердо уверены, что дело сфабриковано? Интересно, многие из защитников режиссера искренне сравнивают Серебренникова с Мейерхольдом и действительно считают, что на дворе новый 1937-й год? Или же это один из способов давления на власть?

Зачистить от русских “жизненное пространство”?

Владимир Путин после страшного теракта в Беслане на митинге в Москве заявил, что России объявлена война. Рядом с главой государства стоял Генри Резник и некоторые другие представители “элиты”. В этот день в эфире радиостанции “Радонеж” я задал риторический вопрос: “Владимир Владимирович, с кем вы воевать собираетесь? С Генри Резником и ему подобными либералами?”. Сегодня все маски сброшены, и никто не сомневается, что России объявлена непримиримая война. Мы вступили в смертельное противоборство с теми, кто навязывает миру проект “глобального Содома”. Россия в этом противостоянии отстаивает традиционные духовные и нравственные ценности русской цивилизации. Одно из обвинений наших противников в адрес России является “ущемление прав секс-меньшинств”, “гомофобия”, запрет на парады

содомитов по улицам русской столицы. Нетрудно заметить, что в информационно-психологической войне Серебренников и прочие защитники прав содомитов выступают на стороне наших противников. Во время войны необходимо прежде всего духовная мобилизация всего общества.

Разве можно представить, чтобы во время Великой Отечественной войны на сцене Большого ставили “Детей Розенталя” или “Нуриева”, а по радио звучали не стихи Константина Симонова, Александра Твардовского, Анны Ахматовой и Ольги Берггольц, а “творения” “Орлуши” в исполнении полупьяного Ефремова-младшего, чтобы на киноэкранах демонстрировали не “Александр Невский”, а звягинского “Левиафана”? Наши “заклятые друзья” знают, что делают, когда Звягинцеву присуждают престижные кинопремии, а Серебренникова объявляют “лицом русского театра”.

С давних времен завоеватели знали – чтобы уничтожить народ, необходимо разорить и уничтожить его святилища. Именно поэтому Гитлер считал необходимым уничтожить Петербург и Москву, были осквернены Ясная Поляна и дом П. И. Чайковского в Клину – очищали от славян “жизненное пространство”. Серебренников и Гельман, оскверняя культурное пространство страны, стремятся очистить “жизненное пространство” от “архаичного народа”. Но удивительно, что делают они это на государственные деньги.

Источники духовных эпидемий и болезней

Не могу представить, что кто-нибудь в здравом уме станет утверждать, что кощунственные “перформансы” и “инсталляции” на выставках галериста Гельмана имеют хоть какое-то отношение к подлинному искусству. Это откровенно коммерческие проекты, на которых зарабатывают деньги различные проходимцы – от так называемых “современных художников”, до таких же “современных искусствоведов”. Не случайно кощунницы, устроившие пляски в Храме Христа Спасителя, зарегистрировали перед этим свое название как коммерческий бренд. И не случайно на своих “инсталляциях” фотографировались с тараканами. Во все времена ведьмы любили тараканов, сушеных жаб, мышей и гадюк. Тяга к уродству у творцов “современного искусства” – это стремление призвать всякую нечисть, внести грязь в нашу жизнь. А там, где грязь, там эпидемии, болезни и смерть. “Музеи современного искусства”, на которые щедро выделяет деньги Дмитрий Медведев, – источники духовных эпидемий в наших городах. Они своим ядом отравляют народный организм. Хотя можно убедиться, что народ вовсе не толпится в очередях, чтобы приобщиться к этому “современному искусству”. Не потому ли такое раздражение вызывали у либералов огромные очереди на выставки Серова и Айвазовского?

Много лет в России в рамках либерального проекта такими “творцами”, как Гельман и Серебренников, ведётся методичное уничтожение пространства русской культуры. Сознательно разрушают традиционные духовные и нравственные ценности, называя это “творческими экспериментами”, “правом художника на самовыражение”. Нетрудно заметить, что действия этих “творцов” вполне напоминают действия по уничтожению в Европе всего, что напоминает о христианских корнях европейской цивилизации. Европа уже именуется “постхристианской”. Точно так же российские либералы пытаются и Россию избавить от “пережитков клерикализма” и “средневековых предрассудков”. Они являлись прямыми наследниками тех, кто взрывал храмы, сжигал на кострах иконы и возводил в Свияжске памятник Иуде Искариоту.

Разрубленные иконы, клистиры в виде куполов храмов, “Тангейзер” и пр. изощренные издевательства и кощунства на выставках и театральной сцене являются частью продуманного плана. Проверяют реакцию общества – удалось ли переформатировать сознание “архаичного народа”? Но ненависть многих представителей “творческой элиты” к Церкви вполне искренняя – ведь “властителям дум”, “учителями” народа должны быть они, а не какие-то “дремучие попы”. Еще и премьеру “Нуриева” перенесли – тут явные происки “клерикалов”!

Можно не сомневаться, что вся мощь либеральных СМИ и влияние “творческой элиты” будет направлено на защиту Серебренникова. Очевидно, будет организована информационная кампания, во время которой западные политики и деятели культуры будут обличать “кровавого диктатора” Путина и требовать освобождения “гениального режиссера”. Вот и вдова Солженицына

подключилась. Мы знаем, что существует влиятельное лобби содомитов и в различных властных структурах, не говоря уже о некоторых телеканалах. И хотя Серебренникову угрожает уголовное преследование за расхищение государственных средств, а не за пропаганду Содома, но перепуганным извращенцам уже мерещатся сталинские репрессии против любителей однополый любви. Можно не сомневаться, что ЛГБТ-сообщества всего “цивилизованного мира” дружно встанут на защиту несчастного творца, преследуемого в “гомофобской” “путинской” России за отстаивание “высоких идеалов свободного мира”. Солженицына, Киркоров, Малахов, Ургант, Бондарчук, Калягин, Хаматова и некоторые другие готовы поручиться за Серебренникова, а сестра олигарха Прохорова готова внести в залог 68 млн. Но разве вопрос в том, куда может подеваться Серебренников? Главный вопрос, куда будет двигаться наше общество.

Либеральная секта как классическая “антисистема”

Сокуров, почему-то объявленный чуть ли не Тарковским наших дней, требовал освобождения террориста Сенцова. Из истории нашей страны известно, что “прогрессивная интеллигенция” всегда испытывала горячую симпатию к террористам, аплодировала бомбистам, которые убивали губернаторов, казаков, солдат и полицейских, не считаясь с жертвами среди случайных прохожих. К чему это привело 100 лет назад, мы помним. По классификации Гумилева, все эти сокуровы и пр. “ахеджакнутые” борцы с “путинским режимом” – типичные представители антисистемы. Стремление к смерти – оправдание терроризма, ненависть к традиционным нравственным ценностям “большого народа”, ненависть к государству, так называемая “толерантность” к содомитам – характерные признаки антисистемы, “религии смерти”. Хорошо известно, что если подобный “малый народ”, который исповедует “религию смерти”, навязывает себя “большому народу” в виде элиты, то государство превращается в “химеру”, становится нежизнеспособным. Неужели современное Российское государство – химера?

Сокуров, Макаревич, Райкин, Серебренников, Акунин и пр. с их мировоззрением “малого народа” все эти годы были назначены “творческой элитой” современной России. Их отношение, их ненависть и презрение к традиционным ценностям “большого народа” навязывалось стране в годы засилья либералов. Сегодня встал вопрос, может ли государство дальше существовать в условиях, когда большинство СМИ и почти все площадки культурного пространства с 90-х приватизированы “малым народом”?

На многолетние издевательства либералов над памятью о Великой Отечественной войне наш народ ответил “Бессмертным полком”. Ельцин-центр не совместим с “Бессмертным полком”. “История России” Акунина не совместима с патриотическим воспитанием молодежи. Иначе наше государство – химера. А химеры недолговечны.

Русской цивилизации, Русскому миру объявлена беспощадная война. Осквернение символов Русской культуры, пропаганда растления – часть информационно-психологической войны против нашей страны. Каким будет ответ на методичные издевательства над Русской культурой?

ДЕТСТВО В МИРЕ ВЗРОСЛЫХ

Беседа главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Куняева с писателем, председателем Российского детского фонда Альбертом Лихановым.

Ст. Куняев: Исполняется 30 лет Детскому фонду – сначала Советскому, потом Российскому. Придуман и создан тобой, ты им и руководишь непрерывно все эти годы. Факт беспрецедентный. Он свидетельствует о том, что ты верен своему делу. Но за эти 30 лет положение детей крайне осложнилось. Если в начале 90-х дети страдали от беспризорности, бедности, разрухи, то сейчас средства массовой информации захлебываются, рассказывая, что случается с детьми в результате информационных интернет-атак – эпидемии самоубийств, развращения несовершеннолетних, бессовестного выкладывания в сетях жестокости, которой ещё не было в 90-х годах. Что это? Историческая закономерность или война против детей России?

А. Лиханов: Дорогой Станислав, нашу “старую” страну, великий Советский Союз бесчисленные “доброжелатели” называли закрытой системой. Теперь Союз расколот, безжалостно и бессмысленно, все двери и форточки распахнуты, и нас продувает, не первое десятилетие уже, настоящий сквозняк. Половина народа, если не больше, больна, простыв от этих бессмысленных ветров. И больны мы головой. Кто-то внедрил в нашу Конституцию, что всякая идеология, – а это значит, убеждения, – под запретом. И под это понятие, похоже, попали такие инструменты человеческого самосознания, как, к примеру, верность Отечеству. Тот, кто достаточен, учит детей за речкой, да что там – высокие чины рожают детей в США, чтобы они автоматически стали гражданами наших оппонентов. Дозволено, потому как идеологии нет, и совесть как основание идеологии отсутствует.

Ну, например, мы когда-то избегали самой мысли о переводе денег за границу. Это был криминал. А может, это подходящий термин к свободной торговле национальным достоянием кучкой каких-то смутных лиц, которым доверена торговля народными ценностями? Да ещё с условием, что они отчисляют в казну лишь малую часть доходов, принадлежащую стране? Свобода? Ею пользуются корпорации, частные компании, но где тут совесть, к примеру, и где тут интересы большинства, разъясните! И почему нам не в пример норвежская практика торговли сырьем, которой управляет лично тамошний король, а все доходы принадлежат государству, но не торгашам? Государство лишь платит им за их услуги, и – достаточно.

Вот эти мощные сквозняки и лишают нас нравственных основ. Деньги превыше всего? Тогда вот вам 44 миллиона бедняков, живущих ниже всякого уровня. Прибавьте к этому 40 миллионов пенсионеров. И где тут место детям – их 26 миллионов?

Социальное расслоение детства явилось вместе с возвращением оголтелого капитализма в Россию. Трудно представить, какие отношения между людьми формируются у нас ещё через десяток лет, ведь в силу войдут люди, рождённые после 1991 года.

Как это часто бывало на Руси и прежде, мы не вгляделись в практику стран расчётливых, озабоченных будущим народа. Специалисты утверждают: достаточно было торгашей ресурсами превратить в наёмных работников, не отдавая им в собственность ни нефть, ни газ, ни титан, ни электроэнергию, и экономические возможности страны возросли бы в десятки раз. Нам все уши прожужжали про иностранные инвестиции – эка благодать, мол! А ведь это просто распродажа уже и не только сырья, но и земель под будущими объектами. Вернуть их можно будет только путём выкупа. Но откуда у России столько валюты и золота?

Всё остальное, по-моему, прилагательное. Посмотри, кто поёт, пляшет и славословит на экране? Узкий круг весельчаков и говорунов, чьё мнение ведомо заранее. Где же встревоженное большинство? Где обеспокоенные граждане – и обеспокоенные не мусоркой во дворе, а заинтересованные в будущем государства? Боюсь, придется признать: таких всё меньше.

Это мои радикальные беспокойства. И за ними кроется ответ на всё остальное: недетские детские страсти – результат антирусских сквозняков.

И 100 тысяч насилий над детьми каждый год, при этом по 1000 убитых несовершеннолетних. И массовая малограмотность детского мира – по вине учителя, родительства и вселенского “гаджества”. Но, главное, разобщённость детей, их нарастающая настороженность друг к другу, недоверие к взрослым, отсутствие общих социальных, духовных, да и политических целей – они ведь не чужды и детскому миру.

При этом, как я понимаю, серьёзные государственные силы знают это, оценивают кризисную ситуацию и зависимость детства от этих настроений, но в единую политику всё это не объединяется.

Очень надеюсь на “Десятилетие детства”, объявленное президентом. Может быть, перемены пойдут снизу вверх? От совершенствования мира детства к совершенствованию мира взрослых и государственного устройства?

Ст. К.: Ты 30 лет назад встряхнул, даже пробудил и общество, и государство – добившись своими письмами двух постановлений ЦК и Совета Министров СССР. И хотя речь в тех решениях шла о помощи детям-сиротам, влияние Советского детского фонда повернуло людей ко всем детским проблемам – и к инвалидности, и к смертности младенцев, и сферам медицины, обращённым к детству, и к культуре для детей. Какова сейчас картина детского мира?

А. Л.: Когда возник Детский фонд, в СССР насчитывался 1 миллион 200 тысяч детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Они жили в детских домах и школах-интернатах для сирот. Как и во всяком большом деле, среди этих заведений были образцовые, как у Католикова в Сыктывкаре, в “Ясной Поляне” у Соколовой, Ташкентском детдоме Хлебушкиной. И была масса “средних” детдомов. Но детей учили, лечили, кормили, выпускали в ПТУ, техникумы и вузы. Дело это, затеянное Феликсом Дзержинским, стояло прочно, детей, как говорится, “за уши” вытаскивали к миру света и смысла. Это сопровождалось законами, дающими право на крышу над головой (хотя бы в общежитии), на бесплатное ученье, на обычное мироустройство. Система эта заслуживает того, чтобы с точки зрения исторической признать её серьёзным достижением тогдашнего государства. Но постепенно беспризорничество, для которого старался Дзержинский, ушло, а на смену ему явилась “брошенность” – явление не менее печальное, чем гибель родителей, ибо родители не только исчезали из жизни, но ещё детей и бросали. По разным причинам. И государство продолжало исполнять свой долг – дети были “казёнными”, требовались расходы на них.

Впрочем, понятие “расходы” тогда было на задах большого дела. Впереди шла озабоченность судьбами, образованием, профессией, а детдома поднимали сотни тысяч ребят на крыло, выпускали в жизнь.

Однако 1,2 миллиона слишком подавляло. К тому же этим ребятам явно не доставало семейной заботы. Детский фонд проработал, внес в союзное правительство и добился создания семейных детских домов (СДД). Это означало: семья, вырастившая собственных детей, берёт не менее 5 ребятишек из сиротских заведений. Бюджет государственного заведения передает средства на все расходы по бытованию детей семье, а мать становится родителем-воспитателем и получает зарплату вместе с общепринятым социальным пакетом (стаж, отпускные, больничный, и т. д.). Таким образом, женщина

в такой семье становится работницей, государственной служащей, хотя и не самого высокого звена.

В СССР было создано поначалу 574 таких СДД, из них в России – 368. Удивительное дело, с приходом демократии, этот вполне демократический проект был закрыт. В 1996 году решением Российского правительства СДД на территории России были ликвидированы, точнее, преобразованы в приёмные семьи.

Вроде бы и похоже, но совсем не то. Основная перемена: мать-воспитательница лишена статуса государственной служащей, и, хотя ей платят деньги за работу в виде “вознаграждения”, но оно не идёт к зачёту в пенсионном расчете, нет у неё ни оплаченного больничного, ни отпускных, ни стажа. Так себе – любительство, бесплатное благодеяние! Как же это не “рифмуется” со всем-то остальным, где каждый чих – за деньги! При этом, как нетрудно догадаться, на семье уйма других обязательств – не только учење, лечение, питание.

Но вот что и любопытно, и показательно. СДД юридически ликвидированы на территории России, а в Беларуси семейных детских домов стало 270, на Украине (накануне майдана) и вовсе 700. По той самой, нами отработанной социально-государственной схеме. И там тема прямого, “детдомовского” сиротства фактически себя исчерпала.

Однако хочу при этом ещё и ещё раз заявить со всей определённостью: не следует закрывать в регионах *государственные* детские дома! Они должны сохраняться и поддерживаться. Во-первых, приёмные семьи в России требуют переосмысления и анализа их деятельности. Нет, к примеру, отдалённых результатов их работы. Во-вторых, не всякий ребенок и не в любом возрасте способен адаптироваться в семье, тем более если это третья, четвёртая, пятая по счёту приёмная семья. И, наконец, как существуют в стране мобилизационные планы на случай бедствий, так должны они существовать и в этой весьма острой и деликатной сфере. Всякая эвакуация – по любому случаю – обязана быть просчитанной и отработанной и для детей без родителей.

Это длинное – не отступление, а описание “картины мира” в трудоёмком секторе детства – потребовалось мне, чтобы сказать: сокращение госучреждений для детей, начиная с детдомов, должно быть сдерживаемо сверху. Но оно дороже простой раздачи сирот в семьи. В этом-то всё и дело! Дети в детдомах “стоят” дороже. Хозяева региональных, муниципальных бюджетов, отыскивая всевозможные способы для экономии, доходят до полной ликвидации детдомов, уподобляясь американцам.

И сиротство, увы, явление не муниципальное, не региональное, и не американское. А национальное, российское! Так же, как и образованность, грамотность детей! Так же, как и близость к детям больниц и поликлиник!

Мало детей для детского дома, надо экономить, раздавая их по семьям? Но на детях нельзя экономить! Экономьте на всём, кроме детей, особенно из бедных, несостоятельных, малообразованных семей, попавших в детский дом, – из них может явиться если не гений, то серьёзный работник не для частной лавки, а для государства.

Ст. К.: Я вспоминаю свое детство 30–40-х гг., и, несмотря на тяжёлые условия, в которых мы жили, вижу, что детские преступления были редки в нашей военной и послевоенной жизни. А сейчас дети-подростки с травматическим, а порой и настоящим оружием начали расстреливать одноклассников, родных. Что это, влияние американской цивилизации на наши души?

А. Л.: Обрати внимание, а разве все эти истории – русские сюжеты? Нет, их принес всё тот же сквозняк. При этом я почитаю американскую культуру, ведь под её именем подразумеваю высокие достижения. Истинные мастера той же литературы – Драйзер, Стейнбек, Хемингуэй, Фитцджеральд – этот список громаден – в одной упряжке с русской классикой, и они бы никогда не пали до уровня бесщётного мусора массовой культуры. Ведь это именно она рождает убийц без причины, злодеев без разбора.

Дело, видимо, в том, что если прежде стать знаменитым было возможно, лишь совершив благое дело, то теперь распространению и тиражированию подлежит любая гнусность. Тормозов нет ни у взрослых, ни у детей. И сколько же у этой “свободы” возможностей принимать собственное решение, не образуясь ни с кем и ни с чем? Вот нас преследует новая статистика: каждый год кончают самоубийством 500–700 детей. Есть в этом какая-то отчаянная

безысходность. Кто-то из ребятишек мстит близким своим уходом, кто-то бежит от неведомого бедствия, но все они – жертвы, это факт. Детские самоубийства, на мой взгляд, это обратная сторона публичных убийств малолетними людьми. Людьми ли? Кто ответит на этот вопрос? И что думает на этот счёт наше общество? Разборки таких историй по телеканалам, к сожалению, тиражируют их, и к такому “героизму”, боюсь, уже складывается некая очередь жаждущих “популярности” любыми средствами.

Ст. К.: Скажи, пожалуйста, о каких достижениях, переменах, глядя в будущее, ты сегодня мечтаешь?

А. Л.: Не сомневаюсь, что сейчас в правительстве идёт проработка “Десятилетия детства”, заявленного президентом. Бывало, раньше, при проектировании каких-то пятилеток-семилеток, шло публичное обсуждение проектов в газетах. Может, стоило бы послушать нацию и теперь?

Вот, к примеру, сейчас появились дети – жертвы террористических акций. Они не очень заметны, но они есть, как есть 72 – давно выросших – ребёнка из нашей программы “Фронтовые дети Чечни”, председателем которой стал в своё время Иосиф Кобзон. Это дети, получившие огнестрельные ранения, ставшие инвалидами. Так вот, пока эти люди – инвалиды в детском возрасте, им присваиваются пенсионный статус “инвалид детства”. Разве можно это принять?

Из давней уже и уходящей истории: Детский фонд создал в 1988 году Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Добился тогда признания государства и небольших социальных льгот. Но до сих пор не может добиться установления им звания “участник войны”. Эти дети не воевали, они жертвы, но разве жертвы войны – не её участники, и разве нельзя признать этих людей участниками войны? Ведь стыдно же!

Кажется, в Бурятии местные власти построили две малокомплектные сельские школы – для вымирающих деревень. Смысл: квартира для учителя с семьёй и соединённый с ней большой класс, где могут учиться дети разных классов (по 5-й). Может, этот проект ключевой для сельской России? Города разбухают, деревни умирают. Уезжая учиться в селения покрупнее, сельские дети оказываются полусиротами при живых родителях – живут-то они там в интернатах.

Вообще, крепить надо семью, всякими способами.

Известна установка, идущая из-за реки: в России цены на нефть и газ должны сравниться с западными тарифами. А может, стоит ответить симметрично, как нынче говорят: снизить цены на газ, бензин и электричество во всей стране! А то ведь у нас бензин, говорят, дороже, чем в Америке! Как возликует народ! И как проголосует! Ведь он ждёт именно такого отношения власти к нему.

Люди не только России, но всего бывшего Союза, особенно старшие поколения, испытали на себе небывалые позитивные обстоятельства: ограниченный рабочий день, низкие цены на еду, бензин, газ, воду, электричество, квартплату, детсады, спорт, помнят про бесплатное образование, которое признано лучшим в мире. Возвращения всего этого и ждет народ. Правда, может не дожидаться. Что тогда останется у власти?

В области образования, по моему разумению, надо срочно возвращать ПТУ и техникумы, возможно в “агломерациях” крупных отраслей и заводов. Президент не напрасно лелеет “Сириус” в Сочи, такие “Сириусы” нужно создать во всех областных центрах как продолжение Станций юных техников и натуралистов и Дворцов пионеров.

Массово “оптимизируемые” детские библиотеки – стыд и срам нашей культуры. На кое-какой фильм или театральную постановку дают сотни миллионов рублей, на книги и детские библиотеки – а это продолжение школы – гроши. Да и их-то закрывают и сливают.

Меня поражает, что тихо исчезли из жизни страны детско-юношеские спортивные школы. Сам я занимался в такой, сразу в двух секциях, и думать о дури не оставалось времени целому послевоенному поколению. Может, оттого, в том, нашем поколении, больше всего людей с высшим образованием и, прежде всего, инженеров! Разве не исторический пример?

Ст. К.: Я хорошо знаю твоё творчество, начиная с советских времен. Ты искренний, талантливый заступник многих поколений советских и российских детей. Горжусь, что последние 25 лет всё, что ты написал о детях, было

напечатано в “Нашем современнике”. Есть ли у тебя новые произведения в планах, в раздумьях, которые мы всегда будем рады напечатать в нашем журнале.

А. Л.: Спасибо, Станислав Юрьевич, что “Наш современник” стал моим родным домом. А думы мои конструируются просто: вот гляжу на окружающее меня, бьюсь за Фонд, за его программы и думаю о прошлом, полагаю, во многом похожем у нас с тобой.

Как было тогда? Почему такую роль играла, к примеру, совесть? Даже в детском мире? Почему сегодня не стыдно делать и говорить такое, что было позором во веки веков? Наверное, это муки без ответа. Но говорить обо всём этом писатель должен.

Ну, вот я написал новую повесть, опять про войну, точнее, военное детство, называется она “Мамочкин сынок” и посвящена моей маме, которая работала медицинским лаборантом в госпитальной лаборатории. Как она просто-напросто спасала своего “сынка”, то есть меня. Хотел написать литературный реквием своей маме, да, наверное, и всем матерям военной поры. Что получилось – судить читателю. Главное, что хотел сказать: совесть создается сызмала, и она не бывает маленькой по причине малолетства.

Ст. К.: На наших ТВ-экранах в последние годы обильно показывают разборки родителей за своих детей (генетические экспертизы и т. д. и т. п.). Чаше всего такими войнами заняты небедные семьи российской элиты. Правда, эта “лихорадка” в последнее время охватила и простонародье. Как ты относишься к этому (борьба за наследство, доводящее до болезней, драк). Дети, особенно нашей “элиты” – “публичные дети”, становятся заложниками корысти, болтовни и жажды известности.

Годами идут разговоры о семье Жанны Фриске, появляются новые дети Немцова, дети Джигурды и Анисиной. На экране сплошной “Джигурда”. Кому интересно, как и каким образом зачинались дети Пугачевой и Галкина? Пошлость и бесстыдство и все, что выражено в пословице: “Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца”. Особенно злоупотребляют своими возможностями в такого рода передачах популярные ведущие, они работают по принципу американских средств массовой информации, с которой я знаком: будучи в Америке в газете “Нью-Йорк таймс”, один из редакторов, не стесняясь, сказал мне: “Хорошие новости не интересны”. Что делать, дорогой Альберт Анатольевич?

А. Л.: Я не могу до конца осмыслить разнонаправленность происходящих процессов. С одной стороны, мы заставляем мир уважать нас, скажем, на сирийском примере. Как мы видим – блестяще организованные действия. Но внутри собственного дома – много мусора, погани, дряни. Но ведь это не общество! Названные тобой персоны с их бессчетными приключениями преподносятся нам вроде для забавы, а оказываются образцом для подражания. Чёрное стало белым, белое чёрным. Позитив на этом фоне – редкий, бессистемный, не увлекающий. И образцов у нас достаёт, но о них – молчок. Но ведь добро и справедливость обладают свойством им подражать!

Вроде должны радовать отстранения и посадки губернаторов. Но какая статистика высчитывает, какое это производит впечатление на молодых? Механизм, во всяком случае, ясен: если ИМ можно, почему МНЕ нельзя? Так переворачиваются ценности жизни в сопровождении телевизионных, а значит, самых массовых свидетельств распада. Вся надежда – народ в России всё ещё остаётся собой, хотя многое способствует его деградации.

Что делать, дорогой, Станислав? Извечный русский вопрос. Народ наш изуверился, это правда, но будет молчать, пока не голодает. И это давно испытанный способ слома самых разумных общественных систем. Право собственности, от которого мы отрекались с трудом, легко поглотило наши достижения, превратив их из народных и общих в чьё-то чужое. При всеобщем смирении. Надежда на новых людей. Впрочем, ничего лучше равенства граждан ещё не придумано. А я хлопочу о равенстве детей. С этого всё начинается.

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ОКТАБРЬ 1917 — МОМЕНТ ИСТИНЫ РУССКОЙ СМУТОРЕВОЛЮЦИИ

I

В этом году исполняется сто лет центральному событию не только XX в., но и всей современной (Modern) истории — Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей прологом небывалого эксперимента в истории человечества — строительства общества социальной справедливости. Экспериментальной площадкой стала Россия, причём не сразу, а с приключениями. Первое послереволюционное десятилетие ушло на борьбу тех, кто выражал суть и интересы Большой системы “Россия” и понимал невозможность на тот момент создания мирового сообщества социальной справедливости путём мировой революции (на этом пути Россию и русских ждал бы крах), со смертельно опасным противником, как раз к мировой революции и стремившимся. Борьба завершилась победой строителей социализма “в одной, отдельно взятой стране”. От мир-революционеров остался праздник Первого дня мировой революции — так с 1918 г. в течение 18 лет именовалось 7 ноября. В 1936 г. одновременно с появлением термина “советский патриотизм” это название исчезло, со временем его заменило “День Великой Октябрьской социалистической революции”.

Впрочем, в октябре 1917 г. до социализма и величия было далеко, это была лишь перспектива, потенция, не имевшая стопроцентной гарантии осуществления. Не случайно до 1927 г. большевики говорили об “Октябрьском перевороте”. Собственно, это и был переворот. И большевистское правительство до разгона Учредилки было Временным. Однако, в отличие от “временных” Керенского и К^о, оно не было правительством политических импотентов и раздолбаев, оно кашу заварило вполне серьёзно. Не случись Октябрь 1917-го, и тогда август 1991 г., и то, что за ним последовало, произошли бы уже в 1917 г. и вслед за ним. Однако февральский заговор российского капитала и его британских кураторов против русской истории провалился. Провалился и другой, ещё более масштабный заговор или, если угодно, проект (любой заговор — это проект, а если проект тайный, то это заговор — но только не в примитивном, вульгарно-конспирологическом смысле слова) банкиров Уолл-стрит и интернационал-социалистов типа Троцкого и К^о, прошедших

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, член Союза писателей России.

школу Парвуса. На руинах провала, финальной точкой которого стало 7 ноября 1927 г. (попытка троцкистского путча в трёх городах СССР), была построена Красная империя, она же – СССР, она же – мировая социалистическая система.

Ей предстояло просуществовать не 74 года (1917–1991), а если считать всерьёз – 52 года (1927–1989), от победы Сталина над Троцким и Бухариным в 1927 г. до сдачи Горбачёвым соцлагеря и СССР Бушу-старшему и папе римскому в декабре 1989 г. 52 года по меркам XX века – это весьма и весьма немало. За это время СССР успел из аграрно-индустриальной страны, пятой в мире и имеющей весьма блёклые перспективы, не только превратиться в военно-промышленную сверхдержаву № 2, но и в 1950–1960-е годы стать лидером во многих прорывных областях научно-технического прогресса, обгоняя США на десятилетия. В канун 50-летия Октября даже на Западе многие спорили не о том, перегонит ли СССР США, а о том, когда это произойдёт, полагая, что не позднее первой половины 1970-х годов. Вышло иначе. Прошло полвека, и мы встречаем столетие Октября не в социалистическом СССР, догнавшем и обогнавшем США, а в квазикапиталистической РФ, финансово зависимой от тех же США, де-факто выплачивающей им дань как Западной Орде, обеспечивающей Запад сырьём и только последние несколько лет пытающейся вспомнить о былом величии. Правда, как это сочетается, например, с объявлением на английском станциях в метрополитене, отправления поездов на вокзалах и вкраплениями латинских букв в русских названиях (“ЖАРА”, “ФАРШ” и т. д.), это что – подготовка населения к жизни в условиях колонии? Ни в парижском, ни в венском, ни в мадридском метро никто ничего по-английски не объявляет.

Праздника 7 ноября нет – буржуины и плохиши отменили его в страхе перед мальчишами-кибальчишами и их военной тайной. Вместо победительного праздника – невнятный День народного единства. Кого с кем? Народа с буржуинами? Тех, кого обокрали, с обокравшими? Народным праздником было именно 7 ноября – этот день открыл новую эпоху, то был путь в будущее.

Я хорошо помню празднование 50-летия Октября. Мне было 16 лет; я учился в 10-м классе; закончилось последнее лето детства (почти три месяца футбола). К подготовке к поступлению в институт я ещё даже не приступал – типичное наше разгильдяйство. Жизнь была наполнена футболом (тут огорчение – 9-е место ЦСКА, “подслащенное” за неделю до “октябрьского” праздника победой нашей сборной над греками со счётом 1:0), хоккеем (а тут радость: ЦСКА явно лидировал с перспективой возвращения на пьедестал, в команде заблестала тогда ещё не великая, но лихая тройка Михайлов–Петров–Харламов; великим был тогда и остаётся сегодня Анатолий Фирсов, № 11 с его фантастическим финтом “клюшка–конёк–клюшка” и мощнейшим щелчком), книгами и разнообразными шкодами.

Мне и в голову не могло прийти (да что мне, взрослым тоже), что уже запущен механизм разрушения системы и страны, в которой я родился; Аннушка ещё не разлила масло, но уже купила: в июне 1967 г. на пленуме ЦК КПСС партноменклатура заблокировала путь советского общества в будущее – превращение системного антикапитализма в посткапитализм, т. е. в коммунистическое общество официальных партийных программ. Номенклатура, естественно, не отдавала себе в этом отчёта; не собиралась она гробить коммунизм, она просто решала свои шкурные проблемы превращения в квазикласс, а для этого нужно было остановить, **озастроить** развитие СССР на фазе антикапитализма. Тем самым, однако, партноменклатура вступала на путь контрреволюции, **деооктябризации** советской истории: а “в конце дороги той” – горбачёвщина и ельцинщина. Ясно, что этого не хотели и хотели не этого, но “коротенькие мысли” и групповой эгоизм привели именно туда, куда привели. Желая спокойной жизни, номенклатура была готова замириться с Западом (“мирное сосуществование систем с различным социально-экономическим строем”).

Как скажет в своё время Андропов, пусть империалисты не боятся: если они нас не тронут, то и мы их не тронем. Нет, робкий недальновидный дружок, всё не так. Во-первых, империалисты должны бояться, в этом и только в этом гарантия, что не тронут. Во-вторых, во фразе Андропова сквозит непонимание сути того, что такое империализм с его экспансионизмом вообще и та новая агрессивно-экспансионистская глобалистская форма, в которую он

превращался в конце 1960-х–1970-е годы, в частности. И это превращение тоже работало на то, чтобы привести СССР туда, куда вместе с западными кураторами-поделщиками привели страну и систему выросшие в победившем в 1967 г. застойно-номенклатурном социализме и воспитанные им бездарные, ограниченно-малокультурные и трусливые карьеристы – все эти горбачёвы-бакатины-шеварднадзе-ельцины и прочие. Но в год 50-летия Октября о таком не зналось, не представлялось и не думалось. Впереди виделось светлое будущее: новые успехи, освоение космоса, победы над болезнями.

И была абсолютная уверенность в будущем, основа которой – мощь родной страны и история её побед. То есть то, чего нынешнему поколению шестнадцатилетних так не хватает, – потому-то и тянутся они к великому советскому прошлому, к фигуре Сталина. Показательно, что если со знаком “плюс” к Сталину относятся 62% граждан РФ, то в возрастной когорте 18–24 года – 77%. И это несмотря на почти три десятилетия плёвывания советского прошлого с его достижениями и Сталина. В этом плане можно опять же вспомнить: бились буржуины, бились, да только сами разбились. Даже мёртвый СССР и его вождь оказываются слишком твёрдым орехом для гнилозубов Запада и Востока, а их злоба оказывается бессильной, демонстрируя интеллектуальную, историческую и даже классовую несостоятельность. Это даже не бесы, а так, бесенята с насморком, из неудавшихся, как сказал бы Достоевский. Что не извбавляет от необходимости давать этой публике достойный отпор по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе.

100-летие Октября, конечно же, станет поводом для очередного наката врагов России и на революцию, и на советское прошлое. В то же время это удобный момент поразмышлять и об Октябре, и о русской революции 1917–1921 гг., и о Большой русской/советской революции 1917–1939 гг., и о смуто-революции 1860–1920-х годов, и о Больших Играх мировых элит, в которые русская революция оказалась вписана и которые она во многом поломала. Октябрь 1917 г. – это Момент Истины, сердцевина смутореволюционного кризиса-матрёшки, который Россия переживала в течение семи с половиной десятков лет, в какой-то момент бухнулась в кипящий котёл Истории (мировая война, революция, гражданская война), но не сварилась в нём, а вынырнула “добрым молодцем СССР”. И начнём мы наши размышления с термина, со слова “революция”, ибо в начале было слово, и это слово в начале советской истории было “революция”.

II

Термин “революция”, которым мы пользуемся, сам претерпел революционные изменения. Впервые он появился для характеристики так называемой “славной революции” в Англии 1688 г. Те, кто употребил этот термин, имели в виду возвращение ситуации в Англии “на круги своя”, т. е. поворот на 360°. После событий Французской революции 1789–1799 гг. (которую, кстати, сами французы “великой” не называют) содержание термина “революция” принципиально изменилось: под революцией стали понимать не возвращение к некоему состоянию, а качественное, кардинально-безвозвратное по отношению к прошлому изменение – поворот на 180°.

В обоих употреблении термина – назовём их условно “английским” и “французским” – есть известная доля лукавства. Революция 1688 г. – единственная стопроцентно буржуазная революция, т. е. такая, которая делалась буржуазией для буржуазии. Подоплёка событий 1688 г. проста: две Ост-Индские компании, английская и голландская, решили произвести частичное слияние, а для этого нужна была адекватная политическая “крыша”. Католик Яков II Стюарт такой “крышей” быть не мог, и его свергли. В Англии появилась новая династия – Оранская, протестантская и голландская по происхождению.

“Славная революция” устранила практически все барьеры на пути финансово-землевладельческой верхушки, стремившейся получить неограниченный частнособственнический, т. е. капиталистический контроль над землёй и денежным обращением, завершился процесс, стартовавший в XVI в.; по сути, феодальный строй поземельных отношений был уничтожен законодательно, место феодального права заняло право частной собственности. Таким образом, при внешнем повороте на 360° “славная революция” была разрывом

с прошлым, причём таким, который обернулся кошмаром для огромной части английского населения и плодом которого стала “недобрая старая Англия” XVIII в.

Что касается Французской революции 1789–1799 гг., то, будучи разрывом с тем, что позднее определили как “Старый порядок”, она после окончания действия за пределами Франции своего “экспортного варианта” – наполеоновских войн – в самой Франции воспроизвела многие черты “Старого порядка”. Да и французские крестьяне в результате революции не проиграли, как английские, а, напротив, выиграли. Чтобы провести раскрестьянивание (и то не до конца получилось), понадобилось то, что французские социологи называли “второй французской революцией” 1945–1985 гг. Таким образом, и “180-градусная” Французская революция имеет некоторые черты “360-градусных” изменений. Тем не менее именно со времён Французской революции этот термин обозначает качественное изменение социально-экономического строя, отмеченное приходом к власти нового класса. Иногда говорят о “политической революции”, когда к власти приходят лишь новые лица или новые группы одного и того же класса, в то время как структура власти и собственности остаётся прежней. В данном употреблении революция – не более чем метафора, на самом деле перед нами либо обычный политический переворот, либо перераспределение политической власти между фракциями одного класса – буржуазии. Поэтому, например, не является революцией так называемая “американская революция” 1776–1783 гг. Это было выяснение отношений между двумя группировками одного класса, причём не американского и британского, а сложнее – двух британско-американских кластеров интересов (достаточно вспомнить, что на стороне американцев был Сити). Конечно же, не являясь революциями так называемые “цветные революции”.

Французская революция открыла собой “эпоху революций” (Э. Хобсбаум) 1789–1848 гг., которые можно назвать в равной степени и буржуазными, и масонскими (промышленная эпоха в Европе с 1860–1870-х годов; борьба за гегемонию в мировой капсистеме 1870–1945 гг.; подъём финансового капитала, оформление колониальных империй). Именно масоны в своих ложах весь XVIII в. готовили тот человеческий материал, определённое поколение которого стало “генералами” и “офицерами” социальных потрясений; именно масоны и иллюминаты сформулировали буржуазные требования; именно под масонскими триколорами побеждали европейские революции первой половины XIX в. К середине XIX в. в результате победы этих революций произошло огосударствление масонства, на чём восходящая история этого типа закрытых наднациональных структур завершилась, и новому этапу развития капитализма понадобились принципиально новые структуры этого типа, более современные. Что касается североатлантического ядра мировой капсистемы, то в нём 1848 годом буржуазные революции по сути закончились, а пролетарские (Парижская коммуна 1871 г., революции 1918 г. в Центральной Европе) оказались abortивными.

Революции XX века – это, во-первых, либо крестьянские революции, либо реакции ломающихся докапиталистических структур на капитализм, либо политическая борьба, которую вульгарно-марксистская или либеральная мысль за неимением адекватного понимания и адекватных терминов заярлычила как буржуазную. В результате буржуазными оказались иранская революция 1905–1911 гг., младотурецкая 1908–1911 гг., Синхайская 1911–1912 гг. – революции в странах, где буржуазии как системообразующего элемента социума, как субъекта не было. Возможны ли буржуазные по содержанию революции без буржуазии? При утвердительном ответе мы получили нечто вроде “хлопка одной ладонью” в чань-буддизме. Но мы ведь не чань-буддисты.

Суть периферийных революций капиталистической системы, во главе которых стояли традиционные торговые или землевладельческие группы (не капиталисты; показательно, что в периферийной стране капсистемы с наиболее развитым капиталистическим укладом – Индии – никакой революции вообще не произошло), заключалась лишь в изменении сделочной позиции этих групп по отношению к буржуазии метрополии, в изменении – от более подчинённой к менее подчинённой – формы включения в мировую капиталистическую эксплуатацию. Напоминаю также, что Маркс в полном соответствии с методологическими принципами системности и историзма подчёркивал, что собственник превращается в буржуа только тогда, когда капиталистический

уклад становится доминирующим в данной стране и подчиняет своим законам данное общество изнутри. Этого не было ни в одной периферийной стране капсистемы вплоть до середины XX в. Более того, капитал метрополии тормозил там развитие капиталистических отношений, и только две мировые войны заставили его ослабить эту “тормозящую хватку”. Я оставляю в стороне вопрос функциональной буржуазности, в данном случае мы можем от него абстрагироваться.

Иначе обстоит дело с периферийными крестьянскими революциями под социалистическими лозунгами: китайской, вьетнамской, отчасти кубинской и рядом других. В результате этих революций возникли антикапиталистические режимы разной степени радикальности. Правда, здесь необходимо заметить и подчеркнуть: все социалистические периферийные революции, отрицавшие одновременно и старые докапиталистические формы, и местные компрадорские формы, и капитал метрополии, произошли, во-первых, после социалистической революции в России и возникновения СССР; во-вторых, при более или менее серьёзной и активной помощи со стороны СССР. Эти два фактора были необходимыми условиями социалистических революций. Повторю: наличие СССР, т. е. системного антикапитализма в форме великой державы как продукта Октябрьской революции, Гражданской войны и победы импер-социалистов над интернационал-социалистами ленинско-троцкистского типа, было необходимым условием социалистических революций на периферии капиталистической системы. При этом, однако, Октябрьская революция не была ни буржуазной (хотя Ленин в самом начале 1920-х годов скажет, что была — и, конечно же, ошибётся, как и с определением советского госсектора в качестве госкапитализма, на что ему тут же разгромно-критически укажет Бухарин), ни крестьянской, хотя крестьянская составляющая в ней была, но весьма специфичная: крестьяне выбрали большевиков как наименьшее зло.

Октябрьская революция уникальна: это единственная городская революция, происшедшая в великой державе (не в колонии, не в полукolonии) с бурно развивавшейся промышленностью, с довольно развитой буржуазией и довольно плотным включением в мировую капсистему. И революция эта была не буржуазной, а антикапиталистической, социалистической, что в корне отличает её от буржуазных революций ядра капсистемы и всех периферийных революций капиталистической эпохи — квазибуржуазных и социалистических.

Буржуазия в России с помощью британского капитала Февральским переворотом 1917 г. попыталась совершить буржуазную революцию. Чем это закончилось, мы знаем: февралисты, российский капитал, дорвавшийся до власти, в считанные месяцы разрушили страну, поставив её на грань распада. Большевики взяли власть, победили в Гражданской войне и создали СССР. А затем импер-социалисты во главе со Сталиным отказались от проекта “мировая революция”, оттеснили интернационал-социалистов и начали строить “социализм в одной, отдельно взятой стране”, Красную империю, которая выиграла Вторую мировую войну и по результатам этой победы стала сверхдержавой.

Что обусловило особенность русской антикапиталистической революции в плане причин, протекания и результатов? Что обусловило уникальность этой революции, ставшей реализацией левого (якобинского) проекта Модерна на русской почве и обусловившей превращение исторической России в альтернативную капитализму мировую систему — системный антикапитализм? Как соотносится созданный революцией вопреки планам и чаяниям части революционеров-интернационалистов (Троцкий, Ленин, Зиновьев, Каменев и др.) строй с самодержавием, историческим отрицанием которого он был? Попытаемся ответить на эти вопросы. Начнём с того, что сама возможность антикапитализма как системы заложена в капитализме как системе.

III

Прежде чем читатель начнёт читать данную главу, я хочу попросить его собраться и сосредоточиться: эти несколько страниц — не самое лёгкое чтение. Однако только философский анализ капитала, несомпадения в нём функции и субстанции позволяет объяснить закономерность возникновения советской системы не только по логике русской истории, но и по логике самого капитализма.

Как русская история предполагает появление в определённый момент системы с властью без собственности (на вещественные факторы производства), так и в капитализме заложена возможность, а под определённым углом зрения и необходимость возникновения системного антикапитализма. Объяснить последнее можно только в терминах субстанции и функции. Впрочем, здесь нет ничего такого сверхсложного, чего бы не мог понять человек с десятью классами школы (желательно советской) при одном условии – медленном, внимательном и заинтересованном чтении. За мной, читатель.

Капитализм – уникальная система во многих отношениях. Но, пожалуй, главная уникальность заключается в том, что это единственная в истории система, способная существовать и со знаком “плюс” – собственно капитализм, и со знаком “минус” – системный антикапитализм. Связано это с такой чертой данной системы, как сильное несовпадение субстанции и функции капитала, которое позволяет функции отрываться от субстанции и осуществлять самостоятельное развитие в виде негатива, отрицания капитала-субстанции. Поясню.

У каждой общественной системы есть её социальное “тело”, субстанция, обладающая некими атрибутами, функциями. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы, силы производства (не путать с географическим фактором) господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществлённым, как это имеет место в “докапиталистических” обществах, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция “утоплена” в субстанции, тем меньше её автономия. Практически ни в одной из докапиталистических систем их функции не могут существовать вне субстанции и за пределами зоны её жизнедеятельности, границы которой обусловлены локальным комплексом природных производительных сил. Принципиальная ситуация характеризует капитализм, поскольку в этой системе искусственно созданные производительные силы господствуют над природными, овеществлённый труд – над живым, а в самом продукте труда – искусственный субстрат господствует над природным. Всё это создаёт условия для автономии, освобождения функции от субстанции, выхода её за локальные рамки и приобретения мирового характера.

Субстанция – это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например, в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) – это те отношения, которые складываются не внутри субстанции, а главным образом вне её и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства, т. е. отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее несовпадения с ней, тем они автономнее; функции – это управление (“государство”), регуляция социального поведения (“политика”, включая политические партии), коммуникации; у функций – свои структуры и формы организации, как и у субстанции. Чем сложнее и развитее социальная система, тем менее абсолютна и непроходима грань между её субстанциональными и функциональными аспектами. Особенно это проявляется в сфере производственных отношений.

Так, производственные отношения – это в принципе отношения по поводу субстанции, они носят субстанциальный характер и представляют субстанциальный аспект социальной системы. Однако в капиталистической системе, т. е. такой, в которой системообразующим элементом является капитал, накопленный общественный труд, ситуация меняется.

Капиталистическая собственность не сводится только к капиталу (как заметил В. В. Крылов, лишь в действительном процессе труда как главной фазе совокупного процесса производства капиталу как производительному принадлежат непосредственно все прочие факторы труда; вне действительного процесса производства у последних свои собственники – наёмные работники, землевладельцы, государство, корпорации интеллектуалов) и оказывается шире его, но развивается по его законам, выступает его функцией и в качестве таковой может противостоять субстанции. Более того, в результате сложности и специфики субстанциальной природы капитала (овеществлённый труд) сам

капитал как отношение приобретает значительное и сильное функциональное измерение, легко превращаясь там, где ему не противостоит наёмный труд, т. е. за пределами ядра капсистемы, по функции в некапитал (просто богатство), оставаясь в самом ядре капиталом по субстанции.

Иными словами, при капитализме, в нём самом производственные отношения утрачивают исключительно субстанциальный характер и приобретают функциональный – что до капитализма могло быть только краткосрочной аномалией, обусловленной особыми и не способными существовать длительное время историческими обстоятельствами. При капитализме противоречие между субстанцией и функцией становится ещё и внутренним для самих производственных отношений, т. е. довольно подвижным и гибким. В связи с этим производственные отношения капиталистического типа приобретают способность действовать за пределами зон “своего” капиталистического производства, а капиталистическая собственность – за пределами зон концентрации капитала как собственности. Результат – борьба, причём весьма острая, против капиталистической собственности, антикапитализм там, где капитал-собственность, капитал-субстанция практически не развиты.

Необходимо отметить, что противоречие между социальными субстанцией и функцией (а также содержанием и формой) достигает максимальной остроты именно при капитализме, когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, когда социальное насилие содержательно обособляется от сферы производственных отношений и возникают формы, регулирующие (в)неэкономические отношения индивидов и групп: государство (state) и политика. Кроме того, при капитализме функционально (но только функционально) снимается противоречие между отношениями производства и обмена – эксплуатация осуществляется как добровольный (по крайней мере, в ядре) обмен рабочей силы на овеществлённый труд (“капитал”).

Функциональные качества производственных отношений при капитализме существенным образом отличают эту систему от “докапиталистических”. Производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т. е. превращение его полностью или частично в “говорящее орудие”, в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциальный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природных факторов производства (земля, тело человека), которые здесь являются главными, системообразующими. В этом смысле “докапиталистические” общества (и чем древнее, тем в большей степени) “сконструированы” и действуют так, чтобы свести к минимуму какую-либо функцию, кроме той, что растворена в субстанции, погружена в неё и если и “выныривает” из неё, то редко, невысоко и ненадолго; эти общества – триумф субстанциальности (природно-производственной).

Функции, функциональные аспекты ни одной из докапиталистических систем, как уже говорилось, не могут существовать за её пределами, поскольку жёстко привязаны к данному комплексу и типу натуральных производительных сил и обусловленному ими типу отчуждения воли (личности) и экономического продукта. Функционализация производственных отношений здесь практически отсутствует. В отличие от этого для капитализма, причём уже на ранней стадии, довольно характерен определённый уровень функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только стремящаяся к полноте функционализация производительных сил, что мы и видим в гипериндустриальной системе производства с господством в ней невещественных (информационных) факторов над вещественными. Это соответствует функционализации как макрозакону развития производительных сил капитализма.

Конкретно противоречие между субстанцией и функцией капитала, их несовпадение проявляется двояко. Во-первых, в уже отмеченном региональном (в течение почти двух веков) характере производительных сил и мировом характере производственных отношений. Речь идёт о капиталистической функционализации мира, или о мировой функционализации капитала, капитализма как совокупного процесса общественного производства – в результате многие докапиталистические общества начинают страдать от проблем капитализма

больше, чем субстанциально капиталистические общества (Маркс: “язычник, чахнувший от язв христианства”). Во-вторых, что не менее важно, указанное противоречие проявляется (в ходе и по мере капиталистической функционализации мира по линии производственных отношений) в возможности автономного существования функций капитала – государства, политики, бюрократии (не путать с чиновничеством), армии современного типа, науки как социального института буржуазного общества – за региональными (североатлантическими в XVIII – первой половине XX в.) пределами зоны субстанции.

Перенос капитала-субстанции на некапиталистическую почву – процесс исключительно трудный, сложный, а часто просто невозможный. Не случайно при подобном раскладе капитал либо вырождается в богатство, либо превращается в тот или иной докапиталистический уклад (рабство в южной части США и в Карибском бассейне, квазифеодальные латифундии в Южной Америке). К тому же вплоть до Первой мировой войны хозяева ядра капсистемы не горели желанием развивать капиталистическое производство на периферии, т. е. субстанциализировать её на капиталистический лад.

Значительно проще в условиях включения того или иного общества в мировой рынок, в мировую систему капиталистической собственности перенести туда функции капитала. Происходило это двояко. Первый вариант: в колониях сами колонизаторы создавали бюрократические структуры, формы военной организации, образовательные и научные учреждения; к тому же местная элита, как колониальная, так и антиколониально настроенная, начинала воспроизводить политические и интеллектуальные (идеологические) формы, характерные для метрополии, для зоны капитала-субстанции. Второй вариант: в свободных, сохранивших суверенитет или добившихся его социумах Евразии и Африки (с конца XVIII в. – в США, с 1830-х годов – в Южной Америке) их господствующие группы воспроизводили у себя структуры, организации и формы, подобные таковым капиталистического ядра, Запада, зоны капитала-субстанции – прежде всего для сопротивления этой зоне, её экспансии.

В XVIII и особенно в XIX в. мы видим немало реформ, которые именуют вестернизаторскими или, шире, модернизаторскими. Однако только в одной стране – в России – они привели к практическому успеху: сохранению суверенитета и созданию альтернативной капиталистическому Западу же европейской версии Модерна. О причинах – чуть позже, прежде констатируем, что при капитализме, в капиталистической системе мы имеем максимальное несовпадение, противоречие между субстанцией и функцией капитала и – соответственно – структур и групп, воплощающих их в социальной реальности. При капитализме (и только при капитализме) принципиально возможно отрицание субстанции капитала посредством и на основе его же функции – вплоть до полного отрыва. Более того, тотальное, полномасштабное отрицание капитала и капитализма было возможно только на функциональной основе и как функциональное; субстанциональное отрицание всегда было частичным, непоследовательным и компромиссным. “Оторвавшаяся”, “взбесившаяся” функция, уничтожающая субстанцию, – это, забегая вперёд, и есть то, что в XX в. называли коммунизмом как системой (реальным социализмом, системным антикапитализмом).

Противоречия между капиталом-субстанцией и его функциями проявляются в различных сферах в виде конкретного соотношения этих сущностей и стоящих за ними страстей, точнее, выражающих их явлений – гражданского общества (т. е. прежде всего общества собственников, их организаций) и государства. Наиболее отчётливо это проявляется в политике, в политической организации общества. Внутри капсистемы возможны (и существуют) три теоретические модели соотношения, о котором идёт речь. Господство субстанции над функцией политически реализуется как господство гражданского общества над государством, чаще всего слабоинституционализированным (Великобритания, Нидерланды, США). Следующая форма – политическое равновесие между персонификаторами функции и субстанции, большее или меньшее господство государства над гражданским обществом, но только в сфере политики, это не касается идеологии и экономики. Это – авторитаризм, первой исторической моделью которого был бонапартизм – “попытка создать гражданское общество без демократии” (Ф. Фехер). Здесь имеет место относительное равновесие между явлениями, воплощающими субстанцию и функцию капитала; равновесие хрупкое, а потому эта форма крайне нестабильна

и превращается либо в “демократию”, либо в “тоталитаризм” (речь, подчёркиваю, идёт о формальных политических характеристиках; на самом деле никаких “западных демократий” нет, а есть плутократии с их “железной пятой”; что касается авторитарных и тоталитарных режимов, то они порой более демократичны, чем “англосаксонские демократии”).

Тоталитаризм — это уже практически полное господство функции над субстанцией (естественно, при сохранении последней как таковой), выражающееся в жёстком ограничении государством воли гражданского общества полностью в политике и идеологии (целеполагание, смыслы, поведение), а отчасти и в экономике. Граница между государством и гражданским обществом в этом случае становится пунктирной, но сохраняется, гарантом чего является сохранение частной собственности и связанного с её обеспечением права. Единственный — подчёркиваю: единственный реальный и значимый пример тоталитаризма в истории — это Третий рейх. Ни муссолиниевская Италия, ни тем более Испания Франко и Португалия Салазара в этот разряд не попадают.

Отличаясь друг от друга, три модели — “демократическая”, “авторитарная” и “тоталитарная” — остаются в рамках капитализма с его базовым противоречием капитал-субстанции и капитал-функции.

Принципиально иная ситуация возникает тогда, когда функция капитала не просто доминирует над субстанцией, а отрывается от неё, реализуя заложенную возможность, и уничтожает, пожирает субстанцию, занимая её место и превращаясь в неё — субстанциализация функции, но не на позитивно-докапиталистической основе, а на негативно-капиталистической. Этот процесс выводит ситуацию за пределы капиталистической системы, не положительно, а по негативу. Прежнее противоречие между субстанцией и функцией здесь исчезает, поскольку в ходе отрицания уничтожается капитал, т. е. сущностная основа, порождающая противоречие и две его стороны, два его края.

Ясно, что общество, возникающее в ходе подобного процесса, это во многом негативный слепок капитализма, и его будущее зависит от того, сумеет ли “анти-” превратиться в “пост-”. Результатом отрыва функции от субстанции и обретения ею как сущностью, явлением и процессом особого системного бытия стала советская система, возникшая в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, иначе говоря, русской смуты начала XX в., возникшая революционным путём в ходе русской истории, эволюции России.

Но почему именно Россия реализовала не реализованный Западом заложенный в капитализме в качестве потенции левый (якобинский) проект Модерна? Почему именно на русской почве “заземлился”, материализовался, отсистемился отрыв функции капитала от его субстанции? Ответ на этот вопрос, без которого природа русской революции октября 1917 г. и того, что за ней последовало, будет непонятна, требует бросить “взгляд с высоты” (А. Азимов) на развитие русского общества в последние полтысячелетия.

IV

Зададимся вопросом: какая страна в принципе могла реализовать антикапиталистический вариант развития, оторвав у капитала функцию и направив её против субстанции? Какая страна могла защитить антикапиталистический выбор в мире, где господствуют капиталистические хищники? Каковы параметры и качества, которыми должна обладать такая страна? Понятно, что, во-первых, это должна быть крупная страна с мощным демографическим, природно-ресурсным и экономическим потенциалом и вдобавок большой территорией. Во-вторых, такая страна должна была бы обладать духовно-идеологической (религиозной, идеологической) системой, способной выдержать давление капиталистического Запада и в то же время не мешать социально-экономическому развитию современного типа. В-третьих, такая страна должна была обладать сравнимым с капиталистическим Западом военно-техническим потенциалом.

Всеми этими качествами в мире в эпоху капитализма (т. е. начиная с XVII в.) обладала только одна страна — Россия. Однако все эти условия, будучи необходимыми, не являются достаточными. Достаточные условия обеспечиваются, во-первых, логикой развития той или иной системы, которая подводит её к выбору некоего варианта развития, оставляя совсем немного шансов для иных вариантов; во-вторых, наличием субъекта (или субъектов), способного (способных) осуществить некий системный выбор, превратить

события в ситуацию; в-третьих, возникновением определённых условий в самой системе и вокруг неё (как правило, это кризис, усиливающий внешнюю уязвимость системы и усиливающий колебательно-хаотические движения внутри неё). Рассмотрим эти три комплекса условий. Начнём с логики развития России как системы с XVI в., т. е. с первой крупной структуры русской истории – Московского царства, проанализируем это развитие с точки зрения двух главных параметров – власти (и созданных ею господствующих групп) и собственности и постараемся выявить логику, отсутствие которой пытаются доказать в последние годы определённая часть западного, прежде всего англо-американского (англосаксонского) научного истеблишмента и разведывательно-политического сообщества, т. е. здесь мы не только оказываемся в зоне науки, но и вступаем на территорию и тропу психоисторической войны.

В самом начале XXI в. в США под руководством К. Литару стартовал проект GDELT. Сначала это был чисто научный проект, над которым работали историки, лингвисты и математики. Однако в какой-то момент им заинтересовалось разведсообщество США (и с 2013 г. аналитические публикации проекта исчезли из открытой научной печати и даже интернета), поскольку речь в проекте шла об оцифровке всех исторически подтверждённых фактов истории крупнейших стран мира: США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, России, Китая, Японии*. Оцифрованные “большие данные” были обработаны британско-американской сетью суперкомпьютеров. Согласно выводам, история России (брался период с 1800 по 2000 гг.) существенно отличается от истории всех других крупных стран следующим. Если все крупные страны укладываются в некий коридор событийных вероятностей, то история России лежит вне его. Иными словами, её история носит невероятный, т. е. случайностный характер.

Трудно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с сознательным представлением истории России таким образом, что она оказывается противопоставленной всем ключевым странам мира в качестве “исторического изгоя”, обитающего в зоне случая, невероятности и непредсказуемости, или же со спецификой заложенной программы, исходно взявшей в качестве нормы определённые параметры – как известно, постановка вопроса на 50% определяет ответ. В любом случае выводы проекта GDELT можно уверенно оспорить по двум линиям – по математической и по философско-исторической (или, что в данном контексте одно и то же, макросоциальной, макроисторической).

Российский математик В. Воеводский (лауреат Филдсовской премии, 2002 г.) разработал теорию ошибок, одним из практических приложений которой является теория псевдослучайных закономерностей/последовательностей с соответствующим инструментарием их распознавания. Согласно этой теории-приложению, немало из того, что представляется или что заинтересованные лица или структуры пытаются представить как случайное или хаотическое, на самом деле является скрытой формой управления (например, управление хаосом). Я бы пошёл ещё дальше и отметил, что многое из того, что представляют в качестве “объективного” (в смысле независящего от воли людей) кода событий, на самом деле является проектом, чаще всего скрытым, тайным, неких субъектов. История при таком подходе рассматривается под субъектным, проектно-конструкторским углом зрения**. Кроме того, как мне уже приходилось писать, история России принципиально отличается от истории Запада и Востока наличием автосубъектной, т. е. минимально (по сравнению с западными и восточными формами) ограничиваемой в институционально-системном плане властью. С точки зрения Востока и Запада развитие социума с такой властью в качестве системообразующего субъекта будет казаться произволом и набором случайностей. В реальности же мы имеем дело с особым потоком исторического развития. Чтобы выявить его логику, имманентную, а не навязанную ему внеположенную логику иных систем, сквозь призму которой и которых он будет казаться неким отклонением, можно пойти более простым путём, чем математический анализ псевдослучайностей, и рассмотреть долгосрочную историю Большой Системы “Россия” сквозь

* Я благодарен С. В. Кугушеву, обратившему моё внимание на проект GDELT и ознакомившему меня с основными аспектами его содержания.

** Подр. см.: Фурсов А. И. De Conspiratione: Капитализм как Заговор // De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 7–143, особенно с. 69–109.

призму всего двух (не надо нам Больших Данных – лиса знает много, а ёж знает главное, как говорил Архилох) важнейших параметров – власти и собственности. Именно они позволяют выявить тенденции развития системы и её системообразующих факторов – власти и господствующих групп (“классов”).

V

Специфика господствующих групп дореволюционного русского общества, будь то боярство или дворянство, заключалась в том, что они были созданы самой властью, вырастали под её “зонтиком”. Именно служба (т. е. власть-привластность), а не собственность была фактором, который в решающей степени определял положение представителя господствующей группы и его статус. Иными словами, до революции господствующие группы были функциональными органами власти, поднимавшимися и приходившими в упадок с этой властью – самодержавием, которое, не будучи ни монархией, ни деспотией, не имело аналогов. Что касается советской номенклатуры, то эта господствующая группа не была создана властью, а возникла как власть, как феномен, в котором власть и господствующая группа, “метафизика” и “физика” совпали.

Сравним господствующие группы основных структур русской истории:

- Московское царство;
- Петербургская империя;
- пореформенная позднесамодержавная Россия, которая в одном измерении является процессом-продуктом разложения Петербургского самодержавия, а в другом – это отдельная и особая структура – так же как постсоветская РФ по отношению к СССР;
- СССР.

Соответственно, господствующие группы – это боярство, дворянство, пореформенное чиновничество и номенклатура. При сравнении их по линии власти мы получаем следующую картину: каждая последующая господствующая группа была многочисленнее предыдущей. Таким образом, в качестве долгосрочной системной тенденции мы видим, что власть “в лице” своих функциональных органов разбухала, охватывала всё большее социальное пространство. Численность (абсолютная и относительная) властно-привластных слоёв росла от одной структуры русской истории к другой. РФ ни в коем случае не нарушает эту логику, а подтверждает и полностью укладывается в неё. И дело не только в резком, в три раза увеличении пропорции численности чиновников по отношению к численности населения и в том, что их власть имеет значительно меньше ограничений, чем в советское время, нередко демонстрируя черты сословности. Дело в том, что власть расширила своё социальное пространство, включив в себя, с одной стороны, криминал, с другой, – как минимум, функционально – иностранный капитал.

А вот при сравнении по линии собственности мы видим, что в целом и среднем каждая последующая группа обладала меньшей собственностью, а следовательно, была беднее, чем стадияльно предшествующие ей господа: дворянство имело меньше собственности на вещественные (неодушевлённые и одушевлённые – земля и крепостные) факторы производства, чем боярство; чиновничество пореформенной, т. е. самодержавно-посткрепостнической России – меньше, чем дворянство (до 40% этой группы вообще были “салариатами”). Наконец, номенклатура – это вообще господствующая группа принципиально без собственности на вещественные факторы производства, т. е. на землю, на капитал, так как система, в которой они были господствующей группой, именно такой тип собственности отрицала – на том и строилась.

Следовательно, долгосрочная системная логика здесь заключается в постепенном освобождении, эмансипации власти от собственности. В этом плане номенклатура есть доведение указанной логики до своего конца, и в данном случае неважно, что для обеспечения **логической преемственности** понадобился **исторический разрыв** в виде Октябрьской революции, которая, как заметил В. В. Крылов, была очищением власти от привесков собственности. Но мы забежали вперёд, в послереволюционную эпоху, когда “просперо” и “тибулы” превратились в Новых Толстяков. Сейчас нам важнее взглянуть на предреволюционную эпоху, на время Старых Толстяков и его противоречия, которые подвели Россию к такой черте, что она чуть не поле-

тела к чертям. Противоречий этих было три. Вообще любая система, чтобы оформиться, должна диалектически снять противоречия предшествующей системы. Кроме того, должен существовать субъект слома старой системы и создания новой. Какие противоречия должна была снять новая послесамодержавная структура русской истории, чтобы состояться?

Первое вытекало из двух долгосрочных тенденций, о которых речь шла выше. Это противоречие обострялось тем, что со второй половины XIX в., после того как в результате Крымской войны Россия окончательно перестала быть самостоятельной мир-системой и начала в плане экономики превращаться в полупериферию мировой капсистемы, в стране начинает развиваться деформированный, порой до уродства, капитализм с немалым числом очагов собственности на вещественные факторы производства, т. е. рядом с тенденцией эмансипации власти от собственности, с “волей к бессобственнической власти” начинают развиваться очаги собственности капиталистического типа. И это развитие объективно вступало в острое противоречие с логикой развития власти. Данное противоречие могло разрешиться двояко: либо новые очаги собственности, с которыми, кстати, была тесно связана олигархизирующаяся верхушка империи, должны были быть ликвидированы — сверху ли, снизу ли, но ликвидированы (как писал в дневнике в начале XX в. Лев Толстой, ему приснился сон: в России произошла революция — не против частной собственности, против собственности вообще; прав оказался Толстой, не зря Ленин назвал его “зеркалом русской революции”); либо очаги капитализма должны были сложиться в единую систему, подобно “черепашкам Каллахэна” из рассказа Стивена Барра, превратившихся в чудовищную агрессивную Суперчерепаху и задавить власть, превратив ее полностью в олигархическую, в свою функцию, функцию капитала-субстанции, причём главным образом не российский, а западного.

Новая система должна была снять указанное противоречие.

Второе противоречие заключается в следующем. Для России, как показала школа Л. В. Милова, было характерно создание небольшого по объему совокупного общественного продукта, поэтому у нас любая, как сказал бы А. А. Зиновьев, западнизация вела и ведёт к тому, что господствующий слой начинает жить не по тем потребностям, которые могла (может) обеспечить русская “система работ”, а по потребностям иной системы — западной, в основе которой лежало сельское хозяйство с намного более высокой урожайностью, а с XVIII в. — ещё и грабёж слабых мира сего в Азии, Африке и Америке. Чтобы русскому дворянству при русском сельском хозяйстве и отсутствии колоний жить по таким потребностям, ему нужно было отчуждать у населения, выражаясь марксистским языком, не только прибавочный продукт, но и определённую, порой немалую часть необходимого продукта. Неудивительно, что во второй половине XVIII века, когда произошла эта “революция потребностей”, уровень эксплуатации населения в России как государственных крестьян, так и крепостных увеличился в 3–3,5 раза. Продолжал он расти и в XIX веке.

В результате, с одной стороны, рос уровень эксплуатации, а с другой стороны, с середины XIX века русская власть начала нарушать одно из главных своих правил. Суть в следующем. Поскольку совокупный общественный продукт в России создавался небольшой, то одной из главных задач русской власти было контролировать и ограничивать потребление верхов. Не потому, что власть не любила верхи и любила низы, а просто при низком уровне совокупного общественного продукта нарушение баланса в эксплуатации вело к очень серьезным напряжениям и трудностям как в отношениях верхов и низов, так и внутри самих верхов. В связи с этим почти всю свою историю русская власть занималась тем, что Ленин называл “учет и контроль”. Нарушила она это правило только дважды. Первый раз, начиная с 1860-х годов, когда власть вместе с господствующим классом начала грабить население, что и привело к революции в начале XX в., а второй раз в 1990-е годы.

Итак, второе противоречие самодержавной системы, которое должно было быть устранено, — это противоречие между реальными возможностями местной системы работ и превышающим ее возможности потреблением верхов. Устранено оно могло быть тоже двояко: либо усиливается эксплуатация, либо эксплуатация уменьшается, и верхи, их потребление приводится в соответствие с тем, что Маркс назвал бы “системой работ данного общества”, т. е. ставится под контроль сверху и снизу одновременно.

Ну и, наконец, **третье противоречие**: сырьевая специализация России в конце XIX века и сохранение великодержавного статуса. Либо Россия – великая держава, либо она – сырьевой придаток, который находится в финансовой зависимости от Запада. Это противоречие тоже должно было быть разрешено.

Как мы видим, первое противоречие носит внутренний характер, третье – внешний, а второе – внутренний и внешний одновременно. Внутренние противоречия при этом упирались в ключевой аграрно-крестьянский вопрос, а внешние противоречия – в противоречия России и Великобритании.

Февраль и Октябрь 1917 г. представляют собой две принципиально различные и разнонаправленные попытки решить, снять указанные противоречия. Февралисты – это попытка установить власть капитала, предполагающая усиление эксплуатации населения, в том числе в интересах иностранного капитала, в первую очередь британского; отсюда, как следствие, усиление зависимости России от Великобритании. По сути это попытка обмануть русскую историю. Октябрь (по своим долгосрочным и идеальным целям) – это воля к свержению отжившего и неадекватного русской и мировой истории самодержавия, власти капитала, к отмене эксплуатации и созданию суверенной, независимой от капиталистического Запада новой постсамодержавной формы исторической России. Однако Февраль и Октябрь 1917 г. были впереди той эпохи, в которой вывели указанные противоречия. Они стали тем непрекрасным далёким, которое оказалось крайне жестоким к стране и её народу. Само же наличие противоречий, сколь бы острыми они ни были, не делало революцию неизбежной. Если бы одних системных противоречий и факторов (как правило, их ошибочно называют “объективными”) было достаточно для революции, то весь мир находился бы в постоянно негаснущем – к радости двух теоретиков перманентной революции, Парвуса и Троцкого – революционном огне. Однако кроме системных факторов необходимы субъектные (как правило, их ошибочно называют “субъективными”), т. е. наличие субъектов, способных осуществить альтернативный системный выбор, наличие силы, способной стать субъектом стратегического действия.

В начале XX в. таких субъектов в России не было. Точнее, они находились в спящем состоянии. Империя находилась в дурном, патовом равновесии сил: дворянство уравнивалось буржуазией; классы – властью самодержавного центра; вместе они уравнивали население – и это при стремительно нарастающих проблемах социального и экономического характера. Мировая война сломала патовую ситуацию; она не только разбудила “спящих субъектов”, высвободив их силы, но и расчистила для них площадку, пространство. Пружина разжалась, и процессы пошли с нарастающей скоростью – одновременно и к Февралю, и к Октябрю. Что не менее важно, в условиях войны на русской площадке помимо своих субъектов появились чужие – западные. Они вступили в определённые отношения с субъектами внутри страны, в результате чего начали оформляться международные (русско-западные) классовые коалиции, двойные (внутренне-внешние) субъекты (субъекты с двойной массой), нацеленные на свержение самодержавия, а затем – на борьбу за контроль над Россией. Таких тактических коалиций, двойных субъектов со временем возникло аж три.

VI

В дискуссиях о причинах революций можно выделить несколько линий. Ограничусь двумя. Одна – противостояние сторонников примата структурных факторов, с одной стороны, и свободного волевого действия, с другой. В англосаксонской литературе эта контроверза звучит как “structure versus agency”. Другая линия не менее жарких споров – акцентирование либо внутренних, либо внешних факторов. Многие исследователи пытаются найти решение по принципу “золотой середины” – якобы истина лежит посередине. На самом деле, прав был Гёте, считавший, что между двумя противоположными точками зрения лежит не истина, а проблема. Проблема, добавлю я, которую спорящие стороны не могут решить, нередко – потому что не видят проблему. В такой ситуации поиски середины превращаются в пошлый многофакторный анализ, подменяющий целое суммой, динамику – статикой, а причинно-следственную связь – перечнем рядоположенных условий (факторов),

причём чаще всего без указания на их системные связи и субординацию. Теория при таком подходе умирает, место теоретического обобщения занимает эмпирическое, научные факты подменяются эмпирическими, а само исследование покидает пределы зоны научности.

Если говорить о контроверзе “structure versus agency”, то здесь такая же ситуация, как с так называемыми объективными противоречиями: если бы структурных обстоятельств было достаточно для того, чтобы вспыхнули революции, последние были бы предсказуемым и довольно частым, если не постоянным, явлением. Это, однако, не так. Есть проблемы и в определении роли низов (“масс”) в “старте” революций. Формально-идеологически марксистская традиция исходила из примата действия масс. Однако учение Ленина о “партии нового типа”, “партии профессиональных революционеров” и его практическая реализация в виде большевистской партии недвусмысленно указывают на элитистско-организационный подход. Тезис Ленина “дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию” говорит сам за себя. Большевики обосновывали своё право руководить массами (которые, согласно Ленину, без руководства со стороны партии способны только на борьбу за улучшение экономических условий) тем, что знают законы истории, т. е. монопольно владеют истинным знанием, оседлали их – потому-то и могут вести массы. Массы ведомы профессиональными партийными кадрами. Лозунг Сталина “кадры решают всё!” из той же серии.

Чего по понятным причинам не касались открыто марксисты в своих схемах – это роли в революции части правящей элиты. Без перехода на сторону руководящей массами контрэлиты части правящей элиты ни одна революция не свершалась. Это подтверждает история всех крупных революций, пожалуй, ярче всего – Французской 1789–1799 гг. Как заметил в середине XIX в. автор до сих пор одной из лучших историй этой революции И. Тэн, экономическое положение Франции в конце правления Людовика XIV (начало XVII в.) и в середине XVIII в. (правление Людовика XV) было много хуже, чем таковое в 1780-е годы при Людовике XVI. В результате народ постоянно бунтовал, но никакой революции не произошло.

В конце 1780-х годов значительная часть французской элиты, в том числе правящей, стремилась к ослаблению монархии – и революция произошла. Разумеется, без движения низов, масс, по крайней мере, в столице и/или крупнейших городах, революции тоже не происходят – дело ограничивается успешным или неудачным дворцовым (политическим) переворотом. Революция – это соединение воли, целей и интересов “улицы” в лице её вожаков (контрэлиты) и части элиты; неважно, что соединение это краткосрочно, что в ходе революции либо одних, либо других устраняют – от того, кто устраняет кого, зависит степень радикальности/умеренности революции, которая довольно часто, как заметил Энгельс, забегает вперёд, чтобы при неизбежном откате последний не оказался слишком большим.

На короткий миг истории вожаки контрэлиты и играющие вместе с ними представители “Старого порядка” как группа, совершающая революцию, выступают – Маркс и Энгельс специально подчёркивали это в “Немецкой идеологии” – не как представители неких классов, не с узкоклассовых позиций, а как представители всего общества. Эта “всеобщность” связана с тем, что интерес совершающего революцию субъекта по логике борьбы до поры более или менее связан с интересами всех остальных негосподствующих классов. “На полях” авторы “Немецкой идеологии” помечают: “Всеобщность (о которой речь шла выше. – **А. Ф.**) соответствует: 1) классу contra (против) сословие, 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д., 3) большой численности господствующего класса (а следовательно, большой массы его низов, недовольных своим положением. – **А. Ф.**), 4) иллюзии общих интересов. В начале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов (подч. мной. – **А. Ф.**) и разделению труда”^{*}.

Самообман, или, как сказал бы вслед за Энгельсом К. Мангейм, “ложное сознание” в его тотальном, а не частном варианте, таким образом, обусловлен реальностью. Она и порождает “двойного субъекта” (“субъекта двойной массы”), представленного контрэлитой и частью элиты. Двойственность

^{*} Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47.

революционного субъекта – это именно то, что превращает, отликает структурные проблемы в субъект волевого (революционного) действия, а этому субъекту придаёт качество персонификатора основных структурных противоречий общества. Революция – это всегда субъектное действие, направленное на преодоление системности (“праздник Истории”). Революция – субъектный акт по определению, она невозможна без революционного субъекта, который ни в коем случае нельзя отождествлять с так называемым “субъективным фактором”.

Само противопоставление неких факторов, будь то революция или вообще история, как “объективных” и “субъективных”, к которым по традиции относят партии или просто организации революционеров, ошибочно. Неверно противопоставлять “социально-экономические предпосылки” как объективные действиям людей и организаций, особенно целенаправленным и подкрепленным мощным ресурсом, как **субъективным**. Во-первых, организации и структуры, их интересы, цели и действия столь же объективны, как и так называемые “социально-экономические предпосылки”. Кстати, последние сами по себе не являются силами, они – условия.

Во-вторых, само противопоставление в нашей научной и идеологической “литературе” о революциях неких факторов/сил как “объективных” и “субъективных”, которое закрепилось с легкой руки не случайно имевшего “четверку” по логике В. И. Ленина, – ошибочно. Ленин называл субъективным то, что на самом деле является субъектным. “Субъективный” означает нечто обусловленное внутренним переживанием субъектом самого себя, его знанием, соотносящимся с объектом. Соответственно, субъективный фактор – это действия в соответствии с этим знанием и переживанием. А как быть с классовым интересом? Это – субъективное или объективное? Как быть с организациями, выражающими эти классовые интересы? Если некая сила воплощает в концентрированном виде долгосрочные и целостные характеристики класса или системы, представляет их, действует на их основе – это не объективный фактор? Что же тогда объективный?

На самом деле речь должна идти не об объективных факторах, а о **системных** и **субъектных** – и те, и другие объективны, но при этом один из аспектов субъектного фактора – субъективный. Субъектный фактор представляет собой целенаправленную деятельность субъекта по достижению своих целей, реализации планов и интересов на основе учета, контроля и управления социально-историческим процессом, а с определенного времени – на основе проектирования и конструирования этого процесса. Последнее невозможно без знания системных законов истории, которые становятся законами действия субъекта.

Новоевропейская наука об обществе была системоцентричной. Попытка Маркса разработать теорию исторического субъекта и превратить ее в науку успехом не увенчалась*. Впоследствии эта линия теории Маркса продолжения не нашла – субъектное было сведено к субъективному, приобретает характеристики чего-то второстепенного. В результате из поля зрения исчезли очень важные агенты исторического изменения, а сами эти изменения стали изображаться как филиация одной системы из другой, одного комплекса “объективных факторов” из другого. В результате из истории исчез субъект как ее творец. Одна из главных задач нынешнего этапа развития знания об обществе – не просто вернуть субъекта, но разработать субъектоцентричную науку и, синтезировав ее с системоцентричной, создать полноценную, многомерную субъектно-системную науку об обществе. Изучение революций – именно та сфера, которая особенно способствует анализу субъектности и в то же время невозможна без такого анализа. Причём речь должна идти именно о двойственном субъекте революции, причём не только по линии дихотомии “structure versus agens”, но в не меньшей, а возможно, и в большей степени по линии “внутреннее – внешнее”.

Ясно, что без внутренних причин (условий, предпосылок) ни одна революция не происходит. Однако здесь необходимо обратить внимание на два

* Подробнее см.: Фурсов А. И. “Биг Чарли”, или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. 1, № 2. С. 335–429; Fursov A. Social Times, Social Spaces, and Their Dilemmas: Ideology “In One Country” // Review. Fernand Braudel Center, Binghamton (N. Y.), 1997. Vol. XX, № 3/4. P. 345–420.

момента. Во-первых, революции суть явления капиталистической эпохи, а капитализм в экономическом плане – единая мировая система, не признающая границ, товарные цепи их рассекают. Капитализм и возникает как система международного, надгосударственного взаимодействия. Ясно также, что гегемон мировой капсистемы (Нидерланды в XVII в., Великобритания в XIX в., США во второй половине XX – начале XXI в.) своей деятельностью существенно ограничивает суверенитет даже независимых государств, не говоря о государствах зависимых. Точнее в этом плане говорить даже не о гегемоне, а о ядре капсистемы в целом по отношению к периферии и даже к полупериферии. Я уже не говорю о закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, существование которых обусловлено тем, что они призваны снять базовое противоречие капсистемы между целостно-мировым характером экономики и суммарно-государственным – политики и без которых существование капсистемы невозможно (они воплощают и реализуют целостные и долгосрочные интересы её системообразующего элемента – верхушки мирового капиталистического класса). Таким образом, сама природа капитализма делает границу между внутренними и внешними факторами не столь отчётливой, как в иных социальных системах и как это выглядит на поверхности самого капитализма, внешне организованного в виде системы национальных государств. Причём с развитием капитализма, его эволюцией эта граница становится всё более пунктирной и размытой – особенно в XX в. по мере формирования североатлантического класса и элитного взаимодействия между Западом и СССР.

Это одна сторона диалектики внутреннего и внешнего в революциях, связанная с капитализмом. Есть и другая, она связана с самой революцией как кризисным, хаотическим процессом развития общества.

Предреволюционная, кризисная ситуация воздействует на систему по двум направлениям. Во-первых, кризис – это разбалансировка системы, а в слабо сбалансированной системе, как правило, нарастают колебательно-хаотические процессы. Во-вторых, хаотизация системы приоткрывает, а иногда просто открывает её для внешнего воздействия. На практике этот эффект усиливается тем, что, как правило, власти пытаются решить проблемы путём реформ с привлечением внешних источников, а следовательно – внешних сил. В этом же направлении действует война. В результате система обретает сверхнормальную, избыточную открытость, которая не контролируется самой данной системой, вследствие чего она начинает развиваться не только, а порой и не столько по собственным закономерностям, сколько по внешним. Внешняя сила сначала становится “посторонним притягивающим фактором”, а затем, интериоризируясь, перестаёт быть внешним, превращается если и не полностью во внутренний, то по крайней мере во внутренне-внешний. И, как замечает О. Маркеев, “происходит мощное вторжение в систему извне, совершенно чуждая системе сила использует её как поле для самореализации”.

Этот “эффект Чужого” очень важен. Под его воздействием в системе начинают происходить события и процессы или возникать явления, вероятность которых для данной системы в её чистом виде крайне мала, а потому внутреннему наблюдателю они кажутся случайными, на самом деле таковыми не являясь. Однако даже если бы это было так, то, согласно теории Бромли (Bromley), любое явление, чья вероятность весьма мала, возникнув, порождает цепочку явлений одной с ним природы, расшатывая таким образом систему. Если же вдобавок мы имеем дело с явлениями, наведёнными внутренне-внешними факторами, то мы рискуем столкнуться с нарастающей невероятностью событий, тем более что внешне-внутреннее действие материализуется в виде двойного субъекта – внутренне-внешнего. Здесь уместно вспомнить теорию псевдослучайностей. Ну а теперь от теории истории перейдём к практике истории – к революции 1917 г. в России.

(Окончание в следующем номере)

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ЛИКИ 17-ГО ГОДА. РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИЦАХ

Феномен Сталина

Этот повар будет готовить только острые блюда.

Ленин

Сталин не ушел в прошлое — он растворился в будущем.

Шарль де Голль

Сорок процентов

Летом этого года социологи “Левада-центра” попросили россиян назвать самых выдающихся людей всех времен и народов. На первом месте оказался Иосиф Сталин, получивший 38% всех голосов и обошедший Пушкина и Путина (по 34%), а также Ленина (32%). Сталин лидировал в том же опросе и пять лет назад с ещё большим результатом. В среднем получается 40%, причем его популярность растёт среди молодежи.

Почему так происходит?

Высокая оценка дается не за заслуги в период Великой русской революции 1917 года, в которой Сталин хотя и участвовал, но не был главным героем. Однако после кончины Ленина он правил страной без малого три десятилетия (1924–1953). Сталин принял Россию с сохой, а оставил её с атомной бомбой и второй после США супердержавой. При нем Советский Союз совершил рывок в индустриальном и культурном развитии, одержал победу над фашизмом и быстро восстановил разрушенное войной хозяйство.

Но главное, пожалуй, в другом. Отдавая голоса Сталину, россияне выражают недовольство реалиями сегодняшнего дня, непрестанно преследующими нас экономическими невзгодами, вопиющими социальными контрастами, несправедливостью и ростом дороговизны. При Сталине не было олигархов, министров-мультимиллионеров, руководителей госкорпораций, получающих в десятки тысяч раз больше рядовых граждан, жен губернаторов и парламентариев с годовыми доходами в миллиарды рублей. Имущество Сталина после его смерти 5 марта 1953 года представляло всего лишь несколько шинелей, кителей и сапог, а на его сберкнижке лежало 900 рублей.

Как пишет один автор: “Иосиф Сталин перестал быть просто историческим деятелем. Он является символом справедливости правителя, который

оставил после себя не энергетический прирост развитых стран, не колонию, а сверхдержаву. Неудивительно, что его прах до сих пор не дает покоя определённым людям в Российской власти, которых привели в неё не заботы о благе и процветании России, а лишь свои личные интересы”.

Забывают ли россияне о массовых репрессиях сталинской эпохи, борьбе с инакомыслием и пр.? Нет, конечно. Но в первую очередь сравниваются позитивные моменты былой эпохи с пороками нынешней, а негативные стороны прошлого вытесняются на периферию сознания, так как они отсутствуют в настоящее время и судить о них сейчас не так просто.

В море литературы, среди наших историков, политиков и общественных деятелей мнения о Сталине диаметрально расходятся. Рьяным его сторонникам и почитателям противостоят столь же непримиримые противники. Первые утверждают, что Сталин – это олицетворение государства для трудового народа, нового общества без эксплуатации человека человеком. Вторые, считая прошлое концлагерем и ГУЛАГом, называют Сталина узурпатором и душителем свобод, преступлениям которого несть числа.

Сталин – не только одна из наиболее спорных исторических фигур, но и мощный фактор, оказавший беспрецедентное воздействие на судьбу нашей страны и облик русского социализма. Почему именно он, а никто иной вознёсся в столь сложный период на вершину политического Олимпа и пребывал на нём в течение столь длительного времени? Стал ли он продолжателем “дела Ленина” или, наоборот, явился отступником от революционных идеалов? Кроются ли тоталитаризм и диктатура в характере Сталина или в специфике той исторической обстановки, в которой оказалась Советская власть в 20-е и последующие годы, а также особенностях России – страны с традицией самодержавного правления? Существовал ли при Сталине социализм в нашей стране или это было общество, больше напоминающее азиатский строй или восточную деспотию, о которой писали Маркс и Энгельс?

Наполовину осетин?

Он родился 9 (21) декабря 1879 года в небольшом грузинском городке Гори в бедной семье. Полуграмотные родители были потомками крестьян. Отец Виссарион Иванович Джугашвили работал сапожником, мать Сталина Екатерина Георгиевна Геладзе занималась шитьем и подрабатывала кухаркой и прачкой в богатых домах.

Есть веские основания считать, что грузином Сталин был лишь по матери. В фамилии отца исходная основа “Дзугата” (русс. – Дзугаевы). На грузинской почве фамилия была слегка изменена с добавлением “швили”, что означает сын. По ряду источников, предки Сталина перебрались из горного селения Урс-Дон в Северной Осетии сначала в Южную Осетию, а оттуда в Грузию. Первоначальное имя, данное Сталину при рождении, было Сослан. В героическом осетинском Нардском эпосе оно означает Стальной. Но так как два его старших брата умерли в младенчестве, ему затем решили дать библейское имя Иосиф. В дословном переводе Иосиф означает “Бог да приумножит”. При этом в детстве все называли его Сосо – сокращение от Сослан.

Современники отмечали, что в молодости Сосо внешне очень походил на отца, который был худощавым брюнетом с усами. Виссарион Иванович был суровым, вспыльчивым человеком, большим любителем выпить, и дома часто не обходилось без рукоприкладства.

По воспоминаниям бывшего близкого друга и школьного товарища Сосо в Гори Иосифа Иремашвили: “Незаслуженные страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, каким был его отец. Поскольку люди, наделенные властью над другими благодаря своей силе или старшинству, представляли ему пожими на отца, в нем скоро развилось чувство мстительности ко всем, кто мог иметь какую-либо власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов стало для него целью, которой подчинились все его усилия”. Отец умер от ножевого ранения после драки в трактире, когда Сосо не было и 11 лет.

Мальчик оказался не по годам развитым, способным, энергичным, физически подвижным, любителем всяческих забав. Обладая хорошим голосом, он пел в школьном хоре горийской церкви. Перенесённая в детстве оспа оставила на лице свои следы. Когда ему было 12 лет, его сбил мчавшийся фэзтон,

и в результате левая рука стала короче и слабее правой. Он старался не раздеваться при людях и редко показывался даже врачам.

Уже в детстве Сосо было присуще упрямство и стремление к превосходству над своими сверстниками. Он много читал. Большое впечатление на него произвел роман А. Казбеги “Отцеубийца”, в котором один из героев, неустрашимый Коба, вел борьбу крестьян-горцев за свою независимость и свободу. Он стал называть себя Кобой, и это имя сделалось его первой партийной кличкой. Оставшиеся в живых старые большевики (Молотов, Микоян) нередко так к нему и обращались в 30-е годы и даже позже.

Духовное образование

В 1888 году мать решила послать сына в духовное училище Гори, что было первым шагом на пути к карьере священника. Когда Сталин навестил свою мать в 1935 году незадолго до её смерти, она сказала ему: “А жаль, что ты так и не стал священником”. По воспоминаниям одного из прежних приятелей: “К урокам он всегда был готов – лишь бы его спросили... Он всегда показывал свою исключительную подготовленность и аккуратность в выполнении заданий. Не только в своем классе, но и во всём училище считался одним из лучших учеников. На уроках все его внимание было обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия... он весь был обращен в слух – этот в обычное время крайне живой, подвижный и шустрый Сосо”. По характеристике другого его школьного товарища: “Для него высшая радость состояла в том, чтобы одержать победу и внушить страх... По-настоящему он любил только одного человека – свою мать. Как мальчик и юноша он был хорошим другом для тех, кто подчинялся его властной воле”.

Переходя из класса в класс как лучший ученик, он окончил школу в 1894 году в возрасте 14 лет и получил диплом с отличием, который редко выдавался учащимся из бедных семей. После успешных вступительных экзаменов его приняли в Тифлисскую духовную семинарию на полное обеспечение. Здесь был строгий режим и муштра. Это подталкивало к тому, что в стенах семинарии формировались не только верные служители режима и церкви, но и революционеры. В 1931 году в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом Сталин сказал: “В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживающих тогда в Закавказье... Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма...”

В это же время он начинает писать стихи и поэмы, которые были опубликованы в газете “Иверия” в 1895 году под псевдонимами И. Дж-швили и Со-село. Вот несколько строф из его стихов, переведённых на русский язык:

*Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слёз,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.*

*Когда ты ликовав, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной тишины.*

*Когда, отчизной вдохновлённый,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюблённый,
Ей посвящал свои мечты.*

Профессиональный революционер

В августе 1898 года Сталин вступает в тифлисскую социал-демократическую организацию “Месами-даси”, часть зарождавшейся РСДРП. Ему поручают вести кружки самообразования для рабочих. За это и чтение запрещенной

литературы его исключили из семинарии в мае 1899 года. Несколько месяцев он проработал в геофизической обсерватории Тифлиса. Круг его знакомств в социал-демократической среде быстро растёт. Среди них оказывается В. Курнатовский – связанный с газетой “Искра” и Лениным. Работы Ленина очень нравились Сталину ещё до того, как он покинул семинарию. Сталин остаётся его сторонником и после раскола российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, хотя в Грузии влияние фракции меньшевиков было преобладающим. Весной 1901 года Сталин переходит на нелегальное положение, принимает участие в организации забастовок и демонстраций, в том числе резонансной Батумской демонстрации марта 1902 года. Его арестовывают и после годичного пребывания в батумской и шестимесячного заключения в кутаисской тюрьмах отправляют на 3 года в ссылку в Восточную Сибирь.

На место он прибыл в конце ноября 1903 года, а в начале следующего года совершил побег и вернулся в Тифлис. Впоследствии такое происходило неоднократно. Между 1902 и 1913 годами Сталин арестовывался восемь раз, отправлялся в ссылку семь раз и бежал с мест ссылки шесть раз. Побег не удался ему лишь из ссылки, к которой он был приговорен в 1913 году и из которой его освободила Февральская революция – тогда его заслали в такое отдалённое место на севере Сибири, бежать откуда было практически невозможно.

С 1900 года Сталин стал выступать в грузинской социал-демократической печати. При активном его участии в 1901 году начинает выходить “Брдзола” (“Борьба”) – первая нелегальная грузинская газета, аналог ленинской “Искры”. Труды тех нулевых лет составили два первых тома вышедших при его жизни Сочинений. Большая часть из них была переведена с грузинского языка в 1945–1946 годах.

Со своей невестой Екатериной (Като) Сванидзе Сталин познакомился в 1902 году через её брата Александра, который учился вместе с ним в семинарии. Невеста походила на его мать не только именем. Она также была глубоко религиозной женщиной, преданной своему мужу, на которого она смотрела как на полубога. Правда, по ночам она иногда молилась о том, чтобы муж отказался от кочевой жизни профессионального революционера и занялся чем-то более основательным. В 1907 году Екатерина родила сына Якова, но через несколько месяцев заболела и умерла. Сталин горько пережил утрату. Когда траурная процессия достигла кладбища, Сталин сжал руку своего приятеля и сказал: “Это существо смягчало моё каменное сердце, она умерла и вместе с ней последние тёплые чувства к людям”. А во время захоронения у Сталина помутился разум, и когда гроб с Като опускали в могилу, он прыгнул туда, и его с трудом извлекли обратно. Их сына вырастила в Грузии сестра матери.

К 1905 году – началу первой русской революции – сферой деятельности Сталина становится всё Закавказье. Он ездил повсюду как организатор и пропагандист большевизма, выступал на многолюдных митингах. Его выдвигают делегатом на партийную конференцию в Таммерфорсе (Финляндия), где он впервые встретил Ленина, а также на IV и V съезды РСДРП – в Стокгольме и Лондоне (1906 и 1907). К этому времени относится и участие Сталина в так называемых “эксах”. Боевики партии осуществляли целую серию экспроприаций, то есть вооруженных ограблений банков, почтовых вагонов и других объектов. Ленин одобрял “экссы” и рассчитывал на них как на источник денежных средств, нужных для финансирования политической деятельности. Широкую известность приобрело нападение на Тифлисский государственный банк в июне 1907 года, которое пополнило казну большевиков огромной по тем временам суммой денег – более 300 тыс. рублей. Непосредственно операцией руководил бесстрашный С. А. Тер-Петросян (Камо). Но закулисно эти и другие “экссы” в Закавказье направлял Сталин.

Находившийся в батумской тюрьме в 1908 году вместе со Сталиным эсер С. Верещак (позже яростный его противник) вспоминал, что у того всегда в руках была книга и что он был самым знающим марксистом среди тех, кто вёл кружки самообразования и организовывал дискуссии, которым политические заключенные уделяли много времени. “Марксизм, – писал Верещак, – был его стихией, в нём он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На непросвещённых в политике,

молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин”.

В 1911-1912 годы Сталин продолжает свою деятельность в Петербурге. Его статьи часто появляются в газете “Правда”, где затем он работает редактором. На VI (Пражской) Всесоюзной конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 года, он был заочно кооптирован в состав ЦК партии. В конце того же года он выезжает в Краков к Ленину на совещание ЦК с партийными работниками. Здесь в Польше Сталин написал свою работу “Марксизм и национальный вопрос”, которая была положительно оценена Лениным. В одном из писем к Горькому Ленин писал: “У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы”. Ленин часто направлял свои статьи Сталину для “Правды”.

В 1917-м и после

Начало 1917 года застало Сталина в Красноярске. Призванный вместе с группой ссыльных в армию, Сталин был признан медицинской комиссией негодным к службе из-за слабой левой руки. Он установил связь с некоторыми красноярскими большевиками, а большую часть вечеров проводил у Л. Б. Каменева, также сосланного в Сибирь.

Февральская революция была для большинства народа и революционеров полной неожиданностью, хотя многие её и ждали. Распахнулись ворота тюрем, перестала функционировать царская каторга и ссылка. В Красноярске был создан Совет, взявший власть в свои руки и арестовавший представителей царской власти, после чего Сталин с Каменевым выехали в столицу. С прибытием ссыльных большевиков из Сибири их включили в состав партийных центров – Бюро ЦК РСДРП. Кроме того они стали главными членами редакции “Правды”. До появления Ленина в Петрограде Сталин фактически сделался основной фигурой всей партии. Не обладая сравнимым с Лениным и Троцким ораторским даром, Сталин выделялся как организатор. Численность большевистской партии возрасла из месяца в месяц с исключительной быстротой, и Сталин вместе со Свердловым приводили партийные ряды в боевой порядок. Они выполнили главную работу по подготовке и проведению VI съезда партии в августе 1917 года. В тот момент, когда Ленин и Зиновьев скрывались, а Троцкий и Каменев вместе с другими находились в тюрьме, роль Сталина в руководстве партийными организациями резко возросла. В эти месяцы он был фактическим руководителем центральной газеты партии, которая выходила под разными названиями. Сталин участвовал в решающих заседаниях ЦК 10 (23) и 16 (29) октября, на которых по докладам Ленина было принято решение о вооружённом восстании.

1917 год явился важной вехой на пути Сталина к вершине. Находясь в центре революционных событий, участвуя в совещаниях большевистского Центрального комитета, действуя как один из ведущих партийных организаторов, он накопил значительный опыт политика и получил статус признанного члена большевистского генерального штаба. На одном из октябрьских заседаний ЦК создал Политическое бюро, Сталин был избран в его состав вместе с Лениным и ещё пятью именитыми большевиками. А когда через неделю ЦК организовал Военно-революционный центр, возглавляемый Троцким, в числе пяти его членов был и Сталин. Предполагалось, что этот партийный центр будет существовать при Военно-революционном комитете и направлять его работу.

В результате победы вооружённого восстания в Петрограде власть в стране перешла в руки Советов. Новое “рабочее и крестьянское правительство” получило название Совет Народных Комиссаров. Его председателем стал Ленин. В состав правительства вошли ещё четырнадцать человек, среди которых был и Сталин, возглавивший образованный Народный комисариат по делам национальностей. После серии статей по национальному вопросу Сталин считался в партии знатоком этих проблем. 1 ноября 1917 года Сталин вместе с Лениным подписал Декларацию прав народов России. В нем были провозглашены основные принципы советской национальной политики: отмена всех национальных и религиозных ограничений и привилегий, равенство всех народов, свободное развитие всех национальных и этнических групп, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

На заседании ЦК в конце ноября было принято решение предоставить четвёрке — Ленину, Сталину, Троцкому и Свердлову — решать все “экстренные дела”, правда с обязательным привлечением всех остальных членов ЦК. Сталин закрепил за собой роль верного помощника Ленина по особым поручениям. Их кабинеты в Смольном находились рядом, и они часто контактировали друг с другом не только по телефону.

В ходе революционного распада Российской империи в различных районах страны возникли движения за национально-территориальную автономию, которые не контролировались большевиками. В апреле 1918 года Сталин объявил неприемлемым путь “буржуазной” автономии. Он писал, что нужно “взять у них автономию, предварительно очистив её от буржуазной скверны, и превратить её из буржуазной в советскую”. Так складывалась национальная политика, которой в последующем было суждено воплотиться в формуле советской культуры, “национальной по форме и социалистической по содержанию”.

Весной 1918 года Сталин женился во второй раз. Его женой стала дочь революционера С. Я. Аллилуева — Надежда Аллилуева. С её отцом Сталин познакомился ещё в 1903 году, когда тот приезжал в Тифлис по делам Бакинской подпольной типографии. Согласно семейному преданию, Сталин спас двухлетнюю Надю, когда она, играя на Бакинской набережной, упала в воду. После Февраля 1917 года, когда Сталин вернулся в Петроград, он часто навещал семью Аллилуевых и обратил внимание на младшую из сестер Надежду, которая ещё училась в гимназии. Сталин рассказывал девушкам различные истории из сибирской ссылки, читал отрывки из книг Чехова, Горького, Пушкина. Надежда сочувствовала большевикам и увлеклась Сталиным. Через год они поженились и перебрались в Москву. Ей тогда было 18, а ему под 40. Она стала работать в Секретариате Ленина у Л. А. Фотиевой.

На фронтах Гражданской войны

В 1918 году Москва и Петроград оказались отрезанными от богатых продовольственных областей страны. Украинский и сибирский хлеб был потерян для большевиков. Оставалось только одно направление, откуда можно было добыть хлеб, — юго-восток, Поволжье и Северный Кавказ. Дорога в эти области лежала по Волге через город Царицын. Сталина назначают общим руководителем продовольственного дела на юге России и наделяют чрезвычайными правами. В июне 1918 года он выезжает в Царицын и пишет Ленину: “Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим (положение). Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб всё же дадим. Если бы наши военные “специалисты” (сапожники!) не спали и не бездействовали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им” (Сталин И. В. Соч., т. 4 с. 118). Последняя фраза бросала камень в огород Троцкого, к тому времени оставившего Наркоминдел и ставшего комиссаром по военным и морским делам и председателем Революционного военного совета (РВС) Республики. Именно по распоряжению Троцкого на службу Красной армии были привлечены тысячи царских офицеров и военных специалистов.

В следующем письме Ленину от 10 июля Сталин уже прямо заявляет: “Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты... то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас всё развалится на Северном Кавказе... Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует... Для пользы дела мне нужны военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командиров и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит” (там же, с. 120–121).

Дерзкое домогательство увенчалось успехом, и, получив нужные полномочия, Сталин стал участником операций, направленных не только против белых, но и Троцкого. Возникла “военная оппозиция”, в которой активную роль стали играть близкие Сталину К. Ворошилов и С. Буденный. Сталин побуждал красных командиров не выполнять распоряжения главного командования. Был арестован почти весь штаб военного округа, состоявший из военных специалистов. На одной из барж, стоявших на Волге, была создана плавучая тюрьма, неожиданно затонувшая со всеми находящимися на борту заключенными.

Троцкий настоял на отзывании Сталина. Тем не менее, это не имело серьезных последствий для его карьеры. Его сразу же назначили членом Реввоенсовета, а вскоре съезд Советов избирает его членом ВЦИК, затем на его заседании — членом Президиума ВЦИК, затем он становится заместителем председателя Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, который должен был руководить мобилизацией всех ресурсов страны на нужды войны. Председателем Совета являлся Ленин, высоко ценивший организаторские способности Сталина, его надежность и преданность делу. Конфликт между Сталиным и Троцким он относил на счёт несовместимости характеров этих двух заносчивых и волевых помощников, каждый из которых был ему верен и по-своему незаменим.

Отношения с Лениным

В годы “военного коммунизма” грубая и властная манера Сталина не вызвала у Ленина и в партийных кругах особых возражений. Немало подобных жалоб поступало также на председателя РВС Троцкого. Воинственно-авторитарный тон был замечен в то время и у Ленина, писавшего о недопущении “киселеобразного состояния пролетарской власти”, что всякая великая революция, социалистическая в особенности, немислима без гражданской войны и жестокого принуждения, что “нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 45, с. 12).

Как замечал Троцкий: “Ленин ценил в Сталине характер: твёрдость, выдержку, настойчивость, способность нажимать, отчасти и хитрость как необходимое качество в борьбе”. До 1921 года Ленин был настолько расположен к Сталину, что лично заботился о том, чтобы подыскать ему в Кремле спокойную квартиру. Однажды он полусуто предложил Сталину жениться на своей младшей сестре Марии Ильиничне, не зная, что тот уже сделал свой выбор и что его жена работает в Секретариате ЦК.

На пленуме ЦК 3 апреля 1922 года после XI съезда партии Сталин был не только вновь избран в Политбюро и Оргбюро ЦК, но и назначен генеральным секретарем ЦК. Тогда, правда, этот пост не мыслился как главный в партийной иерархии. Однако по мере усиления болезни Ленина Сталин превратился в ключевую фигуру партийного аппарата. Под его руководством проходили перевыборы партийных органов на местах, что позволяло ему производить массовую перестановку кадров с прицелом укрепления своих личных позиций в партии. Тем временем ухудшаются отношения с Лениным. Кульминацией стала грубость Сталина, проявленная к Крупской. В силу занимаемого им поста генерального секретаря, ЦК возложил на него персональную ответственность за соблюдение установленного для Ленина врачебного режима. 21 декабря 1922 года Ленин продиктовал Крупской короткое письмо Троцкому с предложением поставить на предстоящем партсъезде вопрос об укреплении монополии внешней торговли. Узнав о письме, Сталин пришёл в ярость и обрушил Крупскую, пригрозив ей разбором Контрольной комиссии. Когда известие об этом дошло до Ленина, он продиктовал записку, заканчивавшуюся словами: “Прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения”. Не желая пойти на разрыв отношений с Лениным, Сталин сразу же принёс Крупской извинения и взял свои слова обратно. После этого Сталин и Ленин больше не встречались.

В конце декабря 1922 года Ленин продиктовал секретарю документ (его принято называть “Письмом к съезду”), в котором выражались опасения по поводу раскола в высшем руководстве партии. О Сталине в нём говорилось: “Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”. В новой диктовке от 4 января 1923 года Ленин был ещё более категоричен: он предложил переместить Сталина с поста генерального секретаря, постольку тот “слишком груб”.

В составе “тройки”

С начала 1923 года вопрос о том, кто заменит уходящего Ленина в качестве лидера, становился всё более актуальным. Учитывая заслуги перед революцией и во время Гражданской войны, Троцкий, видимо, считал, что власть

и без его стараний перейдет в его руки. Такое же мнение разделяли многие большевики. В то время во многих советских и партийных учреждениях можно было видеть портреты Ленина и Троцкого, и никого больше. Но в партии, однако, были очень влиятельные силы, которые решили во что бы то ни стало помешать этому. Внутри Политбюро Сталин, Зиновьев и Каменев организовали “тройку” для противодействия Троцкому. Все три партийных лидера совмещали на тот момент целый ряд ключевых постов. Зиновьев возглавлял влиятельную Ленинградскую парторганизацию, одновременно являясь председателем Исполкома Коминтерна. Каменев возглавлял Московскую парторганизацию и одновременно руководил также Советом труда и обороны, объединяющим ряд ключевых наркоматов. С отходом Ленина от политической деятельности именно Каменев стал чаще всего председательствовать вместо него на заседаниях Совнаркома. Сталин же объединял руководство одновременно Секретариатом и Оргбюро ЦК, возглавлял также Рабоче-крестьянскую инспекцию и народный комиссариат национальностей. В противовес “тройке” Троцкий возглавлял Красную армию и являлся председателем РВС.

Сталин скрывал свои претензии. В составе “тройки” он держался в тени Зиновьева и Каменева. 14 марта 1923 года “Правда” опубликовала статью К. Радека “Лев Троцкий — организатор победы”. Но одновременно появились анонимные памфлеты, напоминавшие о “небольшевистском прошлом Троцкого”. А ряд публикаций подчеркивал важную роль Сталина в революции и Гражданской войне. Убедившись, что его оттесняют от власти, Троцкий осенью того же года решил возглавить “левую” оппозицию Сталину и всей “тройке”, направившую членам ЦК и ЦКК письмо с резкой критикой в адрес партийного руководства. Развернулась дискуссия, в которой стороны били своих противников по слабым местам. В “Заявлении”, направленном в ЦК РКП(б) и подписанном 46 известными членами партии, говорилось, что “режим совершенно не терпим”, что из-за некомпетентности, бессистемности и произвольности решений ЦК в СССР вместо успехов и достижений в экономике начался кризис.

Вскоре после смерти Ленина, которая ненадолго прервала полемику с оппозицией, было опубликовано письмо Троцкого 1913 года одному из лидеров меньшевиков Н. Чхеидзе, в котором он писал о Ленине с нескрываемой злобой. В то время страна скорбела о смерти Ленина, и публикация стала ударом по престижу Троцкого. Кроме того его теория “перманентной революции” теряла свою популярность. Опираясь на Ленина и Бухарина, Сталин в противовес ей выдвинул концепцию возможности победы социализма в одной стране. Тем временем стала распадаться и “тройка”. Зиновьев и Каменев недооценили Сталина и теперь хотели поставить его на место. Сталин же решил оттеснить своих временных союзников и привлечь на свою сторону одного из крупнейших теоретиков партии — Бухарина и приближенных к нему Рыкова и Томского.

Борьба с “уклонами”

В мае 1924 года собрался очередной съезд партии, на котором её руководители решили объявить о “политическом завещании” умершего вождя, где говорилось о грубости Сталина и желательности перевода его на другую должность. Ленин писал, что вопрос о личных качествах Сталина “может показаться ничтожной мелочью”. Но в данном конкретном случае такая мелочь может иметь решающее историческое значение. По общему согласию информация была сделана щадящим для Сталина способом. Диктовки Ленина читались не на общем собрании съезда, а на собраниях отдельных делегаций. Это предопределило исход дела. Сталин подал в отставку, однако она не была принята, и его вновь переизбрали генеральным секретарем. Всех членов Политбюро объединяла “дружба против” Троцкого. В январе 1925 года он был снят с поста наркома по военным и морским делам. К концу 1925 года Зиновьев и Каменев образовали свою фракцию. Сталин обрушился на оппозицию с таким ожесточением, что она решила объединиться с Троцким.

Летом и осенью 1926 года Сталин добился исключения из состава Политбюро всех троих, а в сентябре 1927 года на основании сфальсифицированных документов оппозиционеры были обвинены в причастности к “контрреволюционной организации”, которая якобы готовила военный путч (Хлевнюк О. “Сталин. Жизнь одного вождя”. М., 2017). Октябрьский Пленум ЦК вывел их из состава ЦК.

А в декабре 1927 года на XV съезде партии разгром оппозиции был формализован — многих фракционеров отправили в ссылку. Значительная их часть объявила о капитуляции. Наиболее непримиримыми оставались Троцкий и его ближайшие соратники. Троцкого вскоре выслали в Казахстан, а некоторое время спустя вообще изгнали из СССР.

Союз Сталина с Бухариным подкреплялся единой точкой зрения о возможности победы социализма в одной стране. Однако не успели прекратиться острые столкновения с “левой” оппозицией, как началась борьба с “правым уклоном”. Под влиянием кризиса хлебозаготовок 1927 года Сталин совершил “левый поворот” на сворачивание нэпа и форсированную индустриализацию. По сути, он перехватил троцкистские лозунги, всё ещё популярные в среде студенческой молодежи и радикальных рабочих, недовольных негативными сторонами нэпа, вызвавшего безработицу и резко возросшее социальное неравенство.

В течение 1928 года при помощи политических интриг Сталин ослаблял позиции группы Бухарина и Рыкова, а также укреплял единство в рядах своих колеблющихся друзей. Громкие слова Сталина о “правой угрозе” с трудом маскировали его очевидные намерения подавить оппонентов. Их позиции существенно ослабила роковая политическая ошибка Бухарина, который в июле 1928 года тайно встретился с опальным Каменевым и откровенно рассказал ему о столкновениях в Политбюро. Запись Каменева, в которой излагалось содержание беседы, была украдена и переправлена сторонникам Троцкого. А они, ненавидя и Сталина и Бухарина, с радостью предали документ гласности, напечатав его в виде листовки. Бухарин и его сторонники были безнадежно скомпрометированы.

Обличив Бухарина как раскольника, который сговаривается за спиной Политбюро с лидерами разгромленной оппозиции. Сталин объявил Бухарина и Рыкова лидерами “правого уклона”. В обстановке нарастания радикализма “умеренные” силы в партии были принуждены замолчать. Бухарин и его союзники один за другим стали выбывать из Политбюро. В годы Большого террора все они погибли.

Насильственная коллективизация

Решение о проведении коллективизации сельского хозяйства было принято на XV съезде партии в конце 1927 года, а претворено в жизнь в 1928–1933 годах. Фоном для перехода к коллективизации стал кризис хлебозаготовок 1927 года, углубленный охватившим страну ожиданием войны (обострение отношений с Англией) и массовой скупкой населением товаров первой необходимости. Распространилось мнение о том, что крестьяне придерживают хлеб, стремясь взвинтить цены на него (так называемая “кулацкая хлебная стачка”). В январе 1928 года Сталин лично совершил поездку в Сибирь, в ходе которой требовал максимально нажать на “кулаков и спекулянтов”.

В 1926–1927 годах троцкистско-зиновьевский блок обвинял сторонников “генеральной линии” в недооценке так называемой кулацкой опасности, требовал развернуть среди зажиточных слоев деревни “принудительный хлебный заем” по твердым ценам. Сталин на практике даже превысил требования “левых”, масштабы изъятия были существенно повышены, обрушились своей тяжестью и на середняков. По рецептам Гражданской войны также предпринимались попытки натравить одну часть деревни на другую: до 25% изъятых хлеба направлялись сельской бедноте.

Коллективизация сопровождалась так называемым “раскулачиванием” — политическими репрессиями, применявшимися в административном порядке местными органами власти на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации”.

В первые два года в ГУЛАГ было отправлено свыше 380 тыс. семей общей численностью около двух миллионов, а в последующие восемь лет в спецпоселения прибыли ещё с полмиллиона раскулаченных. Сотни тысяч людей умерли в ссылке.

Началось массовое сопротивление крестьян. В одном только марте 1930 года ОГПУ насчитало 6500 бунтов, восемьсот из которых было подавлено с применением оружия. А в течение всего указанного года против коллективизации и раскулачивания выступили не менее 2,5 миллиона крестьян. Обстановка была близка к новой гражданской войне. 2 марта 1930 года Сталин опубликовал

в “Правде” статью “Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения”, где возложил ответственность на чрезмерно ретивых руководителей. В 1932 году ряд регионов страны поразил голод, от которого умерли несколько миллионов человек (Хлевнюк О. “Сталин...”). Связь его с насильственными методами утверждения колхозного строя очевидна. Деревня превратилась в резервуар выкачки из неё средств и рабочей силы на нужды индустриализации.

Индустриальный скачок

Утвержденный Сталиным в 1928 году пятилетний план по строительству 1500 заводов требовал огромных расходов. Миллионы людей двинулись из колхозов в города. На январском пленуме ЦК 1933 года Сталин заявил, что первая пятилетка выполнена за 4 года и 3 месяца. Действительно, за это время было построено запланированное число предприятий, появились целые новые отрасли (тракторостроение, авиационная промышленность и др.). Однако на практике рост был достигнут за счёт промышленности группы “А” (производство средств производства), а план по группе “Б” не был выполнен. Кроме того, резко упало сельскохозяйственное производство, поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое.

Эйфория первых лет пятилетки привела к штурмовщине. В период второй пятилетки наметился определенный рост строительства жилья и, в рамках культурной революции, театров и домов отдыха. Комментируя некоторый рост уровня жизни, обозначившийся с началом стахановского движения, Сталин в ноябре 1935 года заметил: “Жить стало лучше, жить стало веселее”. За месяц до этого в Советском Союзе отменили карточки.

Культурная революция

Одной из стратегических целей государства была объявлена культурная революция. В её рамках проводилась кампания ликбеза, начавшаяся ещё с 1920 года. С 1930 года в стране впервые введено всеобщее начальное образование. Параллельно с массовым строительством домов отдыха, музеев, парков также проводилась агрессивная антирелигиозная кампания. Были взорваны сотни церквей в Москве и других городах, в частности Храм Христа Спасителя.

Победа Сталина была в равной мере результатом его умелых интриг и ошибок его оппонентов. Немалое значение имели возможности Сталина как генерального секретаря партии, повлиявшего на кадровые назначения. Сталин отлично научился манипулировать людьми, он умел выжидать и аккуратно дозировать удары, чтобы не напугать раньше времени потенциальных сторонников и колеблющихся. Маскируя до поры свои истинные намерения, он выглядел уравновешенным политиком, лояльным членом партийного сообщества, непримиримым только к врагам. Но через несколько лет всё изменилось. Многие, если не большинство из тех, кто поддержал Сталина, не раз горько пожалели о своём выборе, оказавшись следующими в длинной череде жертв. В этом заключалось сталинское мастерство: заставить других пожалеть о своих поступках тогда, когда уже поздно.

1929 год был объявлен Сталиным годом великого перелома. Стратегическими задачами государства объявлены индустриализация, коллективизация и культурная революция. Одной из последних оппозиций стала группа Рютина. В своей программе “Сталин и кризис пролетарской диктатуры” Рютин выступил с серьёзными нападениями на Сталина лично. Рютин приговорили к 10 годам заключения, а позже, в 1937 году, расстреляли.

Надо сказать, что основные конкуренты Сталина в борьбе за власть были такими же противниками демократии, что и он. Для своего прихода к власти Сталин пользовался механизмами, уже существовавшими до него. Постепенный переход к полному запрету любых фракционных оппозиций прямо опирался на резолюцию “О единстве партии” X съезда (1921), принятую под давлением Ленина.

Так называемый “съезд победителей”, XVII съезд ВКП(б) в 1934 году констатировал, что резолюция X съезда выполнена и в партии больше нет оппозиций. Тогда же многие бывшие оппозиционеры были приняты обратно в партию после публичного признания “ошибок”. Стремясь сохранить свои посты, с подобными речами на съезде выступили, в частности Зиновьев, Каменев,

Радек, Бухарин, Рыков, Томский, Пятаков, Преображенский. Каменев назвал сам себя “политическим трупом”, а Преображенский потратил немало времени на нападки на своего бывшего соратника Троцкого. Бухарин, называвший прежде Сталина “Чингисханом”, на съезде именовал его “фельдмаршалом пролетарских сил”.

В это время поэты возвеличивали Сталина. Борис Пастернак, например, в 1935 году о Сталине писал:

*За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье:
Поступок, ростом с шар земной.*

*Судьба дала ему уделом
Предшествоющего пробел.
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел.*

Большой террор

После убийства Кирова в 1934 году резко активизировался курс на репрессии. За период с октября 1936-го по ноябрь 1938 года органами НКВД было арестовано около двух миллионов человек, из которых более 700 тысяч расстреляно. Сталин выдвинул идею “обострения классовой борьбы по мере строительства социализма”. Так называемый “Большой террор”, или “ежовщина” 1937-1938 годов вылилась в самоистребление советского руководства в невиданных масштабах. Так, из 73 человек, выступавших на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, 56 были расстреляны. Погибло также абсолютное большинство делегатов XVII съезда ВКП(б) и около 70% избранного этим съездом состава ЦК. Это произошло не случайно.

Вызванные насильственной коллективизацией голод и многочисленные восстания крестьян стали настоящим шоком для партийных рядов. В результате в среде старых партийцев возник вопрос о замене Сталина другой фигурой. Покончив с оппозициями, он уловил теперь недоверие к себе со стороны тех, кто раньше его поддерживал. Делегаты XVII съезда тщательно подбирались по степени их готовности выступить и голосовать как надо. Предусматривалось также избрание на съезд бывших участников оппозиций при условии, что наряду с покаяниями они выступят с одобрением политики партии. В итоге на съезде никто не сказал ни слова о голоде, поразившем страну, существовании карточной системы распределения продовольствия, крестьянских восстаниях в различных частях страны и других проявлениях массового недовольства населения. Говорили исключительно об успехах и победах партии, а Сталина превозносили так, будто это был его юбилей. Отсюда и кощунственное в той трагической ситуации название партийного форума — “съезд победителей”. Поначалу казалось, что представление разыгрывается целиком по составленной партитуре. Но Сталина ожидал неприятный сюрприз.

Накануне съезда в среде старых большевиков возникла идея замены Сталина на посту генерального секретаря ЦК ВКП(б) лидером ленинградской парторганизации Кировым. 297 человек, составляющих около четверти делегатов с решающим голосом, зачеркнули имя Сталина при выборе состава ЦК. Сталин без особого труда подавил это выступление против себя, просто приказав переписать результаты выборов. Было объявлено, что против Сталина было подано лишь 6 голосов, но многие делегаты знали, что это неправда. Чтобы исключить что-либо подобное, вождь пошёл на крайние меры. В результате из 1966 делегатов были казнены 1108, а из 139 человек, избранных в руководящие органы партии, — 98, т. е., более 70%. Были осуждены все 23 члена счетной комиссии. Трое из них, чудом выжившие в заключении, после своей реабилитации рассказали, что на самом деле произошло на съезде. Репрессирован был тот актив партии, который принято называть ленинской гвардией.

Новый импульс чисткам придали первый московский открытый процесс над лидерами бывшей оппозиции в августе 1936 года. Подсудимые Каменев, Зиновьев и другие известные деятели партии были объявлены “террористами” и “шпионами” и расстреляны. После этого суда Сталин назначил Ежова наркомом внутренних дел. И тот начал подготовку новых процессов и усилил чистку аппарата. В январе 1937 года был проведен второй открытый московский

процесс, на этот раз над бывшими оппозиционерами, занимавшими руководящие должности в хозяйственных ведомствах. Их также обвинили во “вредительстве” и “шпионаже”. Соратники Сталина, скомпрометированные связями с вымышленными “врагами”, подчинились силе. Один лишь Орджоникидзе продолжал защищать своих сотрудников от арестов. Между Сталиным и Орджоникидзе возник конфликт, завершившийся самоубийством Орджоникидзе. Вскоре было открыто дело против бывших лидеров “правого уклона” Бухарина и Рыкова. Третий из “правых”, Томский покончил жизнь самоубийством. Бухарина и Рыкова на третьем большом московском процессе приговорили к расстрелу. Расправы в Москве отзывались многочисленными арестами и репрессиями по всей стране.

Репрессии обрушивались и на силовые структуры – НКВД и армию. Став наркомом внутренних дел, Ежов уничтожил своего предшественника Ягоду и многих его сотрудников. В середине 1937 года после пыток к расстрелу была приговорена большая группа высокопоставленных военных во главе с заместителем наркома обороны М. Н. Тухачевским. Их обвинили в создании “антисоветской троцкистской военной организации”. Последние исследования на основе архивов спецслужб показали, что обвинения против военных, также как и другие аналогичные акции, были сфабрикованы в НКВД и что они не имели под собой реальных оснований.

Во второй половине 1937 года террор обрушился на широкие массы советского населения, что, собственно, и сделало его большим. Для каждой области и республики устанавливались количественные задания на расстрелы и заключения в лагеря. По имеющимся данным, в 1937-1938 годах были арестованы около 1,6 млн человек, из них около 700 тыс. расстреляно и неизвестное количество людей убито во время следствия в застенках НКВД. На протяжении неполных полутора лет ежедневно расстреливали до 1500 “врагов”, не говоря о тех, кого посылали в лагеря.

Осенью 1938 года Сталин решил поставить точку, и массовые операции были завершены. В августе 1938 года первым заместителем Ежова был назначен секретарь ЦК КП Грузии Л. П. Берия. Вскоре он арестовал Ежова как руководителя “контрреволюционной организации” в НКВД и расстрелял его. Ежов стал очередным “козлом отпущения”.

В 1937-1938 годах были проведены масштабные политические репрессии в отношении командного и начальствующего состава РККА и РККФ. В число репрессированных в эти годы попали трое из пяти маршалов Советского Союза, 20 командиров 1-го и 2-го ранга, 5 флагманов флота 1-го и 2-го ранга, 6 флагманов 1-го ранга, 69 комдива, 247 комбатова. Это ослабило потенциал вооруженных сил и способность противостоять будущей агрессии со стороны Германии.

Война

Победа в Великой Отечественной войне подняла авторитет и славу Сталина на небывалую высоту. Считают, что без него поражение было бы неминуемо. Но немало и тех, кто утверждает, что Сталин совершил множество просчетов и ошибок, в том числе и неподготовленностью к войне. Кто же прав?

Понимание неизбежности новой мировой войны у Сталина имелось. Он проводил политику, направленную на ослабление империалистического фронта, его раскол. В условиях попустительства со стороны западных демократий экспансионистским планам Гитлера, он расценивал эти действия как преднамеренное усиление Германии с целью подталкивания её к войне против СССР. В целях противодействия этим планам были предприняты дипломатические шаги, в результате которых 23 августа 1939 года между СССР и Германией был заключён договор о ненападении. Однако это лишь отсрочило, но не предотвратило войну, развязанную вероломным противником.

Верно, конечно, что фактором победы является мужество боровшихся на фронтах и работавших в тылу советских людей. Но не от Сталина ли больше чем от кого-либо другого в нашей стране зависел исход войны? Через неделю после её начала 30 июня 1941 года он назначается председателем высшего органа власти на военный период – Государственного комитета обороны, 19 июня 1941 года – народным комиссаром обороны СССР, а 8 августа – Верховным главнокомандующим. Словом, Сталин не побоялся взять на себя всю ответственность в самое трудное для страны время и сделал всё возможное.

Первые месяцы войны принесли большие потери. Как пишет историк О. Хлевнюк: “Не в последнюю очередь из-за просчетов Сталина начало войны было катастрофическим и лишило страну значительной части армии и экономических ресурсов. Нетрудно предположить, что более сбалансированная и менее репрессивная политическая модель (пусть и авторитарная, но не обязательно тираническая) смогла бы обеспечить лучшее распоряжение военно-экономическим потенциалом, созданным ценой героических усилий и жертв довоенного поколения” (Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: издательство АСТ, 2017, с. 450).

Военные неудачи обостряли присущие Сталину подозрения о предательстве в штабах и на фронте. Когда было объявлено о развале Западного фронта и бесхребетности его руководства во главе с генералом Д. Г. Павловым, Сталиным был отдан приказ о предании его суду, после чего генерал был расстрелян. Об этом широко оповестили армию.

Сталин применял метод кнута и пряника. В конце июля 1941 года он издал указы о присвоении звания Героя Советского Союза группе солдат и офицеров Красной армии, в том числе капитану Н. Ф. Гастелло, направившему горящий самолет в колонну вражеских войск, летчику-истребителю В. В. Талалихину, который впервые произвел таран в ночном воздушном бою.

Верно, что несколько битв было проиграно, а приказы Сталина далеко не всегда оказывались адекватны сложившимся ситуациям. Так, в июле 1941 года маршал Жуков доложил Сталину о надвигающейся угрозе на Киев и предложил оставить город и укрепиться на левом берегу Днепра. Но Сталин ответил грубым отказом, снял Жукова с должности начальника Генерального штаба и отправил командовать фронтом. В середине сентября немцы сомкнули кольцо вокруг советских армий восточнее Киева. В окружении оказались 452,7 тыс. человек. Это было крупнейшее поражение. В сражении погибло и руководство Юго-Западного фронта, что оживило надежды Гитлера на захват Москвы и Ленинграда. Однако им не суждено было сбыться.

Ситуация постепенно выровнялась, а затем изменилась в обратную сторону. Начало, положенное в Сталинградской битве, имело продолжение в ходе зимнего наступления Красной Армии 1943 года. В Курской битве разгром противника под Сталинградом был повторен, наступил коренной перелом.

Чтобы переломить ход войны, Сталин использовал крайние меры. В приказе Ставки Верховного командования № 270 от 16 августа 1941 года было предписано, что сдающиеся в плен подлежат уничтожению “всеми средствами, как наземными, так и воздушными”, а семьи “злостных дезертиров” из числа командиров подлежат аресту. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. А в изданном 28 июля 1942 года, когда продвижение немцев на юге достигло угрожающих размеров, приказе народного комиссара обороны № 227 заявлялось, что командиры, “отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины”. На основании приказа предусматривалось создание штрафных батальонов и рот. Постоянной структурой в армии становились заградительные отряды, обязанные “в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизий расстреливать на месте паникеров и трусов”.

Но, в отличие, скажем, от Франции, которая через несколько дней сдавалась и пустила немцев в Париж, наша страна под руководством Сталина выстояла и победила. А ведь армия вермахта питалась многими государствами Европы и немцы с особым ожесточением дрались на Восточном фронте. Даже когда враг был у порога Москвы, Сталин не оставил город, организовал эвакуацию заводов и фабрик.

В годы войны Сталин участвовал в конференциях “Большой тройки” в Тегеране, Ялте и Потсдаме с участием лидеров союзных держав трёх стран: СССР, США и Великобритании по военным вопросам и проблемам, посвященным установлению послевоенного мирового порядка. Вскоре на карте мира появились новые социалистические государства, окрещенные “сателлитами СССР”, а Запад объявил нам “холодную войну”.

И после

За выдающиеся заслуги в победе в июне 1945 года Сталину присвоили звание генералиссимуса – высшее воинское звание. Вскоре после этого Александр Вертинский пел написанную им о Сталине песню:

*Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?*

*И в слепые морозные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Его ясные, яркие очи
До конца разглядели врага.*

*В эти чёрные тяжкие годы
Вся надежда была на него,
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?*

Страна лежала в руинах. Нужно было быстро восстанавливать народное хозяйство, преодолевать голод. Плановое хозяйство и мобилизационные методы сработали. Через некоторое время Сталин вновь вернулся к репрессиям. Побывавших в немецком плену сажали в тюрьму, развернулась кампания по борьбе с космополитизмом, завели “Ленинградское дело”, затем “Дело врачей” и др. Сталин вмешивался в сферы науки, культуры. Далеко не всегда удачно. Он, например, противился развитию генетики и кибернетики. Им готовились новые чистки партийного аппарата, включая самые высокие его эшелоны.

Как свидетельствовала его дочь: (Сталин) “отстранил старого личного секретаря Поскребышева, арестовал старого служаку-охранника Власика, арестовал старого личного врача, боялся всего и всех, но всё не хотел уступать...” (Аллилуева С. И. Только один год, с. 341).

Его смерть в марте 1953 года вызвала скорбь подавляющего большинства советского народа, но облегчение у многих из тех, над кем сгустились тучи. Члены Политбюро с грустными лицами несли его гроб к Колонному залу, а оттуда к Мавзолею, но от сердца у большинства из них, включая Молотова и Берия, отлегло. Затем началась борьба наследников за власть, и Хрущев, используя своё положение генсека, в сговоре с другими решил убрать самого грозного соперника. Он объявил Берия шпионом. После ареста он находился несколько дней в подвалах Штаба Московского военного округа и там же был расстрелян через десять минут после “вынесения приговора”. Хрущев поступил с ним так же, как это делал раньше раскритикованный им Сталин.

Опасные мифы

Два противоположных мифа о Сталине широко муссируются в наши дни. Один из них был создан при его жизни, другой достиг своей кульминации уже в новые времена. И оба они вредны и даже опасны.

Первый из них представляет собой культ его личности, инициированный вначале им самим, а затем внедрённый с помощью пропаганды в сознание общества. Его суть заключается в оценке Сталина как второго Ленина, безгрешного и гениального, хотя и жесткого руководителя. Такое представление и неверно, и опасно. Почему? Оно наталкивает на мысль, что и сейчас мы нуждаемся в столь же “крутом” лидере, который наведет железной рукой в доме порядок. Но нужен ли нам диктатор, чтобы разрешить накопившиеся у нас проблемы? Нет, конечно. В максимуме вполне достаточен авторитарный лидер, проводящий взвешенный и сбалансированный курс.

Между тем и сегодня немало тех, кто не желает о Сталине слышать ничего, кроме восторженного. В трех майских номерах за этот год газета “Завтра” опубликовала серию статей под названием “Сталин и Фалин”. В них известный дипломат и государственный деятель нашей страны, блистательный публицист и историк подвергается яростной критике лишь за то, что в своей книге “Второй Фронт” он-де соизволил отметить и некоторые просчеты отца народов в предвоенные и военные годы. Фалина тотчас же заклеили “антисоветчиком” и поставили в один ряд с такими “очернителями Сталина”, как А. Солженицын, Э. Радзинский, Р. Медведев, Л. Млечин и др. Замалчивание ошибок Сталина, массовых репрессий в эпоху Большого террора, варварских методов борьбы против кулаков, депортаций целых народов не льёт воду на стремление к изменению общества в лучшую сторону. Правда, какая бы горькая она

ни была, должна быть превыше всего, независимо от того, нравится ли это кому-нибудь или нет.

Не менее вреден и противоположный миф о Сталине как об абсолютном тиране и палаче, несшем лишь одно горе и наказание своему народу. Он не только искажает неоднозначную советскую историю, но и подразумевает, что единственной альтернативой ныне сложившейся в России бюрократическо-олигархической модели капитализма может быть лишь сталинский режим. А это совсем не так. В Китае при Мао Цзэдуне тоже было нечто подобное. Но там нашли золотую середину, отказавшись от диктатуры, но сохранив преимущества социализма и соединив их с достоинствами рынка и капитализма.

Мы же как будто обречены на шараханье из крайности в крайность. Нам следует реформировать существующую в стране систему в новое интегральное общество со сменяемыми демократическим путем лидерами, а не возвращаться в мобилизационные и репрессивные времена. Надо двигаться вперед и к прогрессу, а не назад к регрессу.

А был ли социализм?

Открытые споры об этом ведутся у нас уже почти на протяжении 30 лет. Те, кто утверждает, что нет, аргументируют свою позицию тем, что классическое понимание социализма непременно включает в себя наличие элементарных свобод, они были попорчены. Если пороком капитализма служит эксплуатация собственниками средств производства тех, кто их не имеет, то при социализме должно стать лучше, а не хуже. Сторонники противоположного взгляда апеллируют к тому, что, несмотря на ряд пороков, общество сознательно направляло свое развитие, уничтожило частную собственность на средства производства, с помощью планового развития обеспечило ликвидацию экономических кризисов и изжило безработицу. Провело культурную революцию, ликвидировало безграмотность и дало бесплатный доступ к учебе и получению медицинской помощи миллионам простых людей.

И в самом деле, возникает вопрос: если это был не социализм, то что же? С азиатским строем или восточной деспотией, о чем писали Маркс и Энгельс, было, конечно, нечто общее. Поэтому об этом обществе в советские времена предпочитали не вспоминать. Но в советские времена шло быстрое развитие, идущее во благо большинства народа, а при азиатском строе этого не было. Поэтому полагаю, что социализм в нашей стране в эпоху Сталина всё же был, хотя и ущербный.

Желание перейти от тиранического, а затем бюрократического социализма к “социализму с человеческим лицом” было благим желанием. Но оно в нашей стране не было претворено в действительность. “Перестройка” вылилась в огульное охаивание социализма, особенно сталинизма, и вымостила дорогу к антисоциалистической революции, произошедшей в начале 1990-х годов. После этого о том, какой у нас сформировался строй, перестали говорить. А если вопрос и ставился, то на него отвечали, что у нас теперь “демократия”. Однако “демократия” это не строй и не способ производства.

Надо было сохранить преимущества социализма и добавить к ним эффективные рыночные механизмы. Именно так произошло в Китае и Вьетнаме. Ныне обе эти страны процветают, хотя и не отказались от социализма. В них не утерян контроль общества над экономикой. У нас же произошла реставрация капитализма, причём он быстро обрёл бюрократическо-олигархический характер. В Китае и Вьетнаме от социализма перешли к новому интегральному обществу, дающему оптимальные результаты общественного развития в современном мире. Мы ушли от худо-бедно действующей социалистической формации к низкопробному капитализму. То, что мы занимаем страусовую позицию и уклоняемся от обсуждения этих тем, обрекает нас и дальше плыть по течению.

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

доктор философских наук

МОЛОДЁЖЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

(эскиз к политическому портрету)

Трудно сказать, что обнаружит более дотошный и неистовый исследователь по данной проблеме в архивах и других первоисточниках, но меньше всего данных, я убеждён, он найдёт по истории Московской Руси. И не только потому, что о том периоде сохранилось не очень много сведений, что средняя продолжительность жизни в ту пору едва равнялась тридцати годам, и, следовательно, о молодёжи в её нынешнем смысле просто не приходится говорить. Хотя это вовсе не значит, что не о чем говорить вообще. Ибо во все века существовала проблема “отцов” и “детей”. Разумеется, это проблема, как минимум, двусторонняя: с одной стороны – люди старшего поколения, родители; с другой – люди молодые, дети в буквальном смысле и “дети” в смысле собирательном, социологическом.

Но и в этом плане история Московской Руси малопоучительна. Дело в том, что “отцы” и “дети” Московской Руси не знали **духовного конфликта**.

На этот момент необходимо обратить особое внимание: конфликт “отцов” и “детей” нельзя ни в коем случае сводить к их различиям во вкусах и взглядах на бытовую жизнь, что во все времена случалось и случается в каждой отдельно взятой семье поныне. И даже если эти различия стали массовыми, коснулись множества семей и можно говорить о них как о некоем социальном явлении, всё равно надо понимать, что они вторичны. Первичным основанием подлинного конфликта “отцов” и “детей” могут быть только существенные различия в представлениях и взглядах достаточно значительной массы представителей старшего и молодого поколений на смысл и цели жизни и развития человека, общества и государства, способы и формы устройства их функционирования и т. п. Одним словом – на базовые духовные и нравственные ценности, которые старшее поколение хотело бы передать в качестве духовной эстафеты следующим за ним молодым поколениям через систему обучения и воспитания, через формы и методы предметно-практической деятельности. Именно в тот момент, когда младшее поколение по каким-либо причинам (речь сейчас не о них) не хочет принимать эту эстафету или стремится решительно отказаться от части передаваемого наследия как якобы (или на самом деле) устаревшего, изжившего себя, а старшее поколение не согласно с таким отношением к нажитому им тяжёлым трудом и кровью, и может возникнуть конфликт “отцов” и “детей” со всеми вытекающими для общества тяжёлыми последствиями. Итак, конфликт поколений – явление содержательное, а не формальное. Суть конфликта, в первую очередь, не в том, в каких формах и каким способом передаётся эстафета поколений (хотя будем помнить, что

форма содержательна, а явление – существенно), а в духовном содержании этой эстафеты.

История государства русского полна внутренними конфликтами и военными противостояниями. Но это были конфликты не поколений, а ссоры внутри властвующих – княжеских и других вельможных – семей и между ними. Это была борьба и война за власть, территории и население, это был спор по поводу **средств и методов** достижения целей и задач развития российского государства, но не **содержания духовной эстафеты**. Содержание духовной эстафеты как совокупности базисных идей (объединение Руси и славян, освобождение православных, расширение национальных границ и поиски выходов к морю, подчинение окраин, усиление царской власти, проповедь идеи о Руси как о Третьем Риме, Православие как духовная основа жизни русской нации и другие) не изменялось от поколения к поколению в течение нескольких столетий. Эти идеи цементировали отношения “отцов” и “детей”, всю русскую нацию, все российские народы, лежали в основе создания русской и российской культур.

Однако последующая история России с начала XVII века и по нынешний день сопровождалась практически не прекращавшейся, то, казалось, затухавшей, то вновь набиравшей в обществе силу борьбой именно духовных начал жизни. Эта борьба выливалась то в начинавшиеся реформы, которые никому из реформаторов не удавалось довести до конца, то в революции (1905 года, 1917 года, 1991 года), из которых ни одна также не была доведена до конца. На протяжении всех этих трёх столетий в роли разносчиков новых социальных идей, зачинателей перемен и создания всевозможных общественно-политических кружков и организаций были молодые люди, в том числе их большие группы, осознавшие свои особые, специфические интересы и цели, призывавшие сверстников к объединению и создававшие для этого свои молодёжные организации.

Пробежимся по нашей истории, по хорошо известным всем событиям и именам, обращая внимание всего на два факта: возраст центральных фигур и роль, которую они исполняли, – поддерживали традицию и прежний образ жизни или выступали против них. . .

Впервые особая роль молодёжи в российской истории резко проявилась во времена реформ Петра I. Не просто молодым, а юным был сам царь, начавший самостоятельно править государством в 17 лет. В подавляющем большинстве молодые были его соратники – “птенцы гнезда Петрова”. Молодые люди были в первых рядах борцов за новое, поддерживали монарха. Но дело, конечно, не только в возрасте реформаторов. Главное в том, что впервые молодёжь **покушалась на духовные основы** Московской Руси. Поколеблено было Православие и Церковь, которая перестала служить единственной и высшей духовной инстанцией. **Европеизация**, составлявшая смысл петровских реформ, знаменовалась проникновением в русскую культуру западной философии, западной науки и литературы, западной политики, западных манер поведения и одежды, западных языков и т. д.

Впервые в истории России по всем линиям жизни общества разразился конфликт поколений. “Отцы” отстаивали духовные ценности Московской Руси, “дети” выступали за европеизацию. В молодёжной среде возникло презрение к национальным формам жизни. Своё, родное, русское стало для молодых смешным, всё иностранное, наоборот, восхищало. На лицах “отцов” исчезли бороды, а вместе с бородами – и уважение “детей” к прошлым деяниям, к русской истории. Началось шатание всего и вся, продолжавшееся затем добрых два столетия.

Тем не менее, очевидным результатом этого шатания как следствия петровских реформ стало возникновение в России нового высшего общественного слоя – **русского дворянства**, составлявшего главную опору Петра. За слугой этого дворянства явилось создание **русско-европейской культуры**: европейской по форме, русской по содержанию.

Не будем сейчас рассуждать о том, хороши, планомерны и удачны или, наоборот, плохи, спонтанны и неудачны были петровские реформы. Существуют разные точки зрения. Одни историки поют Петру исключительно гимны, другие видят в нём крайнего честолюбца, который ради достижения своих внешнеполитических целей уничтожил множество людей, довёл страну до крайнего разорения и разрухи. Речь о другом.

Со смертью Петра I основные идеи его реформ не умерли. Новые поколения молодёжи XVIII века горячо поддерживали складывающийся новый образ жизни. И прежде всего, это относится опять-таки к молодому дворянству, которое распространяло новые западные идеи (республиканство, конституционность и т. п.), религиозный скепсис. Русские европейцы первой половины XVIII века передали духовную эстафету своим детям – русским вольтерьянцам екатерининских времен, а те – масонам эпохи Александра II.

Из масонов вышли **декабристы** – за исключением единиц сплошь молодые дворяне, главным образом, участники Отечественной войны 1812 года. Из 121 человека, осужденных по делу о восстании 14 декабря 1825 года (к следствию было привлечено 579 человек), лишь 12 человек было в возрасте 34 лет, большинство же не достигло тридцати лет. Организации декабристов (“Союз спасения”, “Союз благоденствия”, созданные в 1816–1821 годах) можно считать первыми по возрастному составу молодёжными организациями. И хотя они преследовали совершенно “взрослые” цели, отметим, что идеи свободы и освобождения русского народа от самодержавия возникли в молодых умах и душах, которым свойственны размышления о возвышенных идеалах, служение великим целям.

Отметим также, что движение декабристов возникло в России, главным образом, под влиянием просветительской деятельности и западноевропейских политических идей и в этом смысле было продолжением реформ Петра Великого. Оно объединяло блестяще образованную дворянскую молодёжь, одушевлённую бескорыстными общественными стремлениями.

Возникнув в 20-х годах XIX столетия, это движение носило не столько словесный, сколько **идейный** характер, ибо его задачи выходили далеко за рамки интересов только дворянства. Декабристы стояли за отмену крепостного права, демократическую республику или конституционную монархию с федеративным устройством.

На декабристах заканчивается период ученичества русско-европейского общественного сознания. Произошёл духовный разрыв между “отцами”, которые были по преимуществу консервативны, в лучшем случае числили себя либералами, и “детьми” – нигилистами, атеистами, демократами, прогрессистами, народниками, социалистами и марксистами. С каждым поколением разрыв между “отцами” и “детьми” увеличивался. Молодёжь не понимала “стариков” и не хотела их понимать, становилась наследственно революционной.

После разгрома декабристов роль высшего дворянского слоя как основного носителя западноевропейской культуры, реформистских и революционных идей в России надо считать исчерпанной. Общественное движение в сторону перемен стало всё более демократизироваться по своему составу, обретать всё более широкую социальную базу, проникать во всё более широкие слои населения.

Просвещение и образование перестало быть привилегией только высшего класса и дворянства, оно уже коснулось народа. Следствием этого стало постепенное возникновение ещё одного нового общественного слоя – **разночинной интеллигенции**, состоявшей из наиболее способных представителей низов. Естественно, что это была **исключительно молодёжь**, гордившаяся своей образованностью, но обозлённая на высший свет и дворянство уже потому, что не имела доступа в эту среду, а главное – потому, что не получила достаточных гражданских прав и была отрезана от власти. Тем самым интеллигенция обрекалась на **революционность**. Ей не оставалось ничего, как ненавидеть власть имущих, стремиться к свержению самодержавного строя.

Нарождающийся капитализм требовал всё больше образованных людей, и это делало интеллигенцию быстро **расширяющимся** слоем – расширяющимся опять-таки **исключительно** за счёт молодёжи, и прежде всего студенчества. Уже не столько дворянская, а интеллигентская молодёжь выдвигалась в первые ряды революционного движения. Слова “студент” и “революционер” становились синонимами.

При этом интеллигенция стремилась передать свои революционные идеи “простому” народу – рабочим, крестьянам, увлечь за собой молодёжь высшего класса. Одним словом, именно интеллигенция (читай: молодёжь) **формировала** революционное движение.

Научный социализм Маркса ещё не упал на российскую почву. В ходу были, главным образом, идеи Р. Оуэна, Ш. Фурье, В. Годвина, Э.-Г. Морелли,

Т. Дезами, Сен-Симона, П.-Ж. Прудона, Луи Блана и других социалистов-утопистов. Городская интеллигентская молодёжь и, прежде всего, студенты становились приверженцами радикальных учений, стремились просветить народ. Создавались добровольные воскресные школы, в которых молодые учителя, студенты и старшие гимназисты учили своих сверстников и взрослых, организовывались кассы взаимопомощи, устраивались библиотеки, распространялись цензурные книжки по пониженным ценам.

Первым просветителем и возбудителем молодых и всего общества в те годы и долгое время была русская **литература**, которая показывала русскую жизнь и русских людей XIX и начала XX века с таким великолепием, как это не смогли сделать до этого ни история, ни философия. Русская литература тех лет была продуктом молодых писателей и поэтов, которые рассказывали, главным образом, о молодёжи, поскольку именно молодёжь в те годы была ведущим слоем русской жизни. Ни в одной другой литературе не встретишь так много молодых героев. Читая произведения XIX века, можно подумать, что всё общество в ту пору состояло сплошь из молодёжи, что людей иного возраста, иных героев просто не было.

Это вовсе не случайно. Молодёжь находилась в смятении, в состоянии раздвоенности, крайней неудовлетворённости, разочарования, сознания неответственности надвигающейся катастрофы. Умы и души молодых жаждали перемен, были устремлены в будущее. Общество было в разломе, его “анатомия” была обнажена и не могла не вызывать интереса у сильных и любопытствующих умов. Литература отражала то, что происходило с молодёжью, истолковывала и объясняла то, чем и как она жила. Пророчествовала. Литература была историей и философией общественной жизни.

В тридцать семь лет ушёл из жизни Пушкин — близкий к декабристам, дважды подвергавшийся ссылке, — оставив созданный им в совсем молодом возрасте образ Евгения Онегина, который выражал не только внутренний кризис русского общества, но был также носителем модных западноевропейских теорий и настроений. В двадцать семь лет погиб Лермонтов, творчество которого питали разочарование в действительности и тоска по свободной личности, в которой доминировали мотивы разлитого в обществе нигилизма и неудовлетворённости. Он оставил образ “героя” своего времени, загадочный и печальный образ Печорина. С не меньшим правом, чем Онегин и Печорин, героем “того” времени был Чацкий двадцатидевятилетнего Грибоедова, который находился под следствием по делу декабристов. Самые глубины социального нутра России раскрыты в сатирических романах и бытовой комедии Гоголя, романах Гончарова и Тургенева, среди которых “Обрыв”, “Отцы и дети” написаны прямо о молодёжи.

А были ещё Чаадаев, Толстой, Чехов, Лесков, Некрасов, Мережковский, Бунин. Был Достоевский — пророк будущего России до наших дней, участник кружка М. В. Петрашевского, приговорённый к смертной казни за революционные убеждения и впоследствии от них отказавшийся, поскольку он увидел “бесов” и “бесовщину”...

А были ещё писатели-публицисты, которые вслед за некрасовским вопросом “Кому на Руси жить хорошо?” поставили логически последовательные вопросы “Кто виноват?” (А. И. Герцен) и “Что делать?” (Н. Г. Чернышевский).

Отец “русского социализма” Герцен, организовавший в Лондоне первую свободную русскую типографию вместе со своим другом Н. Огарёвым, создавший газету “Колокол” и журнал “Полярная звезда” и пропагандировавший в них освободительные от абсолютной монархии идеи, имел такое огромное влияние на общественное мнение, такое воздействие на умы молодёжи, которого в то время не имел ни один писатель. Не зря Герцена называли “русским Вольтером”.

Никто иной, а именно Огарёв написал и в № 102 герценовского “Колокола” 1 июля 1861 года опубликовал статью “Что нужно народу?”, которая рассматривалась как программа будущего тайного общества. И такое общество “Земля и воля” позднее было создано. Эта программа служила основой организации общественных сил в народе, среди интеллигенции и в армии, основой подготовки восстания.

Решающее влияние на развитие революционного сознания российской молодёжи своими произведениями оказали Н. Добролюбов, умерший от чахотки в 1861 году в возрасте 24-х лет, и Н. Чернышевский.

Влияние Чернышевского, который стал известен с двадцатипятилетнего возраста, на умы молодёжи было громадно и оставался таковым в течение всех 60-х и 70-х годов. В лице Чернышевского российское революционное движение имело острого критика буржуазной политэкономии и пропагандиста социалистических идей. Именно Чернышевский выдвинул на первое место среди всех социальных проблем вопрос о крестьянском землевладении, и это послужило исходной точкой для всех революционных программ начала 60-х годов, в том числе и земельной реформы. Именно в своей знаменитой книге “Что делать?” Чернышевский дал революционной молодёжи программу нравственных принципов и борьбы за преобразование общества, познакомил её с запрещёнными в то время западноевропейскими идеалами, атеизмом и достижениями естественных наук. Молодёжь зачитывалась произведениями Чернышевского и считала его своим учителем.

Для того чтобы судить о влиянии Чернышевского на умонастроения учащейся молодёжи, необходимо сопоставить его отношение к характеру ближайших событий с отношением к ним Герцена. В то время, когда Герцен продолжал успокаивать сознание молодёжи либеральными теориями мирного разрешения всех противоречий жизни и “во имя прогресса” призывал молодёжь “идти в народ”, Чернышевский призывал её на путь революционной борьбы. “Не увлекайтесь, — писал он Герцену в Лондон, — толками о вашем прогрессе, — мы всё ещё стоим на одном месте; во время великого революционного вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную **гласность**; но чуть дело коснётся дела — тут и прихлопнут... Нет, не обманывайтесь надеждами и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы... Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет. Вы сделали всё, что могли, чтобы содействовать мирному разрешению дела, перемените же тон, и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь! Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царя. Не вам её поддерживать”.

Такая резкая отповедь со стороны Чернышевского вызвана была наметившимся к этому времени разграничением политической мысли в среде самой разночинной интеллигенции. Пёстрая по своему классовому составу, она была неоднородной в выборе методов борьбы. Если одна часть интеллигенции — преимущественно выходцы из дворянского сословия — своё служение “народному благу” рассматривала, как стремление прийти на помощь трудовому люду запасом своих собственных знаний, огромными массами устремлялась во вновь открываемые воскресные школы, где и “обучала народ”, то другая часть — преимущественно представители неимущих классов, — наоборот, видела выход из создавшегося экономического и политического тупика не в мирных началах, а в методах организации революционных сил для предстоящей политической борьбы с властями. Это тактическое расхождение в среде разночинной интеллигенции лучше всего выразил сам Герцен. Отвечая Чернышевскому на его письмо, Герцен писал: “Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах, не в началах, а в образе действий. Вы представляете крайнее выражение нашего направления; наша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу. Но к топору, к этому ultima ratio (последнему доводу) притеснённых мы звать не будем, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора”.

Таким образом, вопрос о “топоре” сводился, главным образом, к вопросу о методах революционной борьбы, к тому, должна ли Россия пойти по пути революционной борьбы со всеми вытекающими отсюда последствиями кровавого восстания, или она без всяких кровавых потрясений, путём длительной эволюции общественных форм сама собою выйдёт, наконец, к социалистическому укладу жизни.

Рассуждая о роли молодёжи в политических процессах тех лет, не забывая умершего в двадцать восемь лет Писарева с его проповедью идеи гражданского долга и общественной солидарности, с его наивной и напрасной верой в то, что мир можно пересоздать путём личного умственного развития и популяризации научного знания...

В развитии российского революционного движения в конце 30-х, в 40-е и 50-е годы, когда в России ещё не было партий и иных политических организаций, важную роль сыграли различные **кружки**. Поскольку деспотическая атмосфера общества времён Николая I не позволяла возникнуть сколь-нибудь

значительному общественному мнению, а тем более политическим организациям, то разного рода освободительные идеи обсуждались в узком кругу хорошо знавших друг друга людей. Не имея возможности действовать, молодёжь, составлявшая подавляющее большинство членов кружков, занималась самообразованием и саморазвитием, а своё недовольство существующими порядками изводила на резонёрство. Кружки, в которых молодые единомышленники обсуждали социальные и политические проблемы, существовали в Петербурге, Тамбове, Ростове-на-Дону, Костроме, некоторых городах Сибири.

Среди всех таких кружков стоит особо отметить **кружок Станкевича**, который действовал в Москве в конце 30-х годов. Горячий поклонник Гегеля и его идей, которые начали проникать в Россию, Станкевич собрал под свою крышу блестящую группу молодых гениев, ставших вскоре знаменитыми глашатаями революционной мысли: Бакунина, Герцена, Огарёва, Белинского, Грановского.

Громкую славу вскоре после его раскрытия получил тайный **кружок** двадцативосьмилетнего чиновника Российского министерства иностранных дел **Петрашевского**, который состоял из чиновников, офицеров (среди которых был и молодой Достоевский) и литераторов. 23 из арестованных членов кружка были приговорены к смерти, но потом помилованы с заменой смертной казни каторжными работами и солдатчиной. Не случайно. Следственная комиссия по делу петрашевцев увидела в работе этого кружка огромную опасность, назвав его работу “заговором идей”. Для этого были все основания. Целью кружка петрашевцев, у которого в Петербурге было более 230 единомышленников, являлось уже не самообразование, а распространение идей Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона. Еженедельные собрания, проходившие не только у Петрашевского, но и на квартирах многих других членов кружка, пользовались большой известностью. Кружок был наиболее радикальным из всех существовавших в тот момент, имел связи с провинцией, представлял собой зачатки возможной организации социалистического характера.

Массовое революционное движение в России, охватывавшее уже не узкий круг свободолобцев, а целые слои русского народа, начинается отсчёт своего существования с 60-х годов XIX века. Непосредственным толчком к этому движению явилась сначала борьба за освобождение крестьян от крепостного права, а затем само освобождение от этого права, потому что оно было осуществлено в крайне урезанном виде и настолько приспособлено к интересам бывших рабовладельцев, что Манифест 19 февраля 1861 года выглядел обманом. Передовые слои общества бурлили негодованием, крестьяне волновались, ожидая “новой”, “настоящей” воли.

Летом 1861 года в Петербурге и провинциях была распространена прокламация “К молодому поколению”, автором которой являлся известный в те годы молодой публицист и критик Н. Шелгунов. Это была **апологетика молодёжи** и открытый призыв к восстанию.

“Молодое поколение!.. – говорилось в прокламации. – Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию; вы – настоящая её сила, вы – вожаки народа...”. “Надежду России составляет народная **партия из молодых поколений** всех сословий”.

Прокламация была крайне радикальной, можно сказать, кровожадной. “Если для осуществления наших стремлений – для раздела земли между народами, – говорилось в ней, – пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого...” “Пусть даже число новых покойников будет сто тысяч. И эту потерю Россия не заметит”. И далее: “Всё же, враждебное народу, всё, эксплуатирующее его, есть правительство, а всё, поддерживающее правительство и стремящееся не к общему равенству прав, а к привилегиям, к исключительному положению, есть дворянство и партия дворянская. Это враг народа, враг России. Жалеть его нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода”.

За распространение этой прокламации друг Шелгунова тридцатилетний поэт М. Михайлов был осуждён на каторжные работы на двенадцать с половиной лет и умер в Сибири.

За прокламацией “К молодому поколению” следовала статья Огарёва “Что нужно народу?”, о содержании и значении которой уже говорилось выше, за этой статьёй – прокламация “Молодая Россия”, написанная студентом

Московского университета **П. Зайчневским** и опубликованная в мае 1862 года. Автор был убеждён, что на долю России выпало первой в мире осуществить социальную революцию, которую он восторженно приветствовал и звал, не боясь тех ужасов, которые она несёт с собой. Напротив, он был убеждён, что, лишь пролив море крови, можно добиться свободы.

“Скоро, скоро наступит день, — писал П. Зайчневский, — когда мы распустим великое знамя будущего, красное знамя, и с громким криком: “Да здравствует социальная и демократическая республика русская!” — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что всё дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т<о> е<сть> какой-нибудь сотни-другой людей, но может случиться, — и это последнее вернее, — что вся императорская партия, как один человек, станет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим крик “В топоры!” — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам!

Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами”.

Смысл всех этих прокламаций и статей был один: разрешение земельного вопроса, призыв к восстанию, свержение самодержавия. Естественна та реакция, с которой эти идеи были восприняты властями. Эпоха покровительства просвещению со стороны абсолютной монархии закончилась. Правительство разорвало связи с обществом, усилило репрессии. Запрещались даже шахматные клубы и читальни, издание многих журналов и газет, усиливался контроль за типографиями. В начале июля 1862 года был арестован целый ряд радикалов и среди них Чернышевский, Писарев.

Одним словом, с начала 60-х годов вся инициатива умственного движения в России исходила уже не от отдельных сословий, а из среды всего общества. Центрами революционной мысли и революционного действия стали университеты, а носителями революционных идей — университетская молодёжь. Причём большинство студенческой массы состояло из людей, стоявших на грани крайней бедности, из детей мелких чиновников, лиц духовного звания и т. п. Этот общественный тип получил тогда название “разночинец”. В революционеры подались многие из обедневших в результате отмены крепостного права средних и мелких дворян и помещиков.

Революционное движение становится всё более организованным и активным. В 1861 году в Петербурге, Москве и других городах состоялись **первые** демонстрации студентов. В этом же году в России **впервые** была создана тайная революционная **организация** “Земля и воля”, которая насчитывала в своих рядах сотни членов, имела, кроме Петербурга, ответвления в других городах.

В 1861 году образовалось также тайное общество “Великорусс”, которым, как предполагается, руководил Чернышевский (прекратило существование в 1862 году). По замыслу это была политическая организация. В последнем из трёх выпущенных в сентябре 1861 года листов “Великорусс” был напечатан адрес царю, в котором высказывались требования наделить крестьян землёй без выкупа, созвать Учредительное собрание, освободить Польшу от русского владычества и т. п. В обществе было много молодёжи. За причастность к пропагандистской работе этого общества было арестовано несколько студентов.

В Петербурге с 1863 года начал действовать кружок двадцатитрёхлетнего студента Московского университета Николая Ишутина, который объединял молодых людей, исповедовавших социалистические идеи. Выработанной программы своей деятельности кружок не имел. В задачу его входило сближение с народом на почве революционной пропаганды. Но это достигалось сравнительно мирным путём — путём организации земледельческих артелей. Лишь незначительное меньшинство склонялось к решительным мерам революционных действий и даже ставило вопрос о покушении на царя. Но о царевбийстве только ставился вопрос, практически же он не выдвигался как задача деятельности кружка. Тем не менее, один из его членов, Дмитрий Каракозов,

независимо от воли кружка, решил в одиночку привести в исполнение задуманный им план царевбийства. С этой целью он выехал в Петербург и 4 апреля 1866 года из револьвера стрелял в Александра II. При покушении Каракозов промахнулся, царь остался живым, а Каракозов был тут же схвачен на месте. После длительных пыток с целью вырвать у него признание, 3 сентября 1866 года Каракозов был повешен. Вскоре после этого были выловлены и все члены кружка.

Выстрел Каракозова произвёл огромное впечатление на все слои русского общества. Это было первое покушение на коронованную особу. На правительственные круги выстрел Каракозова подействовал ошеломляюще. В покушении на царя увидели обширнейший революционный заговор. Но вскоре выяснилось, что за выстрелом Каракозова скрывается только небольшой кружок студентов. Тем не менее, взятый правительством курс после польского восстания в 1863 году значительно усилился. В связи с покушением Каракозова правительственные репрессии обрушились на все слои русского общества, и в первую голову – на студенческую массу.

Все студенческие льготы были отменены, а сами высшие учебные заведения снова возвращены к мрачным временам николаевской шагистики. Вне университетской жизни началось преследование всяких “рабочих артелей”, которые начала было заводить молодёжь в университетских городах. Репрессиям подвергались кружки самого невинного характера. От “вредных элементов”, случайно сохранившихся ещё со времён 1861 года, очищены были абсолютно все высшие учебные заведения. За многими гимназистами, не говоря уже о студентах, был установлен негласный полицейский надзор.

Уже с весны 1868 года начинается в Петербурге революционная деятельность двадцатилетнего учителя Сергея Нечаева.

О Нечаеве следует сказать особо. Ибо его личность, оценивавшаяся историками чрезвычайно противоречиво, тем не менее, признаётся исторически значимой, а порой исключительной. В ту пору среди студенчества начались волнения. Сблизившись со студентами, Нечаев берёт в свои руки руководство этими волнениями и пытается превратить протест молодых людей против университетских порядков в протест против царского абсолютизма, социального угнетения. По словам Нечаева, он хотел “вопрос русской молодёжи сделать вопросом русской земли”.

С сентября 1869 года Нечаев создаёт в Москве тайное общество “Народная расправа”, вербуя в него, главным образом, студентов. В конце ноября того же года, когда по указанию Нечаева был застрелен заподозренный им в шпионстве студент Иванов, Нечаев уехал в Швейцарию. К дознанию было привлечено около 300 человек, из них 87 предстали перед судом. Свою жизнь тридцатипятилетний Нечаев закончил самоубийством в Алексеевском равелине Шлиссельбургской крепости.

Нечаев, которому в момент ареста было всего 26 лет, в ряду **идеологов и организаторов** революционного движения конца 60-х – начала 70-х годов стоит особо. Он **первым** поставил вопрос о том, что для успеха социальной революции нужно создать единую **общероссийскую** революционную организацию. Из “Программы революционных действий” явствует, что Нечаев рассчитывал на социальную революцию весной 1870 года. Но прежде ставил задачу создания такой организации, которая с октября 1869 года должна была начать “систематическую, захватывающую всю Русь деятельность...” Организация строилась тайно, по централистскому принципу. Каждый из доверенных Нечаеву лиц образовывал кружок первой степени, члены которого не были вполне посвящены в деятельность других кружков. Нечаев уверял своих единомышленников, что сеть таких кружков была покрыта вся Россия, что ими руководит Центральный Комитет, за уполномоченного которого и выдавал он себя. На самом деле и сеть, и таинственный ЦК были фикцией, нужной Нечаеву для придания себе особого авторитета.

Из нечаевской передовой статьи в первом номере изданного за границей в 1869 году листка “Народная расправа” ясна главная цель революции и всеобщей революционной организации – разрушение старого строя.

“...Мы имеем только один отрицательный неизмеримый план – общего разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий, как несовместимой с нашей деятельностью; и потому считаем бесплодной всякую теоретическую работу ума.

Мы считаем дело разрушения настолько громадной и трудной задачей, что отдаём ему все наши силы и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание.

А потому мы берём на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других, за нами следующих.

Мы берёмся сломать гнилое общественное здание, в котором мучается большинство обитателей для доставления нечистых радостей и грязных наслаждений небольшой горсти счастливыхцев...

Сосредоточивая все наши силы на разрушении, мы не имеем ни сомнений, ни разочарований; мы постоянно, одинаково, хладнокровно преследуем нашу единственную жизненную цель”.

Жуткое впечатление на современников (и это естественно) произвёл знаменитый нечаевский “Катехизис революционера”*. Идеи, которые он содержал и которые предлагались молодому поколению, вызывают оторопь. Чтобы свободнее действовать, революционер объявлял себя человеком без убеждений, без правил, без чести, он должен был быть готов на любую мерзость, подлог, обман, грабёж, убийство, предательство даже своих товарищей по организации. И всё это – во имя целей борьбы за народное благо, социальную революцию, смысл которой – разрушительство. Революционер “презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех её побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. **Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции.** Безнравственно и преступно всё, что мешает ему”, – говорилось в § 4 “Катехизиса”**.

Создавая партию большевиков – “партию нового типа”, – Ленин впоследствии учтёт многие лозунги и опыт строительства “Народной расправы”. Жёсткая организационная структура сверху донизу, безусловное подчинение уставу, меньшинства – большинству, строжайшая дисциплина и т. п. Ничего подобного до Нечаева в строительстве общественных организаций, а позднее – большевистской партии не было. Деятельность Нечаева и народники, и правительство окрестили “нечаевщиной”. Уже в этом было признание значительности фигуры Нечаева и его организации. Нечаев выступил на революционную сцену значительно раньше, чем рабочий класс оформился в политическую силу, задолго до того, как в 1879 году возникла партия “Народная воля”.

Один из исследователей феномена Нечаева и нечаевщины (а о нём создана целая литература) называет его “первым коммунистом России”...

Нечаев мог остаться в истории всего лишь эпизодом. Однако он стал явлением, и весьма значительным, благодаря решению правительства придать нечаевцев гласному суду с целью скомпрометировать “социалистическое лжеучение”, чтобы отвратить от социализма молодое поколение.

Поначалу правительство России смотрело на горстку молодёжи, вступившей в неравную борьбу, с иронией. Обывательской публике эти юноши с фантастической программой “Народного возмездия” казались не столько ужасными, сколько смешными. Тем не менее, революционно настроенная молодёжь считала обвиняемых честными людьми с благородными намерениями, находила цели их борьбы в основном верными, видела в нечаевском заговоре пример для себя. И потому нечаевский процесс дал новый толчок революционному движению...

В то же время сверхреволюционность Нечаева и его соратников не следует воспринимать как отражение всеобщего молодёжного настроения. Отнюдь. В массе своей молодые люди были далеки от революционных идей, заговоры их пугали, влекла спокойная, мирная работа и жизнь. Своим девизом “Цель оправдывает средства” Нечаев отпугивал от себя. Его централистская организация трактовалась многими как путь к бесконтрольности и обману, убийство предателя Иванова – как свидетельство крайней жестокости. “Неча-

* Считаю нужным опубликовать полностью этот документ, который, с одной стороны, показывает, какие зверские чувства могут овладевать человеком, а с другой стороны, заставляет задуматься о том, до какого состояния можно довести народ, если он “вдруг” выдвигает из своей среды таких “вождей”, у которых, тем не менее, находится множество сторонников и сочувствующих...

** Говорят, что Ленин также весьма одобительно отзывался о Нечаеве. Несомненно то, что он читал его работы и “Катехизис”. Рассуждая о нравственности в речи на III съезде РКСМ в 1920 году, Ленин говорил: “Нравственно всё, что способствует делу строительства коммунизма”. Удивительная схожесть...

евщина” и сам Нечаев отталкивали от себя народническую молодёжь. Об этом хорошо сказала Вера Засулич: “Нечаев явился среди них человеком другого мира, как бы другой страны или другого столетия”. Иначе говоря, он был чужим в народнической среде. Ибо радикальная молодёжь начала 70-х годов в массе своей вышла из дворянского сословия, в то время как Нечаев был сыном мещанина, недавнего крепостного крестьянина. Он не был интеллигентом и в этом смысле был проще, грубее, но и ближе к пониманию народных нужд. Нечаев пытался раздуть тлевшую в недрах общества искру недовольства народа своим положением. Вряд ли можно сказать, что ему это удалось. Несомненно, что он на несколько лет привлёк к себе внимание общества и тем самым оказал влияние на брожение и развитие революционной мысли, на формирование у молодёжи революционных воззрений, на её тягу к вопросам политического характера. Можно даже сказать, что Нечаев ускорил ход развития революционной мысли, если посмотреть на это через суд над ним, который правительство широко освещало в прессе, надеясь тем самым оттолкнуть общество от революционных идей. Произошло, однако, обратное: под влиянием двух совпавших событий – нечаевского процесса и потопленной в крови Парижской коммуны – интерес молодёжи к политике возрос. Пробуждение, прежде всего, учащейся молодёжи знаменовало собой начало **движения семидесятников**, идея революции нашла новых приверженцев. Нечаевское движение в некотором смысле стало прологом развернувшегося в последующие годы революционного движения в России.

Революционное движение, вышедшее из узких кружковых рамок в начале 1860-х годов, в течение всего десятилетия всё более ширилось и крепло. Революционеры обращались к обществу, к “образованным” классам. Перед царским правительством стоял вопрос о средствах борьбы с этим движением. Необходимо было опереться на широкие слои общества. Для этого надо было показать, что представляют собой люди, заражённые идеями социализма и коммунизма, какую опасность несут они для режима и общества. С этой целью было решено впервые сделать процесс нечаевцев предметом **гласного** разбирательства. С этой целью тоже впервые правительство разрешило печатать стенографический отчёт об этом “деле” в “Правительственном вестнике”, а также обсуждать процесс в прессе. В “Правительственном вестнике” № 162 за 1871 год был опубликован “Катехизис революционера”, найденный 26 ноября 1869 года при обыске квартиры одного из нечаевцев П. Успенского. Это была небольшая, напечатанная латинским шрифтом книжечка размером 8,5 см х 6 см, объёмом в 32 страницы, текст которой был зашифрован*. “Катехизис” был главным козырем правительства, ибо текст “Катехизиса”, предлагавшийся молодому поколению в качестве программы действий, производил ошеломляющее впечатление, не мог не наводить на самые печальные мысли и выводы.

“Послушаем, как русский революционер сам понимает себя, – писал один автор в “Московских ведомостях”, – на высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабёж, убийство, предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей... Не чувствуете ли вы, что под вами исчезает почва? Не очутились ли вы в ужасной теснине между умопомешательством и мошенничеством?” (“Московские ведомости”, 1871, № 161, 25 июля, передовая статья).

О том, что Нечаев и “нечаевщина” были заметным и шумным явлением и событием тех лет, говорит и тот факт, что их не обошёл своим вниманием тонкий оценщик происходящего и гений пророчеств Ф. М. Достоевский. Известно, что в своём романе “Бесы” он дал яркую картину нечаевского движения. Фигура “главного беса” Петра Верховенского была “списана” им с Нечаева. Некоторые даже полагают, что образ Верховенского является не столько художественным воплощением, сколько копией Сергея Нечаева в обработке публикаций “Правительственного вестника” и “Московских ведомостей” Каткова.

Связь романа с “нечаевщиной” и Нечаевым признавал и сам Достоевский. В Дневнике писателя за 1873 год он говорил: “Лицо моего Нечаева,

* Большинство исследователей сходятся в том, что автором “Катехизиса” был, главным образом, М. Бакунин.

конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем **переходном** и удивительном современном обществе возможны не Нечаев, а Нечаевы и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе, под конец, нечаевцев” (Достоевский Ф. М. “Дневник писателя”. 1873. Собрание сочинений. Т. IX, гл. XVI. С. 331). “Нечаевым, – писал далее Достоевский, – вероятно, я бы не смог сделаться никогда, но нечаевцем – не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности” (там же. С. 336).

“Я мошенник, а не социалист”, – говорит Пётр Верховенский в “Бесах”. Не случайно. Достоевский писал, что нечаевы совсем не обязательно должны быть фанатиками. “Весьма часто это просто мошенники” (там же. С. 335-336). Все, кто покушается на общественный и политический строй царской России, – это “бесы”, вселившиеся в общественный организм. Так надо понимать это произведение Достоевского. Последующая история России подтвердила, что во многом это было именно так. Беда нашей страны заключается не в том, что в ней случались революции, ибо они случались и в других странах и будут ещё случаться. Беда в том, что маской революционеров и реформаторов, лидеров партий и народных вождей часто прикрывались именно отъявленные мошенники и злодеи, менее всего озабоченные “народным счастьем”, а более всего – своими корыстными интересами. Так было в описываемые годы, так было и в советские времена. Так есть и в России конца XX века. Шпана, ворьё и жульё – вот кто по преимуществу наши “революционеры” и “реформаторы”. И то, что среди них, как золотинка в тоннах песка, встречаются люди честные, порядочные, героические, ничего не меняет по существу: грамм золота на тонну грязи...

Но вернёмся к основной теме.

Общественно-политическая ситуация в России конца 60-х – начала 70-х годов была чрезвычайно сложной и крайне противоречивой. Крестьянская реформа 1861 года укрепила самодержавие, крупнопоместное дворянство, принесла известные выгоды молодой буржуазии, но мало что дала самому крестьянству, привела к разорению множества мелкопоместных дворян, среди которых властвовали упаднические настроения. Политические течения тех лет в общей схеме делились на четыре основные группы.

Самодержавно-монархическое направление выражало интересы и настроения нескольких десятков крупнопоместных дворян. Это была консервативная сила, защищавшая монархию и своё господство.

Либерально-монархическое направление представляло взгляды примерно одной десятой общей массы дворян. Эта часть желала расширения круга своих возможностей и деятельности за счёт представительства в органах управления.

Либерально-демократическое крыло представляло интересы утративших своё экономическое благополучие наиболее многочисленных мелкопоместных дворян, которые хотели бы обрести лучшую жизнь, в том числе через участие в управлении государственным аппаратом. Конечным идеалом политических устремлений этой группы было создание Всероссийского Земского Собора.

Радикально-социалистическую группировку российского общества составляла разночинная интеллигенция, состоявшая из представителей разных слоёв общества – выходцев из крестьянской среды, детей чиновников и духовенства, мелкопоместного дворянства. В качестве идеологии эта, в основном, молодая по возрасту и количественно незначительная группировка избрала идеи западноевропейского утопического социализма с элементами коммунистического учения Г. Бабёфа. Конечным идеалом наиболее радикальных представителей этого политического крыла являлось ниспровержение существовавшего политического и экономического строя.

В 1868 году **Пётр Лавров** в своих “Исторических письмах” указал на обязанность образованных слоёв служить народу, потому что только благодаря его труду они могут образовываться и жить, то есть обязаны ему своим положением. Призыв “идти в народ” для пропаганды социализма был впервые сформулирован в одной из бакунинских прокламаций, которыми он поддерживал деятельность Нечаева. Прокламация с призывом “идти в народ” от имени кружка Долгушина была распространена в 1873 году в Москве и Петербурге. Призыв этот был с восторгом встречен молодёжью.

“Всё для народа и через народ!” – таким был лозунг, выброшенный многочисленными кружками, которые стали образовываться в крупных городских и, прежде всего, университетских центрах. Студенты, гимназисты, семинаристы бросились в массы, прежде всего, в крестьянство, по поводу которого они строили большие иллюзии, видя в нём последнее прибежище добра и благородства. Одни хотели изучить и понять этот неизвестный и таинственный “народ”, прежде чем посвящать ему жизнь и умирать за него. Другие надеялись поднять его культуру, умственное и нравственное развитие. Третьи намеревались раскрыть народу глаза на его собственное положение, возбудить гнев и поднять восстание уже в ближайшем будущем. Начавшись со скромных размеров, движение скоро приняло характер эпидемии. При том, что “хождение в народ” напоминало паломничество верующих к святым местам, оно имело могучую опору и было выражением огромных революционных, и прежде всего, **социалистических** настроений.

И тем не менее, паломничество в народ летом 1874 года закончилось жестоким разочарованием. Народ оказался не готовым не только к восстанию, но и к восприятию социалистического учения. В студенческих коммунах и кружках шёл анализ причин неудач. “Летучую” пропаганду было решено заменить установлением постоянных связей с народом с помощью поселений революционеров в сёлах на длительное время. Вместо пропаганды словом признавалась агитация действием – организация заговоров, бунтов, восстаний: кровь должна была вызвать кровь и наступление восстания. Народу, как считали социалисты, не хватает правильной организации и руководства. Своё слово здесь должна была сказать интеллигентская молодёжь.

Опыт “хождения в народ” привёл также к выводу о необходимости создать единую революционную организацию, построенную на принципе централизма. Такая организация была создана в 1876 году. Это было общество “Земля и воля”. Просуществовав около трёх лет, общество распалось на две партии: “Чёрный передел” и “Народная воля”, которая главную цель видела в борьбе не с помещиками и промышленниками, а с правительством и царём. Главный метод борьбы – **террор**.

Подавляющее большинство террористов были люди молодые.

24 января 1878 года раздался выстрел двадцатидевятилетней Веры Засулич в петербургского полицмейстера генерала Трёпова, который серьёзно ранил его. Процесс над Засулич был открытым. Случилось невероятное: Засулич была оправдана. Министр юстиции Пален подал в отставку. Засулич стала героиней. Процесс опьяняюще подействовал на террористов и часть молодёжи. Террор получил признание как эффективное средство борьбы. Последовал ряд новых покушений в Ростове-на-Дону, Одессе, Москве, Киеве.

9 февраля 1879 года молодой человек Гольденберг убил харьковского губернатора князя Кропоткина.

12 марта юноша Мирский стрелял в генерала Дрентельна.

2 апреля 1879 года 30-летний фанатик Соловьёв пять раз выстрелил в гулявшего по саду царя, но даже не ранил его. Ответом был террор. Многие революционеры, находившиеся уже в тюрьме, были повешены. Борьба против помещиков и буржуазии полностью отступила на второй план. Главным врагом стали царь и правительство.

Убийство царя было поручено молодому сыну крестьянина из Вятки двадцатитрёхлетнему Степану **Халтурину**, который был организатором Северно-Русского Рабочего Союза (создан в 1878 году), объединявшего несколько сот человек и бывшего тогда самой крупной рабочей организацией. Халтурин подготовил беспрецедентный по силе взрыв в Зимнем дворце, который раздался 5 февраля 1880 года. Десять стражников было убито и пятьдесят три ранено. Царь не пострадал.

Для подготовки боевых действий создавались дружины, членами которых могли быть только люди, готовые пожертвовать жизнью ради революции. Группы, кружки и отдельные лица добывали деньги, взрывчатку, в том числе с помощью воровства и подлогов, вели агитацию в армии, главным образом, среди молодых офицеров. В этой работе участвовали, в основном, студенты. В 1880 году в Петербурге существовал Центральный Студенческий Союз, который координировал действия студентов, выпускал прокламации.

Между тем, под руководством тридцатилетнего **Андрея Желябова** и двадцатилетнего **Николая Кибальчича** готовилось новое покушение на царя.

Оно произошло 1 марта 1881 года. Двадцатисемилетняя **Софья Перовская** направляла действия 6-ти бомбометателей, один из которых, двадцатипятилетний Игнатий Гриневицкий, бросил роковую для Александра II бомбу. Царь был убит, но мечта народовольцев не осуществилась: “народ” оставался безмолвным. На требования социалистов о полной и общей амнистии политических осуждённых, созыва Учредительного собрания, свободы слова, собраний со стороны правительства последовал резкий отказ. Прокатилась волна арестов. Всего за время с 1878 года по 1882 год был казнен 31 революционер, 76 человек умерло в тюрьмах и ссылке. Более 2800 человек в административном порядке были сосланы в Сибирь и другие губернии.

Народовольцы пытались подготовить новое покушение на ещё не коронованного царя, но неудачно. Осуществили несколько убийств царских чиновников, но идеология “Народной воли” и дух народовольцев были подрублены. Просуществовав ещё несколько лет, организация погибла.

Однако идея терроризма и цареубийства вскоре была оживлена группой молодых людей во главе с А. Ульяновым, которые решили воссоздать “Народную волю” и убить царя. Заговор был раскрыт, часть заговорщиков казнили, часть отправили на каторгу.

На этом первый сюжет беглого обзора российского политического движения, основу которого составляла молодёжь, можно закончить и сделать три общих вывода.

Вывод первый: в течение многих десятилетий российской истории **ведущей** силой выработки новых общественных идей и социальных перемен в обществе была **молодёжь**. В начале и ещё в середине XIX века это была практически исключительно дворянская молодёжь. С 60-х годов это была молодёжь разнородная, интеллигентская. К концу века революционную массу составляли в основном молодые рабочие и рабочие-интеллигенты. В начале XX века в революционной среде стала появляться крестьянская молодёжь.

Безусловно, это была ничтожно малая часть общества, ибо в массе своей крестьянская молодёжь, как и всё крестьянство, весь народ, особенно до второй половины XIX века, были сплошь безграмотны, религиозны, жили в мире предрассудков и суеверий, слепой веры в царя и в страхе перед своими господами. Молодые революционеры часто были наивны, идеализировали бунтарский дух народа, но в то же время, понимая обречённость своей деятельности, шли на плаху несмотря ни на что. Тем интересней их пример.

Молодые люди, как правило, стояли во главе различных революционных кружков и организаций. Молодые люди в большинстве случаев были **духовными** вожаками и **идеологами** различных общественных и революционных течений. Молодые люди составляли практически всю **массу** революционного движения.

Руководители революционных кружков и организаций видели в молодёжи **главную**, а часто и **единственную** опору революционного движения не только и не столько потому, что были молоды сами, а потому, что опереться больше было практически не на кого.

На кого, например, могли опереться землевольцы, народовольцы, чернопередельцы? На армию? Она до мозга костей была предана царю, ибо ею руководили люди высшего и среднего сословия. На помещиков и буржуазию? Но они были противником, а не союзником революционеров. На интеллигенцию? Но она ещё не сложилась как социальный слой, была слишком боязливой. На рабочий класс? Он только начинал образовываться. На крестьянство? Два паломничества в народ показали, что крестьяне, ненавидя помещиков, боготворили царя, были тяжелы на подъём и не помышляли ни о какой революции.

Одним словом, искать опору и носителя революционных идей в каком-либо одном социальном слое и классе было бессмысленно.

Оставалось обратить свой взор к той части общества, которая в силу возраста пока ещё не заняла никакого положения в его социальной структуре или только-только укоренялась в ней, находилась в состоянии выбора жизненных путей, брожения умов, была нацелена в будущее, жаждала перемен. Это была молодёжь, и прежде всего, молодёжь учащаяся, студенческая, а также отдельные личности старших возрастов из различных сословий, социальных слоёв и классов.

Таким образом, молодёжь долгие годы развития русского общества была основным носителем новых социальных идей своего времени и, следовательно,

его духовным вождём. Будучи ориентирована на западноевропейскую научную и общественную мысль, она тем самым служила преемницей общего духа петровских реформ.

Вывод второй: общественное движение молодёжи, будучи на первых порах культурно-просветительским по своим конкретным и ближайшим задачам, в сущности своей было **революционно-политическим**, ибо, в той или иной форме, вело к изменению или свержению существовавшего строя.

Что питало революционный дух молодёжи, откуда бралась её революционность, несмотря на жестокие репрессии в отношении революционеров, их нужду и страдания, не столь впечатляющие результаты революционной борьбы? Почему молодёжь, несмотря ни на что, с религиозным фанатизмом шла навстречу всем бедам и возможной гибели? Ответ надо искать не только и не столько в общей психологии молодёжи, которой свойственны крайний критицизм в отношении настоящего и устремлённость в будущее, восторженность, увлечённость, стремление к новому и т. п. Этот ответ кроется не только в национальном характере русского человека, который, в силу чрезвычайной впечатлительности, легко воодушевляется и увлекается мечтами, радикальными идеями и решениями. Эти и подобные обстоятельства психологического свойства, конечно, тоже имели своё значение. Но главными причинами возбуждения и непрерывного (с некоторыми спадами в критические моменты) нарастания революционного движения были **условия** жизни молодёжи и **внешняя** международная обстановка.

Давала себя знать бедность русских студентов, которые составляли основной революционный слой, были преимущественно детьми малоимущих мещан, мелких чиновников, священников. Студентов возмущали стеснения политического характера, в частности, запрет на создание своих организаций.

Студенты и нарождающийся новый нравственно-психологический тип личности, каковым являлся интеллигент-разночинец, будучи порождением низов общества, всей своей сущностью противостояли спесивому барству, праздной жизни его верхов. Уже не уязвлённая совесть его предшественника (“кающегося дворянина”), а уязвлённая честь, униженное чувство собственного достоинства возбуждали в разночинцах ненависть к существующим порядкам.

К **практической** революционной активности молодёжь побуждала пассивность старших поколений, которые, как правило, в выражении своего недовольства затхлостью общественной жизни не шли дальше унылого резонёрства у самовара. Не находя в себе сил и мужества для борьбы за свои оппозиционные идеи и настроения, “отцы” радовались энергии “детей”, охотно уступали им первое место и свою роль на общественно-политической арене.

Свою огромную роль играл внешний фактор. Молодёжь всё больше знакомилась с различными западноевропейскими научными теориями, и прежде всего, с социализмом, с примерами демократизации общественной жизни западноевропейских стран и видела, что развитие этой жизни находится в полном противоречии с деспотическими порядками в России. Молодёжи во что бы то ни стало хотелось быть полезной народу, встать вровень с прогрессом передовых стран.

Третий вывод: среди различных настроений, кружков и групп в революционном движении наиболее заметным и сильным было **социалистическое** течение.

Почему именно социализм, а не анархизм, либерализм или, скажем, славянофильство привлекали молодёжь более всего? Вопрос этот крайне актуален и сегодня, ибо вновь, как сто с лишним лет назад, молодёжь и народ находятся перед выбором путей исторического развития, и им предлагается не что иное, как выбор социалистический. При этом делается ссылка на то, что ещё в 1917 году (а можно сказать, что гораздо раньше) народ уже сделал этот выбор. Но почему и насколько сознательно он был сделан (если считать, что выбор действительно был) – вот вопрос, который нельзя обойти.

Прежде всего, надо заметить, что распространение социализма в России **не отменяло** ни одного течения – ни либерализма, ни анархизма, ни славянофильства, а происходило **параллельно** им. Другое дело, что, начиная с конца 60-х годов, социалистическое течение всё более набирало силу, превзошло своей силой нигилизм, либерализм, а потом и анархизм. Почему?

Во-первых, потому что социализм более всего отвечал умонастроению и психологическому состоянию, в котором находилось русское общество после

реформ начала 60-х годов. **Земельная** реформа, за которую так долго боролись передовые слои общества, оценивалась как царский обман и потому вызвала чувство огромного разочарования. **Судебная** реформа 1864 года была хорошо задумана, но лопнула при первом же конфликте с самодержавием в 1866 году после покушения Каракозова на царя. Беззаконие снова стало нормой. Юстиция опять оказалась под пятой администрации. Судей вновь назначали не по знаниям и способностям, а по их политической благонадёжности. Всё это переживалось как произвол царя в отношении им же торжественно дарованных прав, вызывало возмущение общества. Быстро исчезли иллюзии относительно реформы **управления** и, в частности, земских учреждений как органов самоуправления (на них были возложены заботы о народном продовольствии, врачебной помощи, школьном и дорожном деле), поскольку уже в 1867 году несколькими запретами правительство парализовало их деятельность. Тем самым был нанесён жестокий удар по идеологии **либерализма** и либералам, стремившимся с помощью самоуправления удерживать общественные процессы в рамках мирных решений и бесконфликтного, **эволюционного** развития.

Названные и другие обстоятельства способствовали нарастанию в обществе **нигилизма**, основным принципом которого считался **утилитаризм** (личная выгода, разумный личный расчёт, личные удобства, собственное удовольствие и т. п.), а также **анархизма** как реакции на произвол государства и царя, который, однако, отвергался подавляющим большинством из-за его разрушительной философии при отсутствии философии созидательной. Наиболее способные элементы оппозиции были расположены ко всякого рода **радикализму**. Во многих отношениях этому требованию, особенно взглядам молодёжи, и отвечал социализм.

Во-вторых, идеи социализма находили всё большее распространение именно потому, что подавляющую массу революционного движения составляла молодёжь. С одной стороны, это была наиболее образованная часть общества, в то же время, с другой стороны, она была плохо образована теоретически. Марксизм (научный социализм) начал распространяться в России только с начала 80-х годов. Отсутствие собственного опыта и действительно-го знания жизни во всей её противоречивости, сложности и трудности, столкновения с которыми приводят человека к умеренности в требованиях и действиях, приводили к тому, что молодёжь идеализировала возможности нового учения, слепо верила в авторитет его идеологов.

В-третьих, революционное юношество России, отвергавшее всякие авторитеты, тем не менее, поддалось авторитету новых догм, волшебство которых невероятно усиливалось авторитетом творцов этих догм: Оуэна, Фурье, Прудона, Сен-Симона и других западных мыслителей-социалистов. Они были действительно блестящими умами, идеи которых действовали завораживающе на мечтательную русскую натуру, а тем более, натуру молодых людей. Влияние западных теорий тем более усиливалось, потому что их пропагандистами и сеятелями на русскую почву были крупные умы и таланты – русские публицисты Чернышевский, Герцен, Добролюбов, Огарёв, Бакунин, Лавров, Ткачёв и другие. Благодаря их интеллектуальному могуществу социалистические идеалы неоспоримо господствовали в высших идейных областях общественной жизни.

Ум тянется к уму. Молодёжь, что бы она ни говорила, нуждается в авторитетах, особенно русская молодёжь как часть русского народа, психологии которого неизменно дорога идея могучей центральной власти, сильной руки. Молодёжь обожала идеологов и пропагандистов социализма как сильных личностей, бросивших вызов старому миру, смотрела на них, как на пророков, поддаваясь их чарам и догмам, а значит, чарам и догмам социализма.

В-четвёртых, социализм быстро распространялся в России потому, что ему как учению о борьбе между промышленным капиталом и его порождением – пролетариатом – в ту пору не противостояла никакая буржуазная идеология, кроме идеологии абсолютного монархизма и его слепого оружия – полицейского карательного аппарата. Между тем, идею можно победить только силой идей, но не идеей силы. Поскольку промышленность в России только начинала зарождаться, поскольку класс буржуазии был ещё в эмбриональном состоянии, он не имел на русской земле своих идеологов, никаких, даже слабых. Зарождающийся российский капитализм защищался от социалистов

практически, но не теоретически. В то время, как на стороне социалистических идеалов были все крупные умы общества, у буржуазных идеологов не было ни одного сколько-нибудь выдающегося защитника и теоретика.

Рабочий класс ещё только зарождался, а сложившиеся социалисты уже вели в его среде пропаганду социалистических идей, формировали рабочее движение и пролетарскую партию. Возникшая буржуазная партия на первых же шагах столкнулась с организованным социалистическим рабочим движением, намного опередившим её в своём развитии. Развитие капитализма в России на ранней стадии, зарождение класса буржуазии и его партии затруднялось тем, что они были между двух огней: с одной стороны, самодержавная монархия, не желавшая уступать власть и вводить новый порядок общественной жизни, с другой – социалисты, представлявшие интересы народа и борющиеся за его права как с царём, так и с промышленниками. Слишком запоздалое появление в России капитализма и класса буржуазии позволило занять социалистическому движению очень важное положение в развитии общественной жизни.

Не стану продолжать рассмотрение проблемы в том же духе: центральное политическое событие или явление какого-то исторического момента, имя и возраст (с акцентом на молодость) их вдохновителя, идеолога или организатора, его влияние на общественное сознание в целом и молодёжи, в частности, и т. п. Во-первых, картина уже достаточно ясна, о чём говорят только что сделанные выводы; поставленная мною перед собой цель в основном достигнута. Во-вторых, дальнейшее, что происходило с молодёжью в области политики и её организации, немало известно, и всякий любопытствующий может найти по этому поводу достаточно исторической и другой литературы. В-третьих, обо всём этом, особенно о роли молодёжи в революционной борьбе накануне Великой Октябрьской социалистической революции, в самой революции и в гражданской войне я уже писал. В 1986 году в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей” вышла моя историко-публицистическая книга “Василий Алексеев”, где рассматривается именно этот исторический период. Я писал её, в основном, по архивным первоисточникам, по воспоминаниям товарищей и современников Алексеева – ровесников моего героя. На основе того, что знаю доподлинно, до чего докопался сам, категорически настаиваю на двух тезисах.

Тезис первый: и революция 1905 года, и февральская, и Октябрьская революции никак не были случайностью, не были маловразумительными, непонятно с чего “вдруг” произошедшими переворотами, причиной которых была якобы слабая воля Николая II и т. п. По этому поводу сейчас можно встретить разного рода спекуляции. Нет, все три революции были следствием долгие годы накапливавшегося противоречия между образом организации жизни существовавшей в те годы монархической системы власти и духовными устремлениями наиболее прогрессивной части общества. Об этом хорошо сказал статс-секретарь граф С. Ю. Витте, который в своём всеподданнейшем докладе Николаю II после принятия Манифеста 17 октября 1905 года писал буквально следующее: “Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или как только результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат глубже. Они – в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы” (Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб, 1906. С. 101).

Не могу не привести ещё одно свидетельство по этому поводу – выдержку из знаменитой речи ректора Московского университета князя С. Н. Трубецкого, которую он произнёс на встрече Николая II с делегацией земств и городов 6 июня 1905 года. Князь Трубецкой не побоялся сказать в лицо царю: “И когда народ видит, что Царь хочет добра, а делается зло, что Царь указывает одно, а творится совсем другое, что предначертания Вашего Величества урезаются и нередко проводятся в жизнь людьми заведомо враждебными, то такое убеждение в нём всё более растёт. Страшное слово – “измена” – произнесено, и народ видит изменников решительно во всех: и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, во всех господах вообще. Это чувство с разных

сторон эксплуатируется. Одни направляют народ на помещиков, другие — на учителей, земских врачей, на образованные классы... Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и угнетений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растёт, и она тем опаснее, что вначале облекается в патриотические формы; тем более она заразительна, чем легче она зажигает массы” (Цит. по: Гольцев Е. Он был ректором 27 дней. “Неделя”, 1990, № 49. С. 12).

Тезис второй: все три революции произошли на волне молодёжных протестов — вначале малочисленных, разрозненных, в основном интеллигентских и студенческих, а затем и молодых рабочих под предводительством идеологов и организаторов, большинство из которых по возрасту были людьми молодыми, а то и юными.

Взять тех же большевиков, которые в октябре 1917-го взяли власть. Что бы там ныне ни говорили о Ленине (“привезли из Германии”, “сделал революцию на немецкие деньги”, “власть сама упала ему в руки” и т. п.), несомненным является то, что он встал на путь борьбы с существовавшим строем юношей, посвятил ей всю свою молодость и стал руководителем огромной страны в 47 лет. Сталину и Троцкому в 1917 году было по 38 лет, а многим другим соратникам Ленина — и того меньше. Историки свидетельствуют: в момент прихода к власти большевистское правительство было самым молодым по возрасту и самым интеллектуальным по количеству в его составе людей с высшим образованием...

...Почему СССР и социализм были уничтожены? Это особый и сложный разговор, который, я думаю, надо начинать с того, что, несмотря на огромные достижения, скажем, СССР, это был ещё не социализм, а процесс его строительства, то есть продолжение революции, и, стало быть, те, кто остановил этот процесс, объявив “революцию в революции”, по логике вещей, контрреволюционеры, сказать точнее — предатели.

АНАТОЛИЙ ШТЫРОВ

контр-адмирал

ДИАЛЕКТИКА ВЛАСТИ

О коммунистах

Настоящие коммунисты длительное время в народном сознании ассоциировались с людьми, имевшими лучшие человеческие качества, посвятившими свою жизнь служению народу.

Одуревший от разногласий “демократов” и собственной беспамятной дурости современный обыватель спросит: “Это где же ты видел настоящих коммунистов? Были ли они вообще?”

Отвечу: “Были!”

Это Михаил Фрунзе, перед революцией приговорённый к смертной казни и посаженный во Владимирский централ. Даже там он, сильный духом и ясным мышлением, занимался военной теорией. В годы Гражданской войны командовал Восточным фронтом красных против Колчака, потом возглавлял командование Крымского фронта против Врангеля.

Это Сергей Лазо. Выходец из богатой семьи, офицер царской армии, в годы гражданской войны он руководил партизанскими отрядами на Дальнем Востоке и героически погиб от рук японских интервентов.

Это нарком продовольствия Цюрупа. В 1918 году он привёз в голодающую Москву эшелон с хлебом, а сам упал в голодный обморок прямо в Кремле.

Это молодые комсомольцы Павка Корчагин, Васья Губанов, Виталий Баневур.

Это легендарные красные комбриги Василий Чапаев и Иван Кочубей, который любил говорить: “Я за то Ленина уважаю, что он моей политики придерживается”.

Даже сейчас, когда всё и вся обливается тухлыми помоями, против этих настоящих коммунистов ничего компрометирующего не могут сказать грязные клеветники и пиарщики от “демократии”.

“Ну, это же всё дело далёкого прошлого... Романтика юности революции, так сказать. Выдуманные легенды, а вот потом...” – прогундосит обыватель.

Отвечу: “А и потом тоже были настоящие коммунисты”.

Вот Василий Иванович Панин. Адмирал. В своё время (1970–1980-е годы) был начальником политотдела и членом Военного Совета Камчатской военной флотилии. Профессионал высочайшего класса как в воспитательной работе, так и в военно-морском деле. Пользовался беспрекословным авторитетом у всего личного состава флотилии, да и у жителей Камчатки. Был нетерпим ко всякого рода подношениям и стяжательству. При нём как-то спокойно и безо всякой кампанейщины прекратились разного рода проявления коррупции (хотя, надо сказать, и слова-то тогда такого не знали). Лично скромнен в быту, исключительно доброжелателен и честен по отношению к людям. Настоящий коммунист.

Таких на самом деле было немало в нашей огромной стране и в КПСС.

Тогда придётся задать вопрос теперь уже самому себе: почему, если в коммунистической партии было немалое число ярких и достойных людей, она бесславно развалилась, а с ней на отдельные осколки распался Советский Союз – одно из величайших в истории человечества государств? Может, причина кроется в особенностях партийного строительства?

О партии коммунистов

К началу переломного в истории России 1917 года партия большевиков, впоследствии ставшая коммунистической, представляла собой небольшую отколовшуюся часть некогда единой социал-демократии. В событиях Февральской буржуазной революции она не принимала никакого участия, поскольку пребывала в крайне сложном организационном состоянии: руководство партии находилось в вынужденной эмиграции, многие её ячейки были разгромлены царской охранкой в годы так называемой реакции (1908–1913), деятельность остальных сосредоточилась только в некоторых крупных промышленных центрах. А между тем после Февраля, поскольку революция носила верхушечный характер и не разрешила острейших социально-экономических и политических противоречий, обстановка в Российской империи накалялась. Вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин хорошо понимал, что большевики не в состоянии самостоятельно возглавить и направить в единое русло идущий на подъём общий разнородный революционный процесс в стране из-за своих кадровых и организационных проблем. В этих обстоятельствах он привлёк к самой тесной совместной работе бывших идейных противников, но социалистического толка: левых эсеров, троцкистов. Причём привлёк не в качестве младших партнёров, а доверил важнейшие посты и работу в партии большевиков, в том числе бывшим непримиримым своим оппонентам (вспомним “Иудушку Троцкого”). В этом проявился тактический гений Ленина, но и была заложена потенциальная опасность на будущее. Она дала о себе реально знать уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции и окончания гражданской войны.

В, казалось бы, монолитной партии-победительнице уже в начале 1920-х годов появились противоречия, фракционность, групповщина. По-другому, на самом деле, и быть не могло, ведь партия в 1917 году была склеена из разных кусочков. Причём внутренние разногласия касались не второстепенных вопросов, а коренных. Собственно большевики выражали интересы промышленного пролетариата страны, ставшие большевиками левые эсеры представляли чаяния крестьян, а троцкисты вообще все внутрироссийские вопросы предлагали решать только сквозь призму задач международного революционного движения, рассматривая Россию как “хворост” для мировой революции. Эти идейные разногласия были далеко не безобидны ещё и потому, что организационные вопросы в партии решались под их влиянием: разные группы вокруг тех или иных лидеров старались втихую протащить на ответственные посты своих сторонников и ставленников, создать параллельные центры и вертикали власти. Отсюда и стремительно распространявшаяся ломка выкованных в горниле испытаний первоначально здоровых партийных стереотипов поведения. На смену открытости, честности и бескорыстия стали приходиться протезирование единомышленников, двуличие и скрытность, ориентированный на своего лидера карьеризм. Эти негативные явления первоначально нивелировались притоком в партию представителей народных масс в годы гражданской войны и во время “ленинского призыва” в 1924 году, после смерти Владимира Ильича. Но по мере развития нэпа они стали набирать силу. В правящую партию хлынул поток безыдейных и беспринципных карьеристов, зачастую прямых недоброжелателей и врагов советской власти. Все они находили свою нишу: кто примкнул тайно или явно к той или иной фракции, кто затаился, обдывая свои меркантильные делишки и держа нос по ветру. Нараставший идейный и организационный кризис разрешился открытой межфракционной борьбой внутри партии и тотальной кровавой чисткой её рядов. Если говорить объективно, то это была мини-гражданская война. Как и любой другой в природе и обществе, этот кризис, наряду с потерями, принёс и оздоровление партийных рядов.

К началу Великой Отечественной партия подошла уже значительно более сплочённой и мобилизованной на решение задач не только политического и хозяйственного, но и оборонного характера. Что бы сегодня ни говорили, именно это обстоятельство сыграло очень важную роль и в достижении Великой Победы, и в быстром восстановлении народного хозяйства Советского Союза в послевоенный период.

В 1952 году И. В. Сталин предпринял очень важную попытку изменить роль партии коммунистов (теперь уже КПСС) в жизни страны, освободив её от административных и хозяйственных функций. Однако его преемники, несмотря на демонстрируемый внешне либерализм, быстро вернули всё на круги своя. Вновь судьба страны стала прямо зависеть от внутривнутрипартийных дел. А между тем ситуация изменилась радикально после XX съезда КПСС. При определённых положительных сторонах, его итоги стали во многом началом разрушительных тенденций как для партии, так и для государства в целом. Прежде всего, резко упал авторитет коммунистов. Это привело к перемене стимулов для вступления в ряды коммунистов: поскольку их предыдущая деятельность была поставлена под сомнение, идейные мотивы стали уступать место соображениям престижа и карьеры. Вновь в партию хлынула волна приспособленцев и стяжателей. Немаловажным стало и то, что реабилитация жертв политических репрессий предыдущих десятилетий не была гласной и прозрачной (до сих пор огромное число реабилитационных дел засекречено). Это привело, по меньшей мере, к моральному оправданию некоторых оппозиционных деяний или деятелей прошлого, хотя на самом деле они того не заслуживали. На этой почве стали развиваться “диссидентские” движения как воскрешение старой традиции фракционности, но в другой форме.

К сожалению, “вожди и советники” (так поименованы в одной из популярных некогда книжонок партийные лидеры) не смогли ни понять опасности развивающихся тенденций идейного и кадрового разложения КПСС, ни принять решительные меры к её оздоровлению. Более того, к 1980-м годам появилась ещё одна опасная тенденция: внутри третьего, послеоктябрьского поколения советских людей вырос слой номенклатурных отпрысков. Не имея личностных данных для занятия заслуженно высокого общественного положения, его представители, тем не менее, созрели для намерений материализовать свои связанные с положением дедов и отцов возможности через захват собственности и материальных благ. Настал благоприятный момент в 1990-х годах – и эти намерения сразу были реализованы.

Здесь сознательно не упомянуты имена целого сонма негодяев, находившихся на самом вершине партийного олимпа, но разрушавших партию своими деяниями, понимали ли они это или нет. Это сделано, чтобы показать объективность процесса, когда партия сама рождает себе могильщиков.

Стандартное объяснение причины этого заключается в том, что в силу целого ряда обстоятельств (анализ которых – отдельная тема) коммунистическая партия превратилась из структуры, вырабатывающей моральные и политические императивы общества, в административно-хозяйственный орган – распределитель материальных благ.

Допустим, что это так. Тогда интересен вопрос о том, были ли попытки изменить положение? И в связи с этим вопросом сначала надо вернуться к И. В. Сталину.

Сталин

На протяжении нескольких десятилетий имя И. В. Сталина было у нас нарицательно-ругательским. Заметим, однако, что не в народе, а в официозных, затем “демократических” средствах массовой информации, литературе, кино. Обычные его характеристики – кровавый тиран, диктатор и тому подобные эпитеты. Но, как это бывает, они настолько упорно внушаются людям, что в них никто уже и не верит. Особенно когда становятся ясны масштабы фальсификаций в оценке количества жертв сталинских репрессий, переоцениваются деяния и личностные качества реабилитированных, а особенно при выяснении роли в репрессиях тех, кто их осуждал и осуждает.

Всё больше внимания привлекают другие оценки. Например, суждение Черчилля: “Это большое счастье для России, что в дни величайших потрясений

ею руководил непоколебимый полководец Сталин”. А вот другое, его же: “Сталин был суров, но мудр. Он находил выход из самых критических моментов”. Или: “Он принял Россию в лаптях и с сохой. А оставил оснащённой атомным оружием”.

Но дело сейчас не в этих делах и оценках, а в попытках Сталина реформировать партию коммунистов.

Первую надо отнести к середине 1930-х годов, когда под его руководством была разработана и принята Конституция СССР 1936 года. “Сталинская Конституция”, как говорили в народе. В ней предусматривалась полная передача административных и хозяйственных функций органам советской власти при выборности советов всех уровней на конкурентной альтернативной основе. Существует несколько версий, почему эти конституционные положения не были реализованы. Одна из них обращает внимание на то, что принятие новой Конституции удивительным образом совпало по времени с усилением в стране политических репрессий. А новый виток последних объясним стремлением партийных лидеров на местах продемонстрировать Сталину опасность альтернативных выборов и свою незаменимость в условиях обилия внутренних врагов. Другая указывает на явно непропорционально большое число среди партийных руководителей инициаторов репрессий, бывших троцкистов, которые якобы в преддверии выборов вопиющими несправедливостями хотели настроить народ против коммунистов. Скорее всего, было несколько причин. Но совокупность событий, ими обусловленных, привела к выводу об опасности общественной дестабилизации в ходе реализации на практике новых положений Конституции в условиях надвигающейся войны.

Победа в Великой Отечественной войне и быстрое послевоенное восстановление страны, укрепившийся её международный авторитет дали возможность вернуться к вопросу о реформировании партии и политической системы государства. На XIX съезде РКП(б) в 1952 году были приняты решения, фактически восстанавливающие действие Конституции 1936 года в части передачи большей части управленческих функций от партийных выборным органам советской власти.

Но и на этот раз реализовать начатое не удалось. Теперь из-за смерти Сталина. Надо заметить, что целый ряд историков причинно-следственные связи излагает в обратном порядке. Они считают кончину вождя не естественной, а обусловленной как раз нежеланием партийной верхушки лишиться распорядительной и экономической власти. Иначе говоря, убийством.

Как бы то ни было, надо констатировать, что две попытки Сталина реформировать партию коммунистов не увенчались успехом.

Горбачёв

Трудно понять мотивы действий этого одного из самых бездарных правителей в истории России. Одни считают, что, будучи слабо подготовленным для государственной деятельности типичным карьеристом и приспособленцем, он принимал решения “по наитию”, спонтанно реагируя на текущую ситуацию. Другие видят в его действиях продуманную логику разрушения, тщательно скрываемую от окружающих. Скорее на разных этапах и в разных долях присутствовало и то, и другое.

Применительно к нашему предмету – судьбе партии коммунистов – горбачёвские действия радикально отличались от сталинских. Сталин задумал реформирование партии, исходя из общих теоретических представлений о рациональном общественном устройстве при социализме, и намечал проводить преобразования по определённом последовательному плану. Целью было обновление и придание новой динамики партийной жизни. Горбачёв же первоначально во всех своих начинаниях опирался на коммунистов, а затем, увидев в них угрозу и своим утопиям, и личной власти, спонтанно начал реформы партии и государства, приведшие к их разрушению.

Очень важно отметить, что Горбачёв по своей сути и был типичным представителем тех мелкобуржуазных мещанских дельцов, прилипал к коммунистам, о которых говорилось выше как о будущих могильщиках КПСС. Массовое появление подобных проходимцев в партийной среде было прямым следствием неосуществлённости сталинских реформ государства и партии коммунистов.

Некоторые обыватели возопят: что бы ни делалось, всё делается к лучшему. Разуйте глаза: пришедшая на смену коммунистам “дермократия” установила звериный режим капитализма, который пока ещё занят высасыванием природных ресурсов страны, забавляя вас “колониальными” товарами в придорожных лавках, бесконечными телешоу для дебилов и политическими клоунами-жириноидами. Но дойдёт дело и лично до каждого из вас. Капитал не терпит белых пятен на ниве эксплуатации.

* * *

Эти, конечно же, во многом спорные размышления посвящены недалёкому, но прошлому. Казалось бы, к чему они?

Как мне кажется, недолго протянет наспех и скособоченно сконструированное нынешнее наше общественное устройство. Не может быть устойчивой система, направленная, по своей сути, на экономическое принуждение и политическое унижение большинства граждан страны ради вызывающего и развратного богатства космополитичного меньшинства. Она должна либо сама, но быстро трансформироваться в нечто более гуманное и гармоничное, либо будет сметена новыми революциями.

В любом случае, нужен опыт нашего собственного прошлого. Пока, к сожалению, то, что было с нами, неутешительно. Безбрежная демократия в политике приводит к власти, как пену на волнах, всяких мастей демагогов и стервятников, которые тут же перестраивают экономику на капиталистический лад, видя в этом путь к обогащению и закреплению собственной власти. Тоталитарное положение одной партии заканчивается её загниванием и конвертацией партийной верхушкой своих властных полномочий в капиталистическую самовозрастающую собственность на средства производства. Результат такой же, как и в первом случае.

Может быть, есть какой-то третий путь? Надо думать нашим учёным-обществоведам. Тем, конечно, у кого есть гражданская совесть, а не карман для подношений. Возможно, в раздумьях будет полезен и замысел неосуществлённых реформ.

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

ВАЛЮТНО-БАНКОВСКИЕ МЫТАРСТВА

1. Биржевая “рулетка” со смертельным исходом

Думал ли Пушкин, создавая образ Германна из “Пиковой дамы”, возжелавшего мистически разбогатеть на игре, а вслед за ним и Чайковский, придавший своей музыкой этому образу ореол особой трагичности, что их творения будут сверхактуальны и почти два века спустя. Вряд ли игроков в карты и в рулетку в наше время стало меньше, чем во времена Александра Сергеевича и Петра Ильича, но им и не снилось, что азартные игры когда-нибудь на волне компьютерных технологий втянут в свою орбиту, иногда, увы, смертельно опасную, огромное количество молодых и не очень молодых образованных людей, занятых на рынке ценных бумаг. Людской порок, связанный с желанием разбогатеть быстро и не особенно себя утруждая, никуда не делся в “светлом будущем”, за которое в России было пролито особенно много крови. Изменилось только содержание, а сам порок, которым издревле считались азартные игры, распространённый, но осуждаемый, превратился в достаточно престижную профессию. Но судьба несчастливого Германна нет-нет, да и получает новое трагическое звучание на “сцене современной жизни”. Жаль только, что с уходом предыдущих поколений талантливых поэтов и драматургов от Пушкина, Чехова до Вампилова, Розова, Володина и Гуркина некому воплотить эту и другие сегодняшние, животрепещущие темы на современной театральной сцене или в кино. Вот и приходится сегодня, в 2016 году, смотреть убогие сериалы с однообразным сюжетом или насквозь пропахшие нафталином спектакли прошлых времён.

Сегодня, увы, новые явления в жизни общества толком не изучаются и не анализируются ни средствами искусства, ни наукой. Либо остаётся предположить, что подобные исследования остаются недоступными обществу, как и огромный пласт национальной культуры, игнорируемый средствами массовой информации. Кто, кроме специалистов, знает сейчас имена ведущих академиков? А ведь ещё в начале горбачёвской перестройки на весь мир звучали имена Леонида Абалкина, Абела Аганбегяна и других. Академик А. Г. Аганбегян был настолько популярен, что с ним встретилась даже легендарная премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. Сегодня же общественные науки не востребованы. Более того, академики и членкоры высшим руководством страны изгоняются, например, из ФСБ и с государственной службы, что никак не способствует престижу науки и учёных. “Гениальные управленцы”, члены правительства, в котором очень уютно жили-поживали не один год ныне

арестованный министр экономического развития Улюкаев и ставший притчей во языцех бывший министр обороны Сердюков, считали и считают, что они и “сами с усами”. Но даже и в прежнюю, “научоуважительную” пору, академик Аганбегян не раз сетовал, что мы очень плохо знаем общество, в котором живём. Сегодня мы уже и не стремимся его узнать. Уверен, что нигде не найти статистику самоубийств и убийств на попроще бизнеса, а уж жертв от азартных игр, в том числе на рынке ценных бумаг, и подавно. Но, думаю, была бы она удручающей. Во всяком случае, я знаю не одну историю с печальным и даже фатальным концом, где главными героями стали мои знакомые и приятели, не удержавшиеся в тихой заводи спокойных игр и сорвавшиеся в пучину штормов безудержного азарта.

Как-то в середине 80-х теперь уже прошлого века я познакомился с родственниками жены, захехавшими к нам на дачу попрощаться перед эмиграцией в Америку. Тёща доводилась двоюродной сестрой старшему из остающихся – Иосифу, а значит, тётей его молодому и обаятельному сыну Михаилу, который недавно окончил медицинский институт и ординатуру. Его умные еврейские глаза светились счастьем дальнего путешествия и романтических перемен в едва начавшейся самостоятельной жизни с молодой женой, тоже медиком, и маленьким сыном. Глядя на них, я размышлял, почему мой отец и дядя, евреи по национальности, никогда в жизни не заговаривали на тему эмиграции, хотя и у них некоторые друзья укатили и в Израиль, и в Америку. Очевидно, дело в том, что все лишения, связанные с раскулачиванием близких и недоеданием, были пережиты ими ещё в раннем детстве, так что последующая жизнь воспринималась как уверенное восхождение если не к коммунизму, то в озарённые солнцем дали. Они ценили, что им, баргузинским парням из ограбленных в 20-х годах семей золотопромышленников, советское государство предоставило возможность получить бесплатное высшее образование, да ещё и не одно, стать успешными и весьма уважаемыми руководителями крупных предприятий. Они были тысячами нитей связаны и со своими многочисленными коллективами, и с коллегами, и с органами власти, и поэту мысли не допускали, чтобы бросить дело и “освящённые” кровью революции и двух войн красненькие книжицы – партийные билеты, а главное, людей, с которыми буквально сроднились за годы работы. В их понимании это было бы дезертирство. Слово “Родина” для них – истинных сибиряков, участников войны и военного тыла – не было пустым звуком.

Иосиф же – отец Михаила – был высококвалифицированным специалистом, но по рабочей специальности, кажется, токарем. Опытные рабочие за границей востребованы. А кроме того, у рабочих нет таких прочных социальных связей, как у моего отца Владимира Яковлевича – многолетнего директора “Иркутского мясокомбината” – и его брата Леонида Яковлевича – первого заместителя генерального директора крупнейшего предприятия области Ангарской нефтехимической компании. И хотя до отца с дядей в 70-х, 80-х годах мне было ещё ой как далеко, но всё же в 24 года я стал самым молодым и притом весьма успешным начальником цеха на оборонном предприятии – Иркутском заводе радиоприёмников им. 50-летия Октября. Поэтому и у меня, и у моего двоюродного брата Виктора Серёдкина – молодого руководителя в строительстве – также не возникало мысли бросить хоть и не лёгкое, но серьёзное и интересное “Дело” с большим количеством если не друзей, то приятелей и сослуживцев. О том, что профессия руководителя соцпредприятия в отличие от квалифицированных рабочих вряд ли “конвертируема” на Западе, мы не думали. Так далеко у нас, молодых и успешных, мысли не убегали. Но это не означало отсутствие доброй зависти к тем, кто готов был фантастически круто повернуть колесо собственной судьбы и умчаться за тридевять земель, за моря и океаны, как в добрых детских сказках. Не возникало таких мыслей и в лихие 90-е годы, когда наш уродливый капитализм набирал обороты под бандитским прицелом собственных и особенно чеченских группировок, а также не сумевших перестроиться и постепенно теряющих силу грузинских воров в законе. В опасную орбиту предпринимательства в ту пору втягивались всё новые и новые пассионарии.

Первопроходцами по джунглям капитализма стала наиболее активная и рискованная молодёжь, часто с хорошим образованием, иногда с богатым опытом комсомольской или даже партийной работы и обязательно с предпринимательской жилкой. Выходцев с социалистических предприятий, где я от-

работал к тому времени около 20 лет, среди предпринимателей было очень немногих. Основная причина в том, что подавляющее большинство таких руководителей замыкалось на внутризаводском общении. Они совершенно не были знакомы с внешним миром, с его нерегламентированными, в отличие от предприятий, связями, с ведением финансовых дел, бандитскими и милицейскими “крышами”. Совершенно не похож на потенциального предпринимателя был и отправляющийся в Америку Михаил.

Какого же было наше удивление, когда спустя пять лет в следующий приезд Иосифа мы узнали от него поразительную новость об успехах сына на вольном рынке ценных бумаг. Было это уже в конце 80-х. Тогда я как раз подходил к мысли о собственном бизнесе, и мне было весьма интересно поговорить о зарубежном опыте. За несколько лет Иосиф стал заправским американцем, во всяком случае, в наших, не особенно искушённых, глазах. Его приезд совпал с началом освоения им неизведанной, но интересной и небедной жизни американского пенсионера. Выглядел он моложе, чем когда заглядывал к нам отклоняться лет пять назад. Держался Иосиф вполне уверенно, даже с некоторым апломбом, с большой любовью и благодарностью говорил об Америке и со знанием дела о бизнесе сына. Кроме неплохой даже по американским меркам заработной платы, несколько лет назад ему выплатили сотни тысяч долларов за небольшую травму, полученную по вине администрации предприятия. Но главной его гордостью, конечно, были успехи сына, переквалифицировавшегося из медика в брокера, активно работающего на рынке ценных бумаг. Иосиф с удовольствием показывал фотографии нового дома семьи Михаила с бассейном и приусадебным участком, с милым и разноцветным детским городком. Но более всего впечатляло не проходящее со временем отъезда ощущение неподдельного счастья на семейных фотографиях Михаила. Успех этого юного медика, может быть, и стал последней каплей в чаше моих раздумий по поводу открытия самостоятельного бизнеса.

Иосиф рассказал о сложностях изыскания средств на брокерские курсы для Михаила, об удачно найденном месте работы в одной из брокерских контор, попутно заметив, что подтвердить квалификацию врача, с российским дипломом и полным неумением работать с современной диагностической аппаратурой, ещё дороже и сложнее. Через несколько лет брокерской работы “на дядю” Михаил начал мечтать о собственном деле. Но всё упиралось в сумму начального капитала. “И здесь не было бы счастья, да несчастье помогло, – вспомнил Иосиф русскую поговорку. – Я получаю производственную травму – перелом руки – и немалую страховку. Большую часть её я отдал на удачу сыну. С этих-то средств и началось его восхождение к американской мечте”. Видно было, как Иосифа переполняет гордость за сына и за удачу, которую принесли его страховые деньги.

Наша тёплая встреча проходила на уютной веранде недавно перестроенной дачи, утопающей в садовых цветах, которые были нашей скромной гордостью, в сиянии безоблачного, но не очень жаркого летнего дня, сеющего вечные, как сама природа и людское счастье, отблески солнца по уходящему вдаль иркутскому морю. Нелепыми в этот момент казались буддистские мысли из недавно прочитанной книги о том, что человек рождён для страдания.

В завершение встречи Иосиф эффектным жестом фокусника вынул буквально из кармана несколько небольших тряпиц, по объёму похожих на шёлковые платочки. Мы поблагодарили и подарили ему и Михаилу нефритовые изделия с наивным наказом изучить конъюнктуру в Америке с тем, чтобы организовать поставки от фирмы “Сибтонар”, в которой до октября 91-го года я ещё оставался заместителем директора. После расставания с гостем мы внимательно посмотрели на тряпицы. Они оказались нарядными платками из поразительно тонкой ткани.

Вскоре позвонил из Америки Михаил, поблагодарил за очаровательные изделия и пригласил нас в гости на его новую родину. Мы отшутились, что прилетим, как только заработаем на нефритовых поставках. Звонок этот был в самые последние дни лета, которое не спеша собиралось переключивать от нас в южное полушарие.

Кто бы мог подумать, что последними были не только дни лета, но и звонок Михаила. Примерно через месяц, уже слякотной осенью 1989 года, мне передали “Комсомольскую правду” со статьёй “Наши в Америке”, где рассказывалось о зверском убийстве предпринимателя Михаила. Убили его наши

эмигранты. Им не давал покоя блистательный успех земляка. И они настояли на том, чтобы он и им приобрёл ценные бумаги, обещающие быстрый успех. Не знаю, разъянял ли Михаил заказчиком быстрого богатства, что ставки на большой успех сопряжены с меньшими рисками, что рисковать можно только небольшой частью своих сбережений, которую в случае проигрыша жаль, но не смертельно. Или же и он находился в эйфории от собственных достижений и, уверенный в своей прозорливости и безотказном чутье, взял деньги без “лишних” разговоров, а кусающиеся, иногда и до смерти, законы рынка начал объяснять уже после того, как их деньги превратились в сладкие воспоминания, в умершие надежды, и в безысходную тоску, которая толкает на преступление. Какой состоялся между ними диалог, теперь уже никогда не узнать.

Прошло несколько лет с момента гибели Михаила. Мы позвонили Иосифу, чтобы высказать соболезнования по поводу скорбной даты, но оказалось, что он ненадолго пережил катастрофу. Его жена рассказала, что Иосиф страшно корил себя и за то, что был инициатором переезда в страну, где, как гласила реклама, для всех равны возможности, но, увы, как оказалось, не только на успех и счастливую жизнь, но и на гибель. Не мог он себе также простить, что поторопился дать деньги Михаилу на самостоятельное ведение бизнеса. Нервы и сердце любящего родителя не вынесли глупой и трагической гибели единственного сына, попавшего в цунами азартных игр.

В 89-м году мне ещё наивно казалось, что такие убийства – это чисто американский почерк, уж у нас-то всё будет по-другому. Но оказалось, что когда рушатся вековые устои, а вслед за ним и само великое государство СССР, время как будто взрывается, а вслед за ним вырывается с корнями и летит в “тартарары” нравственность народа. Вчерашние коммунисты и комсомолцы вмиг превратились в своих классовых антиподов – в капиталистов, а у кого не получилось – в их ярых помощников. Через год стабильное или, как его называли, застойное государство стало похлеще, чем “дикий запад” в эпоху первичного накопления. Вряд ли есть какая-либо сравнительная статистика, но, думаю, в 90-х годах по степени дикости нашей второй революции, которую только идеологические лжецы называют “бескровной”, мы оказались впереди планеты всей. Жаль, что на долгие годы, если не навсегда, преступность стала единственным “достижением”, по которым Россия обогнала Запад. Даже по общим демографическим показателям смертности, убыли населения и падению продолжительности жизни проглядывает весь кровавый ужас горбачёвско-ельцинской перестройки.

В памяти ещё были живы безответственные заверения главы СССР Н. С. Хрущёва, сделанные им в конце 50-х годов во время первого после революции визита в Америку. Наш лидер пообещал, что в ближайшую семилетку мы обгоним США по всем основным показателям, в том числе по уровню жизни, и помашем Западу ручкой, уходя далеко вперёд. Вперёд мы, действительно ушли, но, к сожалению, не по тем показателям. Даже нашего русского еврея Михаила, сбжавшего от перестройки и убитого соплеменниками, следует записать на счёт нашей “бескровной” революции. Об ужасе перестройки буквально вопиет демографическая статистика. В 1991 г. смертность в России впервые за мирные годы последнего столетия превысила рождаемость. Например, в 1994 г. родились 1 млн 420 тыс. россиян, а умерли 2 млн 300 тыс. Убыль населения в один только ельцинский год больше численности такого немалого города, как Иркутск. Средняя продолжительность жизни при Ельцине снизилась со средних 69 лет при советской власти до 64 в 90-х годах, а разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин в ельцинские годы достигла своего печального и мирового, и российского рекорда в 13,6 лет. У женщин она составляла около 71 года, а у мужчин – 57 лет. Причём, в ельцинскую пору вахханалии оба показателя страшней, чем в горбачёвскую. В целом же цена “бескровной” перестройки оценивается в ельцинский период примерно в 7 миллионов прямых потерь населения, что много больше, чем в годы сталинских репрессий, и равно 50% потерь россиян в годы Великой Отечественной войны. При этом “добрая” статистика не учитывает страшную судьбу 25 миллионов бесправных русских, брошенных Ельциным в бывших советских республиках.

Но вернёмся к “казино” ценных бумаг. Михаил стал далеко не единственной жертвой “бумажного” рынка среди моих знакомых. Хотя бумаги – не вазовские автомобили, большую часть которых в 90-х годах распределяли бандиты.

Торгуются бумаги вроде бы солидно — на биржах, размножившихся у нас на самой заре возрождения капитализма, “как грибы после дождя”. В 90-е годы в каждом городке у нас кипела “работа” в своих пародийных биржах и биржевых союзах, но как далеко им было до западных бирж даже 20-х годов, талантливо показанных Теодором Драйзером в его знаменитой трилогии. Главный герой трилогии — успешный Каупервуд, активно манипулируя ценными бумагами, разоряет конкурентов, но при этом делает “Дело”, строит трамвайные пути, а позже — лондонское метро. Уже в ту эпоху он убивал конкурентов не физически, как у нас, а только финансово. Наша деградация нравов шагнула далеко вперёд даже по сравнению с диким Западом.

За внешней респектабельностью бирж скрывается нечто, отличающее этот вид бизнеса от любого другого. Это нечто выдаёт язык. Только к этому виду бизнеса намертво пристало не самое респектабельное слово, когда речь идёт не о детских, а о взрослых делах. Слово это — “игра”. С этим словом связаны такие устойчивые словосочетания, как “игра на бирже”, “игра на повышение и на понижение”, причём двум последним играм соответствуют и вообще звериные оскалы “медведей” и немилосердные рога “быков”. Ну, а где игры, там естественно присутствует элемент лотереи — можно выиграть, но можно проиграть и даже доиграться. Последнее звучит особенно предостерегающе, если не сказать зловеще.

2. “ГУЛаг” для беглых банкиров

Довелось мне быть свидетелем и, к сожалению, участником ещё одной, если не трагической, то весьма драматической истории в азартных рыночных играх. Крыло перелётной, легко меняющей окраску жар-птицы удачи, или чёрной, как ворон, птицы несчастного проигрыша, накрыло семьи двух моих давнишних приятелей. Стаж дружбы Эдуарда и Вадима исчислялся уже не одним десятилетием. Их жёны были не только подругами, но и двоюродными сёстрами, семья связывало большее, чем просто дружба.

В юности, сразу же после окончания Иркутского института народного хозяйства, или “Нархоза”, как сокращенно его именовали в ту пору, Эдуард поступил в аспирантуру и защитил диссертацию по макроэкономике капитализма. Немалое внимание в диссертации было уделено биржевой игре. Это и стало его профессией на всю жизнь и вскоре, в самом начале перестройки, принесло первый, достаточно лёгкий и быстрый миллион долларов. Начало девяностых годов он встретил во всеоружии теоретической подготовки, преподавая в институте, но главное, подрабатывая в небольшом иркутском банке и брокерской конторе, созданной совместно с директором и с заместителем директора банка. Руководители банка были также кандидатами экономических наук, но на 3-4 года старше Эдуарда. Банковская деятельность у них не занимала много времени. Банкирами они были хоть и весьма успешными, но всё же наёмными. Куда активней кипела работа в их личной брокерской фирме. Ходовым товаром в начале 90-х годов в наших краях были постоянно возрастающие в цене акции Иркутскэнерго, которые даже именовались в ту пору, на манер казино, “фишками”, хотя и голубыми. Их цена в отдельные годы поднималась в разы. Но чтобы хорошо заработать на акциях, нужны немалые оборотные средства. А откуда им взяться? Вчерашним аспирантам на выручку приходил “их” банк, а потому у них не было проблемы ни с кредитами, ни просто с прокручиванием банковских средств в выгодном для себя русле.

Другим весьма выгодным товаром в ту пору были пакеты приватизационных чеков, которыми осчастливил население России на заре либеральной перестройки непотопляемый Анатолий Чубайс. Каждый взрослый человек получил по одному чеку, номинал которого равнялся его доле в накопленной более чем за 70 лет общенародной собственности великой страны. При раздаче чеков Чубайс и его команда, включающая бывшего зав. отделом журнала “Коммунист” и будущего премьер-министра Е. Т. Гайдара, в содружестве с американской консалтинговой компанией Bain&Co, представленной консультантами во главе с будущим кандидатом в президенты США на выборах 2012 года Миттом Ромни, обещали, что через не очень продолжительное количество лет на каждый чек можно будет приобрести автомобиль. Но искушённый советский человек считал это такой же сказкой, как обещание главы СССР 50–60-х годов Никиты Сергеевича Хрущёва завершить строительство коммунизма в 80-х

годах. А при коммунизме, учила партия, все будут обеспечиваться по потребностям, а значит, и автомобили должен получить каждый желающий. Но поскольку, вместо обещанного коммунизма, в 80-х годах перешли к скуднейшему распределению основных продуктов питания по талонам, как во время войны, то вера народа в правительственную болтовню была подорвана. Позже традицию мегаобмана продолжил и первый президент России Б. Ельцин. Это он заявил накануне дефолта на всю страну, что с рублём ничего не произойдёт, можно не волноваться и спать спокойно: “Девальвации рубля не будет. Это твёрдо и чётко. Моё утверждение – не просто моя фантазия, и не потому, что я не хотел бы девальвации. Моё утверждение базируется на том, что всё просчитано. Работа по отслеживанию положения проводится каждые сутки. Положение полностью контролируется”.

Никто не удосужился хотя бы примерно подсчитать цену безответственности ельцинского заявления. Сколько жизней унёс одномоментный дефолт с возросшими на 300–400% за одни сутки долгами тысяч, а может быть, и миллионов предпринимателей и “челноков”, колесящих с баулами по всему миру. Сколько из них обанкротилось и было застрелено в ходе кровавых долговых разборок тех лет. Думаю, что “жатва” была много больше, чем в афганской бойне. Вот только нетobelisks жертвам ельцинского обмана. Может быть, из соображений маскировки “бескренности” развала и боится правительство развивать общественные науки.

Вскоре один ваучерный обман сменился другим, не менее масштабным. Но вместо крови уже, слава Богу, лилось вино и водочка. В своей массе народ отдавал свои будущие машины, воплощённые в приватизационных чеках, “подаренных добрым волшебником” Чубайсом, чаще всего за обычную российскую валюту – за бутылку. А за красненькую или за водочку – это являлось предметом торга и приобретения народом первого, а для очень многих и последнего, опыта рыночно-бутылочных отношений.

В то время расплодилось немереное количество скупщиков приватизационных чеков, так же как сегодня во время избирательных кампаний вдруг невесть откуда, как чёрт из табакерки, появляется масса корыстных организаторов голосующих масс. Такие специалисты прибыльно и, естественно, безналогово “работают в поте лица” одновременно на несколько противоборствующих кандидатов. Так и “спасают” россиян от окончательной нищеты то чеки, то выборы. Неужели одни не верили в дармовые “Волги”, а другие скупали чеки, чтобы в будущем стать владельцами таксопарков? Конечно же, нет. Сказочка о машинах была для простаков. Чеки же можно было использовать на коротком плече времени, практически немедленно, для скупки акций предприятий. Большинство населения, в том числе и такого продвинутого, как Эдуард, в ту пору индифферентно относилось к акциям предприятий, разумно полагая, что прибыль по ним хитрым руководством предприятия распределяться не будет. Умные директора, главные бухгалтеры и экономисты, известные мне не понаслышке, всегда найдут, как спрятать прибыль или распределить её через фонд заработной платы и материального поощрения среди своих работников. Но смекалистые денежные спекулянты, чьи “младенческие” знания по экономике не были замутнены ни теорией, ни практикой, ни здравым смыслом нормального функционирования промышленности, твёрдо усвоили одну простую, как большевистский лозунг “Землю – крестьянам”, мысль: “Более половины заветных бумаг позволит проглотить предприятия со всеми потрохами”. Вот только в роли потрохов выступали производственные коллективы, директора и основные фонды, накопленные за многие десятки лет “плохим” СССР. Заветные 50% плюс одна акция позволяли сметать директора и главного бухгалтера, а вместо них ставить своих руководителей предприятия и, как пели Лиса и Кот, одурачившие наивнейшего Буратино, “...делай с ним, что хошь”. Хочешь – получи, если сможешь, прибыль, а хочешь – разгони коллектив, распродай оборудование или даже сдай его в металлолом, а если предприятие в удобном месте, то организуй рынок или распродай землю.

Последнее происходило особенно часто под аккомпанемент похоронных оркестров массово пивающихся, ставших в одночасье ненужными рабочими и получающих инфаркты и инсульты директоров, назначенных министерствами и обкомами КПСС, а снятых с работы “паханами” из бандитов, спекулянтов и цеховиков. Они в ту пору массово скупали у доверчивых коллективов

контрольные пакеты акций (подробней об этом в книге: “Маятник бизнеса: между орденом и тюрьмой”).

Но какая же роль в этом процессе отводилась нашим героям и их банку? Они, конечно же, не опускались до черновой работы по скупке акций, не мотались по деревням и рабочим посёлкам. “Заготовители” приносили им уже немалые партии чеков, а взамен получали 1,5–2 цены относительно первоначального закупа. Но покупать предприятия и тем самым рассекречивать свои заработки наши осторожные “корейки” (если пользоваться образом, созданным Ильфом и Петровым) не собирались. В ту пору было не счесть убийств, да и арестов их менее конспиративных коллег–банкиров, которых не спасали от злой участи даже длинные хвосты из сопровождающих охранников. Поэтому консолидированные пакеты приватизационных чеков приобретались, а после с существенной наценкой перепродавались более смелым и рискованным охотникам за фабриками и заводами, ГЭСами, энергосетями и даже за бывшими грандиозными комсомольскими стройками эпохи социализма.

Охотники, как правило, были тесно связаны с криминалом или с высокими чиновниками.

Несмотря на то, что наши учёные–банкиры вели себя максимально конспиративно, информация о немалом масштабе их финансовой деятельности скоро всё равно появилась в криминальных кругах. И это неудивительно. Первоначальная скупка чеков часто производилась под патронажем “бандюков”, а значит, у них была информация о покупателях больших партий этого ходового товара. Кроме того, банковские операции проводило немалое число как исполнителей их банка, так и представителей иркутского отделения Центробанка. Среди служащих наверняка были и такие, кто за вознаграждение осведомлял бандитов. Но самым неприятным моментом, оглушившим наших банкиров, стал арест председателя центробанковской организации, который знал немало крупномасштабных банковских тайн. После этого ареста дальнейшая деятельность молодых банкиров стала явно небезопасной. Информация об их финансовых успехах появилась и у милиции. Главные действующие лица – директор и заместитель директора банка – очень оперативно, в темпе, опережаящем “сеттеров”, чью жирную добычу, уволившись и вылетели к своим миллионам долларов в легко доступное в ту пору для эмиграции островное государство Мальту. Со временем они получили на Мальте виды на жительство, а позже и зарубежное гражданство, но уже в Англии и в Канаде. Мальта в ту пору привлекала безвизовым въездом и льготным налоговым законодательством. Нерезиденты платили, если не ошибаюсь, фиксированные тысячи полторы в год и, как призывает наш плакат, проповедующий грабительские налоги, могли спать спокойно. Спокойному сну способствовал также островной характер этого мини–государства, защищающий от современных разбойников.

Для разборок удобней многолюдье и возможность незаметно въезжать и уезжать на автомобилях и поездах. Но с острова не удрать, поэтому и преступность там почти нулевая. Интересно, что этот островок с разветвлённой сетью автомобильных дорог составляет в длину всего 27 километров, что в три раза меньше нашего байкальского Ольхона при почти одинаковой ширине, а население около 400 тысяч человек, что более чем в 100 раз превышает численность наших островитян вместе с туристами в разгар сезона.

Можно было бы порадоваться за наших земляков, сбежавших от нависших туч в безопасную Мальту. Если бы не одно “но”, которое поразило меня во время туристической поездки в этот антикриминальный рай. Немного не по себе мне стало, когда самолёт, сделав круг над островом, пошёл на посадку. Показалось, что сильный шторм или цунами во время землетрясения запросто смоеет этот оазис благополучия. В дальнейшем меня успокоили тем, что большая часть строений, в том числе наша гостиница, стоят на гористой местности. Скучным, навевающим смертную тоску, мне показался и безлесный каменистый ландшафт, лишь кое–где украшенный травяным ковром.

Скучную природную картину дополняла и однообразная городская архитектура. Если учесть, что всё это “лысое великолепие” раскаляется ярким, почти экваториальным солнцем, то мне, любящему живую природу и прохладу, было на Мальте настолько некомфортно, что она показалась весьма подходящим местом разве что для учреждений ГУЛАГа. Уж если наш благодатный байкальский остров Ольхон при Сталине приспособили для этих нужд, то судьба

Мальты, если б ей “повезло” оказаться в составе нашего государства, была бы предрешена. Сбежать с неё практически невозможно. Наш Ольхон также отделён от ближайшего берега несколькими километрами невыносимо холодной воды. И поэтому ни один зэк не сбежал с острова. Только косолапые хозяева сибирской тайги в своих круглогодичных шубах да энергичные лоси изредка отваживаются форсировать водную преграду в поисках лучшей доли, но вряд ли её находят. Наш остров, даже с его огромными, по сравнению с Мальтой, размерами, для этих крупных животных оказывается маловат.

Мальтийская экскурсовод, которой я задал вопрос по поводу вытоптанной травы, слегка обиделась на меня, ответив: “Там, где травка, все ходят по тропам, а мало таких мест из-за климата, но никак не из-за жителей. Так было всегда, и люди здесь не при чём”. А я, сравнивая два острова, подумал, насколько же мы богатые и как нам повезло с природой, которую мы нещадно вытаптываем и выжигаем, губим квадроциклами и машинами. Какую неимоверную опасность должны были чувствовать банкиры, чтобы добровольно сбежать в мальтийский природно-климатический “ГУЛаг”. Но, может быть, я слишком не люблю сильную жару и обожаю нашу байкальскую природу?

Наши банкиры, конечно, не пылали любовью к своему прибежищу, но всё-таки осели там. Эдуард был моложе своих коллег, он не подписывал серьёзные банковские бумаги, а потому риск его, к радости, а доход, к сожалению, были соответственно много меньше, и он остался после бегства друзей в Иркутске. Следовательно не раз навещал брокерскую контору и задавал вопросы изрядно волнуемому Эдуарду. Законы в ту пору были весьма неопределёнными, а потому дело могло повернуться в любую сторону. Главенствующий юридический принцип той поры: “Разрешено всё, что не запрещено”. Открывать личные счета за границей и перечислять туда валюту не запрещалось. Но их брокерско-инвестиционная компания не имела права работать с валютой без специальной лицензии. А вот её-то как раз и не было. Поскольку ни беженцев, ни денег не догнать, да и опыта применения статьи, карающей за это нарушение, также толком не было, то уголовное дело открывать не стали, и мальтийских жителей никто не потревожил.

Вскоре Эдуард всё же от греха подальше перебрался в Москву. В конце 90-х годов цены на недвижимость были невелики, и его миллиона долларов, полученного на успешном старте, хватило на неплохую квартиру для своей семьи, для семей обоих родителей, на квартиру про запас для подрастающих детей, на машину, но потом потянулись не очень весёлые годы службы по раз и навсегда выбранной профессии в отделах ценных бумаг различных московских банков.

Не в пример ему, старшие товарищи, нагулявшие на Мальте языковой опыт и опыт западного существования, обрели в дальнейшем более независимую жизнь. Директор банка года через три занял руководящий пост в одном из мальтийских филиалов английского банка. Впоследствии он проявил исконно сибирский характер, упорство и смекалку, в результате лет через пятнадцать после отъезда стал не просто рядовым лондонцем, а заместителем управляющего крупнейшего английского банка. О такой карьере мечтают многие англичане с прекрасным образованием и со связями.

Его ближайший сподвижник тоже не навечно поселился на скучном острове. Лет через восемь, дождавшись, когда способная и старательная дочь окончила школу, наш друг переехал в Канаду. Не на шутку напуганный “иркутской историей”, он и сейчас, спустя 26 лет, общается, в основном, в кругу семьи и с кормильцем-компьютером. Дела на рынке ценных бумаг идут у него, по слухам, довольно ровно и успешно. Ему с его характером удаётся избегать соблазнов рискованных взлётов, а значит, и болезненных падений. Бацилла безудержного азарта и скоробогатства пролетела мимо его “мальтийско-канадского” футляра, а вместе с ней в добровольном затворничестве пролетели на чужбине и лучшие годы жизни.

Проиграв на первых порах и потеряв привычный круг общения, наши, теперь уже полновесные, эмигранты, получили и немалый выигрыш. Не в пример многим банкирам 90-х они уберегли от бандитов и от милиции денежки, а главное, головы. Нисколько не затронул их и ураган ельцинского дефолта 98-го года, когда у предпринимателей шансы выжить материально и даже физически падали так же резко, как рубль. Кроме того, в пору нескольких кризисов замораживались все валютные счета и международные операции для

россиян. Те, кто в это время находился за границей, но держал деньги в российских банках, оказались, буквально, без хлеба. У наших же молодых эмигрантов и Эдуарда к тому времени ни копейки уже не лежало в российских банках.

После потрясений дефолтами многие предприниматели, имеющие хоть какие-то финансовые возможности, стали искать способы превращения части ресурсов в валюту и хранения её за границей. Но оказалось, что надёжные западные банки не собираются встречать нас с распростёртыми объятьями. Как правило, они требуют поручительство в добропорядочности и в легальности средств. Мальтийский стаж наших банкиров пришёлся как нельзя более кстати. Нескольким землякам, в том числе Вадиму и мне в 1998 году, сразу же после дефолта, без хлопот и даже без выезда, были открыты на Мальте вожделенные счета, помогающие создать пусть и небольшие, но надёжные “подушки безопасности” от нашего непредсказуемого государства.

3. Бабушка и дед против... “гроссмейстера” азартных игр

Так и хочется продолжить заголовок строкой из вечного Сергея Есенина: “Они бы вилами пришли вас заколоть за каждый крик ваш, брошенный в меня”. Но речь дальше будет идти о борьбе моих предков с азартными игроками без помощи вил и другого подручного оружия. Не знаю, одинакова ли у людей от рождения предрасположенность к таким играм, но то, что уроки детства оказывают огромное влияние на эту черту характера, лично у меня сомнений не вызывает. В дошкольном возрасте я научился почти одновременно играть и в шахматы, и в карты. Но карты бабушка запрещала. Она как будто чужла вектор прогресса и справедливо боялась, что может сформироваться пристрастие к азартным играм, когда я стану постарше, а там и до греха недалеко. Правда, в душе я, конечно, думал, что когда вырасту, то уж в карты-то наиграюсь. И действительно, лет в 11-12 мы с друзьями с удовольствием забирались на чердак нашего старинного двухэтажного деревянного дома, где располагался “штаб” нашей мальчишеской армии, и с удовольствием резались в занимательную и достаточно умную игру – в “66”. Но бабушкин труд не пропал даром, и я, будучи лидером дворовых пацанов, несколько раз останавливал ребят от игры на какой-либо интерес, будь то конфеты, папиросы, пробки и тем более сэкономленная на завтраках в школьном буфете и на походах в баню мелочь. Не без некоторых колебаний они соглашались. Игра и без этого всех захватывала. Я же воспринимал игру в карты ещё и как атрибут взрослости и свободы. Хотя, по моим тогдашним ощущениям, все этапы детства тянулись невыносимо долго.

Тривиальную фразу: “Ах, как быстро летят годы!” – все мы в детстве и юности нередко слышали от своих родителей, но абсолютно не понимали, испытывая прямо противоположные чувства. Я бесконечно долго ждал, когда наконец-то кончится детский сад и можно будет надеть бравую школьную форму стального цвета с гимнастёркой, блестящей металлическими пуговицами, когда подпояшусь ремнём с медной пряжкой и, приняв облик маленького солдата, повесив на плечи удобный ранец, наконец-то начну заниматься в школе самостоятельным делом. Впоследствии бабушка сопровождала мой первый поход в школьном облачении не очень понятным философским восклицанием: “Ну вот и отгулял солдатик! Началась на веки вечные армейская жизнь”. Очевидно, немало пожившая бабушка представляла всю жизнь после вольного раннего детства “по-военному” строго регламентированной: и в школе, и на производстве давление советского общества на личность мало отличалось от армейского.

А сколько раз, затаив дыхание, я, будучи дошкольником и несбыточно мечтая ускорить ход времени, слушал, как из динамика с единой для всего города радиопрограммой лилась задорная школьная песня:

*Ровесницы, ровесники,
Девчонки и мальчишки,
Одни поём мы песенки,
Одни читаем книжки.*

*Девчонки, мальчишки,
Мальчишки, девчонки,*

*Мы учимся вместе, друзья.
Всегда у нас весело в классе,
Да здравствует дружба, ура!..*

*Идём по общей лестнице,
Звонок услышав громкий,
Ровесники, ровесницы,
Мальчишки и девчонки...*

Строчки этой незамысловатой, но казавшейся в ту пору волшебной песни, подобно машине времени, и сейчас подхватывают меня и переносят в незабываемый и неповторимый мир детства. И вот я уже вижу себя рядом с бабушкой, растапливающей лучиной печь на коммунальной кухне, а на чугунном “зеркале” печи лежит оставленный ею по оплошности коробок спичек. Я кое-как дотягиваюсь до него и отдаю бабушке, заработав от неё, скупой на похвалы, благодарность за бдительность и, как мне кажется, за спасение всех жильцов от пожара.

Вспоминается, как удостоился я бабушкиной похвалы в пять лет, задав ей глубокомысленный вопрос: “А родится ли когда-нибудь второй Ленин и второй Пушкин?” А ещё раньше, годика в три, похвалила меня бабушка за находчивость. Было это так. Я сопротивлялся и не хотел никак кушать манную кашу. Бабушка грозила, что если не поем, то не будет солнышка, пойдёт дождь, и сидеть мне тогда дома целый день без гуляния. Тогда я её спрашиваю: “А Ира (старшая сестра) свою кашу съела?” Бабушка, не уловив подвоха, начала Иру приводить в пример, сказав, что она съела ещё и добавку. “Значит, у неё обязательно будет солнышко?” – спросил я. “Конечно”, – ответила бабуля. Тогда я недолго думая заявил: “Кашу есть не стану, а гулять пойду на Ирино солнышко”.

Бесконечно долго тянулось время до вступления в пионеры, а позже и в комсомол. Мой мотив вступления в комсомол мало соответствовал изложенному в почти стандартном заявлении, где в большинстве случаев декларировалось желание: “Быть в первых рядах строителей коммунизма”. Всё было гораздо банальней и прозаичней. Вступившие в комсомол переставали носить обязательный пионерский галстук и как бы первыми вырывались из детства. А кроме того, руководила процедурой приёма в коммунистический союз молодёжи очень симпатичная девушка Тамара, года на два старше меня, с которой я мечтал познакомиться и познакомился. Жаль только, что знакомство протекало у нас скорей со знаком минус. Она не раз приглашала меня, чтобы сделать внушение за затяжку с приходом в райком комсомола для получения комсомольского билета, а также по поводу оформления подписки на местную газету “Советская молодёжь” или на центральную “Комсомольскую правду”. Принимали в комсомол с 14 лет. Я воспользовался своим правом и 1 февраля, как раз в день своего четырнадцатилетия, расстался навсегда с пионерским галстуком. Все остальные одноклассники за исключением моих уважаемых приятелей – переростков-второгодников – оставались пионерами ещё целую вечность – всё второе полугодие. Но в седьмой класс 1 сентября уже все шли без пионерских галстуков, привилегия делалась нормой. Не скрою, что временами я подгонял время и вредными привычками. Но спорт, осознание пагубности табака и вина, а как-то раз и хорошая взбучка от отца, помогли поставить точку, пока ещё было далеко до выработки привычки, как у многих моих не очень благополучных друзей.

Не так томительно долго, как в школе, но всё же и не быстро, тянулось время и в институте. Интересно, что разной скорости течения времени по векам жизни есть, кажется, и математическое обоснование. В раннем детстве между одним годом и двумя разница в 100%, между четырьмя и пятью – цена года 25%, в 20 – один год тянет всего 5%, в 50 лет – 2%, а в 100 лет – только 1% от прожитых лет. Может быть, поэтому и создаётся ощущение ускоряющегося с годами бега времени, при котором “цена года” для старцев падает в сто раз по сравнению с младенцами. И теперь, когда банкирам, совсем недавно юным, перевалило за пятьдесят, а нам с Вадимом и того больше, родительское восклицание по поводу быстро бегущих лет недоумения не вызывает. Они, увы, как и всегда, оказались правы, а мы незаметно заняли их место.

Уже много лет, когда я приезжаю в Москву, мы обязательно созваниваемся с Вадимом и Эдуардом с тем, чтобы за семейно-деловым завтраком обменяться новостями. Мы с Вадимом с удовольствием слушаем ставшую традиционной информацию Эдуарда о состоянии, а главное, о перспективах валютных курсов, банковской системы, о рынке ценных бумаг, а теперь, в 2017 году, когда пишутся эти строки, ещё и об элементах беспредела нового валютного законодательства, которое неминуемо будет выдавливать солидных предпринимателей из России. Такая информация, мне кажется, интересна всем, а нам, занимающимся бизнесом и имеющим какое-то количество резервных средств, тем более.

Лет пять назад Эдуард, не получив обещанных дивидендов в одном из крупных российских банков, поставил точку в банковской карьере и ушёл в самостоятельное плавание по океану денежных игр. Но управлять он стал не собственными миллионами, которых у него ближе к финишу, увы, не оказалось, а устроился на работу к одному знакомому бизнесмену, выделившему на этот рискованный бизнес порядка десяти миллионов долларов. Вознаграждение Эдуарда составляло десять, а при очень большом выигрыше 20% от полученной прибыли. Несколько лет назад, кажется, в 2010 году, Эдуард на деньги своего шефа и на Вадимов миллион “заработал” около 50% годовых, а 2012-й и того лучше, принёс шефу 90% годовых, а себе опять, как и на старте, миллион долларов. После этих, окрыливших его удач, а может быть, и закономерных побед, опирающихся на более чем тридцатилетнюю преданность одному делу, в 2013 году он предложил мне и второй раз Вадиму вложиться в ценные бумаги. Предложение профессионала принять участие в игре выглядело заманчиво.

Из опыта предыдущих лет мы знали, что в авантюрах он вроде бы не участвует. Если перевести его заслуги на спортивный язык, то он провёл множество поединков без единого проигрыша, лишь несколько встреч завершив вничью, остальное — победы. Правда, итоги нам объявлял не комментатор, а сам участник биржевых игр.

Хотя все мы были старыми товарищами, но некоторая презентация Эдуардом была всё же проведена. Тем более что на встречу я пригласил своего давнишнего приятеля Леонида, который изъявил интерес послушать, а может быть, и поучаствовать в игре.

— Спортсмену в плане саморекламы легче, о нём всё знают тренеры и диктор, освещающий, например, боксёрский матч, — издали, к нашему удивлению, начал презентационную речь Эдуард. — В интернете сейчас легко найти информацию о каждом заметном спортсмене. Там будет сказано, что такой-то известный боксёр в своей жизни провёл, например, пятьдесят встреч, в 45 одержал убедительные победы, из них 30 с явным преимуществом — нокаутом или нокадауном. Три встречи окончились вничью, а две проиграл, причём в одной из них тоже получил нокаут. Вот такие же примерно показатели и у меня, но без нокаута, — провёл аналогию Эдуард. — Но писать о чемпионах биржевых игр не принято, хоть и здесь есть свои мастера. За жизнь я провёл десятков пять очень крупных покупок акций и много тысяч небольших сделок, которые можно причислить к тренировкам.

— Эдуард, тебе не кажется, что есть одно “но”? — спросил Вадим. — Ты всю жизнь работал в банках, а там есть свои алгоритмы, правила, ограничения. А теперь ты выходишь в чистое поле. Не понесёт ли тебя “на резвом коне”?

— Исключено, — слегка даже обиделся наш профессионал финансового спорта. — Если продолжить твоё сравнение с животными, то мне больше нравится не “резвый конь”, а собака, так как я родился по восточному календарю именно в её год, а на коне я и ездить-то не умею, особенно на резвом. На даче у меня много лет жила кавказская овчарка. Свобода у неё была относительной, она вдоволь бегала по участку, но, чтобы не портила цветы, грядки и гостей, была натянута проволока, по которой скользила цепь. Несколько раз проволока рвалась, но и на свободе барбос бегал вдоль оборванной проволоки и ни на метр дальше. Привычка и навыки, как видишь, дисциплинируют даже собак. Я в банках уже около тридцати лет. Их алгоритмы держат меня сильней цепи. Всё будет “Окей”.

Следующим высказался Леонид — известный московский бард, вхожий в круг ночных “королей” традиционных игр. Он предложил также вложить в акции немалую сумму: “Я, если постараться, могу найти сумму не меньше, чем

богач-предприниматель, которого ты обслуживаешь. Догадываешься, наверное, чьи будут деньги, и какая ответственность ляжет на нас с тобой?”

— Конечно, понимаю, — ответил, смутившись и даже слегка побледнев, наш организатор “концессии”, — а поскольку прекрасно понимаю, то эти деньги не возьму.

— Но ты ведь провёл столько боёв и почти во всех, как истинный чемпион, одержал решительные победы. Что же тебя смущают денежки “братков”? — вопрошал Леонид.

— Но спортсмен, чтобы нормально выступать, должен быть более-менее спокоен, — парировал Эдуард. — Если ему сказать, что в случае проигрыша он будет повешен, то вряд ли он не сгорит ещё до старта. Так и в моём бизнесе — принимать решения и действовать нужно не под дулом, а чтобы был драйв и работала интуиция. Поэтому, извини, дружба дружбой, а общаковского табачка мне не нужно. Достаточно того, что образ нашего общего знакомого “американского” Михаила и так перед глазами всю жизнь.

Пока Эдуард рассказывал о победах и препирался с Леонидом, мне почему-то вспоминались бабушкины предостережения и горький опыт далёкого детства, когда даже игры в пробки вызывали у нас настолько сильный азарт, что в результате за месяц все мы, окрестные пацаны, перессорились и передрались. Вспомнился и урок, который преподал дед Яков своим сыновьям: моему отцу и дяде, застигнутым в школьные годы за азартной игрой. Метание шайбы в кон денег, так называемая игра в “чику”, закончилась тем, что дед через всю деревню провёл подростков за уши до самого дома, где продолжил суровое воспитание широким ремнём. Этот редкий случай заслуженного битья стал семейным преданием. Двум будущим руководителям областного масштаба отцовского урока хватило на всю жизнь.

Не забыл я, конечно, и американскую трагическую историю с Михаилом, да и свободных денег у меня было не густо. Поэтому, несмотря на огромный соблазн получить “халявный припёк”, от игры я всё-таки отказался, несмотря на непонимающие взгляды моих друзей. Вадим с удовольствием дал согласие. Эдуард, вдохновлённый предыдущими успехами, был нацелен уже только на крупные выигрыши. Они ударили по рукам, а я оказался в стороне от праздника жизни с вполне вероятным богатым “подарком”. Сомнения меня, естественно, одолевали. Может быть, зря я не “поскрёб по сусекам” и выпал из “золотого пула”. Ведь нельзя же не признать, что Эдуард более чем за 30 лет преданности одному делу стал опытейшим специалистом на рынке ценных бумаг. Два крупнейших заработка в 50% и в 90% за последние лет пять — неопровержимое тому доказательство. И в данном случае обилие графиков и комментариев придавало деятельности Эдуарда вид научно обоснованного прогноза, а никак не слепого гадания.

Но в 2013–2014 годы на рынках акций наступило относительное затишье, и заработать по-крупному было трудно. Поэтому Эдуард без каких-либо консультаций с вкладчиками вложил деньги своего шефа и Вадима в весьма рискованный инструмент, сделал ставку на падение действительно непомерно раздутого финансового рынка США. И вот итог.

На сегодняшний день у моих друзей потеряно 80% сделанных вкладов, и они находятся, увы, “возле разбитого корыта”. Особенно тяжело осознавать данную ситуацию Вадиму. У шефа Эдуарда есть хотя бы успокоение в предыдущем 90% выигрыше. Он фактически подчистую потерял только то, что выиграл в эту же “рулетку” лет 5 назад. Объяснение проигрыша, на мой, непросвещенный и негроссмейстерский взгляд, простое. В Европе и в Китае ситуация сегодня ещё менее стабильная, чем в США. Вот Америка и продолжает манить мировой поток денег. Наверно, поэтому американский пузырь не лопнул и, по всем приметам, “схлопываться” не собирается, а растёт и дальше. За эти годы деньги, вложенные в данный инструмент, похудели катастрофически, но в случае обвала рынка они взметнулись бы, а по мнению Эдуарда, ещё и взметнутся также с невероятной скоростью.

Но сегодня, за время ожиданий чудо-выигрыша, Эдуард полностью лишился зарплаты у своего нанимателя, быстро иссякли и его невеликие, как оказалось, запасы денег, потраченные на строительство дачи, которая во время кризиса стала практически непродаемой. Потеряв постоянную зарплату, в лучшем случае, надолго заморозив, а скорей всего, подчистую проиграв чужие деньги, Эдуард остался без копейки доходов. Со всей остротой

у него встал вопрос содержания семьи, в которой, кроме жены, занятой всю жизнь детьми, а теперь внуком, есть ещё и ищущая себя взрослая дочь — мама ребёнка — и не окрепший финансово взрослый сын. Его творческие музыкальные и поэтические искания и начинания также мало способствуют пока зарабатыванию денег. Жить Эдуарду стало реально не на что.

4. Легче найти идеальную тещу, чем подходящий банк

Способ хранения денег, при котором небольшие валютные сбережения закапывали в стеклянных банках в землю во дворах и в гаражных ямах, годился при первых заработках на заре зарождения бизнеса. Ничего не гарантируют и тяжеленные домашние или потайные сейфы, хотя бы и вмонтированные в стены. Чем тяжелей сейф и сложнее его установка, тем больше людей знает о его существовании, и, следовательно, ниже надёжность. Хорошо в этом плане иметь старинные замки, так как уже давно нет строителей и сторожей, знающих спрятанные сейфы и тайники. Может быть, поэтому наши олигархи удивляют европейцев пылкой любовью к их древним особнякам и замкам.

У одного моего знакомого, не дотянувшего до заграничных “дворцов”, во время отпуска охранник инсценировал вскрытие грабителями тайного сейфа и вмиг стал богатым. Только вот груз богатства и подозрение хозяина денег раздавили бедолагу буквально за полгода. Но денежки к владельцу всё равно не вернулись. По слухам, в выигрыше остались бандиты, которым удалось выжать с бедолаги свои 30%, остальные денежки разошлись по родственникам грабителя. На них были приобретены машины, квартиры и другое имущество. Впрочем, доказать это, даже “по понятиям”, очень сложно, а вернуть практически нереально. Чрезвычайно жаль, что в сегодняшней кутерьме из-за налога на курсовую разницу делается рискованным такой надёжный инструмент спасения денег, как гособлигации, да и любые другие облигации и акции, купленные на валюту. Для того чтобы обезопасить сбережения, нужно искать надёжный банк. Но, во-первых, попасть в него очень непросто, а во-вторых, в нём, как правило, очень высокие расценки за хранение денег, в результате доход с депозита во многих швейцарских банках равен нулю или становится отрицательным. О спасении денег от инфляции при этом говорить не приходится.

Снова, в который уже раз, вспоминается поездка в Англию 2014 года. Тогда под предводительством нашего земляка, ставшего англичанином, мы потратили почти месяц на поиски недвижимости и на открытие счёта в надёжном английском банке. Увы, последнее у нас, как это ни странно, не получилось. А может быть, в этом не были заинтересованы наши английские вожаки. Все, с кем они организовывали переговоры, предлагали только игру на рынке акций и ни один не предложил простое обслуживание текущих счетов и депозитов. (Подробнее об этом в книге “Лабиринты судьбы”). Более того, за год до этого крупнейший английский банк “Эйч-эс-би-си” настоятельно попросил всех русских забрать средства, сочтя хлопотным и рискованным по зрению штрафов за отмывание денег работать со странами Восточной Европы, особенно с Россией. Их требование пришлось выполнить, так как другие операции и поручения клиентов они просто-напросто перестали выполнять.

Но на этом наши с Вадимом банковские мытарства, увы, не кончились. Ближе к осени повсюду начал шататься “Дойче банк” и расположенный в Швейцарии “BSI” банк, принадлежащий Бразилии. Сейчас он болезненно преобразуется в бразильско-швейцарский банк. Как на грех, и он, подобно немецкому банку, именно сейчас оштрафован Америкой также за безналоговое движение средств американских граждан. Правда, в отличие от немецкого гиганта, размер штрафа у него много скромней и измеряется не миллиардами, а миллионами долларов. Повлияет ли это на ход его реорганизации или нет, большой вопрос.

Если кто-либо внимательно изучит наши кредитные истории, то заметит, что западные банки, работающие с нами, рушатся, ликвидируются или штрафуются и попадают в неустойчивое состояние. Не стать бы нам для банков персонами с красивым, но вредным для обладателей названием “нон грата”, как “удостаиваются” некоторые клиенты казино. Небольшой экскурс в историю, увы, не подсказывает, что же делать странникам по банку в настоящее время. Может быть, самое подходящее было бы не искать счастья за границей, а вернуться на Родину, в достаточно надёжный Сбербанк или в ВТБ, тем

более что банковская тайна теперь в прошлом даже в Швейцарии. Под залог валютной суммы в ВТБ к тому же оперативно дают кредиты, не тратя время на хлопотное оформление залогов недвижимости. Как ни странно, в Сбербанке данная операция пока не возможна. Объясняется это, по-видимому, тем, что, по закону, залоговые деньги не могут быть изъяты без согласия клиентов. Но ВТБ нашёл выход в оформлении доверенности кредитополучателя на управляющего банком. Согласно ей, в случае невозврата кредита можно без хлопот снять соответствующую сумму валютного залога. Весьма впечатляет и разница в процентах между двумя банками. ВТБ платит VIP-клиентам до 2% годовых на валютный депозит, а Сбербанк чуть более 1%. Сегодня, получая 2% годовых на долларовый вклад в ВТБ, рублёвый кредит мы берём за 12,5%. На первый взгляд – парадокс, казалось бы, обменяй, хотя бы временно, валюту в рубли и не теряй на разнице в цене кредитов. Правда, плата за обмен несколько уменьшит эту цифру, но всё равно разрыв очень большой. В чём же секрет столь парадоксальной экономики? Всё дело в неустойчивости курса рубля по отношению к доллару. Если за год цена доллара поднимется с сегодняшних 65 до 80 рублей, то доллары, превращённые в рубли, обесценятся на 22%, что, как мы видим, с учётом цены обмена и начисления процентов на валюту почти в 2 раза выше, чем цена рублёвого кредита. Не исключено, конечно, что нефтяные котировки в ближайший год особенно не изменятся, не изменится в нашей плоской экономике тогда и цена доллара. При этих условиях было бы весьма выгодно поменять доллары на рубли и ими кредитовать основной бизнес. Но почти с такой же вероятностью можно предположить и другой крайний сценарий. А именно то, что значение доллара вырастет за год до 100 и более рублей. В этом случае обменивать доллары на рубли – безумие. Какой сценарий будет в действительности и какой станет рублевая цена доллара к концу 2017 года, сказать наверняка не может никто, но рост как минимум процентов на 15, на мой взгляд, более вероятен, чем стабильность. Так ли это – покажет время.

После отмены банковской тайны в подавляющем большинстве цивилизованных стран, в том числе и в многовековой “мекке” надёжности и секретности вкладов – в Швейцарии – остаётся два разнонаправленных критерия: практически гарантированная устойчивость банков, с одной стороны, и мизерные, а чаще нулевые и даже отрицательные (из-за того, что они перекрываются платой за хранение валюты) проценты, с другой. Хотя, впрочем, есть всё же и ещё один критерий, его бы я назвал “степень гласности”. В родном городе, где моя фамилия на слуху, в том числе и у банковских служащих, степень защищённости информации много ниже, чем за границей. Информация о вкладе может получить слишком широкое хождение и возможность оказать влияние на формирование атмосферы недоброжелательства в писательской, в религиозной среде и даже сказаться на лояльности горожан к галерее или к моим книгам. Но, кроме иркутских и зарубежных банков, есть ещё Москва с отделениями и ВТБ и Сбербанка, открытыми для любого гражданина России. Продолжают работать, несмотря на все санкции, представительства крупных зарубежных банков. У московских отделений российских банков нет прямой информационной связи с иркутскими отделениями, но всё же в иностранных банках степень защиты информации от несанкционированного доступа выше. Жаль, что этого не скажешь об их процентах на депозиты. С учётом всего, интересным представляется московское отделение ВТБ с процентами годовых, близкими двум. Нашими суммами в Москве никого не удивишь. Но есть и недостаток. В случае каких-либо надвигающихся неприятностей, когда потребуется срочно перевести деньги, вряд ли можно надеяться на первоочередное внимание московского отделения, не подкреплённое дружескими – “местечковыми” отношениями, которые складываются “веками” в родном городе.

Большим достоинством представительств иностранных банков, например, Райффайзен-банка и Сити-банка является их неподвластность российскому государству, хотя они и работают по российским генеральным лицензиям. Их действия в значительно большей мере поддаются прогнозу в случае обострения кризиса, чем чисто российских банков. Соответственно, существенно ниже у них и процент годового дохода на депозит. Возможно ли будет вовремя почувствовать опасное обострение финансовой ситуации в России и настроение высшей власти с тем, чтобы успеть перевести свободные средства, приносящие неплохие дивиденды, в зарубежный банк? В общем, элемент

рулетки, и немалый, присутствует и в выборе банка. Принцип “не храни все яйца в одной корзине” относится в большей мере, чем где-либо, к выбору банков и видов вкладов.

Стать клиентом надёжного европейского банка весьма непросто. У нас эта история началась около 20 лет назад с Мальты, благодаря Эдуарду и беглым банкирам. Около десяти лет назад нам удалось заочно открыть счета и в Цюрихе, в банке BSI. Эдуарда связывало с этим банком многолетнее сотрудничество. Очень многое на Западе основано если не на “блате” и землячестве, как у нас, то на личном знакомстве. Особенно когда дело касается не особенно благонадёжных по западным представлениям граждан России.

Когда-то, вскоре после института, Эдуард с женой, обучаясь в аспирантуре и живя в Москве, познакомился с юной в ту пору гражданкой Швейцарии Светланой. Она на полугодовых курсах в том же финансово-экономическом институте оттачивала русский язык, а также изучала российскую экономику. Здесь их молодые пути-дороги пересеклись, причём дружба сохраняется уже больше трёх десятилетий.

Сегодня, когда её бразильский банк переживает не лучшие времена, Светлана, ставшая за эти годы нашей приятельницей, хотя и телефонной, договорилась об открытии для нас с Вадимом счёта в чисто швейцарском банке. Мы, не мешкая, вылетели в легендарный Цюрих и наконец-то, после примерно десяти лет заочной дружбы лично познакомились со швейцарской финансовой феей, обладающей волшебной палочкой-выручалочкой. Через неё мы без хлопот и на редкость оперативно уже не раз оплачивали, например, скульптуры Даши Намдакова или недвижимость. Немало банков расстанутся с деньгами значительно тяжелее, пытаясь всячески затянуть данный процесс. Ей же к отправленной платёжке вполне достаточно телефонного подтверждения.

По наблюдениям знакомых вкладчиков, а к ним в некоторой степени относятся и Вадим, раньше банкиры встречали крупные денежки с распростёртыми объётами, но лет семь назад ситуация сильно изменилась. Раньше никого не интересовало, откуда на его счёт падают деньги. Сегодня же требуется весьма обширная информация, и если что-то не устроит банк, то денежкам скажут: “Идите-ка вы отсюда пришли”, — и они мигом улетят назад. С Вадима, да и с других вкладчиков стали требовать, прежде всего, доказательства регистрации в российской налоговой инспекции швейцарского счёта банка отправителя, а также и израильского счёта, на который должны быть зачислены средства. Ещё скрупулёзней, по слухам, требования к американцам. Дело в том, что они, собственно, и решили навести порядок во всём долларовом мире. И начали с миллиардных штрафов к банкам, обслуживающим недобросовестных налогоплательщиков, в первую очередь американских. Но “обожглись” на молоке, теперь дуют на корову. Правда, заодно перекрываются прямые поступления, связанные с незаконными делами, наркотиками и т. д. Не особенно положишь и наличные деньги. Лимит на одну пару двадцать тысяч долларов в год, хотя разрешается привозить в “карманах” пятьдесят тысяч. На вопрос что делать с остальными — ответ более чем краток: “Тратьте!” Так что теперь не спрячешься от родного российского государства, будь ты хоть трижды евреем. Хотя, как говорится, могут быть и нюансы. Некоторые банки при двух паспортах и при наличии израильской регистрации, а также израильских коммунальных счетов, могут отправить информацию не в российскую, а в израильскую налоговую инспекцию. При этом есть шанс какие-то счета уберечь от “всеграбящего ока”.

Не сахар ситуация и для тех, кто, сохраняя российское гражданство, постоянно живёт в Израиле. Стоит им хотя бы приземлиться в российском аэропорту и получить погранотметку, как они становятся валютными резидентами, а значит, над их счетами, при наличии каких-либо зачислений денег от продаж, нависает реальная угроза. В результате мы недосчитываемся сотен тысяч соотечественников-туристов, которые отказываются от посещения даже близких родственников. И лишь с 2018 года эта драконовская норма должна уйти из нашего законодательства. Предполагается, что мгновение на Родине — для валютного резерва — должно быть заменено на полгода. Правда, наши законники были бы не нашими, коль не предусмотрели бы “ловушки” и в новом документе. Закон распространяется только на тех, кто более года легально провёл в определённом государстве. Это далеко не то же самое, что вообще за рубежом. Если в жаркие месяцы немолодые люди выехали из Израиля, или,

например, Испании в более прохладную страну, то года у них уже не получится, а значит, охота за их валютными счетами может вестись, как и раньше.

И ещё один нюанс. По новому законопроекту продавец может принять платёж за продажу, например, зарубежной недвижимости или ценных бумаг, если покупатель не является валютным резидентом России. Понятно, когда банк контролирует легальность счёта и оплаты. Но чтобы простой гражданин, продавец квартиры, проводил расследование по поводу, где и сколько живёт покупатель — это невиданный абсурд нашего законо-издевательства. И ведь не убежать от этого никуда. У мелких и средних предпринимателей весь бизнес, как правило, российский. Как говорится, плачь, но живи...

5. Кровавая “любовь” и швейцарское благоденствие

После прилёта в Цюрих нам было вдвойне приятно пригласить Светлану и её коллегу Ирину, также прекрасно владеющую русским языком, к нам в отель на бизнес-завтрак. Для дам традиционная здесь утренняя еда, скорее всего, была обыденной. А для меня и Вадима завтраку придавало особый “аромат” то, что и сыр, и сосиски были швейцарские, то есть, в нашем понимании, как бы со знаком качества. Возможно, что такое восприятие для русского человека определяется ещё и созвучием с другим эпитетом, отражающим как бы “царское” качество всего, что произведено в этом небольшом, с населением меньше, чем в Москве, государстве, известном своей точностью, надёжностью и истинной демократией.

Швейцарские часы и прецизионные — особо точные станки, а также сыры и шоколад давным-давно широко известны во всем мире. А вот примеры истинной демократии и какой-то фантастической социальной зрелости народа напомнили нам обаятельные собеседницы во время завтрака. Их правительство смело выносит самые щекотливые вопросы на всенародные референдумы, которые проходят каждый год, а иногда и чаще. Не так давно, например, обсуждался вопрос о истинно социалистической выплате каждому работающему и неработающему швейцарцу одинаковой годовой суммы в несколько тысяч франков, независимой от его личных качеств и достижений. В голосовании у них обычно принимает участие до 50% взрослого населения. И как это ни странно, подавляющее большинство высказалось против “бесплатных” денег. Уверен, что у нас такой референдум собрал бы невиданную явку и почти все были бы, как шуточно говорится, за “халяву плиз”, то есть за всё, что даром. Не поддержал народ и увеличение размеров годового отпуска и повышение пенсий.

Страшно даже подумать, сколько миллионов наших сограждан погибло в революцию и в годы гражданской войны за светлое будущее, уничтожая дворян, буржуев, священников и всех, у кого хватало ума поддерживать элементарный порядок, законность и кто мог с полным основанием сказать, щёлкнув каблуками: “Честь имею!” Особенно страшным стало уничтожение фундаментальных основ морали, когда ради идеи брат убивал брата, а сын — отца. “Ну что же, батя, пошли к оврагу”, — сказал Степан отцу, ведя его на расстрел. Такие вот жуткие сцены из жизни казачества запечатлел гениальный “летописец” времён гражданской войны Михаил Шолохов в “Донских рассказах”. И всё это творилось в православной, с огромным множеством церквей, стране, где главной заповедью является любовь к ближнему. Вот уж поистине поговорка про нашу любовь: “Полюбил волк кобылу, оставил хвост да гриву”. Наверно, и сейчас, в поте лица гонясь за количеством церквей, где на стройках, к слову говоря, легче всего отмывать внебюджетные, мало контролируемые деньги, мы подступаем к совершенствованию общества не с того конца. А чего стоит банкротство банка “Пересвет”, в числе учредителей которого состоят представители Патриархии, с пакетом акций РПЦ, немного недотягивающим до контрольного! Непогрешимость “церковного”, как его называли, банка оказалась дутой, аналогично разрекламированной надёжности оффшорного Кипра, несколько лет назад оказавшегося на грани дефолта и “жуликовато” решающего свои проблемы за счёт замороженных средств иностранных вкладчиков, в значительной доле — российских.

Швейцарцы же, вместо всех революций и глобальных реформ, напряженно трудятся и трудились, духовно совершенствовались, свято берегли родных, близких и всё, что входит в понятие Родины. Оказалось, что поверхности Луны достичь намного легче, чем глубин образа жизни швейцарцев.

В результате всех бесчисленных жертв многие россияне перебиваются и сегодня, через сто лет после революционной бойни и через четверть века после начала не менее жертвенной либеральной перекройки страны, “с хлеба на квас”, в то время как у швейцарцев совсем нет бедности. Одного только шоколада высочайшего класса потребляется у них 12 кг в год на человека. У нас одноимённого продукта, который чаще всего только условно можно назвать шоколадом, потребляется раза в три меньше. Но этот пример к слову. А вот важнейший социальный показатель – продолжительность жизни – у них равен 80,7 года (77,8 у мужчин и 83,6 у женщин), что не соизмеримо с нашим показателем – 66,05 года (59,1 у мужчин и 73 у женщин), и является одним из максимальных на планете. Должен отметить, что в разных источниках конкретные цифры могут отличаться, но контраст остаётся убийственным. Соответствующее и качество жизни. Мы же – жертвы марксистско-ленинской утопии и правового беспредела – скатились не без помощи горбачёвско-ельцинской перестройки к уровню, близкому к африканским странам, и находимся где-то на 130-м месте.

Война с собственным населением и, в частности, не с самой её худшей и бесполезной частью – с предпринимателями, увы, продолжается. Совершенствуются только методы борьбы. Сохраняется обычный примитивный и безнаказанный грабёж предпринимателей силовиками. Только через год после высказывания президента на эту тему перед Федеральным Собранием в стенах Государственной Думы прошло первое слушание закона об уголовной ответственности силовиков за произвол против предпринимателей. Воз, как говорится, и поныне там. Но в методах борьбы с бизнесом появилось и нечто новое. Этим новым является валютное законодательство, в частности, его последнее усовершенствование в редакции от 1 июля 2015 года. Это новшество для многих совершенно неожиданно и как будто бы специально не разъяснено широкому кругу весьма занятых людей, коими являются предприниматели. Подавляющее большинство из нас, в том числе и я, сам имеющий и учёную степень по экономике, и профессорское звание, не мог даже предположить, что “неправильно” проведённая продажа недвижимости или ценных бумаг за рубежом вдруг, как по мановению волшебной палочки, для многих стала финансовым преступлением. А тысячи моих собратьев стали финансовыми преступниками ещё и по новым критериям. Маятник между орденом и тюрьмой из моей одноимённой книжки смещается всё дальше в сторону, противоположную ордену. Ситуация с данным видом валютного преступления складывается совершенно уникальная по своей почти “восточной” изощрённости и коварству. Нужно отдать должное, что авторы новых валютных правил в правительстве “улюкаевых” прыгнули на этот раз выше самих себя, создав небывалый в мировой истории потенциальный источник пополнения бюджета в ближайшие годы. По-видимому, они ожидают, что скоро изрядно одряхлеет активно проедаемый сегодня золотовалютный резерв Центрального банка. Как минимум до 17-го года никто из “злостных” предпринимателей не наказывается, более того, практически и не может быть наказан. Приманка безнаказанности и неосведомлённости стягивает всё новые и новые стайки “золотых рыбок”, которые привычно резвятся перед носом дремлющей щуки. Правительство как будто бы решило отметить столетие Октябрьской революции новым большевистским ударом по новым капиталистам и весело “улююкать” над нами. Как бы приятно было узнать, что министр экономического развития Улюкаев привлечён к уголовной ответственности за эту игру. Но вряд ли.

Что же является приманкой и западнёй для нас, в своём большинстве беспечных, предпринимателей? В качестве приманки используется тот же самый привычный корм, который мы спокойно потребляли в течение нескольких десятилетий. Давным-давно разрешено открывать валютные счета и на Родине, и за границей. Единственным условием перевода средств является уведомление родной налоговой инспекции об открытии такого счёта и, естественно, объяснение источников получения переводимых средств. Лично у меня таким “клондайком” явилась продажа нескольких объектов производственной недвижимости.

Многие, имеющие валютные счета за границей, покупают для себя или для сдачи в аренду и, естественно, периодически продают недвижимость, а кто-то – ценные бумаги. Но с 2015 года незаметно, без лишнего шума, валютным законодательством вдруг запретили зачислять денюжки от продаж и аренды на совершенно законные собственные валютные счета. Выполнить

эту “маленькую” поправочку в принципе невозможно, зато в качестве штрафа очень даже можно недосчитаться не только полученной прибыли, что было бы ещё полбеды, а значительной части, а то и всех ста процентов, переведённых совершенно законным путём средств на расчётном счёте.

При этом продавать собственность не запрещено. Сделано это якобы для того, чтобы все денежки зачислялись на российские счета, и чиновным “панам” получать больше информации о своих “подданных”. А маленький нюанс, заключающийся в том, что это невозможно выполнить в рамках мировой практики движения средств, решили не учитывать. Может быть, авторы этого издевательства думали, что западные страны мигом поменяют своё законодательство под их бредовый подход?

Дело в том, что налог на прибыль, полученную от недвижимости и ценных бумаг за рубежом, взимается в пользу соответствующего государства. В этих целях средства от продажи или аренды обязательно зачисляются на зарубежный счёт! В общем, опять раздалась наша традиционная команда: “Стой там! Иди сюда!” Вот такой парадокс. Никто из властей предрежащих, естественно, не подумал объяснить огромному количеству соотечественников, как действовать в этом порочном круге. Под вопросом у осторожных швейцарцев и депозиты. Пока они предостерегают россиян даже от этого инструмента. Но депозиты имеют практически 100% владельцев зарубежных счетов. Закрытие депозита, при желании наших лукавых законотворцев, вполне можно приравнять к продаже финансового инструмента наподобие ценных бумаг. Причём эти средства также никак не смогут попасть в российский банк, “не осквернившись” о западный. А значит, и в этом случае “родное” государство денежки может экспроприровать. С 2017 года это правило вроде бы отменено. А как быть с огромным числом тех, кто совершил “преступление” в 2015-м и 2016 годах? Их можно ограбить подчистую, а можно и пожалеть. Всё зависит от состояния бюджета и настроения самых главных правителей. В резерве у них ещё и налог с курсовой разницы, который, по молчаливому согласию власти, редко кем платится.

Наши правители как будто бы взяли на вооружение богатейший опыт Грузии, накопленный во время правления Михаила Саакашвили. При нём под угрозой тюрьмы беззастенчиво было ограблено большинство предпринимателей. Но справедливости ради нужно сказать, что денежки шли в их государственный бюджет и при этом не разворовывались. Саакашвили совершил невиданное для нас чудо. Он, несмотря на жгучую нелюбовь большинства грузин, войдёт в историю, как первый в СНГ, а может быть, и среди мировых правителей президент, которому удалось победить коррупцию.

Думаю, что обсуждаемая на этих страницах проблема у очень многих потенциальных читателей вызовет недоумение и даже злорадство. Большую часть населения поставили на грань нищеты, откуда проблемы “буржуев” с валютными счетами кажутся блажью, а экспроприация этих средств, в лучших большевистских традициях, вряд ли вызовет сочувствие к экспроприруемым.

Разочарованным и озлобленным людям трудно объяснить, что огромная часть таких средств – это потенциальные инвестиции в средний бизнес, во всё новые и новые рабочие места как раз для них, а также в образование детей, большинство из которых возвратятся в Россию, при условии, что государство позаботится о гарантиях неприкосновенности бизнеса от воров, в какую бы красивую форму они ни рядились. Но это сложно. Куда как проще заняться прививочной с Октябрьской революции и гайдаровских реформ экспроприацией сбережений и продергаться спокойно на этой игле ещё десяток лет.

Для того чтобы бесконечный список валютных преступников и преступлений ширился, до поры до времени всё тихо. Обмен информацией между западными банками и Россией должен заработать с 01.01.2017 года. Но информация может быть получена даже за прошедшие десять лет. Сигнальный выстрел по “законному” отёму валюты целиком зависит от ситуации на колониальном рынке сырья, который пока ещё худо-бедно кормит почти сто пятьдесят миллионов не очень нужного государству и особенно олигархам населения.

6. Небольшевизм живёт и побеждает... Россию

Сколько ни всматривайся в российский горизонт, обложенный плотными тучами недоверия к власти, а радостного просвета на нём как не было, так и нет. Мировая конъюнктура на рынке углеводородов, подарившая нам не одно

десятилетие счастливой беззаботности, кажется, навсегда сменила милость на гнев. Зато при ней мы как крыловская “попрыгунья стрекоза” напрочь разучились работать, а главное руководить экономикой. Ещё несколько лет можно надеяться на дармовой пирог золотовалютного резерва, а что потом? Как бы продержаться подольше, наверно, в этом главная думка не старых ещё, но уже и не юных отцов нации. Где бы раздобыть зарубеженьких денюжат, да так, чтоб не обидеть братков олигархов, а главное, самих себя? И здесь умные головы, очевидно, старательно учившие в средней школе историю, вспомнили уроки нашей родной советской власти. Вспомнилось им, как предшественники в кожанках с помощью хитроумно созданных комитетов бедноты отбирали у крестьян всё, порой до последнего пудика, в том числе и семенного зерна. Справедливости ради стоит заметить, что подразвёрстка не является “ноухау” Советов. Ещё при царе – 29.11.1916 года управляющим министерства земледелия Александром Риттихом было подписано постановление “О разверстке зерновых, хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной”. Осуществлялся этот грабёж с помощью казачьего “ОМОНа”, специализировавшегося на отборе хлеба у крестьян, не желавших продавать его по твёрдым ценам. Продолжило эту печальную практику и Временное правительство, выпустившее Закон о передаче хлеба в распоряжение государства от 25.03.1917 г. В основе его исполнения также были силовые методы. При этом к уровню нищеты низводилась и самая предприимчивая часть крестьян, так называемые кулаки. И ничего, всем сошло с рук, даже воспрянувшая церковь не прокляла тех, кто уничтожал настоящего русского мужика на родной земле, а вместе с ним и священников. Всё в порядке. Церковь не прокляла, история если и осуждала, то не очень-то и решительно. Кровавый, но “очень добрый дедушка” Ленин, как и прежде, на самом святом месте Отечества – на Красной площади. А раз так, то почему бы и Егору Гайдару было не объегорить всех россиян, в том числе тех, кто всю жизнь прокалывал в нечеловеческих условиях на Крайнем Севере. Копил деньги себе и деткам на квартиры, чтобы хоть под старость доживать свой век в нормальных условиях, да ещё и с собственными “Жигулями”. Но благодаря реформе богатые “короли и королевы” Севера в одночасье превратились в бедных “золушек”, оставшихся умирать в климате, при котором канадцы не живут более нескольких месяцев в году, работая только вахтовым методом. А автомобили их мечты превратились если не в тыквы, то не более чем в стиральные машины и пылесосы “Ракета”. Не говорю уж о миллионах сгинувших заводчан, в том числе и занятых на оборонных предприятиях. При Ельцине не оплачивали даже и государственные заказы.

Господь рано забрал к себе бывшего молодого премьера Егора Гайдара, и это, наверное, был знак. В земной же жизни к его деяниям и деяниям его шефа – первого президента – так и не выработано однозначного отношения, которого они заслуживают. Благодаря начатому Никитой Сергеевичем Михалковым разговору о сверхдорогом, но неправдивом ельцинском музее в Екатеринбурге, радио “Комсомольской правды” провело голосование по отношению россиян к Ельцину. 95% слушателей высказали буквально презрительное отношение к его деяниям. Но у нас это вряд ли повлияет даже и на работу “лжемузея”. Понятия добра и зла, истины и лжи в постперестроечной России никто не различает, а главное, и различать не хочет. А значит, как сказано у Достоевского о жизни без Бога: “Позволено все”. Усвоенные уроки жуткой истории сводятся к тому, кого сегодня назначить “кулаком” или “северянином” и по чьим законам прогуляться “госкосе”, врученной “хлопцам”-налоговикам в первую очередь.

Самое, казалось бы, очевидное – это “жирные олигархи”, которые всегда под рукой. А раз под рукой – значит, свои, ручные, да и денежки-то у многих из них, скорей всего, общаковые с “братками”-чиновниками. А если кто-то из них не совсем свой, то трогать всё равно опасно, побегут ведь денежки стремительным потоком в гостеприимную для них заграницу, а многочисленные армии юристов и адвокатов – в международные суды, где постараются в обиду “всенародно любимых” олигархов не давать. Но кроме нескольких десятков олигархов, есть ещё тысячи и тысячи, а может быть, и несколько миллионов предпринимателей – держателей валютных счетов как в России, так и за границей. Их-то, то есть нас, похоже, и наметили в ближайшие несколько лет объявить “неокулаками” и привычно, как и в первые годы советской власти и во времена гайдаровских времён, ободрать, как созревшую ягоду. Похоже, что сделают это “грамотно”, без лишнего шума и революционных потрясений, соблюдая полную видимость незаконности.

МИХАИЛ ЛОЩИЦ

ИЗ ЗАПИСОК ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

Михаил Федорович Лощиц, мой отец, автор предлагаемых вниманию нескольких документальных сюжетов, называл свои весьма нерегулярные записки дневником. Но попытки их более последовательного ведения ему все же удавались лишь изредка. И понятно почему. Рабочее расписание одного из руководителей ведущей военной газеты страны (с 60-го по 69-й год он, в звании полковника, был заместителем главного редактора ежедневной “Красной звезды”, а далее, уже в чине генерал-майора, стал, вплоть до 79-го, и первым заместителем главного) не позволяло надолго отвлекаться от информационного натиска событий — с каждым очередным днем, часом, минутой. Изменять такому графику позволяли разве лишь недомогания. Отсюда и шутка с долей грусти: “Этот дневник можно будет назвать “от болезни к болезни”. Но всё же очень хотелось, — какой журналист не поймёт, — оставить не только выступления на полосах любимой газеты, но что-то ещё и “для себя”: то в облике живой внутриредакционной сценки, то в виде всколыхнувшего память воинского эпизода, то прибавлением острого штриха к легендарному характеру. Или — в предельно скупом изложении чрезвычайного события, с последующим бессонным журналистским бдением.

В нынешнем октябре моему отцу исполнилось бы 100 лет. До своего юбилея и до столетия Революции, ровесником которой он себя искренне числил, дожить ему не хватило всего двух лет. Но в последние годы он всё реже вспоминал про это неслучайное для его судьбы совпадение дат. Он перестал слушать радио. Всё реже поднимался, чтобы посмотреть вечернее “Время”. Когда я приносил к его журнальному столику свежий номер “Красной звезды”, он, если различал на странице чью-то фотографию в черной окантовке, просил меня уточнить, кто там. В его молчании, оскорбленном тем, что происходит в стране, проступала для меня какая-то особая красота. Как-то, лёжа с закрытыми глазами, он вдруг стал рассказывать, что до сих пор помнит азбуку Морзе, которую запомнил, учась ещё в сельской семилетке, чтобы подрабатывать после смерти отца на станционном телеграфе. Взял мою руку, положил себе на грудь и простучал по ней указательным пальцем несколько знаков. Длинные сменялись короткими и наоборот. “Знаешь, что я написал?.. Юра, ты где?”

Юрий Лощиц

5 октября 1963 г.

Завтра неделя, как лежу с ангиной. Причем казалось, что она уже удолетворилась и оставила меня, но вчера вечером всё началось сначала — опять боль в горле, опять температура и озноб. Болеет половина редакции. Поликлиника и госпиталь в недоумении — откуда такая внезапная вспышка и в таком, казалось бы, благополучном месте?

Ищут причину даже в банкете, который был у нас неделю назад и после которого народ стал выбывать из строя. Я тоже был на этом вечере, правда, пришёл на него не сразу, а после окончания работы над номером. Вечер этот не представлял собой ничего особенного, если не считать того, что на нем был космонавт-2 Герман Степанович Титов. Появление этого гостя было неожиданным — накануне он весьма неопределенно пообещал заглянуть в редакцию, — но тому обещанию должного значения не придали. И вот получился казус: в разгар вечера в вестибюле редакции появляется невысокого роста парень в сером помятом костюмчике, в стареньких нечищенных ботинках, в расстёгнутой, черного цвета, грубошерстной рубашке; молодой человек устремляется вверх по лестнице, а редакционный вахтёр властным голосом останавливает его и, что называется, “не пускает”, считая, что его дурачат, пытаясь выдать какого-то прощелыгу за космонавта Титова.

Тем временем гостя нашего всё больше разбирала злость, и когда сверху прибежали уладить “инцидент”, он заявил: “Нет, друзья, теперь я не пойду. Титову везде рады, только в “Красной звезде” захлопывают перед ним дверь”. Не знаю, чем бы кончилось всё, если бы наши девчата не подхватили космонавта под руки и не увлекли за собой.

Я подошёл к тому времени, когда страсти улеглись, и о происшествии было забыто. Надо сказать, что Титов был заводилой и душой вечера. Удачно декламировал Пушкина и Маяковского, наизусть читал басни и юмористические рассказы. Порой казалось, что он неистощим. Это находчивый, быстрый на мысль человек. В то же время он знает себе цену, уверен в себе и даже несколько самоуверен, бесшабашен. Он быстро овладел аудиторией, девицы и дамы наперебой приглашали его на танец. Он танцевал, не со всеми, правда, но до тех пор, пока одна из дам не ухитрилась пролить ему на колени горячий кофе.

В этот вечер все поздравляли Титова с дочерью Таней. Она родилась несколько дней тому назад, — первое порождение космического человека. Герман Степанович в обиде на “Красную звезду”: все центральные газеты сообщили о рождении его дочери, только одна промолчала. Наши оправдания — прохлопали, мол, не уследили. Я подумал: а стоит ли человеку нажимать на эту свою обиду?

Мы пообещали установить круглосуточное дежурство и засвидетельствовать в газете момент возвращения жены и дочери космонавта домой. На этот раз не прозевали.

8 октября 1963 г.

Ангина хотя и прошла, но последствия ещё чувствуются. Пока сижу дома. Сегодня у меня музыкальный вечер. Прослушал Девятую симфонию Бетховена. Какой это великан! Диву даешься, как это один человек мог воплощать в себе столько красоты и вдохновения. Только великий и талантливый народ мог выдвинуть из своей среды такого гения. И этот народ — немцы.

Не знаю, как возникла столь неожиданная ассоциация, но почему-то вспомнилась война, вернее, не война, а её маленький кусочек, даже не кусочек, а самая маленькая точка... Было это в 1943 году, 13 января. Наши войска под Ленинградом форсировали Неву и устремились навстречу Волховскому фронту, чтобы общими силами пробить брешь в кольце осады. Бои начались утром 12 января, а через сутки наша 123 сд., овладев рощей “Мак”, продвинулась уже на 6-7 километров. И вот свидетелем чего стал я в этой самой роще “Мак”. Шли мы лесом, потом деревья расступились, перед нами открылась небольшая поляна. Поляне этой, на которой, кстати, находилось немало вражеских землянок, суждено было стать местом и свидетелем жестокой схватки наших бойцов с гитлеровцами. Трупы в зелёных и серых шинелях валялись вперемешку. Особенно много их было в небольшой выемке, занесённой, как и всё кругом, снегом: то ли здесь землянку начали когда-то рыть и бросили, то ли ещё что. В центре этого страшного нагромождения

трупов лежали, вцепившись друг в друга, наш солдат и немец. Они сцепились намертво, и их не так просто было разъединить. В моей голове возникло тогда невероятное предположение: жизнь покинула этих двоих раньше, чем ненависть; жизнь ушла, а ненависть осталась. Их соединенные в мертвой хватке тела были лучшим свидетельством этой ненависти. А вот новая деталь страшной картины. Чуть в стороне от скопища трупов ещё один необычный мертвец. На пеньке от спиленного дерева – немецкий пулемёт, за пулемётом, стоя на коленях, немец в очках. Руки его – на рычагах пулемета, голова стоит прямо и обращена туда, где те двое, в окружении многих других. Неужели это он покосил и чужих, и своих, и тех двоих, которые, лишившись оружия, бросили на чашу весов силу своих тел, своих мускулов? Мёртвый, окаменевший на январском морозе гитлеровский пулемётчик казался живым; представлялось, что его пулемёт вот-вот снова заработает и захлебнется диким воем. Но он был уже безопасен. Кто-то заметил и обезвредил пулемётчика в очках.

А сколько таких было в рядах гитлеровской армии! Такую армию нелегко было одолеть. Я далёк от того, чтобы преклоняться перед силой духа немецких солдат, но никогда не соглашусь и с теми, кто впадает в другую крайность. Эта нация выдвинула внушительнейшую военную силу, которая даже в условиях захватнической войны, в условиях погасших надежд, а затем и крупнейших поражений, – до конца сохраняла боевую способность и дисциплину.

Вспоминаю 8 мая 1945 года – последний день боев в Курляндии, где была окружена крупная группировка вражеских войск. Мы знали уже о том, что в Германии всё кончено, что армия Гитлера капитулировала. У нас же, под Тукумсом и Либавой, всё еще гремела война. Войска наступали, авиация большими группами пересекала линию фронта и устремлялась куда-то дальше. Дело клонилось к вечеру. У людей стали сдавать нервы – как же так, в Берлине уже мир, а в Курляндии им и не пахнет. К переднему краю выехала наша звуковещательная станция – немцам стали растолковывать, что к чему. В ответ – минометный обстрел, станция загорается и замолкает. Меня с командиром полка Никулиным вызывают в штаб дивизии, и наш 103 сп., находящийся во втором эшелоне, получает приказ продолжать ночью наступление в первом эшелоне.

Мы слушали приказ, а сами невольно думали о другом: война кончилась, а нам наступать – как это дико и невероятно. На фронте все мы свыклись с опасностью и менее всего думали о том, что могут тебя убить или ранить, а вот сейчас, когда там всё кончено, а нам идти в бой, появлялись невеселые мысли и предчувствия. Вспоминалась семья, которая столько ждала тебя, а тут всё может обернуться так глупо и нелепо в последнюю ночь.

Но когда мы пришли обратно в полк, начальник штаба майор Н. Н. Спиридонов встретил нас докладом о том, что немцы по всей линии фронта выбросили белые флаги. В это время солнце бросало свои последние взгляды на землю. Кругом стояла необычная тишина. По большаку в направлении переднего края двигались легковые машины командира корпуса генерала Мартынчука и командира дивизии Кожевникова. А еще через несколько минут появилась первая колонна военнопленных. Они шли, сохраняя равнение и в ногу, не было видно ни одного отставшего. Признаться, я надеялся увидеть побеждённых в другом виде.

Слушая Бетховена, я почему-то вспомнил обо всем этом, а вспомнив, не мог удержаться, чтобы не излить душу.

2 сентября 1966 г.

Опять слишком большой перерыв в ведении дневника... Только что я опять – в какой уже раз – просматривал паспорт своего отца, хранившийся ранее у Коли в Мардаровке и пересланный на дальнейшее хранение мне. Раньше я и не догадывался о существовании этого документа и многого не знал о своих родителях. Теперь пробел можно восполнить. Отец мой Лошиц Федор Константинович родился 1 марта 1866 года – в нынешнем году исполнилось 100 лет со дня его рождения, – в деревне Журово Слуцкой волости Слуцкого уезда Минской губернии. Военную службу проходил в 61-м пехотном Владимирском полку с 27 ноября 1887 года по 20 августа 1891 года старшим писарем. Военный билет выдан ему в Белостоке, там, надо думать, дислоцировался и 61-й пехотный полк. Умер отец 19 января 1929 года в Мардаровке.

В документах нет точной даты рождения моей матери, но в двух местах есть упоминание о её возрасте. В 1911 году, когда выдавался отцу паспорт, ей был 31 год, в паспорте эта запись почему-то поправлена красными чернилами на “30”. Из других записей следует, что в 1904 году ей было 24 года. Следовательно, можно считать, что мать родилась в 1880, либо в 1881 году, последняя дата кажется мне более вероятной, т. к. мать говорила мне, что отец был старше ее на 16 лет. В справке о смерти, а умерла мать 17 января 1940 года, указан её возраст 59 лет, что также совпадает с моими расчётами. Родилась мать в местечке Городница Новоградволинского уезда, в семье машиниста фарфорного завода. Моя мать ни одного дня не ходила в школу, писала она с превеликим трудом и самое необходимое. Например, “Рабушка атгуляла” или “Рабушка атилилась”. Читала зато мать довольно прилично, довольно часто просматривала газеты, следила за политикой. Это была умная, интеллигентная и совершенно обрусевшая за 16 лет жизни в Одессе женщина, и никто, кто знал ее, не мог и подумать, что она никогда и нигде не училась. Отец был образованный для своего времени человек, у него был хороший почерк, строгий и несколько замкнутый характер. Он был человеком строгих правил: не курил, не пил, не знал бранных слов, был образцовым семьянином, с великим уважением относился к матери. Я помню лишь одну размолвку между отцом и матерью, и причиной оказался обыкновенный бык, которого отец неосторожно оставил на ночь возле нашей Рябушки, наивно полагая, что он ни на шаг не отойдёт от неё. Утром мать с ужасом обнаружила во дворе и в огороде следы страшного самоуправства этого самого быка и бросилась на отца с первой попавшейся палкой. Но это, я утверждаю, был единственный за всю их жизнь случай, и мать, как я помню, весьма сожалела о происшедшем. Поженились они 14 октября 1901 года, обвенчались в Георгиевской приходской церкви м. Городницы, а через 10 месяцев, 12 августа 1902 года, там же в Городнице родился их первенец Александр, которому, однако, суждено было прожить всего без малого шесть лет. Он умер от скарлатины и похоронен в Одессе. Каким-то чудом сохранилась квитанция на крест стоимостью 40 коп., поставленный на его могилке.

В 1905 году 26 сентября родился ныне здравствующий Лоциц Николай, а 21 июня 1913 года еще один Александр, названный так в память о первом Саше, которого мать никак не могла забыть. Этого второго Сашу я отлично помню. Он был крупнее всех нас, отличался силой, смелостью, красотой, мечтал водить автомобили, которые тогда только-только появлялись в нашей Мардаровке. Этот силач и общий любимец сгорел через 30 дней после того, как заболел острейшим воспалением лёгких. Будь тогда пеницилин, этот парень и сейчас с высоко поднятой головой шагал бы по жизни, которую он так любил. Он умер в Мардаровке 4 октября 1931 года от туберкулёза лёгких, как сказано в свидетельстве о смерти, но никакого туберкулёза у него не было. У него была сила, позволявшая ему на полном скаку валить нашу кобылу Куклу, которая славилась крутым нравом и могла по месяцу блуждать вокруг Мардаровки, не заворачивая домой.

И отец, и мать, и брат Александр, рано ушедший от нас в 18 лет, похоронены рядышком, на кладбище в с. Перешоры, в 4-х километрах от Мардаровки. Не бывает года, чтобы я не побывал там и не поклонился этому дорогому для меня месту. Кладбище старое, в своё время с него растащили все деревянные кресты, и я даже не уверен, тем ли холмикам поклоняюсь я всякий раз. Но в сущности, какое это имеет значение? Хорошо, что это место не забыто, пусть нет на нём дорогих памятников, пусть прах любимых нам людей находится точно под нами или в пяти-десяти метрах правее или левее от нас.

8 сентября 1967 г.

Позавчера в редакции был устроен просмотр небольшого, на 20–25 минут, фильма “От клинка до ракеты”. Речь там об одной ракетной части, которая ведёт свою родословную от конницы Будённого. И фильм весь построен на встрече маршала С. М. Будённого с ракетчиками. В редакцию были приглашены представители этой части, и в их числе очень симпатичный сержант Маштаков Александр Андреевич – один из участников фильма. Обещал приехать и С. М. Будённый. Но погода испортилась, старик почувствовал себя плохо и не приехал. Но прислал своего порученца – подполковника Колесникова Вас. Сидор., и тот передал собравшимся привет от маршала и принёс от его имени извинения.

На следующий день С. М. Будённый узнал о том, как прошла встреча с ракетчиками, как тепло говорили и о нём самом. Его это тронуло, и он позвонил в редакцию. Разговаривал с ним я. Это уже вторая наша телефонная беседа, и если первая (о ней я, кажется, писал) продолжалась 30 минут, то эта уже 40. Будённому сейчас 84 года, но говорит он бодрым, чётким голосом, не теряет нити разговора. Поражаешься его памяти, стремлению осветить затронутый вопрос до малейших деталей.

Когда я сказал Семёну Михайловичу, что фильм с его участием всем очень понравился, он стал говорить о том, что пора бы создать большой фильм о Конармии. Ходят слухи, заметил он, что такой фильм делают французы. Как бы не повторилась история с “Войной и миром” — сначала они, а потом уже мы. Дальше Будённый стал говорить о том, что Бабель, которого уж очень стали превозносить, искажил облик Конармии.

— Я его не знаю, этого Бабея, хотя он и выдает себя за конармейца. В одно время он, кажется, торговал газетами у нас. Произведения Бабея поддержал в свое время в печати и Максим Горький, после чего у меня с ним завязалась довольно откровенная, на высоких тонах, переписка, материалы её и сейчас находятся у меня. По Бабею выходило, что в Конармии служили преступники, сифилитики разные да проститутки. В его понимании конармеец — это какой-то садист. И вот я спрашиваю в своём письме А. М. Горького: как же вы, пролетарский писатель, могли положительно оценить такие писания, которыми возмущаются все, кто служил в Первой Конной армии? Вы, по-видимому, написали, не прочитав предварительно Бабея. А почему бы вам не делать так, как делал Лев Толстой, который, прежде чем выпустить что-либо в свет, по 5-6 раз возвращался к нему, заново осмысливал и даже переписывал. На это Горький ответил мне, что он Горький, а не Толстой. Я ему опять написал что-то ругательное.

О переписке с Горьким я рассказал как-то Сталину, попросил его высказать своё мнение. Сталин ответил, что я правильно ругаю М. Горького, но дело в том, что момент для этой перепалки не совсем подходящий: мы боремся за Горького, мы хотим, чтобы он всецело был на нашей стороне. Ну, а каково ему получать сейчас такие письма, да ещё от кого — от самого Будённого?

Я поразмыслил над тем, что сказал Иосиф Виссарионович, и решил не писать больше Горькому.

— Вы так и не нашли с ним общий язык? — поинтересовался я.

— Нет, почему же, мы встречались потом не раз и даже расцеловывались. Он извинился и сказал: давайте условимся не вести больше эту переписку, иначе найдётся какая-нибудь третья сила, которая воспользуется нашим спором. — Согласен, — ответил я. — Пусть рассудят нас историки.

Конармия была большой силой, и если бы в ней действительно служили всякие отбросы общества, как это изобразил Бабель, она не была бы такой, какой знали её мы и наши враги. Деникин в своих четырёх томах “Смута в России” писал, что он боялся Будённого и что Будённый его разбил. Я с Деникиным не согласен, хотя то, о чем он пишет, и лестно для меня. Не я один, а вся Конная Армия его разбила, а разбила потому, что у него под ногами земля горела, а Конармия лишь помогала, чтобы он быстрее сгорел. И не одна только Конармия его разбила, а весь наш народ, поднявшийся на борьбу за свободную жизнь. У нас армия была добровольной, а он силой вербовал своё войско. Конармия разбила в общей сложности 20 конных корпусов. Если в каждом корпусе 15 тысяч человек, то всего она разбила армию в 300 тысяч человек. Вот какая это была сила...

16 сентября 1968 г.

20 августа, в день физподготовки, с утра я играл в волейбол. К 12:00 был дома, не спеша собирался на работу. Но тут позвонила из редакции Любовь Васильевна и сказала, что меня просят позвонить в ЦК. Она дала телефон, и я тут же позвонил.

— Вы где сейчас находитесь? — был первый вопрос.

— Дома.

— Машина у вас есть?

— Она будет при необходимости через десять минут.

— Тогда немедленно приезжайте к товарищу Демичеву. Пропуск на вас заказан.

Вызываю машину, еду в редакцию (партбилет в сейфе) и мчусь в ЦК.

В приемной секретаря ЦК оказываюсь быстро. Помощник Демичева пошёл доложить о моём прибытии. Тут же он выходит и говорит, что придётся подождать, т. к. беседа с приглашёнными редакторами подходит к концу.

В это время подошёл ещё редактор “Комсомольской правды” Панкин. Дожидаемся своей очереди уже вдвоём.

Наконец, из кабинета П. Н. Демичева выходят завотдела пропаганды ЦК Степаков В. И., гл. редактор “Правды” Зимянин М. В., гл. редактор “Известий” Толкунов Л. И., знакомый мне по походу наших кораблей в Голландию в 1956 г., и ещё двое или трое незнакомых мне людей. Здравуемся с ними, и тут же приглашают к тов. Демичеву.

Секретарь ЦК сидит за длинным столом с рядами стульев по бокам; встаёт, здоровается с каждым, приглашает садиться.

Тихим, настолько тихим, что приходится напрягать слух, чтобы расслышать его, голосом он говорит:

— Сегодня ожидается ввод наших войск в Чехословакию. Сможет ли “Красная звезда” опубликовать в связи с этим документы, если придётся значительно задержаться с выпуском газеты? — спрашивает, обращаясь ко мне.

Я отвечаю, что это очевидно тот случай, когда надо пойти на любую задержку, и прошу уточнить, идёт ли речь о задержке ночного выпуска или и вечернего тоже.

— Это вам надо будет уточнить с товарищем Епишевым.

Далее говорит о том, что назавтра в “Правде” будет опубликована большая редакционная статья, в которой будет разъяснена необходимость этого шага, надо будет потом перепечатать её. Завтра будет проходить собрания, митинги трудящихся, надо будет освещать и их. Далее секретарь ЦК сказал, что “Комсомольская правда” выходит обычным порядком, не дожидаясь документов о вводе наших войск в Чехословакию.

— Эта информация предназначена только для вас, — предупредил Демичев, — только для редакторов. Поэтому подумайте, как объяснить задержку с выходом номера.

На вопрос, всё ли ясно, я ответил утвердительно, сказав, что придётся лишь уточнить, задерживать ли оба выпуска или только поздний, ночной.

Пётр Нилович тут же снял трубку, набрал номер и при нас стал разговаривать с начальником Главного политуправления генералом армии А. А. Епишевым.

— Товарищ Макеев в отпуске (на самом деле гл. редактор находился в гостевой поездке в Болгарии), у меня находится полковник, его заместитель. Мы хотели бы знать ваше мнение по поводу того, задерживать ли “Красную звезду” и если задерживать, то один выпуск или оба.

Алексей Алексеевич высказался за задержку всего тиража. Так и решили.

Уходя, я спросил ещё для уточнения: “Я понял так, Пётр Нилович, что эти сообщения мы должны ожидать во второй половине ночи”. Демичев ответил утвердительным кивком головы.

К 13:00 я был уже в редакции и не выходил из неё до 8 часов утра следующего дня.

В течение дня и ночи несколько раз звонили А. А. Епишев, В. И. Степаков, то и дело я перезванивался с генеральным директором ТАСС С. Лапиным, редактором “Известий” Толкуновым, контр-адмиралом Шелягом В. В., моим однокашником по академии генерал-майором Рябовым В. С. В эту ночь все находились на своих постах, никто из ответственных работников не уехал домой.

Через Вас. Вас. Шеляга я узнал, что войска находятся уже в движении, они перешли границу не то в 23:00 20.8, не то в 1:00 21.8, что все идет хорошо, а никаких сообщений ТАСС не передавал. Я спрашивал у тов. Лапина, какие новости, а он тот же вопрос задавал мне.

— Во всем мире царит удивительное спокойствие, нет никакого намека на какие-то события. Что они, — обращается он ко мне, — на цыпочках там ходят?

Этот разговор проходил уже под утро, через два-три часа после пересечения нашими войсками границы ЧССР.

Газета вышла, начала печататься в 7 часов утра. Получилось так, что тираж “Красной звезды” стал поступать раньше, чем тираж “Правды”, у которой произошла ещё какая-то задержка с выпуском. В начале восьмого мне позвонил

помощник Л. И. Брежнева тов. Александров и поинтересовался, как обстоит дело с газетой. Я сказал, что с 7:00 работают все машины, и газета экспедируется по городу.

Только после этого я вызвал машину и отправился домой. На моей памяти это второй случай сильной задержки с выходом газеты. Первый такой случай был в 1953 году в связи со смертью И. В. Сталина. Тогда мы начали печатать “Красную звезду” в одиннадцатом часу утра.

Дома я застал ещё Тамару, на работу ей в 9:00. Она накормила меня и уложила спать. Но сон был недолгим и тревожным. В 12 час. дня я был уже в редакции, в 13:00 мы провели собрание по случаю происшедшего.

Так что же все-таки произошло? Мы говорим, что это была контрреволюция, они даже теперь, когда там наши войска, этого слова не произносят и отвергают его.

Я не знаю, из каких соображений они это делают – то ли из тактических, в стремлении не оголять проблему сразу, а постепенно овладеть обстановкой, то ли из какой-то уверенности, что ничего страшного не было, и ввод войск – вещь ненужная.

Однако не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что дело в Чехословакии явно шло к самому худшему – постепенному сползанию к старым буржуазным порядкам. Там действовал хорошо налаженный механизм и запрограммирован он был с учетом венгерского опыта: была сделана ставка на бескровную контрреволюцию. Органы печати вышли из-под всякого партийного контроля. Дошло до того, что “Руде право” объявила себя неподвластной ЦК, а армейская газета “Обрана лиду” самочинно изменила своё название и перестала считать себя органом Министерства обороны.

17 сентября 1968 г.

... Да, ещё несколько слов о Чехословакии. “Что они там на цыпочках ходят?” – спрашивал меня тов. Лапин. Да, в военном отношении операция была проведена безукоризненно. Это отмечает вся мировая пресса. А вот как рисует события того дня один чешский солдат: “В эту ночь стоял я дневальным. Через некоторое время меня сменил Иржик. Я лег отдохнуть, проспал часа два, встаю, иду подменить Иржика, но вместо Иржика вижу на посту Ивана. Он успел раньше меня”.

МАРК ЛЮБОМУДРОВ

АРХИПАСТЫРЬ ВСЕЯ РУСИ

В 2017 году исполнилось 90 лет со дня рождения (и 22 года со дня смерти) духовного лидера православно-патриотического движения, всероссийского проповедника, христианского мыслителя и писателя, митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна (И. М. Снычева).

Прах его в земле, но Слово и Заветы митрополита продолжают гореть благодатным огнем веры, надежды, любви, мудрости, оставаясь ярким духовным светильником, прорезающим мрак и непогоду русской действительности.

Смерть владыки означала утрату главного охранного щита русских патриотов в Петербурге. Город осиротел, его покинул “удерживающий”, который неколебимо противостоял беснованию и хищной разнузданности русофобов в северной столице – городе агрессивно антирусском.

Петербургцы особенно чутко ощущали постоянную незримую защиту и поддержку митрополита. Неисчерпаемым источником духовных сил для его горячих почитателей являлось сознание того, что в одном с ними городе живет этот добрый, мудрый наставитель, бесстрашный защитник Святой Руси и грозный обличитель ее врагов, мужественный инок-воитель и истовый молитвенник, всегда открытый людям.

Отныне 2 ноября (день смерти владыки) в русском историческом календаре – день двойного траура: в этот же день в 1894 году скончался Александр III, из династии Романовых наиболее преданный русскому народу государь (для меня это еще и дата родовой скорби – 2 ноября 1918 года латышско-большевистские палачи расстреляли моего деда – священника). В православных святцах можно прочесть, что это и день поминаения святого великомученика Артемия – военачальника времен императора Юлиана, которого он смело обличал за нечестие и отступничество от веры Христовой. После мучительных пыток Артемий был обезглавлен...

Такими совпадениями не исчерпываются мистические акценты, которые судьба расставила в пространстве жизни и смерти владыки Иоанна. Накануне – память Иоанна Рыльского, во славу которого родившийся в этот день святой праведный Иоанн Кронштадтский выстроил на набережной Карповки монастырь. Наш митрополит скончался в помещении, находящемся в какой-нибудь сотне метров от монастыря с гробницей Кронштадтского чудотворца... Первая служба владыки, поставленного на петербургскую кафедру в 1990 г., состоялась в августе того же года, в праздник Смоленской иконы Божьей Матери, в храме на Смоленском кладбище. И последняя его литургия тоже была отслужена в день Ярославо-Смоленской иконы Пресвятой Девы, за неделю до кончины...

Пять лет прослужил митрополит Иоанн в Петербурге. Срок по земным меркам совсем небольшой. Но какой великий смысл заключился в этом пятилетии,

какое огромное дело было совершено. Из уст владыки прозвучало Слово, которого жаждалась православная Россия, весь народ. Слово правды и напутствия, гнева и боли, обличения и взыскующих вопросов, Слово надежды и горячей уверенности в том, что если заблудившиеся люди вернуться к Богу, Россия возродится и народ русский не погибнет.

На краю пропасти мощная воля “смирненного” (перед Господом) архипастыря требовательно призвала всех нас опаматоваться, войти в разум, обратиться к нашему Создателю и вымолить его помощь. Овчее стадо обрело своего водителя, вдруг ощутило повелительную силу призыва, пронизанного Высшей Волей.

Русская православная церковь, стесненная частоколом бесчисленных административных ограничений, режимных барьеров, пребывавшая как бы в настороженности, выжидательности, внезапно прорвала заслоны и подвижничеством митрополита Петербургского и Ладожского энергично вмешалась в духовно-исторические, нравственные и политические процессы страны. В роковые для России мгновения владыка героически спас честь церкви, исполнив основные заветы Христова Евангелия. Именно его деятельность петербургского периода знаменует начало нового этапа духовного возрастания нации и державного строительства Родины.

Книги, статьи, проповеди, интервью – неумолимое пастырское служение митрополита могуче повлияло на духовную жизнь страны, пробуждая и просветляя ее.

Ослабевший от страданий, нищеты и разрухи, ослепленный ложью, почти обезумевший от подлого пропагандистского дурмана официальной прессы, от непонимания того, что с ним делают, народ, как никогда, нуждался в духовном наставительстве и моральной поддержке. И они неожиданно, чудным образом явились. Словно из-под спуда вырвался наружу сильный и живительный источник, к которому сразу жадно припали все сохранившие чувство патриотического долга перед Отчиной, потянулись тысячи блуждавших в потемках русских людей.

Высокое чистое слово правды звучало все пять лет его служения как тревожный набат. Красноречивы заголовки выступлений владыки: “Битва за Россию”, “Быть русским!”, “Русский узел”, “Плач по Руси Великой”, “Державное строительство”, “Торжество Православия”... Это не только религиозные и гражданские проповеди, но и репортажи с передовой линии, где кипит ожесточенная, непримиримая схватка с демоническими стихиями – битва за Родину; это раскаленные праведным возмущением и пронизанные скорбью свидетельства духовной брани за нравственное выздоровление, просвещение и политическое освобождение поставленного на колени русского человека, за возвращение ему национального достоинства, пробуждение воли к жизни и к победе над врагами.

Ясно видел владыка и причинно-следственные обстоятельства новейшего поражения страны, сопровождавшегося “жесточайшим антирусским террором, развязанным в первые десятилетия советской власти, и тихим геноцидом русского народа, не прекратившимся до сих пор”.

“Одоление смуты. Слово к русскому народу” – название одной из книг митрополита, быть может, самой важной. Название как нельзя лучше характеризует направленность его пастырского служения. Оно заставляет вспомнить о подвиге другого иерея – святого праведного Иоанна, пресвитера и чудотворца Кронштадтского, который в начале нашего столетия, тогда еще в преддверии смуты, не уставал будить и обличать народ, все более погружавшийся в пучины греха и богоотступничества.

Два великих Иоанна – в начале и в конце нашего века – это воздвигнутые Промыслом Божиим два светящихся столпа веры и мудрости, два пророка, которые поддержали над Россией Святое Небо, протянув дугу мистического преемства, не дали погаснуть огню сопротивления сатанинской мгле, опустившейся на русскую землю в XX столетии. Пока живо их слово, пока не утрачена наша память о них, наша готовность следовать за ними – жива Русь и светит надежда. Не случайно митрополит Иоанн так часто цитировал своего тезоименита. Оба звали к одному – восстановить и укрепить связи человека с Богом, связи как отдельной личности, так и соборной личности русского народа.

Одна из центральных по смыслу бесед-проповедей Митрополита названа строкой из Иоанна Кронштадтского – “Родиться русским есть дар служения”. Здесь раскрыта великая цель, вставшая перед Россией: сохранить, сберечь в чистоте и неприкосновенности Истины веры. Когда-то они были вверены народу израильскому, но он не удержал этих истин, оказался не соответствующим своему высокому призванию и после страшного преступления богоубийства был отвержен, отстранен от святого служения. Затем обет этого служения приняли христиане Древнего Рима. Позднее, когда в XII веке Рим “ввел недопустимые догматические новшества и отпал от вселенской полноты православия, служение сие у него было также отнято и передано Византии (Второму Риму)”. И, наконец, преемство хранителя Истины перешло к русскому православному государству, к русскому народу-богоносцу, понимаемому как соборная духовная общность.

Митрополит напоминал о святоотеческом заповедании: Россия как вселенская хранительница и защитница святого Православия есть “подножие Престола Господня”. На русских лежит великая ответственность – строить жизнь в соответствии со своим религиозным долгом. Завершается эта проповедь владыки замечательными словами о русском служении – одновременно жертвенном и героическом, высоком и скорбном: “До конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасательные святыни Веры. Доколе мы помним об этом – жива Святая Русь, неодолима и страшна врагам – и нашим и Божьим! А за верность долгу и понесенные труды воздаст Господь воинам своим воздаянием великим и вечным, всех благ которого не может вместить ныне жалкое человеческое воображение”.

Все должны были осознать: только в этом стоянии насмерть – залог одоления страшной русской смуты. Только так может быть достигнут успех в решении главной задачи, которую обозначил митрополит: восстановить историческую преемственность русской духовной жизни.

Истоки смуты, спровоцированной Западом, уходят в трехвековую давность. Через “окно”, несмысленно прорубленное в Европу безбожным тираном Петром I, хлынула разноликая европейская гниль, на столетия вперед отравившая Русь своими ядовитыми испарениями. Сегодня мы пожинаем плоды трехсотлетнего западнического ига.

Смута – это одновременное нападение на страну извне и изнутри. Это перехват врагами центральной власти, истребление национальной элиты и тотальное ограбление народа. Это создание разрушительной “антисистемы” (в терминологии Л. Н. Гумилева) на основе межэтнической химеры. Тонны ядовитого семени были вприсынуты в русское тело, достигнув эффектов, подобных радиации. На свет явились миллионы манкуртов с расшатанной психикой и кровожадно-антирусскими наклонностями.

Известно, что “антисистемы” сами собой не рассасываются, демоны, души злые поднебесной сами по себе не исчезают. Здесь нужна борьба. И вот уже более века Россия – в борьбе. И сегодня, по-прежнему против нее – весь мир. Впрочем, и столетие назад у нашей Родины не было иных друзей, кроме собственных армии и флота (как говорил Александр III).

У русского народа, всегда доблестно воевавшего против внешних сил, не нашлось опыта, мудрости, знаний в войне с врагами внутренними. Полчища человекообразных паразитов вгрызлись в тело народное, и подточенный безверием, ослабленный нигилизмом и классовый рознь русский организм не смог оказать им должного сопротивления.

Отсутствие иммунитета к внутренней заразе европейского происхождения, навыков самоочищения – привели к катастрофе и продолжают сохранять условия для ее повторения. Мешали и славянское прекраснодушие, и ложно понятая жалость, и псевдохристианское толкование любви к врагу, мешало и равнодушие к русским национальным приоритетам со стороны многих представителей романовской династии. А кровавые антирусские бесчинства советской эпохи! Как народ допустил такое? Не потеряна ли возможность вернуть Россию в русские руки? Вопросы, вопросы...

Однако после опубликования фундаментальных трудов митрополита Иоанна у нас нет оснований сокрушаться, будто мы не знаем ответов на них. Они даны! И едва ли не исчерпывающие – в его трудах. Главные из них изданы в Петербурге в 1994–1995 гг. издательством “Царское дело”: “Самодержавие

духа. Очерки русского самосознания”, “Голос вечности. Проповеди и поучения”, “Одоление смуты. Слово к русскому народу”, “Стояние в вере. Очерки церковной смуты”, “Русь соборная. Очерки христианской государственности” (эта книга вышла из печати уже после смерти автора). Вот труды, которые должны были стать настольными для каждого русского гражданина, клирика и мирянина, просветителя и воина, для рабочего, крестьянина, предпринимателя, купца. Разве что безрелигиозному, национально кастрированному российскому интеллигенту соприкосновение с истиной, как часто бывало, не пойдет впрок...

Есть основания утверждать, что едва ли не все современные проблемы – из числа духовных, политических, социальных – привлекали внимание владыки, в той или иной степени рассмотрены им. Можно доказать, что за пять петербургских лет своего просветительства пастырь успел сказать все, что нам необходимо.

О чем же писал владыка, каких тем касался? Промысел Божий и свободная воля человека. Глубокая характеристика исторических этапов от начала русской государственности и кончая нашими днями. Русская державность и православная монархия, симфония властей, раскол и чужебесие, ересь жидовствующих, православие и иудаизм, славянофильство и западничество, апостасия, расцерковление и денационализация, главные русские архетипы – империализм, национализм, религиозное мессианство, роль чуда и катастрофизм в русской истории. Таков один круг проблем.

Другой тематический пласт – богоборчество, революция, масонство, закат Европы, предтечи антихриста, фашизм, шовинизм – немецкий и иудейский, марксизм, геноцид, заговорщицкие планы США и Европы, этапы недавних десятилетий – сталинизм, оттепель, застой, перестройка, ельциниада; евразийство, мондиализм, экуменизм... Темы жгучие, острые, болезненные, порой весьма запутанные. Все они рассмотрены в книгах владыки взвешенно, обстоятельно, с позиций религиозных и научных одновременно.

Анализ и выводы, как правило, опираются на факты, охватывают широчайший круг источников и авторитетов. Сила исследователя заключена в том, что его труды вобрали в себя богатейший опыт, бесценную сокровищницу русской религиозно-философской и социально-политической мысли последних столетий. Митрополит Филарет (Дроздов), Н. Данилевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, еп. Игн. Брянчанинов, К. Победоносцев, Л. Тихомиров, Иоанн Кронштадтский, М. Меньшиков, С. Нилус, А. С. Шмаков, князь Н. Жевахов, А. Селянинов, Н. Марков, А. Карташов, арх. Серафим (Соболев), Ив. Ильин, Ив. Солоневич – вот неполный перечень великих умов, на трудах которых, как на крепчайшем фундаменте, возводился храм русской мысли конца XX – начала XXI столетий. Ни один народ мира не обладает таким могучим и обширным духовным наследием. И в этом ряду – книги магистра богословия и доктора церковной истории митрополита Иоанна. В них – его открытия, раздумия и напутствия нам.

Без сомнения, владыка Иоанн явился одним из крупнейших мыслителей и религиозно-нравственных авторитетов нашего времени. Его исследования, его публицистика – свидетельство нового взлета и цветения русского православно-богословского и историко-философского творчества, – всегда бесстрашного, исполненного благодатной глубины и правды. Митрополит стал духовным отцом и путеводителем русского народа. А если вспомнить, что именно судьба России не раз становилась эпицентром мировой истории, то значение деятельности владыки возрастает до масштабов общечеловеческих.

Мне уже приходилось высказывать мысль, что всемирное, Промыслом предуказанное назначение России в новейшую эпоху – завершить окончательное разоблачение двух грандиозных социально-политических химер, ослепивших человечество: химеры марксизма и химеры демократии. Выпустив из русского народа океан крови, марксизм безвозвратно потонул в ней, обнаружив до конца всю свою человеконенавистническую природу.

Сатанинская гидра демократии, сменившей марксизм, хищно охватила своими щупальцами Россию, дышит нам в лицо, кружа головы безбожным недоумкам, разит смертоносными стрелами сотни и тысячи безвинных русских жертв. Страна своими язвами показывает миру, к чему ведет демократия, дошедшая до своего логического предела: она сеет только разложение и смерть. Ни одна диктатура за всю историю человечества не додумалась расстрелять

избранный народом парламент. Только при демократии оказалось возможным раздавить политических противников столь циничным и жестоким образом. Российская оккупационная демократия полноту своего торжества отметила “салютом” из танковых орудий, стрелявших по безоружным людям, среди которых были женщины, дети, пожилые...

Демократию беспощадно обличали лучшие русские умы XIX–XX веков. Значителен и вклад митрополита Иоанна: его глава “Великая ложь демократии” (в книге “Самодержавие духа”) развенчивает доктрину, заразившую сегодня весь мир. В этой главе неопровержимо доказывается, что все идеи демократии замешены на лжи: “Ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит... власть всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации”. Воплощение демократии всегда означает власть количества над качеством, создается абсурд – истину и справедливость, добро и зло определяют арифметическим большинством голосов... Политическую основу демократии – всеобщее прямое избирательное право – владыка характеризует как явление аморальное и разрушительное. Показаны фальшивость идеологических, юридических, правовых и экономических основ этой системы.

Никому так и не удалось воплотить в жизнь внешне броский лозунг “свобода, равенство, братство” – но хорошо известно, что под прикрытием этого призыва прошли две самые кровавые революции: французская и русская. Столь же лжив и тезис о “правах человека”, за которым кроется абсолютизация индивидуализма, характерная для западноевропейского “менталитета”. Глава “Великая ложь демократии” объясняет, почему применение ее принципов в практике государственного строительства закономерно приводит к распаду и разложению.

И разве русский народ на себе самом не убедился в том, что, “настроив правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здравый и нравственный народ”?

Крайне важно и указание на то, что либерально-демократическая идея давно уже используется “мировой закулисой” как инструмент разрушения общества и захвата реальной власти – ее можно называть как угодно: властью мирового масонства или международного капитала, транснациональных корпораций или космополитической элиты...

Тем же подрывным целям служит неотъемлемая от демократии система так называемой многопартийности, при которой вообще невозможно здоровое, самобытное развитие России. Политические партии, фальшивый плюрализм – по слову митрополита – являются “идеальным орудием разрушения единства народного самосознания”. Русский же опыт предусматривает не партийные, а соборные формы гармонизации общественных интересов.

Обнажая глубину лжи демократии, владыка опирался не только на политический опыт XX века, но и на суждения выдающихся умов прошлого – К. Победоносцева, М. Каткова, Л. Тихомирова, чьи приговоры демократии позднее полностью подтвердились. В своей совокупности их труды составляют истинную сокровищницу мировой антидемократической мысли.

К этой чрезвычайно актуальной сегодня проблематике примыкает круг размышлений митрополита о самодержавии и монархии. Наиболее подробно тема рассмотрена в разделе “Самодержавие и Россия” (в книге “Одоление смуты”). Теперь, когда у народа есть возможность сравнивать, особенно очевидно, что монархия действительно есть наилучший, наиболее гармоничный, устойчивый и справедливый способ общественной организации. Вывод автора непреложен: “Именно монархия является оптимальной, исторически опробованной, естественной формой государственного бытия российской цивилизации”.

Однако не менее важно и замечание, что возрождение монархии в России немисливо “без одновременного духовного возрождения и всестороннего просвещения обманутого и оболганного русского человека”. На это, на необходимость национальной диктатуры как предшественницы монархии, указывал замечательный русский мыслитель И. А. Ильин.

Авторитет владыки – вероучителя, наставника, мыслителя и гражданина – зиждился и на его бесстрашном движении навстречу самым острым, самым опасным вопросам времени. Одна из ключевых проблем XX столетия – русско-еврейские отношения. В СССР на протяжении десятилетий эта тема оставалась абсолютно запретной. Само слово “еврей” приобрело какой-то

грозный, почти inferнальный смысл. Я знал немало русских людей, которые боялись произносить громко это слово, а когда слышали его, шарахались в сторону. Столь же ужасным образом, но в ином роде, слово это действовало на самих евреев. По моим наблюдениям, если русский называл еврея евреем, то зачастую это вызывало почти иррациональные реакции: приступ озлобления и обвинения в... антисемитизме.

Вразумительного объяснения этих психологических (или мистических?) “странностей” вы не найдете в изданных у нас книгах по разоблачению сионизма. Причины все те же — беспощадное табу, которое правящий режим накладывал на эту тему. Между тем актуальность ее росла и продолжает возрастать.

Понимая, конечно, меру опасности и ответственности, митрополит Иоанн мужественно углубился в пучины этого вопроса, осветив его христианским светом правды, объективности и нелицеприятности. Наиболее детально русско-еврейские отношения рассмотрены в разделах “Творцы катаклизмов” и “Творцы катаклизмов: реальность и мифы” (книга “Одоление смуты”).

Рассказ о так называемой “ереси жидовствующих” содержит одноименная глава книги “Самодержавие духа”. Ересь была одной из первых агрессивных попыток иудаизма внедриться в русское духовенство и добиться влияния на властные, в том числе и придворные круги (конец XV в.). Нет места вдаваться в подробности борьбы с этим чужеродным вторжением, но нельзя не согласиться с выводом владыки о том, что “ересь жидовствующих” по сути “больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имеющего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия”.

Исследователь анализирует русско-еврейский вопрос в нескольких измерениях: духовном, политическом, нравственно-психологическом и историческом. Его суждения основаны на строгих свидетельствах, документах, на достижениях исторической науки. Критерии оценок исходят из православных догматов и подходов. Пользуясь источниками, владыка избегает пропагандистских напластований и какой-либо предвзятости.

В историческом аспекте русско-еврейским отношениям по крайней мере тысячи лет. Отношения были по сути постоянным противостоянием. О последнем этапе этого процесса писал А. И. Солженицын в своем историческом исследовании “Двести лет вместе”.

В книге “Одоление смуты” перечислены многие запретительные законы и постановления, которыми пытались оборониться от еврейского натиска русские князья и цари (св. Владимир, Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина I, Елизавета и др.). Один из русских исследователей начала XX века, напомнив все, никем не отмененные правительственные указы, высказал мысль, что с юридической точки зрения само пребывание евреев в России — “контрабандно”...

Конечно, неуместно сегодня придавать данному вопросу расовую или узкоэтническую окраску. Владыка пишет определенно: это проблема духовная, “межрелигиозных, но вовсе не межнациональных отношений, церковь не делит и никогда не делила своих чад по национальному признаку”. Речь идет о “религиозной войне”, которую ведет иудаизм против Церкви Христовой, о непримиримом противоречии двух религиозных мировоззрений, по-разному определяющих идеалы народного бытия, нравственные нормы и понимание смысла жизни.

Вот что написано о природе талмудической “избранности” в уже упомянутых разделах: “Православное понимание своего избранничества есть понимание обязанности служить ближнему своему. Избранничество же иудея есть избранничество на господство над окружающими людьми”. Вот где коренятся первопричины того, что иудейский, антихристианский экстремизм в XX веке “оставил в русской судьбе страшный кровавый след”.

Пастырь призывает нас не уклоняться от анализа и оценки той “непропорционально огромной роли, которую сыграла (да и до сих пор играет) в русской смуте иудейская община России”. Да, списки руководящих партийно-государственных лиц после 1917 г. “потрясают воображение”. А чтобы подавить русское народное сопротивление, правящая бандократия объявила его антисемитизмом и ввела против него закон о высшей мере наказания... В разделе “Творцы катаклизмов: реальность и мифы” приведена содержательная цитата из сборника “Россия и евреи” (Берлин, 1924). Один из еврейских авторов

свидетельствовал: “Русский человек никогда не видал еврея у власти. Были и лучшие, и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти... Русский человек видит еврея и судьей, и палачом. Не удивительно, что, сравнивая прошлое с настоящим, он утверждает в мысли, что нынешняя власть — еврейская и что потому именно она такая осатанелая... Русский человек верит: жида погубили Россию. В этих трех словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой... Волны юдофобии заливают теперь страны и народы, и близости отлива еще не видно. Именно — юдофобия: страх перед евреем как перед разрушителем”.

С горечью писал митрополит, что с тех пор мало что изменилось, и приводил тому многочисленные свидетельства. Антирусская в подавляющем большинстве пресса была переполнена русофобскими заявлениями. К примеру, известная демократка госпожа Новодворская писала: “Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны... На месте России может остаться пепелище, тайга, братская могила... Нам нельзя ее жалеть”. А святотатственный вызов хасидов, отпраздновавших свою “хануку” в Кремле? Это стало возможным, как писал израильский журнал “Алеф”, только после того, как министром иностранных дел стал А. Козырев, “известный своей приверженностью религиозным взглядам хасидов”.

А разве не обнаруживал своих просемитских симпатий премьер В. Черномырдин, когда поздравлял иудеев с религиозными праздниками. Разве ни кишело “творцами катаклизмов” окружение Б. Ельцина? Но стоило кому-то обнаружить русофильские взгляды, как его немедленно удаляли из правящей “команды”, как это происходило с вице-премьером В. Полевановым, с председателем Роскомпечати Б. Мироновым.

Возникали и новые проблемы, также связанные с еврейским религиозным и политическим экстремизмом. Владыку очень встревожила еврейская экспансия в русское священство, что породило “опасность возрождавшейся ереси жидовствующих, вносимой в Церковь многочисленными священниками еврейского происхождения”.

Автор затронул и еще одну важную тему, обычно вызывавшую истерическую реакцию в космополитических кругах. Речь о “Протоколах сионских мудрецов”. Являлись ли они “фальшивкой”? Все, что и происходило с Россией в XIX и XX веках, находится в ошеломляющем, детальном соответствии с планами, изложенными в “Протоколах...” Уже одно это снимало для митрополита становившийся бесплодным вопрос — подлинны они или подделка. В разделе “Битва за Россию” он с научной взвешенностью разбирает эту тему и дает недвусмысленный ответ: “Разрушительные принципы, отраженные в цитированных выше документах, не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней... вполне открыто, на самом высоком политическом уровне”. Как свидетельствует академик Олег Платонов, “именно евреи стали одной из самых активных сил по разрушению ценностей русской цивилизации”.

Однако митрополит с пастырской взыскательностью убеждал русских читателей: в том, что произошло и происходит, прежде всего наша собственная вина, отсутствие в русских людях национального достоинства и патриотизма. И до тех пор, пока “мы сами не научимся любить свой народ, свое Отечество и его историю, свои святыни — мы и других не сможем научить нас уважать”. Если не сделать должных выводов из опыта, оплаченного морями крови, миллионами жертв, то, как пишет владыка в другом месте, “мы станем предателями и изменниками великого русского дела”.

Спрашивать с себя, первый счет предъявлять себе — исходный, истинно христианский канон, обязательный для каждого православного человека. Не уставая напоминать о нем, владыка всегда конкретно указывал на необходимые пути и способы общественно-государственного решения вопроса. В книге “Одоление смуты” прочтем: “Племенные вопросы в России должны разрешаться сообразно готовности отдельной народности служить России... в достижении общегосударственных задач”. Не менее актуальны и строки о “местном самоуправлении” (модная у демократов тема) — государство должно следить, чтобы “это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических”.

Ответы, как и всегда у митрополита, — емкие, четкие и пронизанные горячим сочувствием к страданиям русского народа и любовью к России.

В “русском узле”, который развязывают, объясняют труды владыки Иоанна, можно выделить наиболее крупные и острые проблемы: русские задачи, демократия, межнациональные отношения. Но читатель найдет у автора содержательные размышления и по поводу многих иных вопросов, выдвинутых нашей историей в XX веке.

Глубокий, всесторонний анализ “перестройки” представлен в разделе “Русский узел” (“Одоление смуты”) и “Перестройка” (“Самодержавие духа”)! Сценарий ее был запущен сразу после Второй мировой войны (план Даллеса) и предполагал “дискредитацию господствующего мировоззрения, затем его резкий шоковый “сброс” и быструю замену на новое либерально-демократическое — внешне привлекательное, но для России не менее разрушительное по сути”. Исполнители — “кучка руководителей-ренегатов и пятая колонна агентов влияния”. Операцию провели под наркозом СМИ, обеспечивших анестезию инстинкта самосохранения. Итог: разрушение державы, ускорение процессов геноцида и ограбления народа. Место пролетарского интернационализма заняла идеология интернационализма демократического. “Только и всего”... — заключает митрополит.

Автор одним метким словом определяет сущность явления. Например, о горбачевском правлении — период “по сути ликвидационный”. О последовавшей ельциниаде: в стремительно нищающей стране создана “чудовищная по своему цинизму система власти коррумпированной и бесконтрольной, скрывающей за псевдодемократической риторикой полное презрение к закону и целенаправленное стремление к диктатуре”; страна “наполовину управляется из-за рубежа”.

О виновниках братоубийственной бойни в октябре 1993 г. — “сегодня несмываемая каинова печать жжет лоб не одному и не двум российским политикам”.

А как возмущен был митрополит отношением властей к другой ужасной бойне — в Буденновске. Бандиты бесчинствовали и убивали безнаказанно: “Власти лишь невразумительно бормочут, что “ситуация под контролем”. Президент занят — уехал в Канаду, “за семь верст киселя хлебать”. Министры все разом онемели. Виноватых нет... Это же предел нравственного разложения”.

В той же статье “Шила в мешке не утаишь” (“Советская Россия”, 1995, 20 июня) убедительно опровергалась кощунственная ложь о якобы бытующем “русском фашизме”. На самом деле в стране процветает “антирусский, злобно русоненавистнический, русофобский фашизм”. Именно это вызывало тревогу и возмущение митрополита. Разоблачая клеветников, он цитировал “Памятную записку” Гимmlера (1940): “Необходимо уничтожение биологической силы русского народа путем негативной демографической политики”. Далее, опираясь на цифры статистики, владыка делал страшный вывод о том, что проводимая ельцинским режимом политика геноцида русского народа находилась “в соответствии с нацистскими установками, Россия вымирает”. Срывая маски с правителей 1990-х годов, он обнажал нерасторжимую преемственную связь доктрины Гимmlера — через Даллеса, Бжезинского, Киссинджера, Клинтона — с политикой Горбачева и Ельцина, ставленников наиболее враждебных России сил.

Митрополит-воин не прекращал своей духовной брани ни на мгновение. За несколько недель до кончины в печати появилась его гневная статья, разоблачающая “дьявольский суррогат” соборности, который в области религиозной прикрывается лжеучением о необходимости объединения всех вероисповеданий (экуменизм), а в области политической — лжеучением об объединении человечества в единое сверхгосударство с общим мировым правительством (мондиализм). Статья “Смотрите не ужасайтесь...” (“Советская Россия”, 1995, 5 октября) указывала на экуменизм, как на большую опасность, наряду с безверием нашей эпохи, на связи его с мировым масонством. Ибо, являясь идеологическим, мировоззренческим фундаментом “нового мирового порядка”, единая лжерелигия призвана “обосновать необходимость разрушения суверенных национальных государств”.

Своим каждодневным подвигом владыка показывал, что означает понятие — воинствующая Православная Церковь. И самые последние документы, подписанные им накануне смерти, свидетельствуют о его неукротимой, само-

отверженной борьбе — за веру, за Отечество, за народ русский, в котором он властно будил чувство патриотизма, призывал “воспитывать... чувство национального единства вместо нынешнего духа наживы”. Об этом говорилось в обращении к участникам парламентских слушаний Государственной Думы, посвященных второй годовщине событий сентября-октября 1993 г.

В другом документе, также подписанном 30 октября 1995 г., — в “Обращении к российским военнослужащим, защищающим таджикско-афганскую границу”, — владыка напоминал, что могущество и процветание Руси испокон веков держалось “на двух столпах — воинстве и монашестве”. В тексте обращения — наказ стоять твердо в своем служении Отечеству: “Наша святая обязанность — отстоять этот Божий дар, вернуть Святой Руси ее бывшее державное величие и духовную мощь, оградить ее от всякого рода воров и грабителей, не допускать растаскивания по клочкам, по усобицам, по уделам”. И сегодня эти предсмертные строки читаются как завещание пастыря-воителя, ставшего духовным отцом, духовным главой Русского сопротивления сатанинскому натиску.

Митрополита Иоанна яростно травили, на него бессовестно клеветали, не брезгуя и гнусными оскорблениями. К русофобским СМИ, телевидению и радио у него доступа не было. Нагнетали слухи о близком и неминуемом смещении “впавшего в политику” строптивца...

Господь взял его к себе, дав владыке до конца исполнить свое земное служение. За два дня до кончины он проводил встречу (делал это регулярно) с петербуржцами, в Концертном зале у Финляндского вокзала. Когда в перерыве один из журналистов спросил митрополита о здоровье, тот ответил предсмертной фразой св. Иоанна Златоуста — “Скажу кратко: слава Богу за все”. Чувство исполненного долга запечатлелось на его лице и после кончины — он лежал в гробу с удивительно спокойным, просветленным, почти улыбающимся лицом.

Тихий, скромный, кроткий в общении, щедро источавший любовь к людям человек. И бесстрашный, непримиримый, бескомпромиссный воитель с антирусскими силами, не знавший передышки борец за Веру и Правду. Как заметил его келейник, иеромонах Пахомий, “владыка погиб на духовном фронте”.

На официальный прием в гостиницу “Северная корона” митрополит Иоанн поехал в намерении продолжить переговоры о возврате церкви лаврских помещений. На приеме к нему подошли мэр А. А. Собчак с супругой. Поздоровались. И вдруг владыка изменился в лице (“будто что-то увидел”, — рассказывают очевидцы), отшатнулся, выпустил из рук посох и стал опускаться на пол...

“Скорая” приехала через пятнадцать минут, бригада реанимации — через сорок пять. Пешей ходьбы от гостиницы, где скончался владыка, до городского центра “Скорой помощи” у площади Льва Толстого — не более десяти минут...

Что увидел митрополит в последние свои мгновения? Что так потрясло его? Тайну “увиденного” он унес с собой в могилу.

Близкие владыке люди знали об одном мистическом видении, посетившем его в юности и определившем его иноческий путь. Произошло это в день памяти преподобного Серафима Саровского. Юноша пришел на танцплощадку и наблюдал за сверстниками. И вдруг с его глаз как бы спала пелена: очищенным взором он увидел не веселящихся людей, а их настоящих хозяев — “кривляющихся бесов, от которых исходило ужасное зловоние и леденящий душу холод”. И молодой человек стремительно бежал от этого вертепа. Бежал ко Христу, к тому, кому вручил свою душу 2 октября 1995 года.

Петербургский архипастырь остро чувствовал трагедию России. Ее скорбями и муками народа было истерзано его сердце... Он видел — Святая Русь повторяет путь Христа. Претерпевшая многолетнее “вавилонское пленение”, распятая на своих огромных просторах иудео-масонскими богоборцами, пронзенная копьем интернационал-демократии, истоптанная вырвавшимися на свободу разбойниками, страна истекала кровью, испытывала неслыханные унижения, переживая, быть может, самые страшные свои мгновения. И разве не был слышен владыке стон обессиленной Родины: Господи, для чего Ты меня оставил?..

Но митрополит верил, что испившая крестную чашу, казненная Россия — воскреснет! Источником этой убежденности служила не только вера в чудо,

но и реальность начатого горсткой русских патриотов великого дела русского возрождения. “Перед Богом и собственной совестью мы обязаны довести его до конца... С Богом ничего не страшно, а без Него напрасно и бессмысленно”, — завещал владыка Иоанн.

Находясь в полноте благодати Божией, исповедуя верность законам духовным, ведомый Промыслом, которому он был открыт всем сердцем, владыка имел возможность истинами небесными осветить истины нашей земной жизни. Его поучения неотразимы по своей простоте, доступности и как бы исчерпывающей убедительности. Он действовал и проповедовал на высоте апостольской и русской святоотеческой традиции. Это пророк, посетивший по воле Господней Россию в пору самой страшной за минувшее тысячелетие ее катастрофы... Потому — так безмерна была его потеря. “Не только православие русское, в лице святого священника все христианство утратило величайшего своего представителя”, — эти слова М. О. Меньшикова о кончине Иоанна Кронштадтского с полным основанием можно отнести и к митрополиту.

Владыку Иоанна похоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Могила его — в архиерейском уголке, у монастырской речки. За близко стоящей внешней оградой — шумят транспортные потоки, непрерывно режут, завывают, скрежещут моторы. Какофония механической цивилизации. Железное дыхание города. В сумерках — лихорадочная пляска огней, вспышки автомобильных фар... Здесь нет обычного кладбищенского покоя.

Враги могут вывезти из России новые сотни тонн золота, перекачать моря нефти, продать наши алмазы, лес, руду, но никогда им не истребить, не отнять у нас золотое слово архипастыря всея Руси высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Никогда не погасить излучаемый им духовный свет, не уничтожить память народную. Они — навечно с нами, и это — главное наше бесценное богатство.

ВИКТОР БОЧЕНКОВ

“ПО ГОЛГОФСКИМ РУССКИМ ПРИГОРКАМ...”

К восьмидесятилетию гибели Николая Клюева

То был один из тех дней октября, когда на короткое время вдруг становится тепло, небо бывает безоблачно синим, и синева будто нарисована гуашью, она насыщенная, плотная, теплая, густая. Я не помню, зачем поехал в Мещовск. В небольшом калужском городке удивило название главной улицы – Проспект Революции, в областном центре не было, и сейчас нет ни одного проспекта. По проспекту ехала лошадь, тянула телегу с мужиком, который держал натянутые вожжи, копыта громко цокали по асфальту. Тогда, двадцать пять лет назад, был на этой улице книжный магазин, располагавшийся в приземистом каменном доме, который показался мне старинной купеческой лавкой. Сухие листья возле нескольких ступенек и вдоль обочины, обрамлённые выступающим кирпичом узкие окна, портик, двойные двери. Там я купил за рубль и тридцать копеек “Песнослов” Николая Клюева. Этот сборник только что вышел в Петрозаводске. На темно-синей обложке был белый овал, в нем раскрытая книга и сверху цветок с пятью лепестками – эмблема популярной серии “Сельская библиотека Нечерноземья”.

О поэте много писали в те годы. В “Новом мире” была напечатана его “Погорельщина”, стал известен автограф поэмы из следственного дела. Намного раньше к творчеству поэта обратился журнал “Север”. Недавно мою библиотеку пополнил тонюсенький “перестроечный” клюевский сборник “Завещание”, шестьдесят четыре страницы, вышедший в серии “Библиотека “Огонек” в 1988-м с логотипом популярного тогда журнала в левом верхнем углу: белые буквы на красном фоне, чёрный орден Ленина... Вступительное слово написано литературоведом Сергеем Субботиным (он и карельский писатель Иван Костин – авторы предисловия к моему “Песнослову”). Сейчас я понимаю клюевские стихи совсем иначе, но тогда меня, молодого человека, смущала его тяжеловесная лексика: хризопрас, аксамит, кудея, самоцветный павлин, китовальня, благоухающий “звукцвет”, струфокамит (страус по-гречески, оказывается). Запомнился почему-то “Стих о праведной душе”:

*Жила душа свято, праведно,
Во пустыне душа спасалася,
В листве нага одевалася,
Во бересто боса обувалася,
Притульѣ-жилѣя душа не имала,*

*За застольным брашном не сживала,
Куса в соль не обмакивала.
Утрудила душа тело белое,
Что ль до туги-издыхания смертного,
Чаяла душа, что в рай пойдёт,
А пошла она в тартарары.*

Душа только в том оказалась виновата, что в страстную пятницу “стреснула” “глупыш масляный”, и я почему-то представил себе, что это кусок хлеба, маленький и круглый. Здесь и трагедия, и тайна сострадания за ней... Непостижимая тогда суть клюевского стиха, если вообще она постижима — до конца, стала открываться мало-помалу позже, со временем, и сейчас, вспоминая тот синий день, я не жалею, что приобрел ту книгу. Я жалею, что книжного магазина наверняка больше нет, их постепенное исчезновение — верная примета наших лет. Что там теперь, в этой купеческой лавочке? Хотя, с чего я взял, что там действительно была лавочка (мне просто хочется так думать, и только!), не знаю.

А к Клюеву я возвращаюсь, потому что меня притягивает его редкая органичность: поэтическая, мистическая, коренная славянская, жизненная. У него слова — горят. У него за одним смысловым слоем открывается другой, затем третий, потому-то они неисчерпаемы. Их тяжесть, как гроздь зрелой рябины, которая клонится алыми бусинами к земле и тянет за собой всю ветку. За всяким его словом — то аллюзии, то целые культурные пласты. Клюев — это полная независимость от литературных направлений, от духа времени, хотя, безусловно, его стихи — выражение и осмысление духа времени. У него все двоятся: старообрядчество его — не старообрядчество, скопчество — не скопчество, советское — не советское, крестьянское — не то крестьянское, что в России центральной или южной, орнамент его — и стилизация и не стилизация, только русское — подлинно русское. Его помыслы о чистоте сердца еще разгадывать и разгадывать. Я не сразу постиг Клюева. Да и разве это можно? Тогда я отложил ту книгу, но спустя много лет снова беру её в руки. Постепенно, благодаря собранному материалу, поискам, сложилась вот эта статья...

1

Есть русское бродяжее начало...

Евгений Винокуров

Сначала о Павле Ивановиче Мельникове-Печерском. Совсем немного.

У него в “Отчёте о состоянии раскола в Нижегородской губернии” (1854 г.) изложены особняком “недостатки русского народа”, этикие, если выражаться современным научным словом, этнопсихологические наблюдения. Они могут показаться наивными, однако по-своему интересны.

На первое место писатель ставил склонность к бродяжничеству и самовольству. В русском человеке якобы живет “безотчётное” желание “порыскать по свету”: он любит простор и раздолье и, ходя за сохой, поет про синее море, про широкую степь. “Воля” для него не значит “свобода”, это — “жилье вне дома”. Русский человек способен внезапно сорваться с привычного места и уйти странствовать неизвестно куда. С таким порывом пошататься сочетается и стремление к воле как к “безотчетной свободе”. “Бредит спросонья русский человек о той “воле”, где нет ни рекрутчины, ни подушного, ни паспортов, где никто не смеет стащить его с печки и послать на работу... где не нужно ходить с жалобой на обидчика к начальству и выжидать целые годы конца делу...”

Второй недостаток — легковерие. Русский любит и верит вздорным слухам, “и чем нелепее молва, тем сильнее он ей верит”. “Народная фантазия тешилась таинственностью события, и толпа не замедлит уверовать в первого пройдоху, который дерзнет принять на себя славное имя, причем никогда не будет рассуждать о сходстве возраста или наружных примет”¹.

Следствием легковерия и стремления к “безотчётной свободе” становится “склонность к возмущениям без причины” — третий недостаток. В основе народных неповиновений лежит “непонятное увлечение несбыточной небывальщиной”. “Чем несбыточнее молва, тем лучше ей верится и тем скорее подает

она повод к беспорядкам”². Все возмущения помещичьих крестьян имеют нелепые предлоги, что П. И. Мельников показывал в “Отчёте...” на нескольких примерах. Объявил себя какой-то Пугачев царем — поверили.

Четвертый недостаток — суеверность. Народ верит в скорое светопреставление, в “последние времена” и всякую мелочь считает предзнаменованием грядущего конца миру. Все старообрядчество вообще держится на суевериях, возводя их в ранг незыблемой религиозной доктрины. “Это обстоятельство вместе с тем составляет главнейший вред, причиняемый раскольниками народной нравственности и благоустройству государственному”³.

Это — если вкратце.

Нужно отметить попутно, что все эти “недостатки” приписаны людям крестьянской среды, не интеллигенции, не дворянам.

Но мы, собственно, не о Мельникове, о Ключеве.

Удивительно или нет, но юность его вполне вписывается, или — почти вполне, в эту схему, обоснованную, прямо скажем, не очень-то доказательно, хотя Мельников что-то все-таки уловил интуитивно и подспудно, что-то существенное...

Самый конец 1890-х — белое пятно в биографии Ключева. Это его сплошные странствования по Руси, от которых осталось только несколько обрывочных свидетельств, а между тем на это время приходится его личностное и мировоззренческое становление, и мимо этих лет нельзя пройти.

Оставляя родительский дом, он уходит на Соловки, носит вериги, как тот юноша-старообрядец Гриша из одноименного мельниковского рассказа, но затем так же, как и он, очевидно, “обольщённый” чьей-то проповедью, уходит из монастыря, скитается по Центральной России и Кавказу, по хлыстовским, скопческим “кораблям”. И является в литературу, как “власть имеющий”, со своим, уже сложившимся самобытным мировидением.

Вот, пожалуйста, “безотчетное” желание “порыскать по свету” налицо.

Были и “возмущения без причины” (хотя почему без причины?), и жалобы на обидчиков, и заключение в тюрьму за участие в эсеровской пропаганде.

Всё по мельниковскому “Отчёту...”

Дорога — это возможность прожить ещё одну жизнь одновременно с той, которая уже дана. Больше, странничество — образ жизни Христа. Только ли тут разгадка того самого мельниковского “безотчётного желания” и ключевских странствий? Где-то в этих неизвестных дорогах складывались глубинные основы его творческого видения. Не из ахматовского “сора” — “из природной красоты, из высокого строя Ветхого завета, Евангелия, “Поморских ответов”, из народной речи рождались ключевские стихи”. Так определяет их истоки Сергей Куняев в книге “Николай Ключев”, изданной “Молодой гвардией” (М., 2014).

Ключевское странствование — никакой не “недостаток” мельниковский. Это форма и опыт самосовершенствования, поиск духовного пути, обретение себя.

Ключев не потерял эти годы даром. “От норвежских берегов до Усть-Цильмы, от Соловков до персидских оазисов знакомы мне журавлиные пути. Плавни Ледовитого океана, соловецкие дебри и леса Беломорья открыли мне нетленные клады народного духа: слова, песни и молитвы. Познал я, что невидимый народный Иерусалим — не сказка, а близкая, родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая — Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонечкой ли позёмке или в закаспийском кишлаке есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот — усовершенствование, раскрытие красото-ты лика Божия”⁴.

Вот ради чего он, и не один он, уходил.

Если присмотреться, как любит он этот размашистый “географический” оборот из двух предлогов “от...” и “до...”: “От Бухар до лопского чума”; “Будет буря от Камы до Перу”; “От Норвеги и до смутной Лабы”; “От Сахалинского острога до звёзд в глубоких небесах”; “От звёзд до луковой гряды”; “О, только б странствовать вдвоем / От Соловков и до Калуги”; “От Байкала до тёплого Крыма / расплеснется ржаной океан”; “От Пудожа до Бомбея / Расплеснется злат-караван”; “От Нила до кандального Байкала / Воскреснут

все, кто погибли”; “От Лаче-озера до Выга / Бродяжил я тропой опасной”, “От Арарата до Поморья”; “И от Печенеги и до Бийска / Завьюжить песенную цветь”.

Но и без этих предлогов – та же широта: “Свалю у ворот Судана / Вязанку стихов овинных”; “С Соловков – на узорный Багдад”; “Какие Припяти и Евфраты / Протекают в жилах кровями?”

Странствовал, скитался и Максим Горький.

Да.

Но у него за этим... нет, пусть не прагматизм. Но что-то близкое. Чёткая цель. Другое, но свое интимное желание – стремление познать народ... Духовное совершенствование, религиозный порыв где-то в стороне. Тут – ведение земное, там – за пределами земли. Как-то листал томик горьковских писем и встретил вот это признание, доверительно высказанное Павлу Хрисанфовичу Максиму, советскому писателю:

“Хождение моё по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть – где я живу, что за народ вокруг меня? Я, разумеется, никогда и никого не звал: “идите в босяки”, а любил и люблю людей действующих, активных, кои ценят и украшают жизнь хоть мало, хоть чем-нибудь, хоть мечтою о хорошей жизни. Вообще русский босяк – явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен этот человек прежде всего и главнейшее – невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни”⁵.

Вот что-что, а Клюеву отчаяние и “босячество”, с ним связанное, не припишешь.

Кажется, вся Русь – хождение. Имманентно присущее свойство русского национального характера, как по Мельникову-Печерскому, которое, быть может подспудно, живет и действует, зовет в путь его Герасима Чубалова (“На горах”) и лесковского Ивана Северьяныча Брагина – очарованного странника, хождение народническое, потом клюевское – от сектантских “кораблей” в литературный “высший свет”, добролюбовское (имею в виду поэта Александра Добролюбова) – в противоположном направлении, от искусственной культуры, от “высшего света”, в низы, в сектантство⁶, и чем-то сродное ему, наверно (а может, и нет), есенинское, с этакой вот готовностью (игровой ли?) на все махнуть рукой: “Брошу всё, отпущу себе бороду, и бродягой пойду по Руси”, чтобы позабыть “поэмы и книги” – искусственный мир, провонять редькой и луком “и во всем дурака валять”⁷, вот это горьковское, познавательное, “исследовательское” хождение...

Дальше у Горького, через несколько строк, ещё одно интересное признание: “Я осуждал и осуждаю интеллигенцию за то всегда, что она живет чужими мыслями, мало знает свою страну и тоже – пассивна, больше мечтает и спорит, чем работает, – это пагубно, с этим надо бороться. Но – знайте, что русская интеллигенция, исторически взятая как сила, а не как те или другие лица, – явление исключительное, чудесное почти, и нашу интеллигенцию есть за что любить, есть за что уважать. Она часто впадает в неверие, в отчаяние, но – это наша национальная черта – нигилизм, он и народу свойствен не менее, чем культурным людям, а каков приход, таков и поп, да, да!”

Нигилизм... Мельников-Печерский, горьковский земляк, его не подметил. Но ведь он не об интеллигенции писал. И жил в другое время.

Я бы дерзнул продолжить: наша интеллигенция прекрасно знает “Дневник писателя” Ф. М. Достоевского, знает “бесовскую” формулу, там прозвучавшую: “Кто проклянет свое прежнее, – тот уже наш!”⁸, знает, наверно, и горестное признание Антона Владимировича Карташова, успевшего побыть при Временном правительстве обер-прокурором Синода (пусть недели две, но все же), по поводу никоновской церковной реформы: “Все русские отцы собора 1667 г. посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудили и отменили её”⁹, но вот самую суть тогдашней церковной трагедии, церковного раскола, породившего по существу два разных народа, то самое “осужденное прошлое”, осужденное старообрядчество, смысл и суть его протеста, осужденное русское религиозное разномыслие – знать она не желает, как будто боится его, в упор не видит. Фундаментальная монография о расколе XVII века принадлежит французскому Пьеру Паскалю¹⁰. Что же касается русского религиозного разномыслия (не люблю узкое слово “секта”), то самая обстоятельная обобщающая моно-

графия о наших скопцах, “Скопцы и Царство Небесное” (М., 2002), написана американским профессором Лорой Энгельштейн. О скопцах и хлыстах есть солидная монография А. А. Панченко “Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект” (М., 2002), и я не удивился, когда на второй странице увидел пометку, что она подготовлена при поддержке “Open Society” Institute (Института “Открытое общество”, учрежденного Джорджем Соросом) и Российского гуманитарного научного фонда. Замечательная книга “Хлыст”, с подзаголовком “Секты, литература и революция”, о сектантских увлечениях творческой российской элиты, написана А. М. Эткиндоном, и автор этого исследования – человек, судя по фамилии (это не в обиду), по происхождению не русский. Есть множество диссертационных исследований по сектантской тематике, но почему-то они не дорабатываются до монографий, в библиотеки попадают только в виде авторефератов.

Или там, в середине XVII века, – что-то такое, что страшно признать даже сейчас, какая-то великая неправда, которая будет мешать жить, обрушив “каноническую” систему взглядов на церковную историю, и тогда последующие триста с лишним лет надо будет переоценивать, а то и (вдруг!) зачеркнуть? Это действительно страшно. Зачеркнуть? – хочу я остановиться и переспросить сам себя. Опять? Но с парохода национальной и церковной истории это время не выбросишь тоже. С ним надо жить. Но тогда как? Наша церковная история пошла после никоновской реформы двумя путями. Как примириться нам?

Русская национальная идентичность ассоциируется с принадлежностью к православию, и здесь оно понимается только как православие официальное, административно управлявшееся Синодом. “Ведомством православного исповедания”, как значилось на архиерейских делопроизводственных штампах. Всё остальное, что за его рамками, уже не православие и нам, русским, неинтересно. Неинтересно даже при том вкладе, какой внесен был в русскую культуру, в созидание русского государства теми же “раскольниками”, благодаря которым в XVIII веке шла русификация российских окраин, от Запада до Востока, до Забайкалья. В своё время знаменитый генерал Михаил Скобелев предлагал поселить в Ферганских землях, на границе с Кашгаром (Китай), не кого-нибудь, а именно старообрядцев-казаков, с целью русификации этих земель, с возможным образованием впоследствии Ферганского казачьего войска¹. А это ведь было не так и давно...

Кто читал “Поморские ответы”? Эта классика православной апологетики известна понаслышке, разве только историкам и археографам. А для Клюева это – частица его жизни, глубинная разгадка, почему над русским народом на протяжении веков свершается все предсказанное в 28-й главе Второзакония. “Пошлёт на тебя Господь народ издалека, от края земли: как орёл налетит народ, которого языка ты не разумеешь, народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши, и будет он есть плод скота твоего и плод земли твоей, доколе не разорит тебя...” И это ещё не вся кара тому, что возлюбил чужое более своего и разомкнет связь времен, которую защищал и отстаивал автор “Поморских ответов”. Они – апологетика преемственности, и исторической, и церковной (а значит, и мировоззренческой). Объёмное доказательство только одной мысли, одной идеи: нельзя отступать от того, что свершено и завещано предками. “Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои”. Эта строка из книги Притч (22: 28) не единожды звучит в “Поморских ответах”. Перечитайте и осмотритесь вокруг – 28-я глава Второзакония медленно, но верно продолжает свершаться и сейчас.

Раскол – национальная русская трагедия, и она заключается еще и в том, что это – не недоразумение, это вековая война русских против русских же. Московская церковная история до сих пор на скамье подсудимых. Пепел Аввакума стучит в клюевское сердце.

Клюевский Ленин ищет в “Поморских ответах” “истоки разрух”. Русская интеллигенция – не ищет. И не собирается... Интересно, как понимал те клюевские строки Александр Блок. “Истоки” здесь – не причины и не начала, это, наоборот, – выход, исход, решение и разрешение. “Утверждение национального характера новой власти”¹². Религиозное обновление. Ключ ко всей истории последних трёх столетий.

Период раскола русской церкви – русская национальная трагедия – изучается в первую очередь в сфере археографии, а само старообрядчество

сводится к книжности, фольклору, традициям пения. Оно не изучается как особый путь Русского Православия со своей философией и апологетикой, духовными исканиями и блужданиями, историей, где огромное значение приобрели личность, приход, воля церковного народа, как особый русский опыт противления злу ненасилием, нашему первому “европейничанию”¹³. Да, так. “Ох, ох, бедная! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев! А Николе Чюдотворцу имя немецкое: Николай” (протопоп Аввакум).

Я всецело поддерживаю давнюю мысль, высказанную русскими филологом Павлом Никитичем Сакулиным, выходцем из единоверческой семьи: только изучив мировоззрение писателя, можно проникнуть и в сокровенную суть его творческого метода. Ключевское мировоззрение – сплав старообрядческого мировидения и неизученного русского религиозного разномыслия, “природной красоты” и “народной речи”, личных духовных откровений. У него действительно “христианское время наплывает на языческое”, сосуществуют разные стихии. Он верит, что “только добровольная нищета и отречение от своей воли может соединить людей. Считать себя худшим под солнцем, благословить змею, когда она ужалит тебя смертельно, отдать себя в пищу тигрице, когда увидишь, что она голодна, – вот скрепы между людьми. Всемирное, бесконечное сожаление – вот единственная программа общежития. Веря же в человека нужно поучиться, напр., у дубоборов или хлыстов-бельцов, а также у скопцов”¹⁴.

“Старый русский словарь, бытовавший и бытующий на севере, настоящий на древних корнях, Ключеву – как заветный круг, которым он огораживает себя и свой мир от проникновения чужого духа, идущего из мира “царя железного”... Поэту не было нужды, в отличие от многих его современников, искать нужное слово у Даля или у кого-либо ещё из собирателей и исследователей народной речи. Он жил в этой языковой стихии сызмальства, и с избой, елью, лесной тропой – изначально живыми для него – общался на родном им и ему языке. На нём и писался самый, пожалуй, красочный и монументально выстроенный, как русская изба – колено в колено, – насыщенный плотно уложенными смыслами, поэтический сказ его военного времени – “Беседный наигрыш, стих добродисный”¹⁵.

Да.

Ключев – не стилизатор, как может показаться.

2

*Христианство без активности,
без подъема, без “дон-кихотства” —
немыслимо.*

Старообрядческий епископ
Михаил (Семенов)

Здесь – немного о “голгофском” окружении Ключева. Даже, точнее, о человеке, которого он единожды упомянул в письме, о том, что за этим стоит.

Голгофское христианство – совсем небольшой кружок, в орбите которого оказался на короткое время и поэт.

“И в истории литературы, и в истории религии это явление как-то не очень занимает исследователей. Но именно философия голгофского христианства максимально впитала в себя все особенности того времени, всю амальгаму мятежности, революционности, идей о необходимости голгофской крови ради светлого будущего и – идей глубоко нравственных, поистине христианских, немыслимых без любви и сострадания к ближнему”, – писала в 1992 году современная исследовательница Наталья Солнцева¹⁶.

Вначале был Достоевский с его мыслью, вложенной в уста старца Зосимы из “Братьев Карамазовых”: “Когда же (человек. – **В. Б.**) познает, что не только он хуже всех мирских, но и пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и единоличные, то тогда лишь цель нашего единения достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека” (из главы “Отец Феропонт”). Вот оно, ключевское “голгофское” “всемирное

бесконечное сожаление”. В 1902 году “голгофская” идея прозвучала со страниц консервативнейшего “Миссионерского обозрения” в статье иеромонаха Михаила (будущего старообрядческого епископа), “Христос на Голгофе и воскресший: “Путь покаяния до самораспятия есть общий неизбежный путь для всякой падшей и страдающей души. Это глубоко понял русский народ, в котором искание доброго всегда имеет форму покаянную. *Влас Некрасова с его страстной жаждой самоспасания страданием – общерусский тип*” (курсив автора)¹⁷.

Влас некрасовский – тип раскаявшегося разбойника. Ещё один вид “хождения”:

*В армяке с открытым воротом,
С обнажённой головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.*

*На груди икона медная:
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;*

*Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике*

*Бога не было; побоями
В гроб жену свою вознал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал.*

А потом, будучи при смерти, этот герой некрасовского стихотворения дал обещание построить церковь, если болезнь, из-за которой мерещился ему ад, крокодилы и разные чудища, отступит.

*Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел.*

*С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет. <...>*

*Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посылные дары, —*

*И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...*

Я теперь поспорю: нет больше таких типов, как Влас, как Поярков из одноименного рассказа Мельникова-Печерского, раскаявшийся “коррупцированный” чиновник, тоже всё бросивший и ушедший странствовать, нет того русского народа. Вымер. И к современному не имеет никакого отношения.

Кроме Достоевского и Некрасова был Лев Толстой с его отрицанием государственной церковности, церковных обрядов вообще. Был “Антихрист” Ницше – конечно. И Розанов. Была назревшая необходимость перемен в са-

мом строе огосударственной церкви, ставшей разновидностью идеологического ведомства. Церкви, где истина Евангелия — на службе человеческой, на службе кесаря, по выражению того же старообрядческого епископа Михаила (Семенова), “наймит казенный”, если вспомнить Ключева.

Был ибсеновский “Бранд” — драматическая поэма о бескомпромиссном священнике, убежденном, что Евангелие должно стать действенным законом всей общественной жизни, а не золотой книгой, спрятанной в алтаре. Это немислимо без социального переустройства, которое определяется, верно или нет, как “христианский социализм”. Бранд, главный герой, восставал против обветшалого и опошленного понимания моральных понятий. Приметой и знаком эпохи рубежа XIX и XX веков была стремительная переоценка ценностей. Например, любовь.

*И знать того я чувства не хочу,
которое зовут любовью люди.
Лишь Божью знаю я любовь, она же
не знает слабости; она сурова,
к избранникам своим неумолима.
Томясь душою в роще Гефсиманской,
молился Сын: да минет эта чаша!
И что же — внял Отец мольбе Сыновней?
Нет, чашу осушить пришлось до дна. <...>
Нет более опошленного слова,
забрызганного ложью, чем — любовь!
Им с сатанинской хитростью людишки
стараятся прикрыть изъяны воли,
маскировать, что в сущности их жизнь —
трусливое заигрывание с смертью!*

Из христианской жертвенной любви сделали средство самоуспокоения. Все будет прощено. Борьба за улучшение жизни не нужна. То же касается христианского долга.

*Наш первый долг — хотеть всем существом,
и не того лишь, что осуществимо
и в малом, и в большом; хотеть — не только
в пределах тех или иных страданий,
трудов, борьбы, — нет, до конца хотеть;
хотеть и радостно готовым быть
пройти все мытарства души и тела.
Не в том спасение дающий подвиг,
чтоб на кресте в страданьях умереть,
но в том, чтоб этого хотеть всем сердцем —
хотеть и среди страданий крестных даже,
в минуты скорби и тоски предсмертной,
лишь в этом подвига суть, весь смысл <...>
Когда ж в такой борьбе одержит воля
Победу полную — и для любви
Очищен путь...*

Голгофское христианство понималось и понимается порою превратно: мол, они призывали едва ли не к самораспятию в самом прямом смысле. Нет, призыв к Голгофе звучал именно в этом ключе ибсеновского “Бранда” и некрасовского “Власа”, именно в этом “хотении” заключался. Слово “хотеть” выделено было курсивом в первом переводе поэмы, который появился в 1897 году. И без “Бранда”, без “Власа”, без мысли о том, что переживание чужих грехов есть необходимый закон совести, голгофского христианства не понять. Герой поэмы иначе осознавал и гуманность:

*Гуманность — вот бессильное то слово,
что стало лозунгом для всей земли!*

*Им, как плащом, ничтожество любое
старается прикрыть и неспособность,
и нежеланье подвиг совершить;
любой трусишка им же объясняет
боязнь — победы ради — всем рискнуть <...>
...А был ли*

гуманен к Сыну сам Господь Отец?

Бранд пытался основать церковь, которая бы стряхнула с людей сонливость, преобразовала бы мир, где Евангелие вспоминается лишь по воскресным праздникам, в такой общественный порядок, где бы Евангелие пронизывало всё существо человека, “будничный труд и воскресный покой”, “юности резвость и старца печаль”. В послераскольной России постепенно сложилось и со всей очевидностью обозначилось то противоречие, о котором высказался в работе “Смысл жизни” Евгений Трубецкой: “Вопреки точному смыслу христианской веры, которая требует, чтобы Бог для верующего был всем во всём, чтобы Ему подчинялись все сферы жизни — для государства устанавливается исключение из этого общего правила. По смыслу ходячего макиавеллиевского воззрения, государство в своих отношениях к другим государствам признается не подчиненным какому-либо нравственному закону — божескому или человеческому. Этим вносится глубокое раздвоение в святое святых человеческой совести: в области частной жизни человек признает для себя обязательными заповеди любви к Богу и ближнему, но в области государственной он исповедует полное практическое безбожие и человеконенавистничество. Один и тот же человек, как христианин, считает себя обязанным положить душу за ближнего и рядом с этим, как гражданин, считает всякую мерзость не только дозволенной, но и должной, когда она требуется интересами его народа и его государства!”¹⁸ Голгофское христианство было попыткой разрешить это противоречие. Было попыткой действовать и жить вопреки ницшеанской формуле, брошенной немецким философом в одну из записных книжек, о том, что цель христианства — “отказ от мира, а не развитие мира”¹⁹. Мир должен быть преобразован, иначе он пока не спасен.

“Раскрыть религиозный смысл “Бранда”, — говорил в своём докладе в Московском религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьёва Валентин Свенцицкий, — значит раскрыть смысл одного из труднейших путей ко Христу, это значит раскрыть смысл не только глубочайших процессов человеческого духа, но и всего человечества. Говорить о судьбе Бранда — значит говорить о судьбе мира”. Ни больше, ни меньше. И через несколько строк: “Официальное христианство — погибло. Христианство буржуазии — это самый отвратительный вид мещанства, который можно только себе представить. Удобное, покладистое, без всяких жертв, не знающее кровавой Голгофы, не чувствующее светлого воскресения, оно превращено в орудие тьмы”²⁰.

Были кружки, где обсуждалось реформирование церковного управления, “Христианское братство борьбы”, споры, религиозные собрания в Санкт-Петербурге, “новая религия” Мережковского...

“Как это ни радостно, как это ни заманчиво, но личное спасение души всегда останется личным, всегда носит характер чего-то обособленного и эгоистического и чуждо истинного христианства. Голгофа — вот символ христианства. Голгофа — вот место и смысл всей проповеди Христа. Отдать свою душу за других, отдать свою жизнь за жизнь всех людей — вот призвание христианина и вот чему учил наш Великий Учитель. Он так умер и нас этому учил, и только этому. Христианство Голгофы, христианство любви и служения другим, любви до несения позорнейшей смерти ради человечества — вот красота и величие нового учения, взволновавшего мир. И это учение теперь воскресает в народе. Сущность простой, но сильной, глубокой и неинтеллигентской, а настоящей мужицкой веры — только в этом”²¹. Это писал старообрядческий епископ Михаил в журнале “Красный звон”. Это говорилось в пику так называемому “новому христианству”.

Вместе с Валентином Свенцицким и Ионой Брихничевым, или даже раньше, выступил с голгофской проповедью и этот иеромонах, затем архимандрит “синодской церкви”. Мне кажется, его упоминают в этой связи реже. Возможно,

причина тому — разрозненность его отдельных статей, среди которых особо следует выделить цикл “Двенадцать писем о Христе подлинном”. Вначале он публиковался на страницах казанского журнала “Церковно-общественная жизнь”²² в 1907 году. Публикация оборвалась накануне присоединения епископа Михаила, тогда архимандрита, к старообрядческой Церкви. Произошло это в двадцатых числах октября 1907 года, 5 ноября Синод объявил о лишении архимандрита Михаила сана, что для старообрядцев совершенно никакого значения, разумеется, не имело. Из-за закрытия журнала опубликованы были не все “письма”, но полностью, с исправлениями, они увидели свет в “Красном звоне” за 1908 год²³. Отдельным изданием “Двенадцать писем о Христе подлинном” вышли в 1909 году. Тогда же в Царицыне-на-Волге при прямом участии И. П. Брихничева начинает выходить журнал “Слушай, земля”, епископ Михаил становится его постоянным автором. Но всего было выпущено шесть номеров. Пятый конфисковала цензура за публикацию статьи “Кто и зачем испортил христианство?”. В запрещенной статье епископ Михаил бросал жестокое обвинение: государственное христианство — религия богатых.

“С IV века — после Христа — христианство стало религией для всех. Его приняло государство.

А известно, что государство управляется богатыми и сильными. И эти богатые и сильные просто приказали священникам переделать Евангелие, чтобы оно не мешало богатым.

И священники стали переделывать.

И вот тогда-то выдумали, что для христианина главное — терпеливо нести крест жизни, не роптать и стремиться только к небу.

Сильные дали слабым утешение в сладких мечтах о будущем, чтобы в настоящем они покорно несли своё ярмо”²⁴.

Вместо религии общественного дела, религии общей борьбы (как в “Бранде”) христианство стало религией маленькой жалости, маленького сострадания. Вместо чувства ненависти ко злу и желания бороться с ним, “вместо чувства протеста против тюрем и публичных домов” христианство стало воспитывать “рабье” (словечко, встречающееся и у Горького) учение, что достаточно помогать первому ближнему, раздавленному колесом жизни. Посочувствовал, дал копейку — и хорошо. И хватит. Долг выполнен.

Христианству и сейчас нужен Бранд. Некрасовский Влас. Мельниковский Поярков. Парамон юродивый Глеба Успенского.

Бог жив, и Ницше поторопился, но живо ли христианство с его преобразующей общество силой? Возвысила ли церковь свой голос, когда на глазах народа разворовывалась и разворовывается страна, и где в ней теперь Златоуст, способный пойти на страдание, обличая новую Евдоксию? Возможен ли в современном православи иерарх, способный запретить вход в церковь высокооставленному государственному чиновнику, пусть не убийце, но вору, как запретил Амвросий Медиоланский императору Феодосию Великому переступить церковный порог и призвал его к публичному покаянию после его расправы над восставшими фессалоникийцами? Где проповедь против непомерного обогащения, где его обличение, где?

Кто не с ограбленным народом, тот против него.

Бог жив, христианство — умерло.

Это, возможно, прозвучит резко, но даже искренне верующий человек, которого позвала в Африку евангельская истина и заповеданная этой книгой любовь, Альберт Швейцер, сказал едва ли не то же самое. “Религия нашего времени напоминает африканскую реку в сухой сезон: огромное русло, песчаные отмели, а между ними — маленький ручеек, с трудом пробивающий себе дорогу. Пытаешь представить себе, что это русло некогда было заполнено; что отмелей не было, а река величественно катила свои воды, и что придет день, когда эта картина повторится”²⁵. Действительно, повторится ли?

С сентября 1910 года в Москве начала выходить “еженедельная общественная, литературная и политическая газета” “Новая земля”, новый печатный орган кружка голгофских христиан. Редактором значится А. П. Готфрид, издательницей — М. Я. Готфрид-Свободина, фактический редактор — Иона Брихничев. Епископ Михаил активно публиковался в “Новой земле” весь 1910 год и половину 1911-го, до своего ареста и суда по делу об издании брошюры “Революционные силуэты (первомартовцы)”²⁶, после чего его сотруд-

ничество резко и по непонятным причинам прекратилось. В “Новой земле” активно печатались сам Иона Брихничев, Николай Клюев, Валентин Свенцицкий, писатель Иван Наживин, изредка Валерий Брюсов, из зарубежных писателей здесь увидели свет короткие произведения Анатоля Франса.

В “Новой земле” появился цикл статей епископа Михаила, продолжающих апологию Голгофы и посвященный пониманию сущности христианства.

Оно — “работа над переустройством земли в землю праведную, в царство правды и борьба за эту правду. И всякое иное христианство — ложь.

Мир ещё “не спасен”. На Голгофе принесена *первая великая жертва* за мир, величайшая жертва, как образец и призыв, как проповедь и *великое действие* слияния воли Христовой с волей человеческой.

Христос на Голгофе бросил на мир кровь Свою, чтобы напугать людей зрелищем распятой жизни и заставить всех людей под Его главенством и с Его помощью *начать искупление* мира. Искупление должно было совершить человечество, принявшее великую мысль о преобразовании мира, провозглашенную с креста.

Христос со креста звал каменщиков и плотников на Свою постройку, но их не было, потому что их уверили, что нечего делать, спасен мир, построен Дворец Божий.

Человечество, сплотившееся *во единой мысли* о постройке на земле “Дома Божия”, объединенное и слившееся в живое тело Христово, это человечество, живущее во Христе, и должно быть тем чудотворцем, который воскресит мир, снимет с креста распятую жизнь, исцелит прокаженный мир, где кристаллизировалось, собралось воедино “многое зло”, в ветхих злых понятиях, внушенных столетиями лжи.

И только это обновление жизни станет истинной молитвой кресту. Не слезы, а “огонь” должен дать крест”²⁷.

Тему обновления в деле совместного переустройства жизни епископ Михаил развивает из номера в номер.

“Люди божественны. Они часть Великого Духа, одухотворяющего мир. Для них открыт путь к тому величию духа, какое дано здесь, на кресте.

Но во имя этой божественности на них и лежит великая тягота. Необходимость принять великий крест.

Они должны сделать то, что сделал на Голгофе Христос.

А что сделал Он?

Он в совесть Свою принял зло всего мира, грех всего мира, ужас перед человеком, который потерял образ свободного и стал рабом, и ужас перед землей, ставшей тюрьмой и домом терпимости.

И, принявши на себя этот мировой грех, пережил его с мукой, во сто раз, нет — бесконечно большей, чем всякая крестная мука, победил его.

Именно этой мукой, ужасом и любовью победил, потому что перед такой силой притятия злого мира в любовь Свою — не может устоять зло.

Должна бежать в небытие тьма.

И, мучительно пережив это понимание путей души человеческой, желающей искупить мир, Он на кресте позволил убить Себя, чтобы это величайшее из преступлений обременило невыносимой тягой душу даже Иуде и Пилату — даже в них родило то состояние духа, какое через Гефсиманию и лобное место привело к воскресению первого человека.

И этот путь — единственно христианский. <...>

Вне морали креста и догмы победившего (воскресшего) богочеловека — христианства как силы нет. <...>

Зло нашей ложно-христианской морали в том, что она ушла от этой центральной истины христианства к мнимо-христианской морали (против которой восстал Бранд. — **В. Б.**).

Немного любви. Не обижай. Трудись. К упряжкам вместо свободы”²⁸.

Христос требует, чтобы христианин расширенными от ужаса глазами видел прежде всего зло в концентрированном, так сказать, виде, скопившееся и кристаллизовавшееся в “учреждении”, “сложном факте”, “в каждом окне публичного дома, в каждой железной перекладине тюремного окна, в рабстве и оковах, в ростовщичестве и рабьем труде”.

Требует той сродненности с миром, того слияния с жизнью в чувстве, ответственности за его “боли”, которая заставляет считать себя виновным за все зло, все насилие, пятнающее проказой скорбное лицо жизни.

Чувствовать в своей крови “сифилис” и всей жизни, и “сифилис”, который в крови каждой Любы или Машки, почти физически.

Даже не почти”²⁹.

16 мая 1911 года в Петербургской судебной палате прошли слушания по делу об обвинении епископа Михаила в содействии к выходу в свет брошюры “Революционные силуэты (первомартовцы)”. В её содержании усмотрели пропаганду революционного террора. В книгу входили короткие очерки о народовольцах С. М. Степняка-Кравчинского. Вся вина епископа Михаила была в том, что, не заинтересовавшись, он просто передал их (пять лет назад, будучи еще архимандритом) конкретному издателю на его усмотрение, перенес с одной питерской улицы на другую.

Палата приговорила его и непосредственного издателя к заключению в крепости на полтора года. Осужденные были немедленно взяты под стражу. За епископа Михаила внес залогу в сумме 3000 рублей председатель петербургской старообрядческой общины Громовского кладбища П. А. Голубин. Иона Брихничев посвятил этому событию одну из своих статей, вышедшую в “Новой земле” 18 мая³⁰. Следующий, девятнадцатый, номер газеты появился с портретом епископа Михаила на первой полосе (и стихотворением Клюева “Грешница”). До майского восемнадцатого номера 1911 года епископ Михаил печатался постоянно, газета горячо поддерживает его в беде, но вот — освобождение под залог, и — больше ни одной публикации, ни строчки ни в 1911-м, ни в 1912 году.

Как будто что-то оборвалось. Причин я объяснить не могу, можно только строить предположения о них. Статьи епископа Михаила, опубликованные в “Новой земле” и затем перепечатанные в журнале “Старообрядческая мысль”, статьи из закрывшегося журнала “Слушай, земля” рассматривались 31 августа 1910 года на старообрядческом Освящённом Соборе, нет ли в них ереси? Естественно, тезис о том, что человечество Христом еще не спасено, о “несовершенном искуплении”, вызывал, скажем так, вопросы. Вынесенное тогда постановление вовсе не повлияло на сотрудничество епископа Михаила с “Новой землёй”, да и по смыслу своему не могло повлиять. Собор предостерегал “всех христиан-старообрядцев, чтобы они опасались руководствоваться такими его сочинениями, относясь к ним, как к сочинениям обыкновенных писателей, не имеющих никакого церковного авторитета и значения”³¹. И всё. Пиши себе дальше, только осторожней в выражениях. И епископ Михаил писал. Продолжал сотрудничество с другими старообрядческими изданиями, в частности, с журналом “Церковь”, где он публиковался стабильно и много. Соборное решение можно не рассматривать в качестве причины фактического разрыва с “Новой землёй”. Однако вся эта травля и непонимание дорогого ему стоили.

В 1911-м Валентин Свенцицкий выпустил “Жизнь Ф. М. Достоевского”, затем в 1912-м выходит “Что такое голгофское христианство?” Ионы Брихничева, брошюрка на пятнадцать страниц.

Но сам епископ Михаил отходит от голгофского кружка, хотя не рвет с идеями, которые проповедовал. В 1913 году на страницах старообрядческого журнала “Церковь” публикуется статья “Смерть Иисуса Христа и искупление”. По существу, здесь прежние голгофские идеи³². И эта публикация — знак их универсальности.

Клюев и епископ Михаил публиковались на одних и тех же страницах. Один — стихи, другой — статьи. Об их знакомстве и отношениях нет никаких сведений. Один наездами из Олонецкой губернии бывал в Москве и Питере, другой жил на даче в Белоострове под Петербургом. Вряд ли они даже встречались. Единственное упоминание у Клюева: что старообрядческий архиерей должен был написать предисловие к его сборнику “Братские песни”. Вернее, так почему-то трактуется фраза Клюева из письма к Блоку, датированного концом февраля или началом марта 1912 года: “Книга предполагается с вступительной статьей, что ли, епископа Михаила”³³. Но, кажется, здесь совершенно не учитывают это “что ли”. Поэт не был в этом уверен, точно ничего не знал. Это единственное упоминание о епископе Михаиле у Клюева в его переписке с Блоком. А епископ Михаил, между тем, после мая 1911-го, как я сказал, не поддерживал отношений с кругом “Новой земли”. У него же само имя Клюева и вовсе не встречается нигде. Ни в “Современном слове”,

ни в “Биржевых ведомостях”, где он печатался особенно много, ни на страницах старообрядческой периодики. Клюев его не интересовал, выходит, хотя какое-то время они публиковались вместе. И, надо полагать, учитывая это “что ли”, епископ Михаил вовсе и не знал, что должен что-то писать к сборнику стихотворений Клюева.

Я, пожалуй, соглашусь с Сергеем Куняевым в оценке личности Ионы Брихничева (“человек мутный”). Но, по крайней мере, до “Новой земли” епископ Михаил его оценивал весьма высоко. Когда в 1909 году Иона Брихничев предпринял неудачную попытку покончить с собой, откликнулся статьей о нём в газете “Современное слово”:

“Брихничев – истинно живой религиозный деятель настоящего времени.

В нём не было прелюбодейства слова, общей болезни всех наших “учителей”.

Он не любил религиозных (философских) собраний, не писал статей “о правде распятой”, а жил живой правдой того живого христианства, которое принял.

Подлинного – протестующего христианства – не желающего принять этот мир не из аскетической брезгливости, а потому, что считает несовместимым с проповедью на горе и проповедью на Голгофе нашу наличную общественность”³⁴, то есть – современное общественное устройство.

Это другое время, и Брихничев ещё не кажется “мутным”. А оценка, что и говорить, высокая. Но время шло.

Отношения Клюева и епископа Михаила с Брихничевым обрываются не то чтобы одновременно, с разницей в год. Брихничев обвинял Клюева в плагиате и разослал по “нужным адресам” пасквиль “Новый Хлестаков”, причиной могла послужить их размолвка (назовем так) из-за брихничевской статьи “Северное сияние” о Клюеве. О причинах отхода епископа Михаила можно, как я уже сказал, только догадываться. В самом начале августа 1911 года епископ Александр (Богатенков), довольно заметный старообрядческий церковный деятель, получил от Михаила письмо, в котором тот, в ответ на просьбу приехать в Москву, упомянул среди прочего: “...Я сейчас не имею даже и представления, где и что делают г[олгофские] христиане”³⁵. Иначе говоря, никакой связи с “Новой землей” у него не было почти полгода.

У каждого из голгофских христиан было свое голгофское христианство. У Клюева, у Свенцицкого, у епископа Михаила, у Брихничева. Общим у них было, выражаясь клюевскими словами, “неприятие казенного бога”, идея о необходимости социального переустройства на христианских началах, идея добровольной нищеты, покаяния. Голгофское христианство звало к активному противлению общественному злу. А люди в этом кружке были совершенно разные. Свенцицкий – последовательный новообрядческий священник, Михаил – последовательный старообрядческий епископ, Клюев – христианский эклектик и мистик с особым, ему, наверно, одному присущим веропониманием, Брихничев, однокашник И. В. Джугашвили (Сталина) по Тифлисской духовной семинарии, лишённый сана священник, пришёл в конце концов к атеизму. Квинтэссенция голгофского христианства – идея всеобщей вины, активная “брандовская” борьба против общественного зла земной жизни и её евангельское преображение, предполагающее радикальные социальные перемены, это готовность страдать от существующего в мире несовершенства, это новые отношения к собственности. У каждого христианина должна быть своя собственная Голгофа. Если одним-двумя словами, это – христианский максимализм, в том прямом смысле, в каком это слово толкуется в словарях: “чрезмерность, крайность в каких-либо требованиях, взглядах”. И здесь я бы согласился со словами одной из статей Петра Бернгардовича Струве, с его оценкой максимализма:

“Я думаю, что максималистом человек может, вернее, имеет право быть только для себя и внутри себя. Всякая же проповедь максимализма, адресованная к другим, есть догматическое изуверство морального или иного депотизма, если, что ещё хуже, она не покрывает собой лицемерия.

Но и для себя, или внутри себя, человек не может, не уродуя себя и не насильничая над другими, быть максималистом всегда и сплошь. Максимализм законен только как одно из настроений в творческой борьбе за свою личность”³⁶.

Потому-то государство, основанное на максимализме Нагорной проповеди с её любовью к врагам, — невозможно и обречено. Голгофское христианство было донкихотством. Но ведь епископ Михаил сам писал в одной из статей, стараясь поставить “диагноз” своей эпохе, обществу: “Христианство точно одряхлело, обветшало в нас”, и продолжал: “Христианство без активности, без подъема, без “донкихотства” — немыслимо”. Это — “религия действия и влюбленности в жизнь”³⁷.

*

После неудачной попытки самоубийства в 1909-м, когда Иона Брихничев забрался на верхнюю палубу парохода и бросился в воду, но был спасен подоспевшими лодочниками, он прожил ни много ни мало почти шестьдесят лет и упокоился в марте 1968-го.

О нём имеется небольшая статья в биографическом словаре “Русские писатели. 1800–1917”³⁸. Голгофское христианство по-прежнему остается малоизученным явлением духовных исканий начала XX века, несмотря на то что затрагивается в некоторых научных работах. В “Православной энциклопедии” статьи о нём нет. Есть о Брихничеве, со странной сентенцией, что он, “находясь под сильным влиянием старообрядческого епископа Михаила (Семенова), вместе с С. И. Гусевым-Оренбургским создал религиозно-политическое движение “голгофских христиан”, провозгласившее самопожертвование (“Голгофу”) единственным путем к спасению и призывавшее к радикальной реформе церкви и разрушению существующего государственного строя”³⁹. Ну, Сергей Иванович тут и рядом не стоял, а Брихничев был вполне самодостаточным в своих взглядах человеком, сами же идеи кружка понята шиворот-навыворот — прямо большевики какие-то собрались, “разрушители России”.

Епископ Михаил странным образом не замечается. О нём писали В. В. Розанов, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус, М. М. Пришвин, несправедливо преданный сегодня забвению писатель, публицист и путешественник Степан Семенович Кондурушкин, даже В. И. Ленин в 1912 году отозвался с критическим отзывом на одну из его статей, которую встретил в газете “Речь”⁴⁰. Метафоричную, но, кажется, довольно точную характеристику дал его публицистике Д. С. Мережковский: “Когда читаешь, думаешь, зачем он пишет? Его нет в словах. Но вот за словами — горящий дух. И горит он именно тем, чем надо, — одной мыслью, одним чувством, одной волей: *Земной Христос*”⁴¹. Издательство “Советская энциклопедия”, выпуская первый том словаря “Русские писатели. 1800–1917”, оговорилось, что не претендует на полноту охвата лиц, принимавших какое бы то ни было участие в литературном процессе. Имя епископа Михаила в словаре отсутствует, между тем, его наследие вполне соответствует многим заявленным критериям: идейно-эстетическая значимость произведений — налицо, активность участия в литературной жизни, кружках (в нашем случае это Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге и кружок Голгофских христиан, участники которого в словарь-то попали), историко-литературная характерность. Будучи иеромонахом, владыка Михаил написал интересную драму, посвященную Ивану Грозному (и не ее одну, и было бы интересно, если бы кто-то их поставил). Выступал как публицист, литературный критик (писал о А. С. Хомякове, И. С. Никитине, Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом, Д. С. Мережковском, В. В. Розанове, Л. Н. Андрееве, В. Г. Короленко, А. П. Чехове, С. И. Гусеве-Оренбургском, А. М. Горьком, В. М. Гаршине, М. П. Арцыбашеве, С. Елеонском (С. Н. Миловском), Генрике Ибсене, о детской литературе и значении книги, отзывался на выход литературных сборников, о многих других своих современниках), писал и как театральный критик. Ему принадлежит статья “О принципах нового театра” с подзаголовком “Письма К. С. Станиславскому” в журнале “Театр и искусство” (1909 год) с разбором многих спектаклей того времени, вплоть до оформления декораций, статьи о драмах Л. Н. Андреева, напрочь забытого ныне А. И. Косоротова (но включенного в упомянутый словарь “Русские писатели”). Более того, успел написать и о тогдашнем кино!⁴² Очевидно, он продолжает восприниматься узко, лишь как старообрядческий деятель, что автоматически выносит его за пределы изучения и литературной жизни, и шире — русского духовного и национального самосознания и духовно-эстетических исканий начала XX века.

*Я лось, забредший через гать
В подвал горбатый умирать.*

Николай Клюев

Хочу сделать несколько штрихов к последним годам жизни Николая Клюева.

В мае 1934 года он прибыл к месту ссылки в Колпашево.

Мне вспоминается в этой связи письмо старообрядческого епископа Иоанникия (Исаичева) Саратовского и Астраханского. Мне оно встретилось в архиве митрополии Московской и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ), который десять лет назад поручено было мне разбирать. В зиму с 1931 на 1932 год он прошел этой же дорогой, что и поэт, и испытал то же: “Край голодный и холодный, Сибирь. Ехал до места ссылки 50 дней, 40 дней по железной дороге, в скотских вагонах, не видя вольного света, а десять дней пешком от Томска 300 верст. Тяжело было все это переносить. Многие померли в пути от голода и холода”⁴³. Такой вот маленький штрих. Письмо опубликовано в альманахе “Во время оно”, объединяющем документы по истории старообрядчества, главным образом XX века.

Они не встречались. Кривошеинский район Томского округа (по тогдашнему административно-территориальному делению), где находился в ссылке Иоанникий, это намного ближе к Томску, чем Колпашево, куда сослали Клюева. Но я лишь хочу привести свидетельство, что значила подобная дорога: в вагоне, на подводе и пешком, с ночевками в пути. Ведь в разное время она была у них одна, у старообрядческого архиерея и поэта. В Колпашеве жил в ссылке другой старообрядческий епископ — Арсений (Давыдов) Минусинский и Семипалатинский, но уже после Клюева, которому удалось через несколько месяцев вернуться в Томск. Общее у них — месяц и год смерти. Епископ Арсений был вторично арестован в Колпашеве и 3 октября 1937-го расстрелян, Клюев — в двадцатых числах.

Есть трогательное письмо поэта Н. Ф. Христофоровой-Садомовой от 24 октября 1934 года, он рассказывает, как постучал “в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города (Томска. — **В. Б.**) — в надежде выпросить ночлег Христа ради”. Ему открыл “средних лет, бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородкой человек — приветствием “Провидение послало нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно, устали”. При этих словах человек с улыбкой стал раздевать меня, придвинул стул, встал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег. Я благодарил, едва сдерживая рыдание, разделся и улегся, — так как хозяин ни о чем не расспрашивал, только просил меня об одном: успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро, на столе кипел самоварчик, на деревянном блюде — черный хлеб. . .” Дальше Клюев рассказывает, как нашёл в своем мешке “желтый кружочек пятирублевой золотой монеты”⁴⁴.

Он воспринимал все это как чудо. Но, кажется, подготовлено оно было еще в Колпашеве. Иоанникий, например, жил в ссылке на квартире у старообрядцев-беспоповцев, “наших (поповцев. — **В. Б.**) здесь нет во всем этом малолюдном крае, кроме г. Томска”, как он сообщал в том же письме, что приведено выше. И Клюева, кажется, кто-то направил сюда, кто-то “свой”, не “провидение”. В Томске поэт поселился среди старообрядцев, и, я думаю, заранее знал, куда ему здесь идти, а не стучался в первый же дом наугад. Но как был выбран именно этот адрес, этот переулок Красного Пожарника?

В том же архиве старообрядческой митрополии встречались письма из Томска, от тамашней старообрядческой общины, уже послевоенных лет. Мне тогда же запомнилось это несколько странное название переулочка на синем делопроизводственном штампике — Красного Пожарника, где располагался дом № 2, адрес, по которому была зарегистрирована община. Слово “пожарник” считается не очень-то приличным среди пожарных (именовать людей этой профессии можно только так — пожарный). Видимо, в 1920-х годах, когда этот переулок так нарекли, подобной отрицательной коннотации не было.

Клюев с 11 октября 1934 года по конец декабря 1936-го жил здесь же, в деревянном доме № 12.

Один томский краевед сообщил мне, что в доме № 2 жил старообрядческий епископ Тихон (Сухов) Томский. Но как проверить? От переулка Красного Пожарника недалеко до томского старообрядческого храма. В биографиях поэта указывается, что он там бывал, как и в других церквях города, в том числе единоверческой. Можно было бы добавить, что в старообрядческом храме его привлекала архиерейская служба, но с февраля 1933-го епископ Тихон находился в заключении, встречаться они не могли, даже видаться.

Сибирский историк Николай Старухин сделал по моей просьбе запрос в Государственный архив Томской области, принадлежал ли дом № 2 старообрядческой общине в 1930-е годы, кто в нём жил. Удалось установить, что — да, томская старообрядческая община была зарегистрирована по переулку Красного Пожарника, в соответствии с новым советским законодательством, в 1925 году. Как говорится в письме, полученном нами за подписью директора архива А. Г. Караваевой: “Самые ранние документы о деятельности старообрядческой Успенской церкви, отложившиеся в фонде Ф.Р-1786 (“Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Томской области”. — **В. Б.**) — за 1957 г. В деле № 59 “Документы о деятельности старообрядческой Успенской церкви (отчеты, акты, переписка) за 1957–1962 гг.” данного фонда имеется “карточка зарегистрированного религиозного общества старообрядческого культа”, в которой значится адрес регистрации: г. Томск, улица Красного Пожарника, № 2, а также дата регистрации: 30 июня 1925 г.”⁴⁵ Епископ Тихон (Сухов) как проживающий в этом доме в документах не значится. Был ли он соседом Клюева (всё-таки пять домов — не такое уж далекое расстояние), до конца неясно. Но ясно, что “религиозное общество старообрядческого культа” по переулку Красного Пожарника, дом № 2, прошло официальную регистрацию. Поэт тянулся к людям, которыми как-то мог быть понят и на помощь которых надеялся.

Я пытаюсь лишь прикоснуться к окружению Клюева в Томске, о котором он не сообщал в письмах из ссылки. Что касается дома № 2 по Красному Пожарнику, томские архивисты сумели назвать тогдашних его жильцов: “В результате просмотра описей дел фонда муниципального учреждения “Бюро технической инвентаризации” управления жилищно-коммунального хозяйства г. Томска (МУ БТИ) (фонд Ф.Р-1860) был выявлен технический паспорт на домовладение по переулку Красного Пожарника, д. 2, за 1938 г., просмотр которого показал, что домовладельцем с 1933 г. значится Пахомова Наталья Моисеевна. Как указано в описании строения: дом одноэтажный, деревянный, жилой, частный, построен “около 40 лет тому назад”⁴⁶. В акте от 28 марта 1940 г., составленном техником бюро регистрации текущих изменений Томского горкомхоза Комаровым при камеральной обработке, в графе “на право владения усадьбы № 2 по пер. Красного пожарника” значатся Груздев, Пахомов, Зилович, без указаний имён и отчеств”⁴⁷.

Указание на фонд “Бюро технической инвентаризации” важно, с ним можно работать дальше, уже конкретно по клюевскому дому № 12. Выявленные документы могут послужить для экспозиции музея поэта.

Он нужен.

Что-то подтолкнуло меня пересмотреть в архиве Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ старое дело послевоенных лет — переписку с томской общиной, которую, среди множества других подобных бумаг, разбирал я лет семь или восемь назад, раскладывая документы в хронологическом порядке, нумеруя карандашом листы в правом верхнем углу. Дело это включено было в опись фонда № 3, объединившего документы 1940-х и самого начала 1950-х годов, и получило порядковый номер 433. Даже руки немного дрогнули, когда достал эту старую коричневую папку с железным скоросшивателем внутри: на обложке приклеена была тогдашним секретарем архиепископии (нынешняя митрополия была учреждена в 1988 году) прямоугольная бирочка из тонкой бумаги с адресом священника: “С/Ачинская, 13”. То есть Старо-Ачинская улица — последний адрес Клюева, где квартировал он перед самым арестом в 1937-м.

Во второй половине 1940-х священники Успенской старообрядческой церкви в Томске быстро менялись, так как все они были людьми приезжими, жили кое-как и кое-где, у тех, кто были судимы по 58-й статье, возникали сложности с пропиской, община подчинялась напрямую далекой Москве,

епископа в Сибири не было. С 1947 года появляются два адреса, по которым ведется переписка: переулок Красного Пожарника 2 и 12. Два дома связаны друг с другом. Там, где поселился когда-то Клюев, снимал после войны жилье томский старообрядческий священник Ермолай Красилов. Священническое определение он получил в апреле 1949-го, но вскоре оставил Томск и по каноническим причинам прекратил служение. Листаю дело дальше. Перед глазами проходят телеграммные бланки, отпечатанные на пишущей машинке через копировку письма, тетрадные листики в линейку и в клетку самой разной величины, с такими каракулями, что прочесть их едва ли возможно без особого навыка, вот уже знакомый синий штамп, и не один, двойка, номер дома, не везде отпечаталась на нем. Фамилий Груздев, Пахомов, Зилович, Балакины (хозяева последней квартиры Клюева) нет. Но вот – лицевая сторона темно-синего конверта, где, кроме типовой красной марки с гербом, ещё одна, зеленая, в нижнем левом углу, достоинством в 60 копеек с изображением медали “За оборону советского Заполярья”, две круглых почтовых печати, и от руки, под чернильной чертой размашистым почерком обратный адрес клюевского дома: Красного Пожарника, 12. Здесь квартирует уже новый священник, с ноября 1951 года, Петр Коротков. Следом его письмо, позволяющее определить дату. Сообщает, что устраивается в городе, оформляет прописку, посетил уполномоченного Совета по делам религиозных культов. А в апреле 1952-го ему пишут из Москвы, из архиепископии, на другой адрес: Старо-Ачинская, 13. Он отпечатан на машинописных копиях последних писем.

В Томске сотни улиц и тысячи домов. Но человек последовательно селится в двух местах, и именно там, где до него жил Клюев! Ему, приезжому, безусловно, помогала старообрядческая община, тогда кто Клюеву, раз одни и те же адреса? Ещё один томский адрес поэта, Мариинский переулок, 38, кв. 2, не упоминается. Но от Красного Пожарника это – два шага, достаточно посмотреть на карту Томска. И Старо-Ачинская недалеко.

Клюев не покидал старообрядческого района (хотя жили в нем не только одни старообрядцы, одним из его ближайших соседей по переулку Красного Пожарника, как указывает Л. Ф. Пичурин, был протоиерей томской церкви Иоанна Лествичника Иван Григорьевич Назаров, живший с семьей в доме № 8, сосланный сюда из Пскова, они проходили с поэтом по одному делу).

Совпадение очень любопытное, и всё-таки, пусть и улавливается здесь некоторая закономерность, выводы преждевременны...

В одном из писем Клюев упоминал, что хозяин дома на Красного Пожарника – старик-жестяник со старухой. Здесь поэт снимал угол. Никакого уединения. Столпотворение и сумятица. “Приходят в голову волнующие стихи, но записать их под лязг хозяйской наковальни и толкотню трудно” (из письма В. Н. Горбачёвой). О том, как Клюев нищенствовал и побирался, тоже известно по его письмам. Это сплошная скорбь, его жизнь... Потом появилась переборка, отделявшая его угол от общей комнаты. Отсюда он перебрался в дом по Мариинскому переулку, долго проболел и съехал, так как не мог платить, а художник и близкий друг поэта Анатолий Яр-Кравченко не выслал обещанных денег. Следующим томским адресом стал дом на Старо-Ачинской, 13. Здесь вместе с Клюевым жили новообрядческий священник Троицкой церкви Иаков Леонтьевич Соколов с супругой, хозяева Сергей Васильевич Балакин и его мать Мария Алексеевна, еще один священник Александр Иванович Пуртов с женой Татьяной Матвеевной и четверьмя дочерьми, сельский учитель Иван Григорьевич Мельников, всего 12 человек. И. Г. Мельников, А. И. Пуртов, Я. Л. Соколов арестованы были в 1937 году по одному делу вместе с Клюевым.

Всех расстреляли.

Вспоминается мне один очерк Василия Розанова, “По тихим обителям”. Есть там эпизод, где Василий Васильевич рассказывает, как ехал в Саров. “Ямщик, который вез меня, добросовестный огромный мужик, кормящий стариков, отца и мать, и четверых детей, работал года четыре назад каменную работу... в Темир-Хан-Шуре!! Вон куда заносит нужда. Значит, русский мужик не ленив, значит, он ищет! Отхожие промыслы есть великий показатель, что мужик наш не лежебока”. Я перепроверил, что это за город, упомянутый здесь. Оказалось, старое название Буйнакск, Дагестан.

Нет, не только нужда заносит людей в несусветную даль. Ключевский путь был ещё дальше, от Архангельска до Томска и Колпашева, священник Петр Коротков, который жил в одних домах с поэтом, лет через восемь или девять переехал в Джамбул (Казахстан), и тут я не уточняю причин, так как это совсем другая уже история, а они могут быть сугубо семейными... А переселение старообрядцев семейских с территории нынешней Гомельской области Белоруссии в Забайкалье? У нас и русский народ, оказывается, тоже подвергался депортациям. А мы не знаем. Не замечаем даже, что уже которое столетие воюем сами с собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Нижний Новгород., 1910. Ч. 2. С. 240.
- ² Там же. С. 238-239.
- ³ Там же. С. 241.
- ⁴ Цит. по: Куняев С. С. Николай Клюев. М., 2014. С. 164-165.
- ⁵ Горький М. Письмо П. Х. Максимова от 10 (23) декабря 1910 г. // Горький М. Собрание сочинений. М., 1954. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907-1929 гг. С. 148.
- ⁶ Это верно заметил А. М. Эткинд: "Один ушел из высокой культуры символистов в сектанты; другой (Клюев. — В. Б.), наоборот, пришел из сектантов в профессиональные поэты. Один, опросясь, отказался от рифм и ритма, чтобы сблизить свой слог с "природой" сектантских распевцев; другой, напротив, преобразовал знакомый ему хлыстовский фольклор в профессиональные стихи. Один обращал к интеллигенции письма, наполненные горечью, агрессией и желанием разрыва. Другой надеялся на диалог". См.: Эткинд А. М. Хлыст. М., 2013. С. 272.
- ⁷ Надо, кроме этих стихов, помнить, как побросала по свету судьба самого поэта: Азия и Персия, Россия, Европа, Америка.
- ⁸ 1880 год, август, в "Объяснительном слове по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине".
- ⁹ Карташов А. В. Очерки по истории русской Церкви. М., 1992. Т. 2. С. 179. Разрядка А. В. Карташова.
- ¹⁰ Была переведена с французского внуком Л. Н. Толстого Сергеем Сергеевичем Толстым по заказу Московской старообрядческой архиепископии в 1950-х годах. Вышла в свет только в 2010-м в московском издательстве "Знак".
- ¹¹ Зенин Н. Д. Взгляд М. Д. Скобелева на старообрядцев (казачков) // Старообрядческая мысль. 1911. № 9. С. 736-737.
- ¹² Об этой блоковской интерпретации стихотворения см.: Эткинд А. Хлыст. М., 2013. С. 282.
- ¹³ Подробнее об этом см. в моей статье "Что такое старообрядчество и как нам его изучать?" (Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2015. Вып. 15. С. 11-16.)
- ¹⁴ Письмо А. Ширяевцу цит. по: Куняев С. С. Указ соч. С. 169.
- ¹⁵ Куняев С. С. Указ соч.
- ¹⁶ Солнцева Н. М. Китежский павлин. М., 1992. С. 46-47.
- ¹⁷ Михаил (Семенов), иером. Христос на Голгофе и воскресший // Миссионерское обозрение. 1902. № 7-8. С. 16.
- ¹⁸ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: "Республика" (сер. "Мыслители XX века"), 1994. С. 193.
- ¹⁹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1880-1882 гг. // Ницше Ф. Собрание сочинений: В 13 т. М., 2013. Т. 9. С. 72.
- ²⁰ Свенцицкий В. Религиозный смысл "Бранда". СПб., 1907: Библиотека "Век". Вып. 8. С. 4, 5.
- ²¹ Религиозные искания наших дней // Красный звон. 1909. № 5. С. 248-249. Подзаг.: "Мнение архимандрита Михаила".
- ²² Михаил (Семенов), архим. Двенадцать писем о Христе подлинном // Церковно-общественная жизнь. 1907. №31. Стб. 941-944; №32. Стб. 978-981; №33. Стб. 1008-1011; №34. Стб. 1035-1038; №35. Стб. 1074-1079; №38. Стб.

1169–1173; №41. Стб. 1263–1266; №43. Стб. 1328–1331; №44. Стб. 1365–1367; №43. Стб. 1389–1392.

²³ Михаил (Семенов), архим. Двенадцать писем о свободе и христианстве // Красный звон. 1908. № 7. Раздел II. С. 161–176; № 8. С. 161–178; № 9. С. 161–176.

²⁴ См.: Михаил (Семенов), еп. Кто и зачем испортил христианство? // Слушай, земля. 1909. № 5. С. 12–14.

²⁵ Швейцер А. Религия в современной культуре // Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: “Республика” (сер. “Мыслители XX века”), 1996. С. 483.

²⁶ Иона Брихничев посвятил одну из своих статей этому событию: Отклик на арест еп. Михаила // Новая Земля. 1911. № 18, май. С. 3. Следующий, девятнадцатый, номер газеты вышел с портретом еп. Михаила на первой полосе.

²⁷ Михаил (Семенов), еп. Из креста в огонь: К 14 сентября // Новая земля. 1910. № 1 от 13 сентября. С. 8–11.

²⁸ Под “упряжками” имеются в виду главнейшие, по мнению Толстого, моральные заповеди Евангелия. Еп. Михаил неоднократно выступал против сведения Евангелия к голой морали. “Тот, кто не верит в возможность явлений, превышающих нормы будничной действительности, тот уничтожает в человеке стремление к бесконечному движению.

И обязательно убивает христианство, делая его из религии беспредельного совершенствования по образу Божию в серую религию “пяти упряжек”, без идеала, без будущего, убогую и мертвую” (статья “Толстой и чудо”).

²⁹ Михаил (Семенов), еп. Христианство не мораль // Новая земля. 1910. № 4, октябрь. С. 10–11.

³⁰ Брихничев И. Отклик на арест еп. Михаила // Новая земля. 1911. № 18, май. С. 3

³¹ Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов. 1898–1912 гг. М., 1913. С. 121.

³² См. в современном издании: Михаил (Семенов), еп. Собрание сочинений. Ржев, 2015. Т. 4. С. 163–176. В заглавии статьи – старообрядческая орфография имени Спасителя – Иисус с одним “и”.

³³ Клюев Н. А. Письмо А. А. Блоку, февраль–март 1912 г. // Клюев Н. А. Письма к Александру Блоку. М., 2003. С. 262.

³⁴ Михаил (Семенов), еп. Иона Брихничев: Открытое письмо “христианам” // Современное слово. 1909. № 601 от 16 августа. С. 1 Подпись – Старый Друг. Это событие произошло после закрытия ряда изданий, которые выпускал Иона Брихничев. Кроме того, он страшно нуждался, живя, как указывает автор, на 50 рублей в месяц с семьей.

³⁵ Пользуясь случаем, приведу это письмо (оно хранится в частном архиве), еще не введенное в научный оборот, полностью, датируется оно благодаря пометке в правом верхнем углу, сделанной еп. Александром: “Пол[учено] в СПб. 2 авг[уста] 1911”:

Г. I. X. С. Б. п. н.

Глубокоуважаемый владыко.

Я думаю, что в Москву мне ехать неудобно, ведь и в 1909 году испрашивалось особое Высочайшее разрешение, а это неудобно, и желательно проехать куда-нибудь около Москвы – конечно, можно бы, и препятствий с моей стороны не может встретиться, но ведь мне нужно знать, зачем, с какой целью ехать.

Нужно получить формальное приглашение, из которого я увидел бы, нужно ли действительно мое присутствие там.

Сейчас я не представляю, для чего бы мне ехать? Если оправдываться в чём-нибудь, то это надоело мне.

Если это старые обвинения по поводу голгофских христиан, то я сейчас не имею даже и представления, где и что делают г. христиане.

Если какие-нибудь новые обвинения, выкопанные из старых книг, то ради этого не хочется тратить время и слова. Да и бесполезно. Может быть, дело идёт не о суде надо мной, но могу ли я быть полезен Собору в чём-нибудь, доверие ко мне и с моей стороны достаточно подорвано.

Во всяком случае, приехать я мог бы [по] формальному приглашению, из которого было бы ясно, зачем я еду.

Преданнейший еп. Михаил.

³⁶ Струве П. Б. На разные темы // Струве Б. П. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 215. О крайностях “голгофского христианства”

- и епископе Михаиле см. также в статье Д. С. Мережковского “Земной Христос”.
- ³⁷ Михаил (Семенов), еп. Рождественская звезда // Утро России. 1910. № 335 от 25 декабря. С. 2.
- ³⁸ Магомедова Д. М., Белодубровский Е. Б. Брихричев Иона Пантелеймонович // Русские писатели. 1800 – 1917. М., 1989. Т. 1. С. 328–329.
- ³⁹ О. Т. Е. Брихничев Иона Пантелеймонович // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 258.
- ⁴⁰ См.: Ленин (Ульянов) В. И. Духовенство и политика // Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 22. С. 80–81. Отклик на статью “Предпоследний и последний этапы” (Речь. 1912. № 230 от 23 августа. С. 1), посвященную роли духовенства в современном обществе, его социальной позиции.
- ⁴¹ Мережковский Д. С. Земной Христос // Мережковский Д. С. Было и будет. Невоенный дневник. М., 2001. С. 145.
- ⁴² См. статью “Чудеса на полотне” (Современное слово. 1909. № 575 от 17 июля. С. 1. Подпись – Старый Друг). Тема – низкопробная и пошлая кинопродукция. Упомянуты Ф. К. Сологуб (сб. легенд и новелл “Книга очарований”. СПб., 1909), издатель И. Д. Сытин.
- ⁴³ Иоанникий (Исаичев), еп. Письмо архиепископу Мелетию (Картушину) // Во время оно: История старообрядчества в свидетельствах и документах. 2005. Вып. 1. С. 88.
- ⁴⁴ Цит. по: Куняев С. С. Указ. соч. С. 601.
- ⁴⁵ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф.Р-1786 Оп. 1. Д. 58. Л. 4. Эта и следующие архивные ссылки указаны согласно письму, о котором идет речь в статье.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф.Р-1860. Оп. 5. Д. 3499. Л. 4-4об.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф.Р-1860. Оп. 5. Д. 3499. Л. 5.

МАРИЯ БУШУЕВА

ВЗДОХ БЫТИЯ

О двух романах двух П. Н. Красновых

Без России нет ничего... Нет самой жизни.

П. Н. Краснов. “Ненависть”

...без большого дела, идеи мы не народ, считай, а так, население...

П. Н. Краснов. “Заполье”

Они пытались построить социальное единство на ненависти...

Г. Уэллс (“Люди как боги”)

Одно время в интернете я находила однофамильцев и сопоставляла – кто они или кем они были на своих жизненных дорогах, какой социальный статус имели в разные периоды Российской истории. Совпадения часто оказывались столь поразительными, что сознание сразу начинало склоняться к восточной доктрине реинкарнации...

Правда, при таком подходе легко возникало искушение сравнения по признакам малозначимым, то есть некоторого самообмана с целью подтверждения мысли о странной симметрии и вечных повторах спирали истории...

А если у людей одинаковы не только фамилии, но совпадают даже имена и отчества, и оба – писатели, это ведь совсем удивительно.

Правда, первый Краснов Пётр Николаевич больше известен как генерал русской армии, атаман Всевеликого Войска Донского, политик, историк казачества, знающий тему досконально, благодаря личному опыту и потомственному родовому казачеству (видимо, именно его деду, тоже казаку, генерал-лейтенанту и к тому же первому в роду литератору, принадлежит поэтическое и грозное сочетание “Тихий Дон”).

Человек трагической судьбы, П. Н. Краснов предсказал в романе “Ложь” с пророческой точностью свою гибель. Это несмыслимое чёрное пятно в его биографии: уверенный в “диавольском зле Советов”, он служил на стороне фашистской Германии, после депортации в Москву был заслуженно признан предателем Родины, приговорён к высшей мере наказания и сразу же казнен: по определению Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 года, он не подлежит реабилитации. Можно искать психологические причины сотрудничества генерала с Третьим рейхом: это могла

быть идеализация борьбы Гитлера с “красной коммунистической заразой” и недооценка опасности нацизма. Можно даже предположить причины личные — положительное отношение и уважение к Германии могло быть следствием любви генерала к своей жене, происходившей из рода обрусевших немцев. Или генерала привела в стан врагов Родины его вера в то, что оставшиеся в СССР “бывшие” ждут освобождения, которое принесёт им постаревшая, но спасительная “белая армия” (это отражено и в его романах). Но чёрный факт остается чёрным фактом: сохранив воинскую верность дореволюционному “царю и Отечеству” (отечество — государство — отец), генерал Краснов предал Родину (земля — мать — душа) и, вспомнив ярого врага “окаянной” советской власти И. А. Бунина, отказавшегося сотрудничать с фашистами, спасавшего от арестов и русских, и евреев, закроем эту тему: душа генерала давно предстала перед Высшим Судом. . .

А мы читаем его прозу. И пусть это парадоксально прозвучит, но нельзя не признать, что П. Н. Краснов любил Россию всем сердцем, всей душой, так, как только может любить её одухотворённый верой русский человек. Как человек, не отравленный “новыми сомнениями”. И горькая боль за потерянную Россию — вечный лейтмотив его прозы.

О генерале Краснове-писателе хорошо отзывался А. И. Куприн: “У П. Н. Краснова есть о чём сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что всё, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъёмом в массовых сценах, с благородным пафосом”. Правда, Куприн отмечал и то, что порой П. Н. Краснов пишет “по старинке”, в формах и тонах, давно забытых нынешней русской литературой, которая, порой в ущерб вескости глубины и содержательности рассказа, дошла, с лёгкой руки (...) Чехова, до замечательной кропотливой выразительности в технике”.

Это “по старинке” проявилось и в тех характерах, которые показывает в своей прозе П. Н. Краснов: в них нет космоса светлых и тёмных противоречий, привнесённого в русскую литературу классиками XIX века: все его настоящие герои — именно герои, люди чести, веры и верности. Это, конечно, воины, которые служат своему Государю и своему Отечеству, “положившие живот свой “за други своя” на поле брани”, это русские интеллигенты, не примкнувшие к революционному движению, а хранители истории и православных традиций, поступающие всегда только так, как диктует им голос совести, это лучшие представители казачества, это духовенство. Не тихую покорность и смирение выбирает П. Н. Краснов, а гневное сопротивление: дед главных героев романа “Ненависть” (о котором пойдёт речь) — священник Пётр — отходит от патриарха Тихона, противопоставляя его кротости и терпению аввакумовский протест, оттого и величает его П. Н. Краснов “протопопом”, а не протоиереем.

Современная русская литература бедна на героические. Главные персонажи мечтают о богатстве (в ключе эпохи победившего потребительства и авантюрных сюжетов) или о молодой любовнице (если герой приличного возраста). Романские дети так называемых “патриотов” учатся в Англии, проживают в США или в Германии. . . Единственным способом несогласия с властью золотого тельца выступает уход в самоизоляцию. Активная социальная роль героя в современных романах — раритет, и она чаще воспринимается критиками как ходульная или архаичная.

Причины просты: обмельчание личности писателя как такового, его зависимость от коммерческого спроса, от требований и вкуса не читателя, а издателя (!), от его собственной скрытой асоциальности.

Тем показательнее роман П. Н. Краснова “Заполье”. Его Иван Базанов — человек активной гражданской позиции, главный редактор независимой антилиберальной газеты, выступающий в романе без всякого страха против экстремально-экстремистских перемен 90-х годов: распродажи (точнее — дарения) “своим людям” лучших государственных промышленных и ресурсных активов, присваивания гектаров земли, инфляции, которую население переживало как шок.

Читатель уже понял — это второй Пётр Николаевич Краснов — наш современник, известный оренбургский писатель, казалось бы, крайне далёкий от своего полного однофамильца, русского генерала, как по временным, так

и по биографическим, а главное, стилистическим параметрам: беллетристическая, по большей части трагическая проза генерала Краснова, его особенности как романиста отзываются и в “Хождении по мукам” А. Толстого, и в “Тихом Доне” М. Шолохова, причём у последнего гораздо больше родства с “казачьей” прозой и очерками о Донском казачестве писателя-генерала, чем с новеллистикой Фёдора Крюкова, с которой так часто сопоставляют гениальный роман Шолохова.

Так почему же возникла такая идея — сравнить два романа двух Петров Николаевичей Красновых: “Ненависть”, горестную семейную сагу, созданную в 1934 году (цитируется по этому изданию), и “Заполье” — яркий и тяжёлый современный роман?

Сразу конкретизирую, что, несмотря на временной промежуток, разделяющий романы, на беллетристические достоинства первого и тяжёлую, но очень интересную, инверсионную стилистику второго, оба романа имеют сходные — и весьма важные, если не главные — черты. Это очень выпуклый показ “переходной эпохи”: в “Ненависти” показана революция 1917 года, приход к власти большевиков и его последствия, в “Заполье” — зеркальная “революция 90-х”, которую некоторые рассматривают как завершающий этап контрреволюции, осуществлённый с помощью криминальных структур. Оба эти романа показывают разлом: в обществе, в семье, в отдельном сознании, причём оба писателя рассматривают социальные перемены как следствие победы “диавольского зла”. И, что очень важно, оба писателя выявляют главных действующих лиц кризисного времени, для меньшинства — победного, но для большинства — смутного и жестокого, и при сравнении оказывается, что не только настроения масс, но и персонажи на сцене эпох социальных катаклизмов — типичны! Например, революционер Драч — “мелкий бес” революции в романе генерала Краснова, Мизгирь — “мелкий бес” “лихих 90-х” в “Заполье”.

“Драч показал Малинину прорубь. Он продолжал, по-видимому, разговор, который они вели, когда шли вдвоём впереди всех через Неву. — Куда проще, товарищ. И никому неведомо. Пойдём четвером — вернёмся вторым. — (...) Драч кивнул на подошедшего Володю, — вот его обязательно надо привлечь, чтобы настоящий припой сделать к партии. Такое дело — навеки нерушимо. Не развяжешься”.

Правда, Мизгирь несколько живописнее и ярче, чем того требует его роль, и его криминальные наклонности не идут дальше провокации. На противоположном конце витка истории всё то, что было в годы установления советской власти проявлено крайне резко, стёрлось. Но тень повторяет оригинал.

Ведь типично и другое, точно показанное в двух романах: приход к власти “новых людей”, совершенно циничное их отношение к отдельной человеческой жизни, использование силы толпы, которая становится управляемой и умело направленной, благодаря воздействию на коллективное бессознательное и на социальные болевые точки.

В “Ненависти” П. Н. Краснова перед нами очень хорошая, дружная, культурная православная семья Жильцовых: отец — преподаватель математики, которого прозвали Косинусом, деликатный, совершенно безобидный интеллигент, живущий астрономией и любовью к семье; жена его — дочь образованного священника отца Петра (это он потом изберёт себе не компромисс с новой властью, а гибель, произнеся гневную проповедь, обличающую большевистский режим). Трое детей: чудесная и чистая Женя — она будет долгие годы ждать своего жениха, молодого казачьего офицера, ушедшего на фронт в 1914 году, не веря, что он погиб, и умрёт сорокалетней на его могиле; её брат, сохранивший верность нравственным ценностям Гурий (Гурочка), единственный, кому удалось спастись благодаря эмиграции. О нём так ничего не узнают ни родители, ни сестра Женя, ни кузина Шурочка, с которой Женя будет идти по жизни рука об руку.

Но по семье Жильцовых проходит трещина, которая становится глубокой расщелиной: второй сын Володя (думаю, то, что он — тёзка Ленина, намеренный замысел автора) уходит из дома навсегда, став большевиком, более того — идеологом новой власти.

“Страшно сказать — новый человек!.. — говорит о нём его дядя Тихон Иванович (муж сестры матери). — Лоб низкий, узкий, глаза поставлены близко один к другому. Взгляд какой-то сосредоточенный и, заметь, никогда он

тебе прямо в глаза не посмотрит, а всё как-то мимо... Сам щуплый, плетью пополам перешибить можно, склизкий, а глаза, как у волка... Комок нервов". П. Н. Краснов создаёт не отдельный характер, а именно тип "нового человека", который способен легко и совершенно безжалостно смахнуть со сцены истории все духовные ценности прошлого и людей, сохранивших этим ценностям верность: у Володи не дрогнуло сердце, когда по его приказу его дядя и его сын Степан, то есть двоюродный брат, возглавлявшие антибольшевистское сопротивление на Дону, были замучены и казнены. Для справки: по исследованиям историка У. Германа, к 1925 году численность казаков сократилась с 4,5 млн до 2 млн человек. Уничтожены были почти все казаки старшего возраста...

Никакого раскаяния нет в душе Володи. Да и души-то у него давно нет. Только упоение властью: "Володя чувствовал себя прекрасно. Он был при исполнении священного долга перед партией и третьим интернационалом. Он испытывал тот самый административный восторг, над которым некогда на этом самом месте так насмеялся. Казаков он ненавидел лютою ненавистью".

"Новый человек", революционер-идеолог для генерала Краснова тот же преступник, только ещё более страшный, поскольку идеологизированный и зомбированный, а значит, не знающий мук совести и раскаяния. Он для него – слуга тёмных сил. Очень показательна сцена расправы с одним из первых "новых людей" – революционером Малининым, он бывший "председатель исполнительного комитета партии": Володя (который получил новую фамилию Гранитов) и "мелкий бес" от революции Драч без суда и следствия "убирают" старого большевика, который усомнился в целесообразности экстремистской линии партии. Причём, расправившись с Малининым, его соратники воруют из сейфа его деньги и оправляются в ресторан, где с хамским бахвальством пируют с советскими путанами и расплачиваются валютой: П. Н. Краснов точно угадал, что внутри как бы идейно-непреклонной партийной верхушки жил и расцветал порок – страсть к "роскошной жизни"...

А вот как в романе "Заполье" характеризует 90-е годы и пришедших "новых людей" наиболее честный бизнесмен Воротынцев: "сверхмасштабный разбой идёт, и люди знать это должны (...) всероссийский хам, он же и вор пришёл, воссел во власть, всё подмял под себя". Воротынцева, финансировавшего газету Базанова, человека "упорядоченного", "с идеей", думающего, бывшего "на голову выше окруженья своего", ждёт та же судьба, что и Малинина в "Ненависти". И это очень показательно для кризисных эпох – эпох радикальных перемен: "отыгравшую ладью" просто жестоко смахивают с шахматной доски.

Точно дают оба романа и картину настроений в обществе, и она тоже поразительно сходна: и чувство безысходности у интеллигенции, и ликование богемы, воспринимающей любое разрушение устоев как анархическую свободу, и равнодушие большинства к преступлениям, совершающимся у всех на глазах, и душевное оупение, полное отсутствие сопротивления новым порядкам у народа. В "Ненависти" толпа молча взирает на то, как расправляются большевики с честнейшим пастырем протопопом Петром, в "Заполье" Краснов – наш современник – просто печально отмечает, что сила сопротивления масс отсутствует: "не измыслили, даже не перекрестились вовремя, поскольку и грома-то не услышали, проблагодушничали, разве что первые намётки её у воротынцевых немногих. (...) Где-то, верно, зреет она, в недрах того растерянного и безответного, что народом раньше звалось и, казалось, было, – как ответ на глумление, одновременно же как "аз есмь" всем в нём, народе, разуверившимся или всюю уже злорадствующим. Но вызреет, нет ли, а нам всё на себя принимать, ибо надеяться пока не на кого". Да, в 90-е годы людям месяцами не выплачивали зарплат, а они работали и молчали, пока их зарплаты наращивали капитал новых хозяев...

П. Н. Краснов (генерал) показывает, что упадок, надлом, идейно-духовная трещина наметились ещё до 1917 года в обществе, отравленном кокаином и вином, жадной лёгкой наживы, а главное – сомнением в вере, и прошла эта трещина через каждую семью, даже столь любящую и, казалось бы, очень цельную, как семья Жильцовых. Это же отмечал в "Хождении по мукам" и А. Толстой: его Петербург 1914 года тонул в предсмертном танго...

Проходит трещина и по семье Базанова в романе "Заполье", и это тоже типичный кризисный знак "эпохи перемен", а не просто случайное совпадение.

Его жена, прельщённая демоном потребительства, в конце концов, порывает с Базановым, лишая его даже возможности видеть крохотную дочь.

Вся семья Жильцовых, кроме большевика Володи Гранитова (отпавшего от семьи) и сумевшего добраться до Франции Гурия, гибнет: дед-священник растерзан на пороге храма, отец арестован и казнён, вскоре умирает и его жена, потрясённая горем и несправедливостью: “Матвей Трофимович! Добить, раздавить, уничтожить!.. Её Матвея? Кроткого и незлобивого “Косину-са”?.. Не может этого быть? Он враг?.. Он?!.. За что?.. За что же?..” Женя и Шура, кухни, сохраняют душевную чистоту, но они не могут выжить в советском обществе 20–30-х годов, их надежда только на то, что придут “белые”: “Белые!.. Белые должны, должны придти к нам на помощь и спасти Россию и нас...” В образе Жени, хранившей всю жизнь верность своему жениху, отзываются не только черты женщин-декабристок, но и сходство с самым удивительным, наверное, и самым величественным женским русским женским характером – протопицы Анастасии Марковны, жены протопопа Аввакума.

Пройдя все испытания, Женя и Шура из “Ненависти” П. Н. Краснова сохраняют свою женственность, своё благородство, хотя советская власть отнимает у них всё. Даже квартиру, в которой жили Жильцовы, экспроприируют и делают коммунальной, оставив им одну комнату. Жизнь превращается в ад: “По утрам в коридоре устанавливалась своеобразная “очередь”, где мужчины и женщины стояли вперемежку. Руководствуясь ленинским лозунгом “Долой стыд!”, не стыдясь, кричали грубые, циничные замечания и слишком наглядно высказывали своё нетерпение”.

В конце романа читатель узнает, что посылки, которые анонимно присылал из Франции Гурий Жене и Шуре, уже не находят адресатов: значит, умерла не только Женя, но погибла и Шура...

В “Заполье” столь же сильна линия обречённости. Главный герой Базанов тоже гибнет – в романе он умирает от тяжёлой болезни, но фактически это гибель и его, и тех идей, которым он остаётся верен, символизирующая развал той страны, в которой он родился, жил и с которой духовно был идентифицирован. П. Н. Краснов в “Заполье” вольно или невольно проводит ту же параллель, что и его предшественник – между гибельностью и ненавистью, которую породило раздвоение в обществе, распад страны, личности, семьи, появление нового класса “имущих” и массовое обнищание большей части народа.

Ненависть и ложь – вот главные принципы, на которых базируется новая власть, власть большевиков, так утверждал П. Н. Краснов-генерал. Ненависть и ложь – вот что движет “новую политику”, вот что главенствовало в обществе 90-х, констатирует П. Краснов, наш современник: приходит ложь “как первейшее средство власти; а нет лжи – и власти нету”. Ненависть – эмоциональный лейтмотив романа генерала Краснова, ненависть несёт в себе главный герой “Заполья” Иван Базанов.

И вот что поразительно: оба романа посвящены социальному перевороту и его последствиям, но по идейному вектору – это совершенно противоположные исторические катаклизмы: в революционную эпоху (роман “Ненависть”), подрывая в народе все основы православной веры, разрушали храмы и безжалостно уничтожали священничество; в 90-е годы начинают возвращаться к православию и восстанавливать храмы. Первый из “новых людей” Воротынцев настаивает, “чтобы мэрия (...) отдала храм. (...) Общину создадим, – говорит он, – на это другие найдутся люди, счёт откроем на восстановление, объявим... Что вас смутило? (...) Всё просто: в ней прадеды ещё мои крестились, молились в меру смирения, а один дьячком даже в ограде похоронен... где теперь та ограда? И плиты могильные, говорят, вывезли и распилили, пустили на бордюры, когда центральную улицу асфальтировали... Нет, вспоминать пора – своё”.

Но главное, противоположен основной вопрос двух социальных переворотов – вопрос о собственности: в “Ненависти” собственность у правящих классов “экспроприируют и национализируют”, в “Заполье” возвращают в частные руки. Вот что говорит Володя (будущий большевик Гранитов) своему дяде Тихону Ивановичу (будущему вождю антибольшевистского казачьего движения на Дону), приехав к нему в гости как родственник (это потом он порвёт все родственные связи): “Степан Трофимович Верховенский рассказывает про административный восторг. Так вот теперь я вижу, что в России есть

не только административный восторг, но есть и восторг собственнический. (...) Не может быть никакой собственности, потому что это, прежде всего, несправедливо...”

И какой же “административный восторг” он будет испытывать, став во главе кровавого рассказывания! Как упорен он в борьбе против частной собственности, сгоняя казаков в колхозы!

В “Заполье” мы видим обратное: руководитель крупного и процветающего колхоза Поселянин пытается сохранить его от раздробления и передачи в частные руки, ведь фактически в результате кризисных перемен 90-х годов была возвращена сама идея законности частной собственности, но, пока крестьянин, снова ставший жертвой смены власти, думал, этим воспользовались “третьи лица”, тут же сочинившие удобные для себя проекты”, “саму эту реальность меняющие, сами себе основанья готовящие”, которые упирались именно в возвращение заводов, газет, пароходов, а главное – земли и её богатств новому собственнику, что тогда же привело к резкому разделению страны как бы на “самых умных”, то есть очень богатых и на “лохов”, то есть обнищавшее население.

Традиция, на которую должна опираться газета Ивана Базанова, – та же, которую отстаивал и генерал Краснов – “белая, державная”: “Сословия, может, другие, но идея та же”. Правда, Базанов уточняет: “белая так белая. Но с красным подбоем” и, в отличие от радикалов-революционеров 1917-го, подчёркивает, что “молодое вино должно вливать нам в старые меха – дабы не утратить драгоценную закваску древнюю, все испытанья прошедшую”. То есть, если большевики разрушали до основания (это очень зримо в романе “Ненависть), то лучшая часть тех, кто пришёл к власти в 90-е, всё-таки надеялась сохранить традицию. Традиция эта “проста: крепко сшитая сословными взаимоотношениями и, само собой, взаимообязательствами страна”, свои национальные интересы, своя интеллектуальная и финансовая элита, которую ещё нужно “выстроить, преемственность наладить, ротацию”. “И вопрос вопросов здесь – как в ней совместить интерес личный с интересом национальным, державным? Как соблазны Запада преодолеть?”

Но Запад, равно как и Восток, способен дать только то, что мы сами готовы оттуда взять, а преодолеть требуется пошлость собственную, бездуховный толполитаризм, – и оба романа это показывают, – своё же первобытное восхищение “свободой” духовного “стриптиз-клуба”, “революционной вседозволенностью” и малокультурностью, попранием нравственных норм не чужими, а своими личными каблуками. В “Ненависти” П. Н. Краснов отмечает, что “эпоха перемен” ознаменовалась мгновенным падением нравов: пошлость, вульгарность, низкопробная музыка – вот что хлынуло на Санкт-Петербург, переименованный в Петроград. Опьянённая обещанными свободами толпа принимала всё это с восторгом. О том же свидетельствует и П. Н. Краснов в “Заполье”: “Пошлость вокруг давно обрела уже вполне законченные конституционные формы и статус, что и пришлось однажды вынести в заголовок злого от бессилья политфельетона, нарекши её “основным законом” демократии...”

Ненависть, ложь, страх и пошлость – вот общие черты, характерные для социального шторма... Рушатся церкви или восстанавливаются, происходит рассказывание или восстановление казачьих кругов по всей стране, уничтожение дворянства или реанимация дворянских собраний, создание партийного руководства и партийных органов или, наоборот, “слом и партийного, и госаппарата на местах, – грязная пена на волнах одна и та же, одна и та же поднимается со дна тина: власть лжёт, народ безмолвствует, проходимцы наживаются, и в обществе вместо любви расцветает ненависть...”

Причём и у Краснова П. Н. -генерала, и у нашего современника определённая часть общества начинает воспринимать тех, кто верен старым традициям (и здесь не принципиально – каким, ведь все традиции выстраданы) как людей отсталых, проигравших.

“Бойтесь сказать, что это вы от жизни отстали, да, вот вам и не нравится ничего... Ну, скажите, не так разве?!” – выговаривает Базанов его жена незадолго до развода. И, повторю, на поверхность волн выбрасываются бурей те же социальные типы, даже женские. Вот Алеватина, Тина в “Заполье” (вспоминается одноимённый рассказ Чехова), которая, так сказать, обслуживает сексуально только победителей, и, когда Базанов как главный редактор

становится ненужным власть предержавшим, бросает ему презрительно: “Перевести тебе, что такое лузер? Иль милей исконно-посконное — отброс, скажем?” Не той она была, когда Базанов оказался на гребне успеха: “Вернулась Тина, глаза шальные, красавица; раздурчилась, потом вспомнила, достала из сумочки прихваченную кассету и, ничего не говоря, сунула в магнитофон, врубила на полную... Оказалось — “Лебединое озеро”, хохоту было. Пошёл вертеп с раздеваниями, танцами живота и прочим ню...” Сразу возникает параллель с “Ненавистью”: “Визгнула гармоника, заиграла плясовую. Развесёлый пятнадцатилетний парнишка колхозный “бригадир” выступил вперёд, пристукнул каблуками, сделал выверт и остановился, ворочая пьяными глазами и подмигивая Ульяне Ивановне. Та выскочила, стуча новыми козловыми сапожками с железными подковками...” Эта женщина “первою записалась в колхоз”, “спала с комиссарами и наезжим начальством”, “доносила на товарищей и изобличала “контру”. Её товарки и товарищи лютою ненавистью ненавидели, но ещё того более боялись её”. Кончина этой “большевистской гетеры” страшна. Но это тот же женский тип, что и Алевтина. Конечно, “зеркальный переворот” 90-х, слава Богу, не принёс такого количества жертв, как большевистский переворот 1917-го. Но и советская власть уже имела свои значительные достижения и прочные традиции. Историкам ещё предстоит собрать статистику смертности 90-х, ведь многие люди, выросшие в СССР, восприняли его разрушение как личную катастрофу, как гибель. Так, видимо, и Базанов в “Заполье”: он умирает. Он не видит, что в муках всё-таки возрождается, а не гибнет Россия, настоящая Россия, та самая, которую так любил казнённый генерал. “Всё то в ней, что в системе должно, извращено до своей противоположности полной, она сама подрывает базы свои, пожирает себя, в разврат всего и вся сваливается, в распад...” — горько утверждает Базанов, совершая, на мой взгляд, знаковую и катастрофическую ошибку: идентифицируя Родину с государством, а не с душой народа, не с национальным архетипом или родным пейзажем и небом над своим домом...

И когда умирающий Базанов говорит, что “только гражданская сможет выжечь дрянь эту всю и гниль компрадорскую до самых корней. Хотим мы или не хотим, а лишь беда великая очистить может, кровью невинных эти гнойники промыть”, я обращаюсь в прошлое — к роману “Ненависть”: в сравнении этих двух романов видишь истину: нет, не может быть спасения через кровь и гибель людскую...

Спасение и преображение — как человека, так и страны — не через разрушение, а только через созидание, через любовь.

Любовь озаряет и последние дни Ивана Базанова. Алевтине в “Заполье” противопоставлена Лиза, тоже вынужденная собирать сведения “для хозяина”, но страдающая от этого, считающая себя нравственно падшей, мучающаяся чувством вины и воспринимающая Ивана Базанова, уже смертельно больного, как своё духовное спасение через возникшую у них любовь (вспоминается Сонечка Мермеладова).

Женя в “Ненависти” тоже считает себя почти что падшей, но всего лишь оттого, что соглашается исполнить для большевиков песенку “Кирпичики”: у Жени так и не реализовавшийся вокальный талант. Не правда ли, между “падением” Жени и биографией Лизы, доносившей на посетителей своего шефа, огромная пропасть: Женя воспитана в религиозной православной семье, Лиза — дитя атеистической эпохи... Героини генерала Краснова — Женя и Шура, их мама, их тётя, жена Тихона Ивановича — это лучшие женщины, чистые, верные, не способные на малейшее предательство, но даже этих кротких и чистых женщин вдруг поражает, как болезнь, ненависть — не только к новой власти, к тому, что она им принесла, разрушив их жизни и судьбы, но даже к другу другу: после гибели отца мать со внезапной ненавистью смотрит на свою голодающую дочь, способную съесть на ужин продукты из пайки, который был приготовлен для передачи Тихону Ивановичу в тюрьму. Но краткие вспышки ненависти тут же гасит их способность любить и поддерживать друг друга, их вера.

Главного героя “Заполья” Ивана Базанова ненависть оставляет только в самом конце его жизненного пути: “И вот отчего: впервые за очень долгое время он был покоен в себе, и это-то, может, и придавало всему вокруг необычное, да, совсем уж необыкновенное для него то ль ощущение, то ли состояние даже, похожее на отраду, ему непривычное; впору растеряться, ибо

и о ненависти он не забыл...

Не забыл, но её, кажется, не находилось уже в нём”.

“Это новая религия, — говорит большевик Гранитов. — Она будет сильнее христианства. Это и есть чистый социализм (...) Это будет!.. Партия сильнее правительства. Партия всемирна. Это вам не Христово скверненькое учение — это социализм чистой воды!.. (...) Там была религия любви... (...), здесь — ненависти!..”

Нет, возражает Шура, в этой “новой религии” нет красоты, а значит, она обречена. Через двадцать лет Женя скажет ей: “Они всё уничтожили, всё повернули по-своему... А вот природу сломить не могли”.

П. Н. Краснов (“Заполье”):

“Совсем неподалёку отсюда под тяжёлой наволочью небес ещё, должно быть, стонали над полями, тоске прощальной отдавались остатние журавли, всё чьи-то имена, невнятные имена ушедших выкликали; одиноко, на весь свет слышно скрипела перекошенная средь осеннего разора калитка в брошенной какой-нибудь деревеньке, и дождались ненастья, чтобы скорбно шуметь, окрестные перелески, как никогда покорной стала трава, — всё где-то рядом совсем, за мутной завесой дождя, в смежном бытии, куда всего, может, десяток шагов надо сделать, чтобы попасть...”

П. Н. Краснов (“Ненависть”):

“...уже совсем стемнело. Оранжевыми кругами фонари по улицам загорелись. Стало как будто ещё темнее, но вместе с тем и уютнее, и интимнее. Мягко и неслышно лошади по снегу ступали, быстро скользили бесчисленные санки извозчиков. Ласково раздавалось:

— Э-ей, поберегись!.. (...)

Высокие сосны, столетние дубы и липы островом стояли среди простора полей. Из-за полуразрушенной ограды с земляным валом и канавой был виден за плоскими болотами Петербург и казался призрачным, точно мерцал таинственным маревом. В дрожащей дали блистал купол Исаакия, белели колокольни и стены Новодевичьего монастыря. (...)”

И, закрывая два прочитанных романа, невольно вспоминаешь мудрое высказывание Конфуция: “Если ты ненавидишь — значит, ты побеждён”.

А любовь и красота противоположны ненависти. И непобедимы. И проступают они вечным светом сквозь все трагические эпохи.

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

“КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?”

*Молодёжь “Нашего современника”
на Московской международной книжной выставке-ярмарке*

Несмолкаемый гул голосов, хаотично снующие толпы, пробивающиеся в поисках чего-то нового и свежего или же редкого и давно забытого, чего-то особенного, своего. В условиях пессимистических прогнозов, разговоров о вымирании литературы, исчезновения читателя Московская международная книжная выставка-ярмарка кажется маяком надежды для писателей, журналов, издательств. Тот ажиотаж, который каждый год разворачивается вокруг книжной ярмарки в Москве – городе, и так изобилующем последними книжными новинками, говорит о прицельном читательском интересе, желании не просто покупать книги, но выбирать их вдумчиво, изучая предложения издателей, разглядывая стенды, слушая выступления авторов.

Бурно было и у стенда так называемых “толстяков” – старейших литературных журналов России. Своих авторов представляли “Наш современник” и “Москва”, “Знамя” и “Октябрь”, “Дружба народов” и “Новый мир”. Были организованы встречи с редакторами и прозаиками, поэтами и критиками, презентации самих журналов или отдельных книг.

“Наш современник” в этом году презентовал молодежный номер. По уже сложившейся традиции один из номеров годового комплекта журнал полностью посвящает молодым. На ярмарке Андрей Тимофеев и Елена Тулушева – писатели, открытые “Нашим современником” и успевшие стать его постоянными авторами, представляли восьмой молодежный номер, рассказали о сверстниках, делились творческими планами, предлагали читателям свои книги.

Нашу маленькую напористую команду (выступить пришлось без микрофона, в буквальном смысле слова идя в массы) возглавил заместитель главного редактора “Нашего современника” Александр Иванович Казинцев – вдохновитель молодежного проекта журнала.

Дискуссия развернулась вокруг основных вопросов: кто вы – новые писатели? что хотите сказать? чем отличаетесь от поколения предыдущего? А если кратко, всё свелось к вопросу из памятной детской считалочки: “Кто ты будешь такой? Говори поскорей...” И мы говорили.

За последние три года на страницах “Нашего современника” появилось целое поколение молодых прозаиков. После того как они стали победителями российских и международных премий, участниками престижных литературных форумов, о них заговорили как о единой литературной группе, о явлении.

Прозаик и критик Андрей Тимофеев назвал эту группу “молодыми традиционалистами”, чем дал толчок для бурной полемики, сопоставления с “новыми реалистами” — предыдущим ярким литературным явлением, объединившим Захара Прилепина, Романа Сенчина, Сергея Шаргунова.

Что отличает нас, что делает особенными? Несколько ярких критических статей о “новых традиционалистах” было напечатано за последние годы на страницах “Нашего современника”, “Литературной газеты”, “Литературной России”. В представленном на выставке восьмом номере “НС” опубликована статья Романа Сенчина “Время врывается”, где один из ведущих современных прозаиков обозначает свой интерес к пришедшему поколению, призывает действовать смелее, заявлять о себе громче.

Возможно, громкости нам не хватает. Той громкости, которой пресыщено акустическое пространство современности. Заяви о себе, привлекай внимание, эпатируй — дистант нам время.

Как психологу, мне всегда интересна личность автора, те внешние перемены, которые его сформировали. И, глядя на своих сверстников, слушая их истории во время литературных поездок и за кулисами церемоний вручения премий, у меня складывается вполне полноценная и понятная картинка “писателя нашего времени”.

Мы не пишем о мире с вызовом, не кричим “смотрите!”, не эпатируем. Мы не ищем сюрреалистических форм и экспрессивных методов. Наш творческий мир — это та действительность, в которой мы формировались. О чем здесь кричать? Наше поколение родилось в середине 80-х, в период перестройки, огромных очередей, бесконечной нехватки чего бы то ни было. Мы пришли в школу с распадом СССР. Не успели застать то самое, созданное десятилетиями государство, потому и не ощутили девятые как развал. Это была просто наша повседневность. Мы не успели узнать и полюбить то, что было до этого. И мы росли вместе с новой страной. Росли, пропитанные хаосом и неуютом, прорастали из бедности и страха, стремясь к стабильности и надежде. То, что пугало наших родителей, было для нас обыденностью. Мы не можем писать о девятых, как о крахе, ведь мы формировались уже после этого “атомного взрыва”.

Это в школе наше поколение хотело стать юристами, экономистами и еще кем-нибудь успешным и обеспеченным, а в итоге после окончания института пошло искать себя в совсем иных сферах, заканчивая второе высшее, бесконечные курсы, подрабатывая где угодно. Мы чуть ли не последнее поколение, готовое писать не за деньги, не конвертируя наши способности в заработок копирайтера.

Нас спрашивают, зачем новому поколению возвращаться к русской литературной традиции? Такой вопрос свойственен тем, кто рассматривает вопрос эволюции в литературе исключительно линейно: либо мы повторяем, копируем предшественников/наставников, что скучно и неинтересно, либо мы должны представить что-то кардинально новое, кричащее, вызывающее, не имеющее ничего общего с прошлым. Но есть и другой, более вдумчивый, более проработанный подход. Так, например, в представлении знаменитого литературоведа Юрия Тынянова стилевая преемственность — это “не линейная преемственность”; она сложна, диалектична, включает в себя связи и полемику. “Нет продолжения прямой линии, есть отправление, отталкивание от известной точки — борьба”. Сам принцип литературного движения Тынянов определяет как “борьбу и смену”, борьбу, понятую как согласие и спор одновременно (<http://md-eksperiment.org/post/20170129-yu-tynyanov-o-literaturnoj-lichnosti>). И “новые традиционалисты” не есть повторение или прямое продолжение классических традиций русской литературы, но отталкивание от нее, согласие с ее принципами и обновление её форм и задач.

В восьмом номере “НС” опубликовано двадцать молодых авторов. Восемь прозаиков — Дмитрий Филиппов из Питера, Юрий Лунин, Андрей Тимофеев и Алёна Белоусенко из Подмосковья, москвички Настя Чернова и Лена Тулушева, Мария Шурыгина из Красноярска, Юрий Фофин из Челябинска. География тоже важна! Она показывает, что журнал не замыкается в пределах Садового кольца, он представляет слово писателям всей страны. Это подтверждает и поэтическая тетрадка, включающая произведения десяти авторов. Тут и Мария Знобищева из Тамбова, Кристина Кармалита из Новосибирска, Марина Перова из Кургана, петербурженка Серафима Сапрыкина и её земляк Евгений

Капустин, Борис Пейгин из Томска, Карина Сейдаметова и Олег Малинин из Подмосковья, юный (18 лет!) поэт Василий Нацентов из Воронежа. Из двух авторов раздела критики Ирина Шейко представляет Краснодар, Яна Сафронова – Подмосковье.

Представим, сколько труда нужно было потратить, какое знание современной литературы проявить, чтобы собрать эту дружину из дюжины городов и весей.

Эти тексты не кричат, не избилуют восклицательными знаками, несмотря на порой страшные события, в них описываемые. Они не принаряжены диковинными постмодернистскими изысками. В них привлекает простота и прозрачность. И как бы ни страшна была жизненная история вырвавшегося из чеченского плена парня из рассказа Филиппова, об этом написано без кровавых деталей и описаний пыток, без ужаса и страха. Не обязательно описывать факты напрямую, куда плодотворнее предоставить пространство для читательской фантазии.

В этом, на мой взгляд, и заключается отличительная черта “молодых традиционалистов”. Они не выводят своих героев на эстраду, а размещают их в зрительном зале, и каждый читатель ощущает себя частью этого действия.

Особо отмечу глубоко тронувшее меня проявление писательской солидарности. Поддержать молодых авторов “Нашего современника” пришли известные писатели: главный редактор “Роман-газеты” Юрий Козлов, прозаик Михаил Попов, поэт Александр Бобров, недавно назначенный главред “Дружбы народов” Сергей Надеев, директор Института русской цивилизации Олег Платонов.